

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

№ 12 ДЕКАБРЬ 1969 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Вопросы ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Е. Н. Городецкий — Ленинская лаборатория исследования истории
советского общества 3
- П. В. Волобуев, И. М. Пушкарёва — Об основных научных итогах
подготовки шеститомного академического труда по отечественной
истории 25
- И. И. Шинкарев — Чехословацкие войска в СССР в годы Великой
Отечественной войны 41
- А. Л. Шапиро (Ленинград) — О природе феодальной собственности
на землю 57
- Н. Н. Болховитинов — Война США за независимость и современная
американская историография 73
- Э. Алексин — Искусство пропаганды в древнем мире 89

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

- В. Д. Назаров — Зауральская эпопея XVI века 103

ВОСПОМИНАНИЯ

- М. И. Кормилицин — Армии нужно горячее 117

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Р. В. Овчинников — «Немецкий» указ Е. И. Пугачёва 133

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Историки к ленинскому юбилею

- А. В. Лагуткина — «В. И. Ленин и историческая наука». Сборник
статей 142
- Г. В. Ильин — «Наш Ильич». Москвичи о Ленине. Воспоминания,
письма, приветствия 145

Обзоры

- С. Ф. Найда, Д. Я. Фрейлихер (Харьков) — Проблема роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР в советской историографии 147

Рецензии

- Г. Д. Алексеева — Ценное библиографическое издание 155
Ю. А. Лимонов (Ленинград), В. В. Мавродин (Ленинград),
И. Я. Фроянов (Ленинград) — В. Т. Пашуто. Внешняя политика
Древней Руси 157
Н. В. Сивачев — Д. Г. Наджафов. Народ США — против войны
и фашизма. 1933—1939 160
Новые книги 162
Статьи в советских периодических изданиях 164
Хроникальные заметки 167

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

- М. А. Додолев — Проблема генезиса фашизма в итальянской историографии 172

Рецензии

- В. Б. Ушаков — «Очерк истории внешней политики Германской Демократической Республики» 179
О. С. Сороко-Цюпа — М. Робин. Радикальные политические движения и канадский труд. 1880—1930 181
В. А. Смирнова — Урсула Герман. Борьба Карла Маркса в I Интернационале за революционную политику в профсоюзном движении. 1864—1868 гг. 185

По страницам зарубежных журналов

- Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 188
Рецензии на советские издания 190
Хроникальные заметки 192

ПИСЬМА

- Т. А. Бадяева, М. А. Ильин — Спорные положения новой статьи об Андрее Рублеве 194

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

- М. Б. Перельман — Михаил Вилонов 198
П. А. Ляхов (Ленинград) — К 100-летию книги Берви-Флеровского . 202
Г. В. Зашук (Ленинград) — Из истории одного ордена 206
Александр Иосифович НЕУСЫХИН 210
Шнеер Менделевич ЛЕВИН 212
Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале
в 1969 году 213

- Резюме статей на английском языке 220

СТАТЬИ

ЛЕНИНСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. Н. Городецкий

Победа Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменила характер всей деятельности В. И. Ленина, в том числе и его исследовательской работы. Революционный вождь и руководитель первого социалистического государства, В. И. Ленин должен был в новых условиях делить свое время между повседневной государственной деятельностью и теоретической работой в области философии, истории, экономической науки. Поражает объем этой исследовательской и публицистической деятельности за время после победы социалистической революции, то есть с 25 октября 1917 г. по март 1923 г. (за 5 с половиной лет). В. И. Ленин написал работы, которые вошли в 35—45-й и 49—54-й тома его Полного собрания сочинений. Основными формами его трудов в это время становятся брошюры, статьи, доклады и речи на партийных, советских, профсоюзных съездах, конгрессах Коминтерна, выступления перед представителями трудящихся. Крупные монографические исследования—«Развитие капитализма в России», серия работ по аграрному вопросу, «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция» — к тому времени были уже созданы и вместе с ними создана та гранитная теоретическая и историческая база, на которой прочно стоят все его позднейшие труды.

Аудитория В. И. Ленина стала многомиллионной, к каждому его слову прислушивается весь мир. Он пишет свои новые работы прежде всего для людей, занятых повседневным революционным трудом по выкорчевыванию пней прошлого и созиданию нового общества. Для этой аудитории основным является именно брошюра, статья и особенно живое слово — доклад, выступление, лекция, беседа. Ленин уделяет много внимания подготовке своих выступлений, оттачивает свои работы так, чтобы вместить огромное богатство идей в небольшие по объему статьи и выступления.

Раздвигаются стены ленинской лаборатории научного исследования. Эта лаборатория и раньше вмещала в себя всю Россию, ее борьбу, боль и радости, ее историю и литературу, экономику и культуру, политику и движение масс. Большая сеть корреспондентов Ленина была и раньше важнейшим источником его информации о положении в мире и в России. Но теперь, после победы Октябрьской революции, система этих источников, как и работа над ними, значительно усложнилась. В систему ленинской лаборатории включился государственный аппарат диктатуры пролетариата. Частью его лаборатории стало Центральное статистическое управление (ЦСУ) аппарат Совета Народных Ко-

миссаров и Совета Труда и Оборона, редакции партийных и советских газет, информационные бюро народных комиссариатов.

Характер ленинской лаборатории, методы его исследовательской работы над определенными видами источников, порожденными революционной эпохой, слабо изучены в нашей историографии. Интересные наблюдения содержатся в ряде работ В. К. Яцунского, И. А. Гладкова, И. Г. Малого, А. Л. Леонтьева¹. Авторы этих и других работ обратили внимание главным образом на ленинские методы использования статистического материала. В данной статье автор поставил своей задачей рассмотрение комплекса вопросов, относящихся к методологии работы В. И. Ленина над источниками по истории советского общества, выделение решающих фактов и основного звена событий при исследовании всей совокупности фактов, некоторых особенностей использования статистических материалов, картографии, графиков, анкетирования, место художественного образа в исследовании истории революции и социалистического строительства.

Совокупность фактов и «основное звено»

Признание объективного характера исторических фактов лежит в основе ленинской методологии. Известно, какое огромное значение придавал В. И. Ленин фактам как основе для познания исторического процесса и оценки отдельных его звеньев. В работе «Статистика и социология» он показал принципиальное значение исследования всей совокупности фактов и как отдельные факты, взятые изолированно, могут служить делу искажения истории.

Прочная основа фактов — таково постоянное требование Ленина при подготовке различного рода исследований или выработке линии в важных вопросах рабочего движения. В письме Заграничному бюро ЦК 17/30 августа 1917 г. В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости публикаций серии брошюр, статей и листовок о положении в рабочем движении. «(Обзоры движения левых за границей, факты, факты, факты)... Сводки фактов о крахе Интернационала, о позоре социал-шовинистов, о позоре каутскианцев, о росте движения левых... **Факты и факты**»². В этом же письме Владимир Ильич предлагал написать брошюру «о тайных дипломатических договорах России: кратко, точно, факты, факты. Такой-то договор такого-то числа, месяца, года, содержание то-то. Перечень договоров. Сводка. Короче и фактичнее»³. Этот рефрен «факты и факты» мы часто встречаем и в других ленинских работах. В письме к М. Н. Покровскому по поводу «Русской истории в самом сжатом очерке» В. И. Ленин заметил, что не может быть знания истории без знания фактов, что игнорирование фактов порождает верхоглядство и т. п.⁴. Отметив достоинства брошюры Бела Куна «От революции к революции», изданной в 1920 г. в Вене, В. И. Ленин подчеркнул ее крупный недостаток — полное отсутствие фактов. Он посоветовал при переиздании брошюры наполнить ее точными фактами по истории социал-демократической партии, революции и контрреволюции в Венгрии: «Без такой переделки брошюра крайне слаба, не пригодна для употребления»⁵.

В. И. Ленин рассматривал факты в их конкретном опосредствова-

¹ Указания на труды этих и других авторов работ о научной лаборатории В. И. Ленина см.: Т. А. Игнатенко, С. С. Тарасова. Проблемы истории в трудах В. И. Ленина. «Материалы к указателю советской исторической литературы о В. И. Ленине как историке». М. 1968, стр. 91—102.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 450.

³ Там же, стр. 451.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 24.

⁵ Там же, стр. 41.

нии, как звенья действительности. Но и само понимание конкретности должно быть связано с действительностью. Когда Н. Бухарин оспаривал изложение В. И. Лениным раздела о капитализме в Программе партии, он ссылаясь на принцип конкретности, требовал, чтобы программа была «конкретной». Но то была конкретность не живой действительности, а мертвого учебника. «Конкретность тов. Бухарина, — говорил Владимир Ильич, — это книжное изложение финансового капитализма», то есть изложение, «очищенное» от примесей и сложной структуры действительности. Конкретный анализ Ленина позволил ему выделить рядом с монополистическим капитализмом явления свободной конкуренции до-монополистического типа. «Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была, ни грана отсюда выбросить нельзя»⁶, — писал В. И. Ленин.

Исторический факт Ленин рассматривает в общей цепи явлений, с которыми он связан. Определить эти связи и опосредствования — значит определить ценность факта и его место в потоке событий. Рассматривая факт решения Бакинского Совета о приглашении английских войск якобы для «защиты» Баку, принятого голосами меньшевиков и эсеров, Ленин прежде всего ставит этот факт в общую цепь событий: контрреволюционное восстание в Средней Азии, события на Мурмане, чехословацкий мятеж на Волге и в Сибири⁷. Установив эту связь, Ленин выделяет в этой цепи событий основной факт: на Волге, на Урале, в Сибири, на Мурмане и на Дальнем Востоке, в Средней Азии — везде действовали силы империалистов Антанты. Именно это и был основной факт, определявший всю обстановку.

Понятие «основного факта» имеет важное значение в ленинской системе отбора исторического материала из всей совокупности фактов. Ведь в то время, о котором идет речь (лето 1918 г.), на Украине, в Белоруссии, на Дону и в Прибалтике находились германские оккупационные войска. Но не этот факт определял обстановку. «Это основной факт, — говорил Ленин, — что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее»⁸.

Метод выделения основного факта связан с принципом определения главного звена в потоке событий. Основной факт в той или иной степени связан с главным звеном в цепи исторических событий. Сохранился интереснейший материал, который дает возможность выяснить некоторые особенности ленинского метода определения главного звена. Это подготовительные наброски и планы к отчетному докладу Центрального Комитета на XI съезде партии, отражающие ход ленинских раздумий об этапах нашей революции и главном звене каждого этапа. В докладе на съезде Владимир Ильич определил сущность понятия основного звена, особенно подчеркнув объективный характер этого понятия: «Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы удержать всю цепь, надо уцепиться за основное звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться»⁹.

Как же происходило это ретроспективное выявление В. И. Лениным основного звена или определение его для ближайшего этапа развития? Работая над политическим отчетом к XI съезду РКП(б), он составил четыре варианта плана доклада. В трех из них (2, 3 и 4)¹⁰ — обозначим их условно, А, Б и В — рассматривался вопрос об основном звене на различных этапах истории Советской республики. Воспроизведем эти

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 154, 155.

⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 7, 8.

⁸ Там же, стр. 8.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 109.

¹⁰ См. там же, стр. 410—418. (Курсив везде принадлежит В. И. Ленину).

варианты в виде таблицы, в которой по вертикали будут обозначены этапы, а по горизонтали — определение основного звена.

Этапы	Определение основного звена в вариантах плана		
	план А	план Б	план В
1917 1918	Советы —	Выход из войны Советская конституция versus Учредилка	Выход из войны Советское государство versus Учредилка
1919—1920 1921	Отпор Начало стройки Голод.	Отпор нашествию Отступление (нэп) в по- рядке	Отпор нашествию Экономический подход к крестьянству. <i>Поиски экономической политики.</i>
1922	<i>Разрыв</i> (пропасть) между необъятностью задач и нищетой ма- териальной и нище- той культурной	Проверка людей, провер- ка фактического испол- нения. Гвоздь: <i>разрыв</i> между всемирно - историческим величием задач, постав- ленных и начатых, и ни- щетой материальной и культурной	Не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах <i>гвоздь</i> , а в людях и в <i>проверке исполнения</i> . Подбор лю- дей и проверка испол- нения.

Таблица дает возможность проследить развитие ленинской мысли в ходе работы над докладом съезду. В первом варианте плана еще нет постановки вопроса об основном звене¹¹. В варианте А этот раздел появляется, охватывая период 1918—1922 годов. Однако 1917 год обозначен только в вариантах Б и В. Основное звено для 1917 г. в этих вариантах определено вполне идентично — «Выход из войны». В стенограмме доклада эта мысль Ленина расшифрована подробнее: «В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны, чего требовал весь народ, и это покрывало все...»¹². Для 1918 г. основное звено в варианте А сформулировано одним словом: «Советы», затем появляется более развернутая формула: «Советская конституция versus Учредилка» (Б), и, наконец, она приобретает обобщенный характер: «Советское государство versus Учредилка» (В). В стенографической записи доклада все эти определения вообще выпали. Вряд ли В. И. Ленин опустил в докладе вопрос об основном звене для 1918 года. Вероятнее всего это недостатки записи, на которые часто указывал Ленин, предупреждая о необходимости осторожного отношения к стенографическим и другим записям своих выступлений.

Если для 1917—1920 гг. В. И. Ленин сразу выделяет основное звено в цепи политических событий и формулирует характер этого звена однозначно, то для 1921—1922 гг., то есть периода еще незавершенного, он намечает различные аспекты определения такого звена. Здесь мы как бы присутствуем при ленинских поисках, являемся свидетелями развития ленинской мысли по этим вопросам. Для 1921 г. Ленин дает три разных определения основного звена, которые отнюдь не исключают друг друга, а только раскрывают различные стороны одной проблемы. Сначала определяет общий характер основного звена для 1921 г. — «Начало стройки», — дополняя эту формулу процессом, противостоящим стройке, стихийным бедствием: засуха, неурожай — и результат: «Голод». Но эти формулы не вполне его удовлетворяют. В последующих вариантах плана он выделяет два главных момента основного звена в политике диктатуры пролетариата 1921 г.: «Отступление (нэп) в

¹¹ См. там же, стр. 409—410.

¹² Там же, стр. 109.

порядке» и «экономический подход к крестьянству». Не ограничиваясь этим, Ленин указывает и на другой момент — трудности выработки новой экономической политики, поиски на этих путях. В плане появляется заметка: «Поиски экономической политики». В стенографической записи доклада на съезде не отразилась эта многогранная характеристика основного звена для 1921 года. Там отражена только одна идея — необходимость отступления в порядке.

Особенно сложным было определение основного звена для 1922 г. — этапа, на котором находилась страна ко времени XI съезда партии. В таблице обозначены различные ленинские определения основного звена для 1922 года. И здесь ленинская мысль стремится к наиболее точному определению, которое включало бы характеристику противоречий момента и критику неверных представлений о задачах этого момента. Первоначальная общая формула «необъятность задач» дополняется положением о проверке людей и фактического исполнения. В последнем варианте новое дополнение, явно критикующее «реорганизаторский» и административный зуд: «Не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах *звоздь*»... Другая часть этого определения раскрывает основное противоречие момента «Гвоздь момента» (звено цепи) = разрыв между величиной поставленной задачи *нищетою* не только материальной, но и *культурной*. Наконец, подводя общий итог, В. И. Ленин записывает: «Подбор людей и проверка исполнения»¹³.

Таким образом, мы видим, как в ходе своих размышлений Ленин раскрывает различные стороны основного звена, исходя из объективного анализа действительности и недопустимости произвольного определения задач нового этапа. Вырабатывая точную формулу, он исходит из того, что основное звено в цепи событий как бы соединяет прошлое с будущим, является переходным от одного отрезка исторического процесса к другому, со всеми противоречиями, свойственными этому переходу. Вся эта теоретическая работа, особенно когда речь идет не только об истории (1917—1921 гг.), а о современности (1922 год!), имеет определенную цель — выработку научных основ для решения политических задач, для того, чтобы, определив «основное звено», вытянуть всю цепь, т. е. сознательно влиять на ход событий.

Правильное определение основного звена в цепи событий позволяет исследователю при изучении всей совокупности фактов, относящихся к данному событию, выделить в нем основной факт, наиболее точно характеризующий событие. Всякая замена главного, основного факта второстепенным, как неоднократно показывал Ленин, должна была привести и приводила к искажению истории и действительности, к ошибкам в политике. Основной факт лежит в направлении основной тенденции развития и связан с ней. Следовательно, он отражает динамику этого развития. Однако это не означает, что остальные факты игнорируются при исследовании. Напротив, выделение главного, основного факта возможно только при учете всех фактов, всей совокупности событий.

Понятие «основного», «существенного», «решающего» факта у В. И. Ленина служит инструментом познания исторического процесса. Но и здесь этот инструмент верно служит только при соблюдении принципа историзма. Вот В. И. Ленин рассматривает резолюции рабочих, солдат и крестьян за Советы, за поддержку их. В марте—апреле 1917 г. этот факт был решающим, так как сила была на стороне Советов и резолюции подобного рода имели вполне реальную основу. В июле—августе 1917 г. подобные же резолюции за Советы вовсе не являлись решающим фактом, так как у Советов уже не было реальной силы: она оказалась в руках контрреволюции. В другом случае Ленин рассматривает материалы Государственного совещания и выделяет из них заявление гене-

¹³ Там же, стр. 417.

рала Каледина, что министры-социалисты сами позвали казаков на помощь в июльские дни. Владимир Ильич отмечает: «Это самое существенное политическое заявление, сделанное на Московском совещании». Ленин назвал «основным», «решающим» фактом то, что Временное правительство впервые получило калединские войска, а революционные войска и рабочие отряды были разоружены. «Вот основной факт... И это решающий факт для данной полосы революции»¹⁴, — писал он.

В. И. Ленин мастерски владел методом отбора из всей совокупности фактов и материалов по той или иной проблеме генерализирующих источников, которые являлись комплексом важнейших материалов. На их основе можно было полнее исследовать важнейшие черты того или иного социального явления, политической партии, исторических деятелей. Метод работы над подобного вида источниками Ленин охарактеризовал, рассказывая о своем исследовании аграрного проекта 104-х. Из этого рассказа видно, что на первое место он поставил выяснение классового происхождения данного документа и его социального содержания. Он отметил, что «изучал специально подписи под этим проектом, подробно знакомился с мнениями депутатов и с тем, к какому классу они принадлежат, насколько их можно назвать крестьянами»¹⁵. В результате этого исследования Ленин пришел к выводу, что и по своему происхождению и по содержанию документ носил крестьянский характер. Особенно это относилось к требованию национализации земли, составлявшему существо проекта 104-х, требованию, которое по своему объективному содержанию было крестьянским, отражало антипомещичьи интересы деревни.

У В. И. Ленина не было возможности провести такую же исследовательскую работу по сводному крестьянскому наказу, составленному на основании 242 крестьянских наказов к I Всероссийскому съезду крестьянских депутатов в мае 1917 года. Однако он поставил задачу исследования первоисточников сводного наказа, и сама эта постановка вопроса имеет важное методологическое значение. Ленин считал необходимым опубликовать все крестьянские наказаы, сгруппировав их по губерниям, уездам, волостям, установив время их составления или получения¹⁶. Ленинское указание о необходимости сравнительного анализа требований крестьянских наказов по разным районам имеет принципиальное значение. Он предлагал выделить районы подвального и общинного землевладения, великорусские и инонациональные районы, центр и окраины, районы, не знавшие крепостного права: «Отличаются ли они постановкой вопроса об отмене права собственности на все *крестьянские* земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и проч. и проч. Научное изучение необыкновенно ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно»¹⁷, — заключал В. И. Ленин.

Как мог В. И. Ленин, не имея точных данных о соответствии сводки 242 наказов первоисточникам крестьянских требований, сразу же принять эту сводку как подлинное волеизъявление десятков миллионов крестьян? Была ли тут прозорливая догадка исследователя и политика, или он опирался на точное знание? Многочисленные исследования В. И. Ленина по аграрному вопросу дали ему твердую опору при анализе сводного наказа и позволили сделать вывод, что сводка 242 наказов соответствует в целом крестьянским требованиям, «пока не дока-

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 124, 127, 128.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 417.

¹⁶ По подсчетам Е. А. Луцкого, всего в советских изданиях был опубликован 151 крестьянский наказ (см. Е. А. Луцкий. Крестьянские наказаы 1917 г. о земле. «Источниковедение истории советского общества». Вып. II. М. 1968, стр. 116).

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 108—109.

зана в ней какая-либо фактическая неверность...»¹⁸. Вместе с тем нужна была гениальная интуиция, чтобы, не имея первоисточников, сразу же увидеть в сводном наказе программу крестьянской бедноты¹⁹. Как признавал впоследствии один из эсеровских руководителей, В. Булатов, составляя сводку 242 крестьянских наказов, эсеры не претендовали на документ «законодательной, юридической годности»²⁰. Ирония истории заключалась в том, что этот документ был превращен социалистической революцией в законодательный акт вопреки желанию эсеров.

«В немногом — многое»: статистический инструментарий

Исследование истории пролетарской революции и советского общества строилось у Ленина на огромном статистическом материале. Используя различного типа источники, он всегда проверял их в сопоставлении со статистическими данными. В ходе профсоюзной дискуссии Ленин указал на необходимость сопоставления опыта хозяйственных работников, данных их опроса, их впечатлений и выводов с объективными данными статистики, с тем, чтобы выяснить, «надо ли, при таких-то итогах опыта, сейчас же двигаться вперед в том же направлении или несколько изменить и как именно изменить направление, приемы, подход, или, в интересах дела, остановиться, проверить опыт еще и еще раз...»²¹.

Интересен метод анализа и отбора статистических материалов. Для характеристики изменений, происшедших в экономике страны, можно было бы привлечь тысячи и тысячи фактов, множество статистических данных. Однако Ленин, опираясь на всю совокупность источников, выбрал определенный круг фактов и данных, которые он считал достаточно репрезентативными. В такой стране, как Россия 1919 г., самым важным показателем социальных изменений являлось положение крестьянства, его роль в производстве и потреблении. Именно эти данные и взял Владимир Ильич, но взял не изолированно от данных о положении всех остальных классов переходного периода, от положения всей экономики, а в связи с ними. Данные о производстве и потреблении хлеба в России оказались как бы лучом мощного прожектора, который осветил все стороны жизни, экономики и политики Советской республики.

Отдел статистики потребления и распределения ЦСУ, возглавлявшийся известным статистиком А. Е. Лоциким, подготовил и передал В. И. Ленину осенью 1919 г. богатый материал по этим проблемам. В архиве хранится папка с материалами на 31 листе о производстве и потреблении хлеба и мяса по 26 губерниям в 1918—1919 гг. и в довоенное время; материалы по заготовкам хлеба, крупы, фуража; данные обследования питания в июле 1919 г. по Москве; сравнительные таблицы потребления и снабжения по карточкам в Москве, Петрограде и Иваново-Вознесенске; таблицы душевого потребления за рубежом с группировкой потребителей по годовому доходу, и др.²². На первом листе этого дела Ленин написал: «Потребление городского и сельского населения в Советской России»²³, обозначив этим основной вопрос, интересовавший его в то время.

¹⁸ Там же, стр. 109.

¹⁹ Там же, стр. 114. Исследователь источников Декрета о земле Е. А. Луцкий на основании анализа крестьянских наказов пришел к выводу, что хотя составители сводного наказа допустили некоторые отступления от первоисточников, однако в целом этот исторический документ основывался на подлинных крестьянских наказах (см. Е. А. Луцкий. Указ. соч., стр. 160).

²⁰ См. Е. А. Луцкий. Указ. соч., стр. 155.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 284.

²² Описание этой папки см.: И. Г. Малыш. Вопросы статистики народного потребления в трудах В. И. Ленина. М. 1964, стр. 42—44.

²³ «Ленинский сборник» XXXV, стр. 94.

Материалы папки поступили к Владимиру Ильичу, видимо, не сразу, а частями. Впервые он их использовал в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата»²⁴, написанной 30 октября 1919 года. Работая над этими материалами, Ленин составил таблицу потребления хлеба в деревне до и после революции:²⁵

	Потребление	Прежде	Теперь
	производящая	17	18 пудов (на душу)
Полоса	потребляющая	14	13 » »

В другой таблице он выделил данные о потреблении хлеба городским населением потребляющих губерний — 6,8 пуда в год — и произвел расчет на день. Там же Ленин произвел расчет данных о заготовках хлеба в 1918—1919 гг., определив, что 43,65% всего потребляемого в городах хлеба было доставлено Наркомпродом²⁶.

Во второй половине декабря 1919 г., в ходе подготовки к отчетному докладу на IX съезде партии, В. И. Ленин послал письмо руководителю ЦСУ П. И. Попову с просьбой составить «с точки зрения статистической науки и ее современных данных по России»²⁷ таблицу о питании различных слоев населения до войны и после революции. По замыслу Ленина, такая таблица должна была дать представление о различных социальных типах и классах²⁸.

Примерно он наметил удельный вес этих групп в общем составе населения и их долю в потреблении в сравнительных данных до 1914 г. и в 1919 г. и просил П. И. Попова внести необходимые поправки и «составить подобную таблицу (хотя бы с более широкими колебаниями «от — до»²⁹.

Статистики из ЦСУ не смогли полностью осуществить замысел Ленина. Таблицы, составленные сотрудниками ЦСУ («которых, — как отметил В. И. Ленин, — заподозрить в большевизме никак нельзя»)³⁰, приводят только сравнительные данные о потреблении хлеба городским и сельским населением по 26 производящим и потребляющим губерниям в 1914 и 1918—1919 годах. Воспроизведем эти таблицы:³¹

Потребление хлеба в 1918—1919 гг. в 26 губерниях Советской России

Губернии	Потреблено населением городов и рабочих поселков				Потреблено сельским населением				
	Всего мил-лионов пудов	В том числе доставлено			Всего мил-лионов пудов	В том числе доставлено			
		Компро-дом	Мешоч-никами	Пудов на душу		Из собст-венных хозяйств	Компро-дом	Мешоч-никами	Пудов на душу
Производящие	45,0	23,7	21,3	10,3	484,2	484,2	—	—	16,9
Потребляющие	43,4	19,3	24,1	7,4	152,5	115,0	12,7	24,8	11,0
Итого:	88,4	43,0	45,4	8,6	636,7	599,2	12,7	24,8	15,0

²⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 274—276.

²⁵ См. «Ленинский сборник» XXXV, стр. 95.

²⁶ См. там же, стр. 95, 96.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 340.

²⁸ Там же, стр. 342.

²⁹ Там же, стр. 340.

³⁰ Там же, стр. 255.

³¹ «Бюллетень Центрального статистического управления», № 19—20, 1 марта 1920 г., стр. 4, 5.

Сравнение потребления в 1918—1919 гг. с потреблением довоенного времени

	Потребление хлеба и круп (пудов на 1 душу населения)			
	Городским населением		Сельским населением	
	произв. губерний	потребл. губерний	произв. губерний	потребл. губерний
В 1918—1919 гг.	10,25	7,4	16,9	11,0
В довоенное время:				
В среднем	13,96		16,10	14,16
В низшей экономической группе	13,7		13,0	
В высшей экономической группе	14,5		18,2	

Если сравнить эти таблицы с данными, которые содержались в более ранних материалах ЦСУ, то можно установить, что в них внесено много уточнений, которые, видимо, вносились и после опубликования таблиц. Однако эти уточнения не поколебали основного вывода Ленина: «Приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешочники»³². То, что в стране с разрушенным транспортом и в условиях кулацких мятежей органам диктатуры пролетариата удалось поставить в города половину всего потребляемого хлеба, Владимир Ильич справедливо считал крупной победой. Он подтверждает эту статистику потребления точными данными обследования питания городских рабочих в 1918 г., которое «дало именно эту пропорцию». Далее мы увидим, как Ленин по этим данным охарактеризовал «все основные черты современной экономики России»³³.

К IX съезду партии эти таблицы были уже опубликованы. Владимир Ильич взял из них только два показателя — сравнительные данные о потреблении хлеба рабочими потребляющих губерний (7 пудов в год) и крестьянами производящих губерний (17 пудов), сравнил их с данными довоенного времени. «Вот две цифры, показывающие соотношение классов в продовольственной борьбе,— заключил Ленин.— Пролетариат продолжал приносить жертвы... Большинство населения, крестьяне производящих губерний нашей голодной разоренной России в первый раз ели лучше, чем за сотни лет в царской, капиталистической России»³⁴. По этому примеру можно видеть, как удивительно экономно Владимир Ильич использовал статистические таблицы ЦСУ. Как любил говорить Ленин по поводу статистических данных: *non multa, sed multum* («в немногом — многое») ³⁵.

Данные о потреблении хлеба В. И. Ленин неоднократно использовал и в других своих работах и выступлениях, каждый раз рассматривая их несколько с иной стороны. На IX съезде РКП(б) статистические таблицы о потреблении хлеба послужили материалом для вывода, что класс, который приносит в гражданской войне самые большие жертвы, тем самым оправдал и узаконил применение насилия по отношению к враждебным классам. В выступлении на I Всероссийском съезде горнорабочих Ленин снова привел эти статистические материалы, обратив на этот раз внимание на цели, ради которых приносились жертвы. «Рабочие пошли на большие жертвы, переносили болезни, в их рядах увеличилась смертность, и они докажут, что рабочие восставали против

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 275.

³³ Там же, стр. 275, 276.

³⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 255.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 214.

капиталистов не из чувства мести, а из непреклонного решения создать социальный порядок, в котором помещиков и капиталистов не будет. Вот ради чего принесены были эти жертвы...»³⁶. На III Всероссийском съезде профсоюзов В. И. Ленин рассмотрел эти же материалы в других аспектах. Отметив, что пролетариат показал свою способность жертвовать не только своими цеховыми интересами, но и жизнью, В. И. Ленин обратился к источникам этого героизма и самопожертвования. Таким источником он назвал нравственную поддержку всех трудящихся³⁷.

Таким образом, используя как исходные сведения ЦСУ о потреблении хлеба, В. И. Ленин дал характеристику соотношения классовых сил в продовольственной борьбе, роли рабочего класса и крестьянства; обоснование руководящей роли рабочего класса и законности применения насилия диктатурой пролетариата; раскрытие нравственных стимулов действий рабочего класса; соотношение рыночной стихии и организующей роли государственного аппарата пролетарской диктатуры. Для исследования всех этих проблем Ленин изучил огромный документальный и статистический материал, но наиболее репрезентативными данными всей совокупности этого материала он считал итоговые сводки о заготовках и распределении хлеба в 1918—1919 годах.

Статистические излишества, «игра в цифры» буржуазных ученых, которые зачастую обильными статистическими выкладками прикрывали подлинные процессы современной действительности и истории, всегда встречали осуждение Ленина. Но и сам статистический материал, как отмечал Владимир Ильич, обладает свойством увлекать исследователя. В письме к молодому тогда исследователю Б. Н. Книповичу В. И. Ленин предостерегал от опасности утопить в рядах цифр вопрос об общественно-экономических типах хозяйств, о классовой борьбе. «Ряды цифр» увлекают»³⁸, — писал Ленин. Для характеристики соотношения классовых сил в Советской России особо важное значение имели материалы о социальной структуре послеоктябрьской деревни. В. И. Ленин тщательно изучал данные о результатах аграрной революции 1917—1918 годов. Он следил за изданием материалов Народного комиссариата земледелия по земельной реформе. В конце 1918 г. Владимир Ильич в письме С. П. Серееде просил ускорить выпуск VI «Материалов по земельной реформе», назвав это издание крайне важным³⁹. Эта работа вскоре вышла в свет, в ней содержался интересный материал о конфискации помещичьего инвентаря и использовании его в различных группах советских коллективных и индивидуальных крестьянских хозяйств⁴⁰. В это же время и позже были подготовлены и опубликованы материалы и исследования по итогам аграрной революции⁴¹. На основе изучения всех этих данных Ленин сделал на X съезде РКП(б) важнейший вывод о нивелировании крестьянства, о том, что «резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось»⁴².

Ленинский анализ соотношения классовых сил всегда опирался на тщательный статистический материал. Знание такого материала Ленин считал обязанностью каждого серьезного революционера. Он был весьма раздосадован, когда один из руководителей зарубежных коммунистов

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 296.

³⁷ См. там же, стр. 311.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 48, стр. 64.

³⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 50, стр. 232.

⁴⁰ «Материалы по земельной реформе 1918 года». Вып. VI. Отчуждение и использование сельскохозяйственного инвентаря. М. 1918.

⁴¹ «Порядок распределения земель». М. 1918; «Распределение земли в 1918 г.». М. 1918; «Состав (контингент) наделяемого землей населения». М. 1918; «О земле». Сборник статей. Вып. 1. М. 1921; А. И. Хрящева. Крестьянство в войне и революции. М. 1921.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 60.

не смог привести точных данных о расслоении крестьянства в своей стране. «Какой же это коммунист, — говорил Ленин, — если он не знает соотношения классовых сил у себя на родине и, главное, не знает, сколько у него в стране сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев»⁴³.

Деятельность ЦСУ постоянно привлекала внимание В. И. Ленина. 25 июля 1918 г. он подписал «Положение о государственной статистике», которое определило круг задач государственных статистических органов и методы их деятельности. «Положение» и вся система государственной статистики воплощали в себе ленинские взгляды на научно поставленную статистику, обоснованные им еще в дореволюционных трудах. Единый государственный центр по руководству всеми статистическими работами, привлечение крупных специалистов к руководству статистическими исследованиями В. И. Ленин считал самыми важными принципами. Он поддерживал тесную связь с управляющим ЦСУ П. И. Поповым, в беседах с ним и в письмах ЦСУ определял основную линию деятельности этого важного научного центра государственной статистики. Роль ЦСУ особенно увеличилась при переходе к нэпу.

В январе 1921 г. П. И. Попов обратился к В. И. Ленину с письмом, в котором изложил свой план подготовки статистических материалов к X съезду партии. П. И. Попов предлагал подготовить статистический обзор состояния отраслей народного хозяйства, а также подвергнуть статистической разработке вопросы, которые будут рассматриваться на съезде. В. И. Ленин одобрил этот план⁴⁴. По его заданию П. И. Попов подготовил специальную брошюру только для делегатов съезда. После съезда сбор материалов по этому вопросу продолжался, и брошюра вышла уже открытым тиражом в расширенном виде⁴⁵. В. И. Ленин неоднократно использовал эту работу: на X съезде партии, в докладе на собрании секретарей ячеек в апреле 1921 г., на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 года. Материалы, собранные П. И. Поповым, дали Владимиру Ильичу возможность осветить причины снижения сельскохозяйственного производства и определить количество хлеба, необходимого для страны⁴⁶.

Новые источники и методы их изучения

Важным источником информации для В. И. Ленина являлись отчеты центральных и местных советских учреждений об опыте социалистического строительства⁴⁷. Вопрос об отчетах советских государственных органов в 1918—1922 гг. с источниковедческой точки зрения — это вопрос о некоторых специфических особенностях данной группы материалов. Формирование этих источников, их структура тесно связаны с замыслами и деятельностью В. И. Ленина. Их можно отнести к источникам вторичного порядка, так как самое их возникновение связано с обобщением большого первичного материала о политическом и экономическом развитии республики — отчетов низовых органов, протоколов, актов обследований и ревизий, материалов статистического характера. Ленин видел в этих отчетах не только средство контроля, но и существенную форму обобщения накопленного опыта, подлежащего использованию

⁴³ «О Ленине». Воспоминания зарубежных современников. М. 1962, стр. 270—271.

⁴⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 47, 358.

⁴⁵ П. И. Попов. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках. М. 1921.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 71, 83.

⁴⁷ Подробнее об этом типе источников см.: В. В. Кузин. В. И. Ленин о постановке отчетности народных комиссариатов РСФСР (1917—1920 гг.). «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина». Сборник статей. М. 1960; Л. М. Дробижева. Ленин и использование местного опыта хозяйственного строительства. М. 1965.

для дальнейшего движения к цели. Этот огромный материал постоянно изучался в Совете Народных Комиссаров и во всех звеньях государственного аппарата. Лаборатория, в которой Владимир Ильич исследовал эти документы, превращалась в общегосударственный центр по изучению и осмыслению пройденного пути.

В процессе реализации ленинского плана широкой отчетности центральных и местных советских органов в периодике, отдельных изданиях и архивах откладывались важнейшие источники, без изучения которых невозможно создание объективной и всесторонней истории нашей революции и социалистических преобразований. Не предопределяя конкретного содержания этих источников, В. И. Ленин считал необходимым придать им единую структуру и наметить кардинальные вопросы, которые подлежали освещению в отчетах. По предложению Ленина Совет Народных Комиссаров принял 29 августа 1918 г. постановление «Об отчетах наркоматов», в котором подчеркивалась необходимость «особенное внимание обратить на факты о роли рабочих организаций и представителей пролетариата в управлении, на крупные меры социалистического характера и борьбы за подавление сопротивления буржуазии»⁴⁸. Кроме наркоматов, такие же отчеты должна была представить Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Совет Народных Комиссаров обратился с просьбой в Президиум ВЦИК составить отчет о деятельности, выделив вопросы о Конституции и итогах съездов Советов. В письме народным комиссарам по этому же вопросу В. И. Ленин обратил внимание на форму отчетов (популярное изложение), необходимость насыщения их фактами, раскрытие методов социалистических преобразований. Составленный Лениным перечень вопросов для отчетов раскрывает его понимание этих материалов не только для политического руководства и пропаганды, но и для социального исследования: улучшение положения масс; участие рабочих и их организаций в управлении государством; участие беднейших крестьян в управлении и помощь Советской власти в борьбе с кулаком; экспроприация помещиков, капиталистов, торговцев, финансистов⁴⁹. Впоследствии этот перечень постоянно расширялся, но неизменным оставалось ленинское требование правдивого, точного, объективного изложения фактов. «Сила сознательных рабочих в истории нашей революции всегда состояла в том, чтобы совершенно прямо смотреть в лицо горькой опасной действительности, не делая иллюзий, а точно учитывая силы»⁵⁰, — говорил В. И. Ленин.

Огромный отчетный материал центральных органов Советской власти публиковался в ведомственных периодических изданиях. Исследователь этой группы источников за период 1917—1920 гг. В. В. Кузин подсчитал, что уже в первой половине 1918 г. в Москве издавалось около 40 «Вестников», «Бюллетеней», «Известий» и других органов народных комиссариатов⁵¹. В. И. Ленин внимательно следил за этими изданиями и часто использовал их в своей практической и теоретической работе. За 1918—1920 гг. было издано более 30 отчетов о деятельности различных народных комиссариатов и около 200 отчетов местных советских, хозяйственных и профсоюзных органов⁵². Еще более широкий размах приобрела публикация отчетов местных партийных и советских органов,

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 79.

⁴⁹ См. там же, стр. 30.

⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 369.

⁵¹ См. В. В. Кузин. Указ. соч., стр. 123.

⁵² Подсчитано по библиографическому указателю документальных публикаций «Советская страна в период гражданской войны. 1918—1920». М. 1961. Вряд ли можно согласиться с утверждением Л. М. Дробижевой, что «в целом в годы гражданской войны более или менее широко была поставлена публичная отчетность лишь центральных правительственных органов» (Л. М. Дробижева. Указ. соч., стр. 12).

особенно областных и губернских кооперативных союзов и экономических совещаний в 1921—1923 годах. По подсчетам Л. М. Дробижевой, в эти годы было опубликовано 435 отчетов местных советских и хозяйственных органов, в том числе 239 отчетов экономсовещаний⁵³. По предложению В. И. Ленина, эти отчеты должны были поступать не только в центральные правительственные учреждения, но и в крупные научные центры — Российскую академию наук, Социалистическую академию общественных наук, Книжную палату, Университет имени Свердлова, Петроградский университет, Исторический музей, Румянцевский музей и другие научные организации. Уже один этот перечень свидетельствует о том, что В. И. Ленин имел в виду использование отчетных документов не только в оперативных целях текущей политики, но и для научных исследований. Все эти материалы, особенно отчеты экономсовещаний, являются первоклассными источниками генерализирующего характера. Тот факт, что они формировались под непосредственным воздействием Ленина, его методов социального исследования, придает этим источникам особо важное значение. Владимир Ильич обратил внимание на необходимость единообразия формы и рубрик отчетов, без чего невозможно их сопоставление и обобщение. В письме к заместителю председателя ВСНХ В. П. Милютину в ноябре 1919 г. Ленин наметил примерный перечень вопросов для «отчетов об *итогах* работ по развитию производительных сил (число занятых рабочих; производства, добыча; производительность I рабочего и т. п.) по всем или главнейшим отраслям хозяйства»⁵⁴. Отчеты он предлагал делить на две части, освещая в одной в виде рассказа план, условия, особенности, а в другой — все то, что можно и должно выразить существенными цифровыми данными. Эти вопросы Ленин развил в проекте «Наказа от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям»⁵⁵.

Вопреки мнению некоторых публицистов и рецензентов, игнорировавших исследования на местные темы, В. И. Ленин именно в конкретном фактическом местном материале видел величайшую ценность для истории и современности. Он гневно критиковал общие рассуждения и политическую трескотню «при крайнем недостатке *изучения* местного опыта. И на местах и вверху могучие тенденции борются против его правдивого оглашения и правдивой оценки. Боятся выносить сор из избы, боятся голый правды...» И далее он требовал широкой популяризации образцов хорошей работы, разбора того, где, кому и какими приемами удается достигнуть успеха, требовал конкретного изучения местного опыта, «деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую...»⁵⁶.

В. И. Ленина особенно интересовали материалы крупных промышленных районов — Донбасса, Урала, Северо-Запада и Центра России⁵⁷. Поразительно, что весь трудоемкий материал по экономсовещаниям он изучал при содействии только двух помощников — Н. П. Горбунова и В. П. Смольянинова. Исследователь этих источников — отчетов экономсовещаний — Л. М. Дробижева пришла к выводу, что в основе их лежал «проверенный фактический материал, объективно отражавший основные процессы жизни страны»⁵⁸. Первоисточниками для отчетов являлись материалы государственных переписей, промышленной статистики, статистики труда, бюджетных обследований, анкетных опросов, отчетов нижестоящих местных органов, протокольные записи и др. Так как часть этих первичных материалов не сохранилась или не всегда доступна

⁵³ Л. М. Дробижева. Указ. соч., стр. 56.

⁵⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 87—88.

⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 266—291.

⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 237.

⁵⁷ См. «Ленинский сборник» XXXV, стр. 263.

⁵⁸ Л. М. Дробижева. Указ. соч., стр. 63.

исследователю, понятно, какое огромное значение приобретают отчетные материалы для историка советского общества⁵⁹.

Как использовал В. И. Ленин отчетные и местные материалы? Образцами можно здесь считать широко известные обращения Ленина к книге А. И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом». При анализе советской демократии Владимир Ильич обращался к статистике съездов Советов и состава Советов, к материалам Народного комиссариата внутренних дел, к материалам переписи служащих. Для характеристики отношений рабочего класса и крестьянства Ленин использовал отчетные материалы и текущую статистику народных комиссариатов земледелия, продовольствия, Центрального статистического управления⁶⁰. Во время профсоюзной дискуссии В. И. Ленин, опираясь на данные отчета ВСНХ о составе органов управления экономикой (от президиума ВСНХ до фабрично-заводских управлений), разоблачил «бюрократически-проектерский характер» тезисов Троцкого о профсоюзах⁶¹.

Для более точного, обобщенного и наглядного выявления социально-экономической и политической сущности исторических процессов Ленин часто прибегал к составлению графиков и диаграмм. Они являлись в его исследовательской лаборатории не только способом достижения наглядности изучаемых процессов, но и инструментом познания их сущности. В своих дореволюционных работах В. И. Ленин не раз использовал этот метод, особенно когда речь шла о структуре социальных и политических явлений. Таковы графики процессов разложения крестьянства в «Развитии капитализма в России» или диаграмма итоговых данных к таблице о состоянии промыслов в том же исследовании⁶². Это был новаторский метод, особенно в применении к событиям политической истории. Значительный методологический интерес представляют составленная Лениным диаграмма соотношения сил на II съезде РСДРП в его работе «Шаг вперед, два шага назад» и тот вывод, который он сделал на основании анализа картины «разделения» на съезде по различным вопросам⁶³.

И после Октябрьской революции В. И. Ленин применял составление диаграмм и графический метод при изучении экономического и политического положения Советской республики. В октябре 1921 г. Ленин составил план атласа диаграмм по обширному кругу экономических, политических и культурных проблем развития Советской республики. В этом плане были предусмотрены диаграммы по главным отраслям промышленности, топливу, сельскому хозяйству, железнодорожному, водному и автомобильному транспорту, внутренней и внешней торговле, финансам, связи, а также в таких областях развития общества и государства, как народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, развитие национальных отношений, съезды Советов и другие съезды, рост профсоюзов и т. д.⁶⁴. В связи с докладом на заседании Совнаркома 21 октября 1921 г. Ленин подготовил текст постановления о представлении всеми ведомствами статистических сведений и составлении диаграмм для Совета Труда и Оборона, «в особенности по характеристике хозяйственной жизни, изучению отчетов, обработке их и формулированию практических выводов»⁶⁵. По указанию Владимира Ильича в ЦСУ составлялись графики, отражавшие развитие различных

⁵⁹ Это, конечно, не снимает вопроса о необходимости критического анализа отчетных материалов, проверки их достоверности, учитывая при этом и то обстоятельство, что первичные материалы к отчетам подбирались и обрабатывались буржуазными экономистами и статистиками.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 274—275, 419.

⁶¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 284.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 132—133, 344, 347.

⁶³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 321—323.

⁶⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 467—469.

⁶⁵ Там же, стр. 184.

отраслей экономики за 1920—1922 годы. В. И. Ленин требовал при составлении графиков учитывать динамику исторического развития. Он предложил дополнить графики за 1920—1922 гг. данными о довоенном (1913 г.) и периода войны (1916 г.) развитии той или иной отрасли хозяйства. «Все значение этих графиков — наглядность и сравнимость»⁶⁶, — писал В. И. Ленин.

Постоянным инструментом изучения социально-экономических и политических явлений истории современности для Ленина являлись карты и различного рода картографический материал. В кабинете Владимира Ильича стоял специальный стол для атласов и карт. Особое приспособление позволяло ему всегда иметь в развернутом виде 12 карт и в случае необходимости быстро заменять их. По подсчетам В. Г. Чуркина, перечень карт и атласов в библиотеке В. И. Ленина составляет 99 наименований⁶⁷. Помимо больших карт Европейской и Азиатской России, которые висели на стенах кабинета Ленина, он постоянно обращался к военно-стратегическим картам гражданской войны, схемам демаркационных линий и границ Советской республики, этнографическим картам, схемам путей сообщения, картам железнодорожного строительства, распределения профессионально организованных рабочих и служащих на территории советских республик, картам европейских государств и т. д.

В библиотеке Ленина были собраны лучшие старые русские и зарубежные атласы и первые советские атласы. Среди последних следует отметить «Атлас России» (1919); «Атлас электрификации Украины» (Харьков. 1922); «Статистико-экономический атлас Крыма» (Симферополь. 1922). Особенно часто Владимир Ильич использовал небольшой атлас «Железные дороги России» издания Ильина 1918 года. Почему он придавал столь большое значение именно этому атласу? Мемуаристы и исследователи отмечают факт частого использования Лениным этого атласа, но никак не объясняют его. Между тем это было связано не только с высоким качеством подготовки этого атласа, но и с особым характером гражданской войны, которая велась главным образом по линиям железных дорог. Как рассказывает С. С. Каменев, свой доклад В. И. Ленину о положении на фронтах главком делал по картографическому материалу атласа Ильина⁶⁸. На различных картах этого атласа имеются многочисленные пометки и замечания Ленина. Эти пометки, как и переписка, свидетельствуют о том, что картографический материал Ленин использовал как при анализе военно-стратегического положения, так и при изучении экономического положения (залежи нефти, меры к ликвидации топливного кризиса), решении ряда демографических вопросов в связи с проведением мобилизаций в армию, установлением этнографических границ расселения различных народов и др.⁶⁹. Составленные В. И. Лениным схемы карт по истории гражданской войны дают весьма интересный материал, свидетельствующий о процессе выработки концепции истории основных этапов гражданской войны в России. Сравним две таких схемы, составленные Владимиром Ильичем в 1920 и 1921 годах⁷⁰:

⁶⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54, стр. 124.

⁶⁷ См. В. Г. Чуркин. Роль и значение географических карт и атласов в работе В. И. Ленина. «Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка». Вып. I. М. 1967, стр. 119.

⁶⁸ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 2. М. 1957, стр. 255.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 51, стр. 253, 267; «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». М. 1961, стр. 25—26, 596; «Ленинский сборник» XX, стр. 317—322; XXXIV, стр. 344—345; XXXVI, стр. 315, 399—400.

⁷⁰ Составлено по письмам и заметкам В. И. Ленина. См. «Ленинский сборник» XX, стр. 319; XXXIV, стр. 344; XXXVI, стр. 121. Редакция «Ленинского сборника» датировала первую схему августом 1920 года. Видимо, эта схема относится не ранее, чем к декабрю 1920 г., о чем свидетельствует требование Ленина составить карту фронтов к концу 1920 года.

1920 год	1921 год
История фронтов	Линия фронтов
1918 (Брестский мир)	1918 — май
1918 конец	1918 — декабрь
1919 начало —	1919 — май или июнь
	1919 — ноябрь или декабрь
1920 конец	1920 — январь
	1920 — декабрь

Если в первой схеме Ленин дал только общий набросок периодизации гражданской войны, выделяя наиболее крупные ее этапы, то во второй наброске мы видим дальнейшее развитие этой периодизации, ее детализацию, особенно для большого периода от начала 1919 до конца 1920 г., который в первой схеме не был разделен на этапы. Во второй схеме в значительно большем масштабе вводятся звенья, связывающие гражданскую войну с интервенцией (май 1918 г.— чехословацкий мятеж; декабрь 1918 г.— развертывание интервенции Антанты и т. д.).

При исследовании социальных процессов Ленин часто прибегал к методу анкетирования. На VII Всероссийском съезде Советов он предложил распространить среди делегатов «анкетный, опросный, листок»: «Какого месяца, числа и года и в каком уезде, городе и поселке собирались съезды Советов». Этот материал должен был ответить на вопрос, как действует Советская Конституция в трудное военное время, как народные массы участвуют в управлении и в самостоятельном разрешении дел управления. Тогда же В. И. Ленин высоко оценил обобщение анкетного материала о съездах Советов, собранного заместителем наркома внутренних дел М. Ф. Владимирским. В. И. Ленин говорил: «Когда я увидел этот материал, я сказал: вот исторический материал, который доказывает, между прочим, что не было еще в истории цивилизованных народов ни одной страны, где была бы так широко применена пролетарская демократия, как у нас в России»⁷¹.

К методу анкетирования обратился Владимир Ильич и при изучении состояния армии в конце 1917 года. Вопросы боеспособности старой армии, степени ее разложения, готовности отразить возможное немецкое наступление, состояния военной техники и т. д. являлись жизненно важными. Их решение возможно было при правильном понимании истории армии периода войны и революции. Обращаясь к этим вопросам, Ленин часто использовал показания современников о состоянии армии. Подобные свидетельства доказывали, что разложение армии началось до революции. Но процессы, происходившие в армии, еще далеко не были завершены. Для их исследования Ленин составил анкету, которая была распространена среди делегатов съезда по демобилизации армии в декабре 1917 года⁷². Анкета из 10 вопросов охватывала важнейшие проблемы состояния армии, ее боеспособности, возможности использования частей старой армии в случае немецкого наступления⁷³. Это образец научного поиска материала для социального исследования сложного армейского организма, исследования, связанного с политическими настроениями, межнациональными отношениями среди солдат, боеспособностью частей и определением возможности ведения революционной войны в случае наступления немцев.

18 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров обсудил материалы анкеты делегатов съезда по демобилизации армии и признал их исчер-

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 419.

⁷² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 179—180.

⁷³ М. С. Кедров утверждает в своих воспоминаниях, что В. И. Ленин подготовил еще одну анкету из нескольких десятков вопросов, главным образом военно-технического характера, которая была передана делегатам съезда по демобилизации 3 января 1918 года. К сожалению, эта анкета не сохранилась (см. М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче. «Пролетарская революция», 1927, № 1, стр. 53).

пывающими. В. И. Ленин обобщил эти материалы в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»⁷⁴. Из характера тезисов видно, что он использовал не только материалы анкеты из десяти вопросов, но и не дошедшей до нас большой анкеты из нескольких десятков вопросов. Об этом свидетельствует тезис, в котором дается характеристика военно-технического состояния армии, конского состава, артиллерии, то есть тех вопросов анкеты, о которых упоминает М. С. Кедров. Результаты обработки данных этой анкеты Ленин неоднократно использовал в своих работах по Брестскому миру, в борьбе против «левых» коммунистов и троцкистов.

Большой интерес представляет также составленный В. И. Лениным свод ответов местных Советов на запрос Совета Народных Комиссаров в феврале 1918 г. о войне и мире⁷⁵. Как показал в своем исследовании Д. В. Ознобишин, при составлении этого свода Ленин пользовался не только списками Советов и организаций, приславших телеграфные ответы на запрос СНК, но и работал над подлинными телеграммами, присланными в СНК и ВЦИК⁷⁶.

Приемы систематизации материала. Содержание и форма

Рассмотрим некоторые стороны творческой лаборатории В. И. Ленина на примере подготовки книги «Государство и революция». «Синяя тетрадь», включавшая материалы к книге, явилась результатом многолетней работы Ленина над проблемами истории и теории государства и революции. Тетрадь с белым прямоугольником на синей обложке с заголовком «Марксизм о государстве» содержала выписки, которые Владимир Ильич сделал, изучая произведения Маркса и Энгельса, их письма, а также труды Гегеля, Монтескье, Бебеля, Прудона, Каутского, Бакунина, Лафарга, Плеханова. «Синяя тетрадь» показывает, как шел процесс обобщения материала, как из совокупности огромного количества фактов, концепций Ленин отбирал самое важное, основное. Отбор был подчинен главной теоретической и политической задаче исследования — что делать пролетариату в революции со старой государственной машиной и каким должен быть новый государственный аппарат.

Большое место в работе Ленина занимает систематизация материалов и составление плана исследования. Прежде чем перейти к написанию книги, он составил 6 различных вариантов плана, неустанно совершенствуя структуру, добиваясь все большей и большей стройности, последовательности и единства изложения. Названия глав и разделов, подзаголовки — предмет особого внимания Ленина. В первом варианте плана книга была названа «Учение марксизма о государстве». В одном из последующих вариантов появляется название «Учение марксизма о государстве (и задачи нашей революции)». В последнем варианте значится: «Заглавие должно быть: «Государство и революция». Подзаголовок: «Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»⁷⁷.

Так же тщательно В. И. Ленин работает над названиями глав и параграфов. Как шли поиски наиболее точного названия, видно по планам первой главы. Первоначально название носит характер наброска: «Государство в классовом обществе...». Затем появляется уточнение: «Государство в доклассовом и в классовом обществе». Но и это не удовлетворяет Ленина. Следующий вариант хорошо передает эти поиски:

⁷⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 248—249.

⁷⁵ См. «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 30.

⁷⁶ Д. В. Ознобишин. Ленинский свод ответов местных Советов на запрос СНК о заключении Брестского мира. «Источниковедение истории советского общества». Вып. II. М. 1968, стр. 192—193.

⁷⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 308, 316, 325.

«Общетеоретические (не то слово) (Общие?) взгляды Маркса и Энгельса на государство». В последнем наброске плана Ленин синтетически обобщает все варианты, и название первой главы выглядит так: «Классовое общество и государство»⁷⁸.

Значительный материал, собранный Лениным в процессе работы над «Государством и революцией», не вошел в книгу. Но доступ к этому материалу благодаря опубликованию «Синей тетради» дает нам представление о широком круге вопросов, привлекавших внимание Ленина, о поисках недостающих звеньев в концепции Маркса о государстве, об уточнении терминологии и т. п. Так, внимание Ленина привлекает наблюдение Маркса о внезапном интересе французов к своей революционной истории накануне взрыва 1871 года. «Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе...»⁷⁹. Внимание к идеологическому повороту, предшествующему Коммуне, весьма характерно для Владимира Ильича.

В ходе работы Ленин ставит перед собой задачу: «Найти и справиться, говорили ли Маркс и Энгельс до 1871 г. «о диктатуре пролетариата»? Кажется, нет!»⁸⁰. К моменту издания своей работы «Государство и революция» В. И. Ленину не удалось ознакомиться с письмом Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года. Но он не забывал о необходимости поисков этого звена. Во втором издании «Государства и революции» появляется новый параграф, построенный на этом письме Маркса. Ленин воспроизвел классическое определение Марксом того нового, что он внес в науку. Именно в связи с этим В. И. Ленин выдвигает свое положение о разнообразии политических форм диктатуры пролетариата.

Характер работы В. И. Ленина над стенографическими записями своих выступлений можно проследить по его брошюре «Успехи и трудности Советской власти». Интересна история этой работы. 12 марта 1919 г. Ленин приехал в Петроград для участия в похоронах М. Т. Елизарова. За два дня пребывания в Петрограде Ленин выступил с докладами и речами на заседании Петроградского Совета, на I губернском съезде сельскохозяйственных рабочих, на двух митингах в Народном доме. Материалы этих выступлений и стенограмму доклада Ленин использовал при написании брошюры. Работа эта была трудной, так как стенографическая запись велась тогда весьма неудовлетворительно⁸¹.

Как тщательно вел Владимир Ильич редакторскую, а по существу, авторскую работу, видно из сравнения текстов доклада на заседании Петроградского Совета и брошюры. В докладе Ленин подчеркнул необходимость рассматривать события в России, роль Советов в масштабе всемирно-исторического процесса, отвлекаясь от повседневных мелочей управления и частных. Работая над текстом, Ленин расширяет это положение, вводит в него характеристику развития Советов и масс внутри Советов, изживания полосы соглашательства, условия и результаты применения насилия.

Сравнивая исторический опыт Октябрьской революции и революционного движения в странах Европы, В. И. Ленин в докладе отмечал, что

⁷⁸ Там же, стр. 308, 309, 316, 325.

⁷⁹ Там же, стр. 133.

⁸⁰ Там же, стр. 159.

⁸¹ В послесловии к брошюре В. И. Ленин писал: «Потратив немало труда на исправление записи моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати. Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 73).

в мировом масштабе дело обстоит сложнее, что одного революционного насилия мало, что ему должна предшествовать такая же подготовительная работа, как в России, но более продолжительная во времени. В брошюре эта мысль приобретает характер общего теоретического положения, точного и отточенного. «Есть условия, при которых насилие и необходимо и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов»⁸². В. И. Ленин говорил о факторах, при наличии которых революционное насилие в Октябре 1917 г. было оправданно. Во-первых, массы были организованы в Советы, во-вторых, буржуазия была подорвана, размыта политическим периодом с февраля по октябрь и внутренне совершенно обессилена.

Этот же вопрос Владимир Ильич рассматривает и с другой стороны — в связи с проблемой использования буржуазных специалистов. В докладе он говорил о необходимости применения насилия по отношению к перебежчикам и саботажникам и использования морального веса пролетариата, его организации и дисциплины в работе с буржуазными специалистами. При работе над текстом брошюры этот тезис получает характер итога борьбы пролетариата в данной области и более широкое звучание. «За этот год мы сломали и победили эксплуататоров, а нам теперь надо решить задачу использования буржуазных специалистов. Здесь, повторяю, одним насилием ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов!»⁸³. Таким образом, сравнивая текст брошюры с текстом доклада Ленина, мы проникаем в лабораторию его редакторской работы⁸⁴.

Некоторые особенности метода работы В. И. Ленина над литературой и источниками прослеживаются по подготовительным материалам к его докладам и выступлениям на II конгрессе Коммунистического Интернационала. В работах этого периода В. И. Ленин дал анализ соотношения сил на мировой арене, изменений, происшедших в мировой экономике в результате империалистической войны. Для этого В. И. Ленин использовал официальные источники, буржуазную, социал-демократическую и коммунистическую литературу. Среди них книги известного английского дипломата и экономиста Кейнса, коммунистов М. Г. Бронского, П. Л. Лапинского и др.⁸⁵.

Работе Кейнса Ленин придавал большое значение, так как автор «по поручению своего правительства участвовал в версальских мирных переговорах, наблюдал их непосредственно с чисто буржуазной точки зрения...»⁸⁶. Что же взял Ленин из этой книги? Прежде всего материалы о превращении Соединенных Штатов Америки в мирового кредитора, у которого крупнейшие капиталистические страны оказались должниками. Комбинируя данные Верховного экономического совета Антанты с материалами Кейнса и Брауна (М. Г. Бронского), Ленин показал кризисное состояние экономики капитализма, что особенно ярко проявилось в несоответствии между уровнем заработной платы и ростом цен.

Высоко оценил Ленин те страницы книги Кейнса, на которых он охарактеризовал президента США Вильсона и политику «вильсонизма».

⁸² Там же, стр. 43.

⁸³ Там же, стр. 56.

⁸⁴ Часть материалов стенограммы В. И. Ленин исключил при подготовке брошюры. Так, в брошюру не вошел большой абзац, посвященный анализу источников силы Красной Армии, роли ее партийно-политического аппарата, значению пролетарского ядра армии, ее тесной связи с лучшими рабочими Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска (см. там же, стр. 70).

⁸⁵ J. M. Keynes. The Economic Consequences of the Peace. L. 1919; M. Braun. Wer soll die Kriegsrechnung bezahlen? Leipzig. 1920; П. Л. Лапинский. Англия и Америка. «Вестник НКВД». М. 1920, № 3.

⁸⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 219.

Этот идол мещан и реформистов, обещавший установить классовый мир, получил у Кейнса, совсем еще недавно бывшего поклонником Вильсона, уничтожающую оценку. За этой идейной эволюцией Кейнса Ленин увидел серьезный социальный процесс. «Кейнс показал, что происходит и произойдет в сознании тысяч и сотен тысяч людей, когда они поймут, что все эти речи о «войне за свободу» и т. п. были сплошным обманом...»⁸⁷, — говорил В. И. Ленин.

Характерным для В. И. Ленина методом является метод, примененный им при подготовке книги «Государство и революция», статей «О диктатуре пролетариата», «В лакейской», незаконченных брошюр и др. Незаконченные работы мы берем в данном случае потому, что здесь обнаруживается как бы скелет, схема этого метода. По собранному материалу в «Синей тетради» В. И. Ленин делает на ее обложке опись с указанием основных разделов и страниц тетради, а при составлении плана книги он к каждому вопросу плана указывает соответствующие страницы тетради с подготовительными материалами⁸⁸. При работе над статьей «В лакейской» Ленин применил другой вариант этого же метода. Сначала он составил перечень-реестр вопросов, соответствующий собранному материалу. Каждый вопрос был занесен в этот перечень под номером⁸⁹, всего их оказалось 25. Затем Ленин составил логический план статьи из 7 пунктов, указав в каждом из них номера реестра материалов.

В ленинской системе точных, научно аргументированных доказательств немалое место занимает художественный образ как средство обобщения материала. В образной форме Владимир Ильич доносил до читателя и слушателя весьма важные и сложные научные понятия. Образ здесь служил не только для усвоения и запоминания понятия, но и для углубления его научного содержания. Известно применение Лениным образов «штурма» и «осады» крепости при характеристике различных этапов экономической политики диктатуры пролетариата. Эти образы выросли из опыта войны, которым всего богаче была тогда Советская республика. Образ осажденной крепости часто появляется у Ленина, когда он говорит о блокаде, интервенции, борьбе с белогвардейцами. Другой образ того же значения: Советская республика — маленький остров среди бушующего моря. Художественный образ у Ленина часто является сплавом народного и личного опыта. В первые месяцы революции он прибегал к образу «человека с ружьем», который у него является художественным и политическим воплощением вооруженного народа. Этот образ родился у Ленина, как он сам рассказал, в декабре 1917 г. в вагоне Финляндской железной дороги. Владимиру Ильичу перевели слова старой женщины, которая в разговоре с финнами сказала: «Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне». На III Всероссийском съезде Советов, где Ленин рассказал этот эпизод, он поднял его на уровень большого обобщения. Владимир Ильич показал, как в массах растет могучее чувство доверия к «человеку с ружьем», который защищает трудящихся и беспощаден в подавлении эксплуататоров⁹⁰. Этот образ «человека с ружьем» В. И. Ленин применял и позже, когда говорил о народном характере Советских Вооруженных Сил.

Личный опыт, неразрывно связанный с опытом революции, особое острое восприятие крутых переломов революции рождали удивительно точные и выпуклые образы. В статье «Заметки публициста» В. И. Ленин передает перелом в экономической политике 1921 г. через ощу-

⁸⁷ Там же, стр. 225.

⁸⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 123—125.

⁸⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 444.

⁹⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 269.

щения человека, который совершает восхождение на очень высокую гору, крутую и еще не исследованную. Невольно в нашем сознании возникает облик самого Ленина, поднимающегося в Швейцарских Альпах к снежным вершинам. Однако для Владимира Ильича применение такого образа никогда не было самоцелью, украшением текста. Скульптурно вылепленный образ человека, совершающего трудный подъем, у Ленина несет огромную идейную, познавательную и теоретическую нагрузку: он помогает понять трудности поисков правильных путей экономической политики и сущность реформистской критики этой политики.

Проследим за развитием этого образа у В. И. Ленина. Преодолевая неслыханные трудности и опасности, человек поднялся гораздо выше, чем его предшественники, но вершины он все же не достиг, двигаться дальше по избранному направлению оказалось не только опасно, но и невозможно. «Ему пришлось,— писал В. И. Ленин,— повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины». И тут Ленин находит точные характеристики психологического и физического состояния человека, вынужденного совершать спуск, чтобы затем снова идти к вершине. «Спуск вниз на той невиданной еще в мире высоте, на которой оказался наш воображаемый путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступить; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели... и все еще не видать, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск». А наблюдатели из безопасного далека злорадствуют, улюлюкают, кричат: «сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй!» Другие скорбят, вознося очи горе по образцу Иудушки Головлева: «К прискорбию, наши опасения оправдываются!»⁹¹. И напоминают о том, что они страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем...». Художественная композиция, созданная В. И. Лениным, включает ряд образов: смелый покоритель вершин и улюлюкающие враги, иудушки головлевы, «истинные друзья» из II Интернационала, сменовеховцы. И вся эта яркая картина способствует глубокому пониманию трудностей новой экономической политики как необходимого движения для дальнейшего подъема и достижения цели.

В. И. Ленин много работал над совершенствованием формы, более точным и образным изложением тех или иных важных особенностей исторического процесса. Иногда он отбрасывал уже найденный образ и находил новый, более емкий, глубокий, доходчивый. Покажем это на примере его работы над уже упомянутой брошюрой «Успехи и трудности Советской власти». Говоря на заседании Петроградского Совета о периоде керенщины, Ленин образно определил характер большевистской тактики: «Мы истрепали правительство Керенского по ниточке, мы заставили Временное правительство проделать министерскую чехарду направо и налево, вверх и вниз...»⁹². В брошюре этот образ получил интересное развитие. В. И. Ленин предваряет изложение тезисом, облекая его также в очень яркий образ: «неприятель — буржуазия — был подкопан, подорван, размыт длинным политическим периодом с февраля по октябрь, точно кусок льда весенней водой, и уже внутренне был совершенно обессилен». Дальше Владимир Ильич повторяет тезис о министерской чехарде, о том, как истрепали правительство Керенского «по ниточке», и завершает выводом: «оказалось, что, как они ни садились, они в музыканты не годились, и тогда они полетели, как пушинки»⁹³. Эти красочные, запоминающиеся зарисовки имеют яркую историческую и

⁹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 415, 416.

⁹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 3.

⁹³ Там же, стр. 43.

политическую направленность. Они воссоздают активную, творческую роль революционной тактики в определенных исторических условиях, когда революционное насилие принесло массам победу.

Резкий, бичующий, полный сарказма язык В. И. Ленина является содержательной формой для критики реформистов. Говоря о необходимости разоблачения проповеди «защиты отечества» в империалистической войне как измены социализму, Ленин требует разъяснить эту истину до конца, искоренить из голов, из сердец, из политики эту измену, без этого нельзя спастись от новых войн. И, обращаясь к немецким «независимцам», к лонгетистам, он заключал: «Вы не хотите, вы не можете говорить таким языком, вести *такой* пропаганды? Вы хотите «щадить» себя или своих друзей... Тогда *пощадите* III Интернационал! осчастливьте его своим неprisутствием!»⁹⁴. Между резкой, обличающей формой и содержанием существует определенная связь, и на нее не раз указывал В. И. Ленин.

Вчитываясь в ленинские произведения, изучая подготовительные материалы к ним, конспекты, планы и первоначальные наброски, мы приобщаемся к ленинской лаборатории. В этой лаборатории нет ничего похожего на атмосферу академического спокойствия, отрешенности от «злобы дня». Лаборатория В. И. Ленина всегда в центре сражений, всегда в пути, в трудных походах, в поиске, на самых важных направлениях пролетарского фронта борьбы за социализм. В тюрьме и сибирской ссылке, в эмиграции и в подполье при Керенском, в кабинетах Смольного и Кремля В. И. Ленин неустанно ведет исследование истории и современности как неразрывной части главной своей деятельности по революционному преобразованию мира.

В сфере внимания В. И. Ленина — большие группы важнейших источников, значительная часть которых никогда не была предметом изучения буржуазной науки. Это в первую очередь источники, отражающие движение самих масс, их борьбу, поиски, творчество. Материалы революционной истории, массовые источники рабочего, крестьянского, солдатского движения, документы Советов и декреты пролетарской власти, партийные материалы, пресса всех направлений, статистические и картографические данные — таков далеко не полный круг источников, используемых В. И. Лениным в послеоктябрьский период. Большой интерес представляют методы поиска, собирания материала и работы над ним, принципы отбора, приемы исследования, методы группировки.

Ознакомление с материалами ленинской лаборатории позволяет увидеть, как Ленин развивал, совершенствовал марксистский метод исследования исторических источников, как он работал над планами своих статей и докладов, как готовил тезисы, редактировал стенографические и секретарские записи. В этой гигантской работе немалую роль играл такой совершенный и уникальный инструмент, как ленинская память. Лаборатория Ленина раскрывает перед нами некоторые особенности применения в конкретно-историческом исследовании теории социально-экономических формаций, способы изучения многоукладной российской экономики, методику изучения классовых структур, способ выделения главного звена в цепи исторических событий.

⁹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 134.

ОБ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ИТОГАХ ПОДГОТОВКИ ШЕСТИТОМНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТРУДА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

П. В. Волобуев, И. М. Пушкарева

Завершена первая серия «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»¹, открывающая собою многотомное академическое издание по отечественной истории, предпринятое в связи с 50-летием Октябрьской революции по решению Президиума Академии наук СССР. Она охватывает весь дооктябрьский период истории нашей Родины, начиная от становления первобытнообщинного строя до Великой Октябрьской социалистической революции.

Выпуск в свет шеститомника по дооктябрьскому периоду отечественной истории, несомненно, является крупным событием в исторической науке. Шеститомник вызвал большой интерес советской общественности, о чем свидетельствует быстрая реализация вышедших томов и предложение Союзкниги о повторном издании. Судя по имеющимся данным, книги шеститомника читают научные работники, преподаватели, студенты, люди разных профессий, желающие углубить и расширить свои знания в области истории родной страны.

Всесторонняя научная оценка этого фундаментального труда — дело ближайшего будущего. На страницах исторических журналов, советских² и зарубежных³, появились первые рецензии на отдельные его тома. Следует ожидать и в дальнейшем обстоятельного разбора как каждого тома в отдельности, так и первой серии в целом. Он покажет, насколько успешно редакторский и авторский коллектив справился с поставленными перед ним научными и идейно-политическими задачами.

Авторы данной статьи, имевшие близкое касательство к подготовке шеститомника, поставили перед собой цель подвести некоторые общие научные и научно-организационные итоги большой работы по его выпуску. Во-первых, практически важным является обобщение опыта, накопленного в ходе работы над завершенным коллективным трудом. Уже теперь в Институт истории СССР за советом и консультациями обращаются научные коллективы некоторых республиканских академий, планирующие издание многотомных трудов по истории. Во-вторых, поскольку подобный труд по отечественной истории со столь широкими хронологическими рамками создан в советской исторической науке впер-

¹ «История СССР с древнейших времен до наших дней». Тт. I—VI. М. 1965—1968.

² См. «История СССР», 1967, № 5, стр. 177—186; «Правда», 15.1.1967; «История СССР», 1968, № 1, стр. 146—150; «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 133—151; «История СССР», 1969, № 1, стр. 152—154.

³ См. «The American Historical Review», 1968, № 5, pp. 1578—1579; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1967, Jg. 15, № 6, S. 1124—1125; «Canadian Slavik Studies», 1968, № 3, pp. 426—427; «Historie a vojenství», 1969, w. 1, p. 104; w. 2, p. 378.

вые, полезно хотя бы предварительно определить его значение и место в историографии.

Многотомная «История СССР» была задумана как сводный обобщающий труд по отечественной истории, рассчитанный на широкие круги советской общественности. Основной научно-политической задачей этого труда было «подвести итоги большой исследовательской работы по изучению отечественной истории, проведенной историками за полвека развития советской исторической науки, обобщить результаты огромного числа конкретных монографических исследований, дать целостную картину истории народов нашей страны с древнейших времен до наших дней» (т. I, стр. XX).

В целях осуществления общего научного руководства подготовкой всего издания — двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», то есть первой и второй серий, — решением Президиума АН СССР был создан Главный редакционный совет (председатель акад. Б. Н. Пономарев). В него вошли крупнейшие специалисты в области исторической науки всех союзных республик нашей страны. Обсуждение томов на его заседаниях, ответственный подход комиссий совета к оценке содержания каждого тома во многом способствовали повышению идейно-теоретического и научного уровня шеститомника. Ход подготовки многотомной «Истории СССР» являлся предметом специального рассмотрения на заседании Президиума АН СССР⁴.

Как известно, многотомная «История СССР» была главным объектом плана Института истории АН СССР в 1961—1968 годах. Создание II—VI томов (I том готовил Институт археологии АН СССР) непосредственно было возложено на образованный в составе института сектор. Подводя итоги издания первой серии, можно сказать, что организация сектора по написанию многотомной «Истории СССР» дооктябрьского периода себя оправдала. Коллектив сектора, помимо большого авторского и редакторского труда, выполнил также много научно-организационной и чисто технической работы. Большая заслуга в становлении сектора как научно-организационного центра подготовки шеститомника принадлежит первому заведующему сектором, ныне покойному доктору исторических наук, профессору А. В. Фадееву, сочетавшему в себе большой талант исследователя и мастерство популяризатора исторических знаний.

Научное руководство подготовкой первых шести томов осуществлялось редакционной комиссией первой серии во главе с акад. Б. А. Рыбаковым. Благодаря такому «единоначалию» были обеспечены единообразие структуры и известная унификация форм изложения материала во всех шести томах.

Редакционная комиссия первой серии совместно с сектором по написанию многотомной «Истории СССР» выступала также организатором широкого обсуждения как отдельных научных проблем, так и макетов томов. Непосредственное руководство подготовкой томов и их редактирование осуществляли редакционные коллегии из двух—семи ведущих ученых во главе с ответственным редактором тома. Надо отдать должное дирекции Института истории АН СССР, которая проявляла большое внимание к подготовке первой серии. Директор института акад. В. М. Хвостов оказывал систематическую научно-методическую помощь сектору и редколлегиям томов. Партийная организация и партком института постоянно контролировали ход работы над многотомной «Историей СССР».

Нам представляется, что редакторский и авторский коллектив, ядро которого составили научные сотрудники Института истории АН

⁴ См. «Вестник» АН СССР, 1966, № 1, стр. 3—8; «Вопросы истории», 1966, № 3, стр. 139—142.

СССР, в общем выполнил намеченную задачу. Он сумел в сравнительно короткий срок суммировать основные достижения советской исторической науки в разработке как теоретических, так и конкретно-исторических проблем отечественной истории к середине 60-х годов, по возможности полно учесть и отразить в соответствующих разделах новейшие исследования. Кроме того, в отдельных случаях в ходе подготовительной работы пришлось, естественно, столкнуться с рядом проблем, требовавших либо пересмотра и нового решения, либо дополнительных исследований. Таковыми были, например, некоторые вопросы кризиса крепостничества в первой половине XIX в., национальных движений, многоукладности российской экономики, внутренней политики России XVIII в. и другие. Непременным требованием к этому академическому изданию являлось сочетание научности с яркой, популярной формой изложения, чтобы сделать книги доступными для массового читателя.

При подготовке многотомной «Истории СССР» учитывался и использовался богатый опыт создания ранее вышедших крупных обобщающих коллективных трудов, таких, как «Очерки истории СССР. Период феодализма», «Всемирная история».

Вышедшие шесть томов первой серии «Истории СССР» — плод творческих усилий многих ученых. Авторами шеститомника являются 128 человек (в том числе 35 ученых из национальных республик), из них 111 выполнили основную авторскую работу, а остальные представили подготовительные материалы. В создании томов приняли участие ученые институтов истории и археологии АН СССР, вузов Москвы и Ленинграда, институтов истории национальных республик, а также ряда периферийных учебных заведений. Среди авторов крупнейшие специалисты в области исторической науки — действительные члены Академии наук СССР Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов; члены-корреспонденты АН СССР — С. В. Киселев, Х. Х. Круус, В. И. Шунков; действительные члены академий наук союзных республик — Ц. П. Агаян, С. Т. Еремян, Ю. И. Жюжда, Я. П. Крастынь, Б. Б. Пиотровский, З. Ш. Раджабов, А. С. Сумбатзаде, Ю. М. Юргинис; члены-корреспонденты академий наук союзных республик — А. Н. Гулиев, Ю. Ю. Кахк, Ш. А. Месхиа, Р. Н. Набиев. Широко привлекались также молодые ученые, авторы интересных монографических исследований.

К обсуждению отдельных глав, макетов томов и рецензированию этого коллективного труда были привлечены широкие круги научной общественности. Только во всесоюзных совещаниях, организованных для обсуждения макетов, участвовало от 200 до 300 научных сотрудников и преподавателей как из Москвы, так и из других городов. Активность на этих научных конференциях была высокой, а характер дискуссий, как правило, — деловым и творческим. Помимо этого, устраивались обсуждения макетов томов на местах (в Киеве, Ленинграде, Баку и других городах) с выездом туда членов редколлегии. Материалы этих обсуждений (доклады, отчеты о дискуссиях) регулярно публиковались на страницах научных журналов⁵. На каждый том поступало много письменных отзывов как от научных коллективов, так и от отдельных научных работников. Результаты обсуждений и письменные отзывы тщательно изучались авторами и редколлегиями томов и в надлежащей мере учитывались, что позволило авторскому коллективу продвинуться вперед в трактовке ряда сложных вопросов отечественной истории. Думается, что этот опыт может быть учтен и использован при организации работы над другими коллективными трудами.

⁵ См., например, «История СССР», 1961, № 6, стр. 217—218; 1962, № 5, стр. 243—245; № 8, стр. 165—166; 1963, № 2, стр. 224—225; 1964, № 1, стр. 219—220; «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 163—165, и др.

Решающее значение для успешной подготовки глав и разделов по истории народов России имело участие в коллективной работе ученых из союзных республик, опиравшихся на достижения своей национальной историографии. Вряд ли будет преувеличением сказать, что без создания обобщающих трудов по истории национальных республик плодотворная работа по подготовке единой истории народов СССР была бы невозможна.

Не раз раздавались критические высказывания о громоздкости системы научной апробации томов данного издания. Однако нам представляется, что при тех сложнейших задачах, которые стояли перед создателями многотомника, она себя оправдала. Широкое коллективное обсуждение способствовало выработке правильных, свободных от субъективистских и конъюнктурных влияний оценок исторических событий.

В деятельности же сектора по написанию шеститомника надо отметить такой негативный момент. Как показывает опыт, подготовка больших обобщающих трудов требует предварительного теоретического обсуждения и продумывания основных проблем, которая должна начинаться до составления проспектов томов и идти параллельно с этой работой. Теперь, по завершении издания, видно, что сектор должен был в большей мере и более последовательно выполнять функции своеобразного «мозгового центра» при подготовке шеститомника. Ему следовало бы не только в ходе, но еще до начала авторской работы ставить и решать с участием предполагаемых авторов и широкого круга специалистов основные методологические и научные вопросы, заслуживающие отражения в шеститомнике.

Такой подход к коллективному труду позволил бы сократить и число авторов. Приходится признать, что в отдельных томах шеститомника численность авторского коллектива непомерно возросла — до 28 человек на 45 авторских листов текста. Кроме желания ускорить написание тома, это было связано главным образом со стремлением иметь в качестве авторов специалистов по узким проблемам и даже по отдельным вопросам. Нельзя признать правильным бытующее мнение, что коллективный труд — это обязательно объединение большого числа авторов. При таком подходе возникают дополнительные трудности в согласовании глав, увязке сквозных проблем, редактировании и т. п. При создании коллективных обобщающих трудов вообще не может быть однозначного организационного решения. Мы считаем, что при этом могла бы быть использована такая форма, как представление материалов для последующей их обработки и доведения до необходимых кондиций небольшим кругом авторов. Таким образом может быть строже выдержано единообразие книг, последовательно и до конца осуществлен общий замысел. Кроме того, в процессе растянутого во времени создания коллективного труда каждому из авторов приходится неоднократно возвращаться к своему тексту, что отнимает время и силы научного работника, заслуживающие более продуктивного использования. Несомненно, допустим и такой порядок создания коллективного труда, при котором каждый том писался бы двумя-тремя учеными, работающими по единому плану, общей структуре и т. д. Опыт работы над шестью томами, во всяком случае, свидетельствует в пользу максимального ограничения круга авторов даже при подготовке крупных коллективных трудов типа «Истории СССР».

Шеститомник открывается обширным предисловием ко всему двенадцатитомному изданию «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». В предисловии изложены главные научно-теоретические принципы, положенные в основу всего труда, раскрыта важность изучения истории первой страны социализма. Здесь особо подчеркнута одна из первоочередных задач многотомника — показать действительную роль трудящихся масс в истории нашей страны, рост их политической

активности, которая под руководством партии большевиков переросла в сознательную и организованную борьбу против царизма и капитализма. Редакторы и авторы шеститомника стремились, чтобы подготовленный ими труд шел навстречу возросшему интересу советских людей к родной истории, чтобы на его страницах было правдиво рассказано о долгом, трудном, сложном и героическом пути, пройденном народами нашей страны до 1917 г., обобщен гигантский исторический опыт народов СССР, раскрыты объективные и субъективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции, конкретно и убедительно показана авангардная роль народов нашей страны в революционном преобразовании мира.

Известно, что историографическая ценность любого научного исследования определяется правильностью и новизной решения основных научно-теоретических проблем, партийно-классовым подходом к анализу исторических явлений.

Идейно-теоретической основой нового труда по отечественной истории является последовательно проведенная в нем марксистско-ленинская концепция истории нашей Родины. На богатом фактическом материале в шеститомнике показано, как в конкретно-исторических условиях нашей страны проявлялись общие закономерности общественного развития. Они предстают не как отвлеченные общесоциологические схемы: живую ткань истории образуют классовая борьба народных масс, борьба с внешними врагами, государственное и хозяйственное развитие, культурный прогресс, политика правящих верхов, хитроумные ходы дипломатов.

Всесторонний охват всего исторического процесса развития страны и рассмотрение его с марксистско-ленинских позиций являются достоинством всех томов первой серии. Авторы последних двух томов, охватывающих период со времени отмены крепостного права в России до октября 1917 г., находились в особенно благоприятном положении. Они имели возможность использовать громадное историографическое наследие В. И. Ленина, касающееся второй половины XIX и начала XX века. И действительно, эти книги выделяются широким привлечением оценок и высказываний В. И. Ленина по всем основным вопросам отечественной истории данного периода. Главный редакционный совет, руководство редакционной комиссии первой серии и сектора последовательно добивались от редакционных коллегий томов и авторов, чтобы в анализе исторических явлений они неукоснительно руководствовались ленинским принципом партийности. Думается, что в методологическом отношении шеститомник отвечает уровню современной науки.

Источниковедческая база шеститомника основывается на богатом материале отечественной археографии. Вместе с тем привлекались и новые источники. Так, в главах по древнейшему периоду русской истории шире, чем в каком-либо другом обобщающем труде, изданном ранее, использованы данные последних археологических находок на Урале, Украине, в Туркмении, Армении и т. д. Эти находки позволили отодвинуть исходные рубежи развития земледелия в пределах нашей Родины к V тысячелетию до н. э., благодаря чему она по праву может считаться одним из очагов древнейшей земледельческой цивилизации. Новые материалы о походе 1813 г. (воззвание, подписанное Кутузовым, свидетельства очевидцев и пр.) позволили ярче, чем это делалось раньше, показать значение победы русской армии над наполеоновской Францией для развертывания национально-освободительного движения в Европе, в том числе и в Германии. Авторской работе по истории СССР периода империализма предшествовал сплошной просмотр архивных материалов, главным образом личных фондов государственных и общественных деятелей конца XIX — начала XX века.

По широте хронологических рамок шеститомник не имеет предшественников в нашей историографии. Такое, например, фундаментальное

издание, как «Очерки истории СССР», вышедшее в девяти книгах, доведено до конца XVIII в., то есть совпадает лишь с первыми тремя томами нынешней «Истории СССР». Разумеется, в отношении детализации, а частично и аргументации отдельных положений первые три тома шеститомника уступают «Очеркам», ибо размеры томов «Истории СССР» исключали возможность освещения исторического процесса так подробно и с такими широкими интерпретационными комментариями, какие имеются в «Очерках». Ввиду широты исторического полотна история нашей страны представлена в новом труде крупным планом, в основных своих проявлениях и тенденциях. Такой подход обеспечил необходимую целостность общей картины истории нашей страны с глубокой древности до 1917 года.

Для вновь изданной «Истории СССР» характерно (правда, в отдельных томах — в разной степени) освещение таких сторон исторической жизни, которые в предшествующих обобщающих трудах почти не фигурировали: быт, церковь, буржуазные партии и т. д. Авторы и редакторы многотомника стремились усилить изложение политической истории, отказавшись от обычного в наших обобщающих исторических трудах предпочтения вопросам истории народного хозяйства, развития производительных сил. Более широкое обращение к сюжетам политической истории было связано также с задуманной научно-популярной манерой изложения материала.

Несколько слов о периодизации и структуре томов. Вопросы периодизации не вызвали особых споров. В основу была положена уже принятая в советской исторической науке марксистско-ленинская периодизация отечественной истории. Членение исторического материала по томам было произведено в соответствии с этой периодизацией и с учетом «загрузки» каждого тома историческими событиями. И все же с разделением материала по томам, по-видимому, не все оказалось удачным. Так, авторы рецензий на вышедшие II и III тома «Истории СССР» справедливо упрекают редакционную комиссию в том, что XVII век, единый по основным тенденциям исторического развития, оказался искусственно разделенным на две части: первая половина века освещена во II томе, а вторая — в III⁶. Уже после завершения работы было замечено неправомерное уравнивание объема IV и V томов. В IV томе, как известно, рассматривается первая половина XIX в., а в V — вторая, которая по насыщенности событиями не идет ни в какое сравнение с первой (а объемом IV тома даже несколько больше V). Не все обстоит благополучно и с периодизацией внутри отдельных томов. Во II томе вторая половина XV в., обоснованно характеризующаяся как основной этап в процессе образования единого Российского государства, оторвана от первой половины века, положившей начало этому процессу. Переломным моментом в образовании централизованного государства был, видимо, рубеж XV и XVI столетий. Очевидно, некоторые вопросы периодизации, выяснение поворотных рубежей в жизни и судьбах народных масс должны в недалеком будущем стать предметом творческой дискуссии.

При выработке единой структуры шеститомника решено было взять в основу проблемно-хронологический принцип. В советской историографии он в известной мере стал уже традиционным. В общем, проблемно-хронологический принцип выдержан во всех шести томах. Правда, в I томе авторы первых двух разделов («Первобытнообщинный строй» и «Рабовладельческий строй») отошли от строго хронологического порядка расположения материала, предпочтя ему проблемный, что оправдано необходимостью сжато изложить историю тысячелетий.

Сейчас трудно сказать, насколько оправдал себя проблемно-хронологический характер структуры всего издания. При всех его преимущест-

⁶ См. «История СССР», 1967, № 5, стр. 185; 1968, № 1, стр. 46.

вах нельзя не видеть, что он нередко ведет к разрыву исторической последовательности событий, затрудняет возможность воссоздать ход исторического процесса в целом, нивелирует многообразие и сложность явлений и т. п. Так, в III томе преобразования, внутренняя и внешняя политика Петра I оказались распределенными по нескольким главам, причем в ряде случаев о них говорится в разделах, посвященных более позднему времени — второй четверти XVIII века.

Немалые трудности в структуре многотомника возникли в связи с многонациональным характером нашей страны. В обобщающем труде не было возможности воспроизвести историю более 100 национальностей, проживающих на территории Советского Союза, не говоря уже о том, что такой подход привел бы к тому, что общая и единая история СССР свелась бы к сумме очерков по истории отдельных народов, как это, например, произошло с подготовленным ранее и вышедшим в виде макета одним из томов очерков «Истории СССР» (период капитализма), явившимся продолжением вышеупомянутых «Очерков истории СССР. Период феодализма»⁷. Решено было пойти по иному пути. Во-первых, историю народов СССР начинать освещать в порядке выхода каждого из этих народов на широкую историческую арену, то есть сначала народы Закавказья, создавшие первое на территории нашей страны государство Урарту, затем народы Средней Азии и, наконец, народы Восточной Европы, а среди них на первом плане — славяне, населявшие Киевскую Русь. Во-вторых, учитывая, что еще с древности между многими народами нашей страны существовали тесные взаимные связи, показать, как складывалась общность их исторических судеб. В-третьих, поскольку исторически сложилось так, что русский народ, ранее других народов сплотившийся в мощном государственно-территориальном комплексе, выступил объединителем других народов, постольку история собственно России рассматривалась как стержень для воссоздания общей истории нашей страны. Такой подход позволил излагать историю отдельных народов с учетом ее особенностей как составную часть общероссийской истории. До вхождения или присоединения к России история тех или иных народов излагается в шеститомнике, как правило, по крупным регионам (Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия, Сибирь и т. д.). После включения территории народов в состав России их развитие рассматривается в сфере всероссийского процесса в общих главах тома, а в главах, посвященных истории народов, раскрываются, по возможности обстоятельно, национально-освободительное движение, особенности общественной жизни и культурного развития. Помимо этого, отмечается участие того или иного народа в крупных общероссийских событиях (народных движениях, войнах и прочее) совместно с русским и другими народами. Вот почему специальные главы по истории народов в первых томах по сравнению с последующими составляют в некоторых случаях почти половину текста (I том).

В результате активного творческого обсуждения был найден метод освещения национально-колониальной политики царизма и освободительной борьбы народов и изменена обычная структура расположения материалов по истории народов. Прежде всего намечен научно обоснованный подход к классификации национальных окраин: колонии, полуколонии и политически зависимые территории. В шеститомнике полнее, чем в предшествующих трудах, раскрыта противоречивость национальных движений, наличие в них различных классовых тенденций, усилена критика ранее распространенной версии об искусственном, вызванном происками извне характере некоторых национально-освободительных

⁷ «История СССР». Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Ч. I. Социально-экономическая и политическая история; ч. II. История народов. М. 1952.

движений. По своей направленности национально-освободительное движение нерусских народов в большинстве случаев было антифеодальным, а его главной движущей силой являлось крестьянство. Эти идеи, выраженные в IV томе, были развиты в последующих томах при освещении истории национально-освободительного движения и царского колониализма, прежде всего в V томе, где также сделана попытка сконцентрировать историю национально-освободительного движения всех народов России во второй половине XIX в. в одном разделе и дать общее представление об основных его направлениях.

Редакционная коллегия VI тома, учитывая насыщенность первых полутора десятилетий XX в. крупными историческими событиями, сложившуюся к этому времени теснейшую взаимосвязь народов России, решила отказаться от выделения отдельных разделов по истории народов. В этом томе история национальных районов рассматривается в тесной органической связи с общероссийской историей, например, с теми или иными событиями и явлениями первой русской революции, предвоенным революционным подъемом, Февральской революцией и т. д. Специальные разделы в томе показывают колониальную систему империалистической России, великодержавно-шовинистическую политику третьей русской монархии. Национально-освободительная борьба народов рассматривается в этом томе как одна из трех сил революционного движения нового типа. Надо полагать, что специалисты еще выскажутся, насколько плодотворным оказалось такое решение освещения истории народов в обобщающем труде по истории СССР.

Оценивая научный уровень шеститомника, можно сказать, что он отражает современное состояние нашей науки. Остановимся на отдельных томах первой серии, несколько не претендуя на полноту их критического разбора, а стремясь показать их специфику, то новое, что они внесли в советскую историографию, и те нерешенные проблемы, которые еще ждут своего исследования.

В I томе большое место заняли сложнейшие проблемы этногенеза. Учитывая их значение (ибо начало истории современных этнических общностей восходит к древнейшим эпохам — ко II и даже III тысячелетию до н. э.), в томе дано их решение, основанное на совокупности известных в настоящее время материалов. Одной из кардинальных проблем I тома является, несомненно, проблема образования древнерусского государства. Благодаря использованию ранее неизвестных источников, в первую очередь археологических, авторам удалось показать внутренние предпосылки зарождения государственности у восточных славян, установить основные вехи образования в IX в. славянского государства — Руси. Научно обоснована предложенная в томе новая интерпретация происхождения племени «русь», давшего свое имя первому феодальному государству восточных славян. В томе показано, что древнерусское государство сложилось к началу IX в. задолго до прихода варягов в славянские земли. Не отрицая появления грабительских варяжских (норманнских) отрядов в русских землях (их в то время видели многие страны Европы), авторы доказывают, что роль варягов в начальной русской истории была преувеличена; во всяком случае, она несоизмерима с ролью грозных соседей — степных кочевников. В томе приведены дополнительные доказательства научной несостоятельности так называемой «норманнской» теории, приписывающей норманнам (варягам) создание древнерусского государства. Новаторской по замыслу и исполнению является глава «Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». Не оставляют равнодушным читателя и главы о Киевской Руси, а также о культуре народов Средней Азии, Закавказья и Древней Руси.

I том раскрывает решающую роль народных масс в древнейший период истории нашей Родины. Исторические факты, приведенные в томе, показывают, как в момент крупных потрясений, внутренних или внешних,

именно народ, проявляя максимальное напряжение сил, определяет свою судьбу. В томе описаны жизнь и быт народа-труженика, создавшего ценности, позволившие обществу двигаться вперед, анализируются памятники народной культуры.

Другие «феодалы» тома как бы приняли эту научную эстафету, обогатив историческую науку новыми данными об антифеодалных устремлениях народных масс и о культуротворческой роли народа в экономическом освоении территории России. Главы первого и последующих томов, посвященные классовой борьбе, показывают, что трудящиеся массы оказывали все возрастающее воздействие на политику правящих классов. Еще сильнее это явление подчеркнуто в изложении истории пролетарского этапа освободительного движения, когда под руководством революционной социал-демократии народные массы во главе с рабочим классом России выросли в неодолимую силу, уничтожившую в нашей стране самодержавие и проложившую путь к социалистической революции.

Во II томе по-новому решаются многие аспекты такой сложной проблемы, как образование единого Российского государства (XIV—XVI вв.). Во-первых, более обстоятельно, чем это делалось ранее, освещены внутренние социально-экономические предпосылки процесса политической централизации, в частности, показано значение крупных сдвигов в области земледелия и землевладения. (Напомним, что в прошлом решающая роль в этом процессе, как правило, отводилась внешнему фактору — потребностям обороны, а в области экономики — установлению межобластных связей.) Во-вторых, глубже вскрыты причины складывания Российского государства как государства многонационального. В-третьих, устранено проявлявшееся в прошлом преувеличение степени государственной централизации в период его образования. Надо, однако, отметить, что социально-экономическая основа образования в XIV—XVI вв. централизованного государства нуждается еще, как показала работа над II томом, в дальнейших изысканиях. Вероятно, в этой связи необходимо обратиться к выяснению роли географического фактора. Точно так же слабо еще изучены побудительные причины тяготения многих народностей к формировавшемуся Русскому государству. Во II томе по-новому изложена проблема опричнины. Она трактуется как политика, направленная на ликвидацию очагов феодальной раздробленности, то есть последних уделов, а не как внутрисословная борьба опиравшейся на дворян царской власти с боярством. Вместе с тем подчеркнута архаичность форм, в которые была облечена эта политика подавления феодального сепаратизма. Деятельность и личность Ивана Грозного не идеализируются.

Еще при обсуждении макета II тома отмечались существенные недостатки в освещении культуры XIII — первой половины XVII века. К сожалению, многие из них так и не были преодолены. В итоге оказались объединенными в одной главе совершенно разные этапы культурного развития (за четыре с половиной века!), а ранние периоды истории России лишились таких компонентов, как общественная мысль и духовная культура. Недостаточен здесь и круг привлеченных к исследованию историко-культурных фактов.

Следует отметить, что решение принципиальных теоретических и конкретно-исторических вопросов освещения культурной жизни народов СССР потребовало много усилий. В результате коллективных обсуждений было решено полнее раскрыть процесс взаимодействия культур разных народов. В шеститомнике показано всемирно-историческое значение культуры народов СССР. На наш взгляд, многие главы по истории культуры являются удачей авторов и редакционных коллегий. Вместе с тем воссоздание культурной жизни на различных этапах исторического развития натолкнулось на большие трудности. Сказалась слабая раз-

работанность истории культуры, в частности недостаток монографических исследований по этой проблеме. Поэтому история культуры как «сквозная проблема» в шеститомнике так и не получилась. Главы по культуре в разных томах несопоставимы между собой ни по содержанию, ни по структуре. В целом слабо показаны общие черты культуры отдельных эпох, а также не выяснены моменты идейного отличия их друг от друга. Остались недостаточно или совсем не раскрытыми такие понятия, как «культура феодальная», «культура капиталистическая». За исключением I и IV томов памятники культуры, к сожалению, оказались слабо использованными при характеристике социально-политических явлений своего времени. Вызвал споры метод подачи истории культурной жизни страны в первой половине XIX в., отличный от других томов. В IV томе совокупность достижений народов России в просвещении, науке, искусстве и других областях духовной жизни к середине XIX в. рассмотрена не по разделам культуры, а сквозь призму культурной жизни дореформенной России, борьбы идейных течений в науке и искусстве, идейных связей и взаимного обогащения национальных культур. Историкам-специалистам предстоит высказаться, насколько удачен предложенный в этом томе, так сказать, синтетический подход к изучению истории культуры.

Предшествующий обобщающий труд по отечественной истории — «Очерки истории СССР» — грешил известной односторонностью при освещении процесса социально-экономического развития в XVII—XVIII веках. В книгах «Очерков», посвященных XVIII в., подчеркивались преимущественно так называемые «ростки нового» — элементы капитализма, игнорировался бесспорный факт усиления феодализма и, в частности, укрепления его экономической основы — феодальной земельной собственности⁸. В новом издании этот недостаток в значительной мере преодолен. Во II—IV томах «Истории СССР» раскрываются происходившие одновременно развитие феодальных отношений и усиление зародившихся капиталистических связей. В этом отношении особенно показателен III том. Его ключевыми проблемами являются генезис капиталистических отношений и формирование абсолютизма. В их трактовку по сравнению с предшествующими коллективными трудами внесены уточнения частного порядка: дана более умеренная оценка так называемых новых явлений в экономической жизни XVII в. («ростков нового») и сделан акцент на развитие крепостнических отношений. В этой связи аргументированнее, чем раньше, показано усиление крепостничества в результате петровских преобразований.

Как известно, по проблеме генезиса капиталистических отношений в России долгие годы в советской исторической науке ведется оживленная полемика⁹. Эта проблема неоднократно обсуждалась и при подготовке II и III томов. Определились две основные точки зрения: одна часть ученых находит уже в XVI в. ростки новых, капиталистических отношений, другая — относит формирование капиталистического уклада к XVIII веку. И хотя проблема генезиса капитализма в России стоит

⁸ См. «Переход от феодализма к капитализму в России». М. 1969. стр. 7—8, 35.

⁹ См. дискуссию о так называемых «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, начатую еще в конце 50-х годов («Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 181—184; 1958, № 7, стр. 86—108; 1959, № 11, стр. 79—82; 1962, № 8, стр. 59—74; 1963, № 12, стр. 31—51; 1966, № 11, стр. 81—102), а также о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма («История СССР», 1961, № 6, стр. 60—79; 1962, № 3, стр. 8—105, № 6, стр. 65—87; 1963, № 1, стр. 119—141, № 3, стр. 85—103, 111—126; 1964, № 1, стр. 81—93, № 4, стр. 64—82; 1965, № 1, стр. 75—93, № 4, стр. 76—86; 1966, № 1, стр. 70—81, 237—241), о классовой борьбе крестьянства и становлении буржуазных отношений в России («Вопросы истории», 1964, № 12, стр. 27—63; 1965, № 1, стр. 164, 169); о мелкотоварном укладе в России XIX в. («История СССР», 1961, № 2, стр. 48—70; 1962, № 1, стр. 74—93; 1963, № 2, стр. 141—160, № 3, стр. 127—132, № 4, стр. 95—119).

в центре внимания советских историков-медиевистов, более или менее обоснованной и приемлемой для большинства специалистов концепции развития социально-экономических отношений средневековой России фактически все еще нет. Спор по ней пока что не привел к четкому определению характера ранних капиталистических связей.

Авторы III тома предложили свою периодизацию зарождения капиталистических отношений, выделив три этапа (вторая половина XVII в., первая половина XVIII в. и вторая половина XVIII в.). К третьему этапу отнесено появление капиталистического уклада. В томе получила отражение концепция двух линий в социально-экономическом развитии России в первой половине XVIII в.: с одной стороны, развитие и укрепление феодальных отношений, а с другой — становление нового, капиталистического способа производства. Вторая половина XVIII в. трактуется как начало кризиса феодального строя, причем признаки его показаны в томе полнее, чем в ранее вышедших работах. Во II томе заметна тенденция к некоторой переоценке степени развития товарного производства в XVI веке. Его авторы даже обнаружили в тот период «интенсивный процесс первоначального накопления капиталов» (т. II, стр. 148). После завершения работы над этими томами стала еще более очевидной необходимость всесторонней и глубокой разработки таких проблем, как формирование всероссийского рынка в XVII—XVIII вв., роль и место товарного производства, причины особой живучести феодальной системы хозяйства и т. п.

В III томе впервые и довольно полно освещены такие вопросы, как история церкви и ее раскола, а также быт различных слоев населения. К сожалению, приходится отметить, что не все авторские коллективы последовали примеру авторов I и III томов: так, для читателей II тома осталось неясно, что изменилось в бытовом отношении в жизни народных масс со времени Киевской Руси и до второй половины XVII века.

Как уже говорилось, одной из задач, стоявших перед авторским коллективом, являлось освещение того, как складывалась территория Русского государства. Во II, III и последующих томах шеститомника дана достоверная, основанная на убедительных фактах трактовка проблемы объединения народов в едином многонациональном государстве и в связи с этим вопроса о формировании русских государственных границ. В отличие от некоторых предшествующих работ советских историков в шеститомнике на основе всестороннего изучения фактов раскрывается процесс освоения русскими Сибири.

Помимо тех интересных методических попыток в освещении истории народов СССР, а также истории культуры, которые отмечены нами выше и в определенной мере связаны с именем ответственного редактора IV тома и первого руководителя сектора А. В. Фадеева, в данном томе решены или указаны пути к решению и других смежных и слабоизученных вопросов. Авторы, например, преодолели прежнюю трактовку кризиса феодального строя в первой половине XIX в. как состояния упадка и деградации экономики. Этот период предстает в томе временем бурной ломки устаревших экономических устоев, роста городов, развития новых производительных сил и расцвета национальной культуры. В результате удалось полнее показать нарастание конфликта между развивавшимися производительными силами и сдерживавшими их феодальными путами, проявление кризиса крепостного строя в общественной, политической и культурной жизни страны. Преимущественное же внимание в томе уделено сюжетам политической истории: Отечественной войне 1812 г., движению декабристов, внешней политике.

Работа над IV томом вскрыла и ряд существенных пробелов в историографии этого периода. Стало ясно, что у исследователей нет единого и достаточно четкого представления о характере промышленного переворота, его начале и этапах. Крестьянское движение (хотя оно и ос-

вещено в томе на основе новых документальных материалов и полнее, чем когда-либо раньше) также нуждается в дальнейшей разработке с точки зрения выяснения его реального места в социально-экономической и общественно-политической жизни страны.

К принципиальным достижениям авторского коллектива V тома следует отнести масштабность освещения первого демократического подъема, попытку раскрыть процесс формирования новых классов буржуазного общества. Как явление первостепенной значимости освещаются в томе распространение и упрочение на русской почве марксизма, начало ленинского этапа его развития. При освещении революционного движения в России конкретно раскрыты отмеченные В. И. Лениным исторические особенности формирования большевизма. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию,— писал В. И. Ленин,— Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹⁰. Правильность этой теории была доказана опытом «блужданий и шатаний» революционной мысли России с середины 40-х до середины 90-х годов XIX в. и всем опытом мирового революционного движения.

Как известно, в связи с подготовкой V тома оживленные дискуссии развернулись по истории второго, разночинского, буржуазно-демократического этапа революционного движения России, в особенности по истории народничества. И это понятно. К 50-м годам в изучении народничества историческая наука сосредоточилась главным образом на сопоставлении его теоретической основы с марксизмом. Естественным, что последующим этапом в изучении народничества стало выяснение качественных различий отдельных периодов его развития, оценка практической деятельности революционеров 70-х годов, связь народничества с революционным демократизмом. В дискуссиях выкристаллизовывалась мысль о подготовительном периоде каждого этапа движения, о преемственности их. Дискуссии позволили, по мнению редколлегии тома, более объективно подойти к определению роли революционных демократов конца 50-х — 60-х годов XIX в. и революционных народников 70-х годов XIX в., к оценке идейных основ народничества, эволюции народнической идеологии.

Вместе с тем надо признать справедливым тот упрек в адрес авторского и редакторского коллектива V тома, что ему не всегда удавалось представить в тесном органическом взаимодействии процессы социально-экономической и политической истории второй половины XIX века. В главах по экономике сделан крен в сторону истории народного хозяйства. Социальные процессы в этой части шеститомника могли быть проанализированы более полно, шире показаны образование полупролетариата в деревне и процесс пауперизации крестьянских масс.

VI том представляет собой первый опыт создания крупного обобщающего труда по истории России периода империализма. Том, раскрывающий нарастание экономических и политических предпосылок социалистической революции, содержит важные теоретические обобщения и выводы. Прошедшие в советской исторической науке дискуссии по проблемам особенностей аграрного строя России в начале XX в.¹¹, о содержании ленинского понятия «военно-феодальный империализм»¹², а также об особенностях революционного движения в России в начале XX в.¹³

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 8.

¹¹ См. «История СССР», 1960, № 4, стр. 210—212.

¹² См. «История СССР», 1962, № 1, стр. 223—226; «Вопросы истории», 1962, № 3, стр. 118—123; 1963, № 11, стр. 148—153.

¹³ О сессиях и конференциях, состоявшихся в 60-е годы по этой теме, см.: «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 150—153; 1965, № 1, стр. 169—172; «История СССР»,

и другие значительно обогатили содержание этого тома. История буржуазно-демократического этапа революции в России показана в томе через призму ленинской концепции трех политических сил: крепостники-помещики во главе с царизмом, либеральная буржуазия и революционная демократия, а не так, как это делалось прежде, когда на внутриполитической арене России представлялись два лагеря: единый помещичье-либеральный и революционно-демократический. В томе доказана несостоятельность представлений о России как полуколонии. Россия, хотя и находилась в зависимости от передовых государств Запада, сама была страной среднеразвитого капитализма и вместе с тем одной из империалистических держав, преследовавшей собственные цели в международной борьбе.

Особое значение имеет вывод о возникновении в XX в. нового типа революций, соединивших в себе три слившихся потока: пролетарское движение, антифеодальную борьбу крестьянства и национально-освободительное движение. Эти силы показаны в VI томе не статично, а в действии. В томе, по сути дела, впервые в нашей литературе развит ленинский тезис о том, что в 1917 г. шла борьба за выбор пути общественного развития, раскрыто, как и почему народы нашей страны под руководством партии большевиков отвергли капитализм и выбрали новый путь — к социализму. Таким образом, Октябрьская революция предстает как результат закономерного развития страны, как социальная сила, способная разрешить общенациональные задачи — ликвидировать отживший строй и вывести Россию на путь коренного общественного переустройства, на путь строительства социализма.

Следует отметить, что в V, VI томах важное место занимают историко-партийные вопросы, теснейшим образом связанные с первыми двумя томами «Истории КПСС» и изложенные, на наш взгляд, с соблюдением должных пропорций по отношению к другим проблемам гражданской истории. Взаимная же работа части авторов и редакторов в I—III томах «Истории КПСС» и V—VI томах многотомника «История СССР» максимально способствовала научной «увязке» материалов при создании этих книг.

И в V и в VI томах, как отмечалось, предпринята попытка раскрыть процесс классовообразования буржуазного общества, прежде всего его главных классов-антагонистов: пролетариата и буржуазии. Стало очевидным, что формирование пролетариата — сложный процесс, имеющий специфику в разных отраслях производства, — нуждается в более углубленном освещении. Видимо, теперь уже мало говорить только о двух этапах этого процесса — развитие «класса в себе» и «класса для себя»; необходимо четче представить рубежи внутри этих взаимосвязанных периодов складывания пролетариата. К сожалению, по-прежнему мало места уделено в последних томах шеститомника формированию буржуазии. Это зависит, как и в ряде других случаев, от отсутствия монографических исследований по проблеме. Россия в прошлом — мелкобуржуазная страна; однако в имеющихся работах, посвященных социальной структуре общества дореволюционной России, класс мелкой буржуазии обычно специально не рассматривается.

Обновленную интерпретацию и более конкретное историческое освещение получили в шеститомнике, кроме упомянутых выше, и некоторые другие «сквозные» проблемы, в том числе одна из сложнейших — проблема отсталости. Шеститомник на конкретных примерах раскрывает, что Киевская Русь по уровню экономического и культурного развития не от-

1962, № 4, стр. 218—221; 1965, № 2, стр. 180—183; 1966, № 3, стр. 213—217; «Вопросы истории КПСС», 1966, № 2, стр. 144—148; 1968, № 1, стр. 157—158; «Вестник» АН СССР, 1962, № 7, стр. 102—106; «Новая и новейшая история», 1966, № 2, стр. 173—175; «Украинский исторический журнал», 1962, № 2, стр. 153; «Известия» АН ЛатССР, 1961, № 10, стр. 107—109; 1966, № 3, стр. 144—148.

личалась от других раннефеодальных государств Европы. Отбросило Россию назад на несколько веков татаро-монгольское нашествие. Нельзя забывать и о польско-литовской, шведской интервенциях, которые также задержали складывание единого всероссийского рынка. В первой половине XVIII в. Россия стала на путь преодоления отставания от стран Запада. Но вследствие исторически затянувшегося господства крепостничества и его значительных остатков этот процесс происходил медленно. В начале XX в. ликвидация отсталости путем революционного переворота стала коренной исторической задачей страны.

Вопросы внешней политики занимают в томах «Истории СССР» большое место. Авторы стремились преодолеть иногда допускавшуюся ранее идеализацию некоторых дипломатических акций царского правительства. В то же время они учитывали объективные, нередко прогрессивные последствия ряда дипломатических акций и войн России, например, для народов Кавказа, Балкан. В этом издании дана оценка внешней политики царской России с классовых, партийных позиций. Вместе с тем при освещении внешней политики царизма обращалось внимание на ее эволюцию, на соотношение в ней в различные исторические периоды классовых и общенациональных задач и интересов, на роль внешних акций России в мировой политике. Заслуживает внимания предпринятая в отдельных томах попытка противопоставить официальной политике правящих кругов интернационалистскую позицию передовой общественности страны. И все же опыт подготовки шеститомника показал недостаточную изученность многих проблем внешней политики России.

Редакторский и авторский коллективы стремились всесторонне и глубоко показать роль России в истории человечества. Авторы исходили при этом из ленинского положения: «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹⁴. Будучи огромной континентальной державой, раскинувшейся на просторах двух частей света, Россия оказала существенное влияние на исторические судьбы многих народов Европы и Азии. Достаточно напомнить о выдающейся роли народов нашей Родины в борьбе против нашествий и ига монгольских ханов, в сокрушении наполеоновской империи, в освобождении от иноземного ига балканских народов. Велик вклад наших народов в сокровищницу мировой культуры. Гораздо шире, чем прежде, раскрыто в шеститомнике богатство интернациональных и культурных связей прогрессивной русской интеллигенции с передовыми зарубежными деятелями культуры. Став в начале XX в. центром мирового революционного движения и революционной мысли, Россия дала человечеству ленинизм и обогатила передовые, прогрессивные силы мира опытом массовых революционных действий, новыми формами пролетарской организации и пролетарской демократии. Подлинно научное освещение вопроса о роли России в мировой истории, о ее вкладе в общечеловеческую цивилизацию, данное в шеститомнике, послужит противоядием против фальшивых схем буржуазных историков, противопоставляющих Россию Европе, «Восток» — «Западу».

Как уже говорилось, в зарубежной печати появились отклики на первые тома многотомной «Истории СССР»¹⁵. Характерно, что наши идейные противники из буржуазных журналов, отрицательно относясь к методологической основе этих томов, признают, что подготовленное советскими историками обобщающее издание — «монументальный коллективный труд», выдающейся чертой которого является то, что в нем «находит должное отражение многонациональная структура Советского Союза». Первая серия «Истории СССР», с ее позитивным, хорошо документированным и объективным изложением истории нашей страны, дол-

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30. стр. 326.

¹⁵ «Canadian Slavic Studies», 1938, № 3, pp. 426—427.

жна послужить важным средством отпора фальсификациям истории России; она вносит свой вклад в идеологическую борьбу с антикоммунизмом и антисоветизмом.

Редакторский и авторский коллективы шеститомника отчетливо сознают, что отдельные проблемы не получили в этом труде должного освещения ввиду неразработанности их в советской исторической науке, наличия различных мнений и споров среди специалистов. Сейчас, после завершения серии, ясно ощущаются эти нерешенные проблемы — «белые пятна» в разработке отечественной истории. Кроме названных выше, к ним относятся такие, например, как русский абсолютизм, его генезис, особенности и этапы развития. В настоящее время по этой проблеме развернулась интересная дискуссия¹⁶, но до полной ясности еще, видимо, далеко. Нуждается в изучении история государственных учреждений, как центральных, так и местных, на всем протяжении отечественной истории. В качестве первоочередной задачи остается изучение естественноисторического процесса формирования русской национальной территории и хозяйственного освоения огромных пространств страны.

Нелегко было преодолеть трудности, связанные с отсутствием монографических исследований по вопросам формирования классов и сословий — крестьянства, дворянства, особенно для XVII—XVIII вв., а также пролетариата, буржуазии и мелкой буржуазии — для последующего времени. Настоятельно необходимы также исследования о зарождении и развитии буржуазных и мелкобуржуазных идеологических течений и партий, а также о борьбе с ними революционной социал-демократии.

Явно недостаточно исследованы в монографических работах такие проблемы, как развитие производительных сил, время утверждения капиталистического уклада, степень его «внедрения» в экономику страны, сила его влияния на надстроечные явления (например, в первой половине XIX века). В связи с неразработанностью проблемы многоукладности российской экономики некоторые интересные обобщения на сей счет носят в VI томе априорно-теоретический характер. Широкое поле деятельности для советских историков представляют демографические сюжеты, освещенные в шеститомнике, к сожалению, в самом общем виде. Проблемы этногенеза, взаимосвязи народов многонациональной России, формы национальной политики царского самодержавия на западных и восточных окраинах, национально-освободительная борьба народов России также нуждаются в дальнейших исследованиях.

Не случайно в перспективном плане Института истории СССР АН СССР предусмотрена монографическая разработка таких проблем, как классовообразование и эволюция классов феодального и буржуазного обществ, соотношение феодально-крепостнических и капиталистических начал в XVI—XVIII вв., особенности и этапы формирования всероссийского рынка, исторические корни живучести абсолютизма в России, основные направления общественно-политической мысли и общественного движения (включая консервативно-охранительное) в XVII — начале XX в., кризис царского самодержавия, революционные ситуации XX в., взаимодействие и роль различных укладов российской экономики, история буржуазных и мелкобуржуазных партий, альтернативность путей исторического развития России в начале XX в., и других.

В связи с быстрым развитием советской исторической науки в шеститомнике не всегда в достаточной мере использовались данные и выводы новейшей литературы по некоторым частным вопросам. Примеры такого рода можно привести из разных периодов истории, которые охватил шеститомник. Так, о народном движении под руководством И. Балаша

¹⁶ См. «История СССР», 1968, № 2, стр. 82—104. № 4, стр. 76—85; 1969, № 1, стр. 58—78, № 3, стр. 130—149.

в 1633—1634 гг. во втором томе упомянуто лишь вскользь. Между тем это выступление играло важную роль в общем русле классовой борьбы 30—40-х годов XVII в., свидетельствовало об изменении характера массовых движений этого времени. В III томе, например, приведены данные о количестве мануфактур в XVIII в.; эти данные устарели раньше, чем том вышел в свет. К сожалению, в материалах по Отечественной войне 1812 г. не использовались пронизанные духом просветительства листовки народного ополчения, которые глубоко раскрывают идейную борьбу с наполеоновским нашествием, указывают на связь идей этого времени с декабристским движением. По истории второй половины XIX в. слабо использованы выводы новейшей литературы об особенностях экономической политики царизма и насаждении им капитализма «сверху».

И, наконец, о форме изложения. Надо признать, что задуманное удалось осуществить далеко не полностью: наряду со многими главами, свежо, содержательно и интересно написанными, почти во всех томах имеются разделы невыразительные, скучные. Это свидетельствует о том, что историкам настоятельно необходимо совершенствовать свое авторское мастерство.

Подводя итоги, можно отметить, что в ходе работы над шеститомником объединились и показали свои возросшие творческие возможности научные силы в области изучения отечественной истории дооктябрьского периода всех национальных республик. Эта работа позволила как бы единым взором окинуть пройденный путь и точнее оценить современный уровень советской исторической науки, увидеть ее сильные и слабые стороны. Создатели шести томов не только умножили имеющийся опыт по подготовке крупных обобщающих трудов, но и подвели итог исследовательской работы в области отечественной истории дооктябрьского периода за несколько десятилетий. Много сделано для дальнейшего совершенствования общей концепции исторического процесса народов СССР. В этом, на наш взгляд, главное значение шеститомника в развитии советской историографии.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ВОЙСКА В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И. И. Шинкарев

5 октября 1947 г. у Дукельского перевала состоялись не раз повторявшиеся с тех пор торжества, посвященные третьей годовщине со дня перехода чехословацкой границы освободителями — советскими и чехословацкими войсками. На торжественном митинге выступил министр национальной обороны Чехословацкой республики (ЧСР) генерал армии Л. Свобода. Дукельский перевал, заявил он, стал теми воротами, через которые в Чехословакию вступили свобода, радость, освобождение и жизнь. От Дукельского перевала дорога вела в Кошице, оттуда через Братиславу и Брно в Прагу, которая была спасена и освобождена частями Красной Армии. Мюнхен и Дукельский перевал — это рубежи нашей истории. Если Мюнхен является символом капитуляции, измены и начала второй мировой войны, символом временной победы фашизма над демократией, то Дукельский перевал — это символ огромного напряжения сил в борьбе с гитлеровцами за свободу и независимость Чехословакии¹. Чешский и словацкий народы внесли достойный вклад в дело разгрома фашизма. Главный фронт их борьбы против гитлеризма с начала второй мировой войны находился на территории самой Чехословакии. Но решающее влияние на размах и успехи их сопротивления фашизму оказали великие победы Красной Армии, а также постоянная моральная и материальная помощь Советского Союза людьми, ресурсами и оружием партизанам на территории Чехословакии. В данной статье на основе имеющейся литературы, архивных документов и материалов рассказывается об одном из важнейших участков антифашистской борьбы патриотов Чехословакии, находившемся на советско-германском фронте, решающем фронте второй мировой войны, а также о братском, бескорыстном и многостороннем содействии Советского Союза в создании чехословацких воинских частей и соединений, из которых выросла Чехословацкая Народная армия.

Юридическим документом, определившим создание чехословацких воинских частей в СССР, явилось соглашение между Советским и Чехословацким правительствами от 18 июля 1941 г. о совместных действиях и взаимопомощи в войне против фашистской Германии. «Чехословацкие воинские части на территории Союза Советских Социалистических Республик, — говорилось в соглашении, — будут действовать под руководством верховного военного командования Союза Советских Социалистических Республик»². Затем 27 сентября 1941 г. было подписано военное соглашение. В нем говорилось, что чехословацкие воинские ча-

¹ «Красная звезда», 8. X. 1947.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы. Т. 1. М. 1946, стр. 134.

сти, формируемые на территории СССР, предназначаются для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии; численность и количество этих частей будут зависеть от наличия чехословацких граждан в СССР и возможностей материального снабжения; вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и прочее будут поставляться правительством ЧСР, а продовольственное снабжение — правительством СССР. Было также решено, что связь между заинтересованными инстанциями станет осуществляться через чехословацкую военную миссию при Верховном Главнокомандовании СССР в Москве и советскую военную миссию при Верховном командовании Чехословакии в Лондоне³.

Чехословацкое правительство во главе с президентом Э. Бенешем с началом оккупации страны гитлеровцами эмигрировало в Англию, премьер-министр которой Невилл Чемберлен 29 сентября 1938 г. подписал с Гитлером Мюнхенское соглашение о начале расчленения Чехословакии. При решении вопроса о создании чехословацких освободительных войск на территории СССР правительство Бенеша проводило в основном линию, чуждую подлинным интересам своей страны. Оно стремилось ограничиться созданием символической воинской части, которую можно было бы после освобождения использовать для сохранения в стране буржуазных порядков. С этой же целью оно сдерживало активную борьбу народных масс Чехословакии против гитлеризма, делая ставку прежде всего на «свое» подполье, на «свои» кадры Сопротивления.

Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), стремясь расширить ряды антифашистского национального фронта, признала эмигрантское правительство в Лондоне в качестве представителя ЧСР за границей, поддерживала те его мероприятия, которые помогали национально-освободительной борьбе, и требовала от этого правительства согласия на увеличение чехословацких воинских формирований в СССР. Московское бюро ЦК КПЧ, возглавляемое К. Готвальдом, проводило большую работу среди чехословацких войск в СССР, готовя их к борьбе совместно с Красной Армией против фашизма. Однако эта работа велась в особых условиях, так как официальная деятельность КПЧ в войсках ЧСР была тогда запрещена.

Первым чехословацким воинским подразделением (затем частью) в СССР явился Отдельный пехотный батальон усиленного состава. Он формировался в г. Бузулук, Чкаловской области, в составе трех пехотных, пулеметной и минометной рот, батареи противотанковых орудий и отдельных взводов: разведки, связи и снабжения. Согласно штатному расписанию, численность батальона определялась в 802 человека (в том числе 141 офицер). Командиром батальона был назначен подполковник Людвик Свобода. 12 декабря 1941 г. командование батальона, приняв от Бузулукского горсовета необходимые помещения, приступило к работе. Воинская часть формировалась в суровых зимних условиях. К тому же возникли трудности с вооружением. Как уже отмечалось, вооружение чехословацких воинских частей в СССР брало на себя правительство ЧСР, рассчитывавшее на помощь Англии. Однако английское правительство намеренно затягивало решение вопроса о посылке нужного вооружения. В связи с этим 23 октября 1941 г. чехословацкий министр Рипка от имени своего правительства обратился к советскому послу при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолу с просьбой выяснить вопрос о возможности «вооружить советским оружием и обмундировать тот единственный чехословацкий батальон, который сформиро-

³ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М. 1960, стр. 18—20.

ван в СССР»⁴. Советское правительство удовлетворило эту просьбу и приняло на себя расходы, связанные с формированием и подготовкой сначала этого батальона, а потом и других частей и соединений ЧСР на нашей территории.

Наиболее важные вопросы, связанные с укомплектованием и обеспечением частей и соединений, обсуждались на заседаниях советско-чехословацкой смешанной комиссии. В ее состав входили: от СССР — начальник Генерального штаба, уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям и их представители; а от ЧСР — глава военной миссии, командир формируемой воинской части и их представители. Комиссия приступила к работе в январе 1942 года. Она собиралась на заседания по предложению одной из сторон и по мере необходимости.

7 февраля 1942 г. в Бузулуке начала работать специальная комиссия для отбора добровольцев в чехословацкий батальон. Представители чехословацкого эмигрантского министерства национальной обороны в Лондоне стремились, чтобы в батальон попало как можно меньше членов КПЧ и вообще граждан, дружественно настроенных к СССР. Глава чехословацкой военной миссии в СССР полковник Г. Пика настаивал, чтобы на командные должности назначались офицеры, вызванные из Англии, и не соглашался с выдвижением прогрессивно настроенных младших командиров. Все это затягивало укомплектование батальона. К плановым занятиям солдаты смогли приступить только 9 марта 1942 года⁵. Несмотря на препятствия, чинимые военной миссией, Московское бюро ЦК КПЧ сумело направить в батальон группу чехословацких коммунистов. Они стали примером в учебе и дисциплине, действительно старались убедить солдат и офицеров в том, что путь на родину лежит через совместную с Красной Армией борьбу против фашистской Германии и ее союзников. Источником комплектования формирований чехословацких войск в СССР стала демократическая эмиграция — 2 500 граждан ЧСР, перешедших советскую границу после расчленения ЧСР, а также проживавшие в СССР эмигранты из числа безработных или же лиц (в основном коммунистов), преследовавшихся правящими классами домюнхенской республики. В дальнейшем не исключалась возможность комплектования чехословацких войск в СССР за счет добровольцев — чехов и словаков, насильственно призванных в фашистскую армию, а затем попавших в советский плен.

В формируемый батальон входили граждане разных профессий и возрастов; неодинаковым было и их мировоззрение. Здесь были и коммунисты и люди, враждебно настроенные к Советскому Союзу, все еще находившиеся под влиянием буржуазной пропаганды. Большинство личного состава никогда не служило в армии и поэтому начинало изучение военного дела с азов. Другие не подходили для военной службы по возрасту или по состоянию здоровья, но они тоже хотели внести свой вклад в дело разгрома фашизма. Все это вызывало определенные трудности в работе.

Большую заботу о батальоне проявили партийные и советские организации города и района Бузулука. Рассказы чехословацких ветеранов войны, историков, писателей, журналистов, работников кино и радио, неоднократно побывавших в Бузулуке и других местах СССР, где находились чехословацкие войска, ярко воссоздают дружескую атмосферу, сложившуюся вокруг этих формирований, заботу и внимание советских людей к чехословацким воинам.

Напряженная работа по морально-психологической и политической

⁴ Там же, стр. 22. Так указано в документе. В действительности чехословацкий батальон в октябре 1941 г. не был еще сформирован.

⁵ «Рождение Чехословацкой Народной армии». Сборник статей. М. 1959, стр. 91.

подготовке батальона для боевых действий на фронте велась просветительно-воспитательным аппаратом. Помощником командира во всех ротах и при штабе батальона обязательно был офицер-просветитель, которому подчинялось военное бюро пропаганды, состоявшее из начальника бюро, инструктора по пропаганде, редактора, начальника клуба и библиотекаря. Цели воспитательной работы были сформулированы в одном из приказов по воинской части (батальон, став Отдельным, превратился из подразделения в часть)⁶. В нем говорилось, что следует убеждать воинов в необходимости укрепления национальной обороны; воспитывать в них чувство патриотизма, любви и доверия к командиру и товарищам, а также лучшие качества воинской доблести — презрение к смерти, безграничную преданность борьбе за свободу народа, ненависть к врагу; ограждать воинов от какого бы то ни было деления — политического, национального, религиозного и расового — и оценивать бойцов только по их воинским качествам; добиваться, чтобы все мысли и действия офицеров и солдат были устремлены на борьбу за свободную Чехословакию в свободной Европе.

В батальоне выходила газета «Ческословенски листы»⁷. Она снискала большую популярность и сыграла важную роль в повышении морального духа и политического сознания солдат и офицеров. Этот печатный орган стал той трибуной, с которой чехословацкие воины могли обращаться к своим товарищам, находившимся за границей, а также на родине, ибо экземпляры газеты пересылались туда через партизан. Московское бюро ЦК КПЧ регулярно поддерживало связь с батальоном, информировало его личный состав о положении в Чехословакии, об обстановке на фронтах, о задачах и возможных направлениях боевых действий совместно с войсками Красной Армии.

В октябре 1942 г. батальон получил совершенно новое советское оружие, доставленное прямо в заводской упаковке. Солдаты и офицеры понимали, что в скором времени они могут быть направлены на фронт, и поэтому занимались боевой подготовкой особенно усердно.

К середине ноября 1942 г. батальон, по мнению его командования, был готов для выполнения боевых задач. 22 ноября Л. Свобода без согласия правительства Бенеша, не желавшего посылать батальон на фронт, но в соответствии с точкой зрения ЦК КПЧ направил телеграмму Советскому Верховному Главнокомандованию, в которой писал: «Прошу назначить дату выезда батальона из Бузулука 10.12.1942 года на один из участков советско-германского фронта»⁸. В целях выявления боевой готовности батальона туда была направлена группа офицеров всех родов сухопутных войск и служб Управления инспектирования и боевой подготовки Красной Армии, которая подтвердила мнение командования батальона⁹ о его боевой готовности.

В начале декабря в торжественной обстановке батальону вручили боевое знамя, на котором были начертаны пламенные слова Яна Гуса: «Правда победит!» К моменту отбытия части на фронт, а это произошло 30 января 1943 г., в ней насчитывалось 974 чел., в том числе 50 коммунистов. На ее вооружении имелось: винтовок — 663, автоматов — 27, ручных и станковых пулеметов — 48, противотанковых ружей — 16, орудий и минометов — 20¹⁰. В Бузулуке оставался созданный к тому времени чехословацкий запасный пехотный полк, сформированный согласно решению Народного комиссара обороны СССР от 20 ноября 1942 года. При полке функционировали трехмесячные кур-

⁶ Архив МО СССР, ф. 19, оп. 11539, д. 2, лл. 53—54.

⁷ В состав редакции входили З. Неедлы, В. Копецкий, Я. Шверма и др.

⁸ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 59.

⁹ Архив МО СССР, ф. 56, оп. 12238, д. 65, лл. 1—2.

¹⁰ Там же, ф. 113-А, оп. 2638, д. 17, лл. 97—98.

сы по подготовке офицеров и двухмесячные курсы по подготовке унтер-офицеров.

1 марта 1943 г. батальон прибыл в Харьков. Заместитель командующего Воронежским фронтом генерал Д. Т. Козлов поставил ему боевую задачу: выйти в район деревни Соколово (южнее Харькова), где занять оборону и не пропустить к Харькову через реку Мжа ни одного вражеского танка. 8 марта у Соколово батальон с честью выдержал боевое крещение. Было уничтожено 22 немецких танка и 400 солдат. За мужество и героизм, проявленные в бою у Соколово, 87 воинов 1-го чехословацкого батальона были награждены советскими орденами и медалями. Надпоручику Отакару Ярошу, погибшему смертью храбрых в этом сражении, было первому из иностранцев присвоено (посмертно) звание Героя Советского Союза. Командира батальона полковника Л. Свободу наградили орденом Ленина. Советские люди бережно хранят память о бессмертном подвиге русских и украинцев, чехов и словаков, сражавшихся у берегов Северского Донца. В селе Соколово открыт Музей советско-чехословацкой дружбы. В центре села воздвигнут гранитный обелиск. На нем высечены слова: «Минут века, но в памяти благодарных поколений навсегда сохранятся героические подвиги советских и чехословацких воинов, павших в борьбе против фашизма».

В военном отношении действия 1-го чехословацкого пехотного Отдельного батальона, несмотря на героизм его солдат и офицеров, показали, что такая незначительная воинская часть не в состоянии решать достаточно масштабные и сложные боевые задачи. В связи с этим появилась необходимость создать более крупную воинскую единицу. Чехословацкое командование возбудило ходатайство перед советскими властями о формировании отдельной пехотной бригады. Эта просьба была удовлетворена. 19 апреля 1943 г. ГКО СССР принял постановление о создании на территории СССР 1-й чехословацкой пехотной бригады. В нем указывалось, что ее костяком должен послужить личный состав упомянутого батальона, находившегося в тот момент в резерве командующего Воронежским фронтом, и запасного чехословацкого пехотного полка в Бузулуке. Местом формирования бригады был определен город Новохоперск, Воронежской области. Материальное и финансовое обеспечение этой части возлагалось на Народный Комиссариат Оборона СССР¹¹.

В тот же день состоялось заседание смешанной советско-чехословацкой комиссии, на котором уполномоченный Ставки ВГК по иностранным формированиям довел до членов комиссии решение Государственного Комитета Оборона. Численность бригады была определена в 2 581 чел., а общая численность чехословацких войск, находившихся на территории СССР, — в 4 500 человек. В бригаде предполагалось иметь два пехотных батальона, артиллерийский и зенитно-артиллерийский дивизионы, роты связи и саперную, разведотряд, а также тыловые подразделения и учреждения. Кроме того, создавалась офицерская школа на 180 чел. и школа младших командиров на 225 человек. Запасный пехотный полк сохранялся в качестве базы пополнения бригады.

Вопрос о подготовке новых кадров для чехословацких войск в течение всей войны оставался довольно трудным из-за позиции, занимаемой министерством национальной обороны эмигрантского правительства. Это правительство, вспоминал Л. Свобода, «запретило посылать наших людей на специальные курсы при советских военных училищах, а в собственн чехословацкие офицерские школы принимать тех, кто не имел аттестата зрелости. Больше того, в 1943 году чехословацкое МНО в Лондоне строго запретило присваивать офицерские звания тем, у кого не было этого аттестата, хотя бы они и проявили себя в боях как отваж-

¹¹ Там же, ф. 19, оп. 11539, д. 21. лл. 6—8.

ные и способные командиры и даже окончили офицерские школы»¹². Кадровый вопрос являлся предметом обсуждения на многих заседаниях советско-чехословацкой военной комиссии. Порядок пополнения офицерами формируемых частей приобретал большое политическое значение. Глава чехословацкой военной миссии в СССР полковник Пика на заседании комиссии 2 февраля и 15 апреля 1943 г. настойчиво добивался разрешения советского командования на приезд из Англии двадцати старших офицеров. Уполномоченный Ставки ВГК по иностранным формированиям разъяснил, что приезд этих офицеров не разрешит всей проблемы командных кадров. Наиболее действенной формой пополнения, по мнению советского представителя, явилось бы расширение офицерских курсов и производство в офицеры отличившихся в боях унтер-офицеров. В конце концов вопрос был решен.

Длительное время обсуждался также вопрос о назначении командира бригады. В Лондоне на эту должность предлагали полковника Я. Крадохвила¹³. Советское командование считало целесообразным назначение полковника Л. Свободы, который, командуя батальоном, уже проявил себя хорошо подготовленным военачальником. В итоге было принято последнее предложение. Наконец, в соглашении, заключенном 28 мая 1943 г. в Москве между правительствами СССР и ЧСР, подтверждалось, что все расходы по вооружению чехословацких войск и их содержанию на территории СССР берет на себя Советское правительство. Чехословацкое же правительство обязалось оказывать необходимую материальную помощь Красной Армии, когда она вступит на территорию ЧСР¹⁴.

Формирование и подготовка бригады к боевым действиям были проведены в более короткие сроки, чем это имело место с батальоном. Менее чем через три месяца соединение было в основном укомплектовано и вооружено. К 20 июля в нем, включая кадры офицерской школы и школы младших командиров, насчитывалось 2 958 человек. Большинство личного состава бригады составляли украинцы (напомним, что Закарпатская Украина воссоединилась с УССР только после Мукачевского манифеста Съезда народных комитетов от 26 ноября 1944 г. и согласно советско-чехословацкому договору от 29 июня 1945 г.) — 1 755 чел.; чехов и словаков было 594, представителей других национальностей — 102. 2 320 чел. в бригаде являлись гражданами ЧСР, 91 — СССР, 30 — Польши¹⁵. Кроме того, в бригаде находились в качестве инструкторов и специалистов 32 офицера, 110 сержантов и солдат Красной Армии. Бригада располагала тогда 2 142 винтовками, 508 автоматами, 132 ручными, станковыми и зенитными пулеметами, 56 противотанковыми ружьями, 70 орудиями и минометами, 10 танками, 10 бронемашинами, 142 автомашинами.

Несмотря на противодействие чехословацкого министерства национальной обороны в Лондоне, 30 мая было отправлено из бригады в Тамбовский учебный центр для подготовки танкистов 36 офицеров, унтер-офицеров и рядовых, а в 127-й учебный автомобильный батальон для подготовки шоферов — 63 рядовых. С июля началась планомерная подготовка по сколачиванию подразделений, частей и соединения в целом. При боевой подготовке руководствовались уставами Красной Армии. Чехословацкие воины, как отмечалось еще в годы войны, проверили на деле «золотую нить устава Красной Армии — маневр на полное уничтожение врага»; чехи и словаки, оценивая готовность идти на этот маневр

¹² Л. С в о б о д а. От Бузулука до Праги. М. 1963, стр. 176.

¹³ Полковник Я. Крадохвил в марте 1943 г. прибыл в СССР из Англии, где он командовал чехословацкой бригадой. 5 апреля вступил в командование запасным пехотным полком в Бузулуке.

¹⁴ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 82—83.

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 19, оп. 11539, д. 21, л. 90.

с меньшими силами, проводили естественную параллель между суворовским искусством «воевать не числом, а умением» и давним изречением Яна Жижки «противника не бойтесь, на его количество не смотрите»: чехословацкие офицеры поняли также, что «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами своей души»¹⁶.

В ходе боевой подготовки большое внимание обращалось на физическую выносливость и спаянность войск. Почти все занятия проводились в поле, с ночными привалами в лесу. Такой метод занятий был не по душе некоторым офицерам, прибывшим из-за границы¹⁷. Они считали ниже своего достоинства ночевать в лесу вместе с солдатами, принимать пищу из солдатского котла, личным примером показывать подчиненным, как следует окапываться под вражеским огнем и преодолевать водную преграду. Понадобилось время, чтобы весь офицерский состав стал относиться к своим обязанностям более ответственно.

С 27 по 31 августа проводились бригадные учения, на которых присутствовали лидеры КПЧ К. Готвальд и Я. Шверма. Они дали высокую оценку действиям соединения. Во время подготовки большое внимание уделялось политическому воспитанию личного состава. Фактически оно стало делом Коммунистической партии Чехословакии. В советские военные училища, а также в офицерскую и унтер-офицерскую школы при бригаде стремились направить как можно больше коммунистов. К лету 1943 г. среди курсантов офицерской школы около 30% составляли члены КПЧ¹⁸. 12 сентября 1943 г. в Новохоперске 1-й чехословацкой бригаде в торжественной обстановке вручили боевое знамя прежнего батальона, а 20 сентября поступило распоряжение Генерального штаба Красной Армии об отправке бригады в действующую армию. 30 сентября на фронт ушел первый эшелон. В то время бригада насчитывала 3517 человек. На ее вооружении имелось 20 танков, 10 бронемашин, 212 тягачей и автомашин, 62 мотоцикла, 58 орудий и минометов, 99 пулеметов.

В связи с отбытием соединения на фронт Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин направил командиру телеграмму. В ней, помимо пожеланий успеха в боевых делах, говорилось: «Совместная борьба чехословацких воинских частей бок о бок с Красной Армией против гитлеровских захватчиков еще больше закалит чехословацких солдат и офицеров, которые, являясь вооруженным отрядом свободолюбивого народа, принесут вместе с Красной Армией освобождение своей родине. Можете быть уверены, что Красная Армия и в дальнейшем будет оказывать чехословацкому народу всяческую поддержку в его борьбе за освобождение Чехословакии от гитлеровских захватчиков»¹⁹. Бригада была включена в состав 1-го Украинского (бывшего Воронежского) фронта. Это отвечало желанию командования бригады, которое Л. Свобода высказал еще 28 мая в письме на имя командующего фронтом²⁰. Стремление чехословацких товарищей вести боевые действия в составе этого фронта объяснялось боевыми традициями, зародившимися еще у Соколово, а также тем, что войска данного фронта, действуя на киевском направлении, могли раньше других выйти к границам Чехословакии.

В ноябре 1943 г. бригада, усиленная 868-м советским истребительно-противотанковым полком, принимала участие вместе с войсками 38-й армии в освобождении Киева. Командир бригады накануне боя призвал чехословацких воинов сражаться за столицу Украины так же ге-

¹⁶ «Славяне», 1944, № 10, стр. 28.

¹⁷ 3 июля 1943 г. в 1-ю чехословацкую бригаду прибыло 90 чехословацких офицеров из Палестины.

¹⁸ «За освобождение Чехословакии», М. 1965, стр. 31.

¹⁹ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 116.

²⁰ Там же, стр. 80—81.

роически, как они стали бы сражаться за Прагу и Братиславу. Поставленная перед соединением задача была успешно выполнена. В боях за Киев оно уничтожило около 630 немецких солдат и офицеров, подбило 6 танков и самоходно-артиллерийских установок. За образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом доблесть и мужество бригаде была объявлена в приказе Верховного Главнокомандующего благодарность, а Президиум Верховного Совета СССР наградил ее орденом Суворова 2-й степени²¹. Она явилась первым иностранным воинским соединением, награжденным советским орденом. Боевые дела чехословацких воинов были высоко оценены Советским правительством: 139 офицеров, унтер-офицеров и рядовых наградили орденами и медалями; поручик А. Сохор и подпоручик Р. Тесаржик были удостоены звания Героя Советского Союза; командира бригады Л. Свободу наградили орденом Суворова 2-й степени.

Затем бригада в составе 40-й армии участвовала в освобождении Белой Церкви, за что была награждена орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. Советскими орденами и медалями были отмечены еще 44 чехословацких воина²². В период Корсунь-Шевченковской операции бригада успешно отражала вражеские атаки пехоты и танков в районе Жашкова. На этом фронте она находилась до 7 марта 1944 года. Руководители КПЧ направили ее командиру поздравление, в котором указывали: «Смелые подвиги воинов бригады, сражающихся бок о бок с Красной Армией за свободу нашей Родины, являются гордостью всех народов Чехословакии и дают всему нашему народу дома моральную поддержку в тяжелой борьбе против немецких тиранов, еще более укрепляют неразрывную связь с нашим верным и могучим союзником, Советским Союзом»²³.

Во второй половине 1943 г. на территории СССР началось создание чехословацких танковых и авиационных частей. По просьбе чехословацкой стороны Генштаб КА 23 сентября отдал директиву о формировании танкового батальона в городе Ефремове, Тульской области²⁴. 5 октября глава чехословацкой военной миссии в СССР по поручению президента Бенеша обратился к Советскому Верховному Главнокомандованию с просьбой о создании эскадрильи истребительной авиации. В письме указывалось: «Прошу, чтобы, в случае положительного решения нашего ходатайства, Верховное командование Красной Армии предоставило в распоряжение чехословацких летчиков авиационный материал и обеспечило также эскадрилью как наземной, так и механической службами для ухода за машинами»²⁵. Советские директивные органы рассмотрели эту просьбу, и 22 октября было отдано соответствующее распоряжение²⁶. Эскадрилья формировалась в районе г. Иваново при 6-й запасной авиационной бригаде, обеспечивалась материальной частью, вооружением советского производства и обслуживалась советским техническим персоналом. Некоторые летчики (21 чел.) прибыли из Англии. Подготовка авиационных специалистов из числа чехословацких военнослужащих осуществлялась и в СССР. 15 чел. проходило обучение в Вязниковской авиашколе пилотов, 10 чел. — во 2-й Вольской авиашколе механиков. Позднее в эти школы было направлено из бригады еще по 10 военнослужащих.

В авиационных училищах чехословацкие военнослужащие обучались от шести месяцев до года. Большинство из них успешно окончили учи-

²¹ «Известия», 7. XI. 1943.

²² «Известия», 5. I. и 24. III. 1944.

²³ «Za Armadu Lidu». Sbornik dok. Praha. 1960, str. 231.

²⁴ Архив МО СССР, ф. 15-А, оп. 162, д. 63, ч. 1, л. 36.

²⁵ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 111.

²⁶ Там же, стр. 123.

лище и были хорошо подготовлены к действиям в боевой обстановке. Об отношении к курсантам — чехам и словакам можно судить по письмам главы чехословацкой военной миссии в СССР уполномоченному СНК СССР и Ставки ВГК по иностранным формированиям. В одном из них говорилось, что чехословацкие курсанты «материально прекрасно обеспечены, и отношение со стороны советских инструкторов в высшей мере корректное и дружеское»²⁷. Подготовка командных кадров для чехословацких войск шла и в других военно-учебных заведениях. Чехословацкие отделения имелись в Рязанском пехотном, Смоленском артиллерийском, 1-м Саратовском танковом, Московском инженерном училищах и в Мурманском училище связи.

11 декабря 1943 г. в Москву прибыл президент ЧСР Э. Бенеш, а на следующий день был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. Это был первый международный акт после 1938 г., в котором ЧСР выступала как полноправная договаривающаяся сторона. Данный договор, по образному выражению К. Готвальда, означал, что чехословацкий национальный и государственный корабль нашел надежную гавань²⁸. Во время пребывания в Москве Бенеш имел встречи и беседы с И. В. Сталиным, в ходе которых, кроме общеполитических и международных тем, обсуждались вопросы о формировании чехословацких воинских частей на территории СССР, о помощи СССР чехословацкой армии на заключительном этапе войны и о послевоенном сотрудничестве чехословацкой армии с Красной Армией²⁹.

Тогда же состоялись переговоры между КПЧ и Бенешем. В них приняли участие Клемент Готвальд, Ян Шверма и Вацлав Копецкий. Необходимость таких переговоров была очевидной. Красная Армия подходила к границам Чехословакии. Требовалось выяснить обоюдные точки зрения на строительство новой жизни в освобожденной стране. Не менее важным был вопрос о движении Сопротивления в Чехословакии. Руководству КПЧ было известно стремление министерства национальной обороны чехословацкого правительства в Лондоне направить с ведома и согласия Бенеша борющиеся с фашизмом силы внутри страны на восстановление буржуазной республики. Для этой цели был создан специальный штаб строительства вооруженных сил, который начал функционировать 15 января 1943 года³⁰. На него возлагались: подготовка войск, находящихся за границей, к боевым выступлениям во взаимодействии с местными организациями; строительство вооруженных сил на территории Чехословакии. Для этого дислоцировавшаяся в Англии чехословацкая пехотная бригада в апреле 1943 г. стала переформировываться в танковую бригаду. Продолжали функционировать специальные курсы парашютистов, где в основном обучались курсанты офицерской школы. Этими мероприятиями эмигрантское правительство стремилось к тому, чтобы находившиеся на Западе чехословацкие войска с помощью англичан первыми вступили на родную землю. Об этом же свидетельствовало и финансовое соглашение с английским правительством от 21 января 1943 г., в котором говорилось о возможном присутствии английских войск в Чехословакии³¹. В результате переговоров с Бенешем представители КПЧ добились согласия президента с их предложениями как по политическим вопросам, так и по вопросам расширения чехословацких воинских частей в СССР и активного их использования на советско-германском фронте.

²⁷ Архив МО СССР ф. 113-А оп. 2636 л. 17 л. 280

³⁰ См. «Рождение Чехословацкой Народной армии», стр. 166.

³¹ Там же, стр. 164, 168.

После переговоров между Э. Бенешем и И. В. Сталиным было принято решение ГКО 30 декабря 1943 г. о формировании чехословацкой парашютнодесантной бригады³². Это соединение стало первым и единственным подобного рода в составе иностранных войск, формируемых на территории СССР. Бригада создавалась в районе г. Ефремова. На ее укомплектование были направлены добровольно перешедшие на сторону Красной Армии солдаты и офицеры словацкой моторизованной дивизии³³ и переменный состав запасного полка, который был передислоцирован из Новохоперска в Ефремов. К концу 1943 г. чехословацкие войска в СССР состояли из двух бригад (пехотной и парашютнодесантной), танкового батальона, запасного пехотного батальона, авиаэскадрильи. Общая их численность — 4 084 чел., а на вооружении имелось 2 578 винтовок и карабинов, 529 автоматов, 178 ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов, 62 противотанковых ружья, 58 орудий и минометов, 20 танков, 10 бронемашин³⁴.

С освобождением весной 1944 г. ряда западных районов Украины, где проживало много чехов и словаков, и выходом Красной Армии на советско-чехословацкую границу появился новый источник пополнения чехословацких войск в СССР. Развертывание новых формирований отвечало стремлениям чехов и словаков принять более активное участие в освобождении своей страны от гитлеровских оккупантов. 3 апреля 1944 г. Верховный Главнокомандующий рассмотрел и одобрил просьбу командования чехословацких войск о реорганизации чехословацких подразделений, частей и соединений в армейский корпус³⁵. 10 апреля Генштаб КА отдал директиву о формировании 1-го чехословацкого армейского корпуса в г. Ровно, на что были отведены весьма ограниченные сроки. Это было вызвано обстоятельствами политического характера: чехи и словаки хотели побыстрее получить крупное соединение для действий на родной территории.

В составе корпуса предусматривались три бригады (1-я и 3-я пехотные и 2-я парашютнодесантная), полки — артиллерийский, танковый, истребительно-противотанковый, зенитно-артиллерийский и авиационный истребительный, батальоны — связи, саперный и медико-санитарный. Предусматривалось направить 400 чехословацких военнослужащих на учебу в советские военные училища. Корпус такого состава при необходимости мог быть развернут за короткий срок в общевойсковую армию. Это предполагалось осуществить сразу же по вступлении корпуса на территорию ЧСР. В связи с созданием армейского корпуса было упразднено командование чехословацких войск в СССР³⁶, а Я. Крадохвил по настоянию эмигрантского чехословацкого правительства вступил в командование корпусом. Генерал Л. Свобода оставался командиром 1-й пехотной бригады. Представителем ГШ КА при корпусе был назначен полковник Д. А. Подобед. П. И. Камбулов продолжал, как и ранее, выполнять свои обязанности представителя уполномоченного СНК СССР и Ставки ВГК по иностранным формированиям.

³² Архив МО СССР, ф. 19, оп. 11539, д. 21, л. 23.

³³ 30 октября 1943 г. в районе Мелитополя на сторону Красной Армии перешло свыше 2 800 солдат и офицеров словацкой мотодивизии. Вскоре они обратились к Советскому Верховному Главнокомандованию и президенту Чехословацкой республики с просьбой направить их в чехословацкую часть на территории СССР. «На сторону Красной Армии,— писали сдавшиеся в плен словацкие солдаты и офицеры,— мы перешли добровольно с намерением вместе с Красной Армией воевать против фашизма и за освобождение народов Чехословацкой Республики».

³⁴ Архив МО СССР, ф. 113-А, оп. 2636, д. 17, л. 194; ф. 19, оп. 11539, д. 21, л. 229; ф. 10-А, оп. 356, д. 15, лл. 13—14; д. 17, лл. 6—7.

³⁵ Там же, ф. 15-А, оп. 162, д. 38, л. 65.

³⁶ По предложению Чехословацкого правительства весной 1943 г. Верховное Главнокомандование СССР дало согласие на введение должности командующего чехословацкими войсками в СССР. 11 мая 1943 г. на эту должность был назначен полковник Я. Крадохвил.

3-я чехословацкая пехотная бригада формировалась в районе г. Каменец-Подольска, другие части и соединения корпуса — в районе г. Черновцы и г. Проскурова. В течение нескольких дней после объявления набора добровольцев в чехословацкий корпус вступило 12 тыс. человек³⁷. Сложнее обстояло дело с командными кадрами. Их явно не хватало. Решение этого вопроса осуществлялось уже проверенным методом. Было увеличено число чехословацких военнослужащих в советских военных училищах, где готовились командиры взводов, рот и батарей. Только в Смоленском артиллерийском и Рязанском пехотном училищах в 1944 г. обучалось 385 человек³⁸. Многие офицеры, отличившиеся в боях, были повышены в чине и должности. Незначительное число офицеров, прибывших из Англии, было направлено в основном во 2-ю парашютно-десантную бригаду. Однако эти офицеры не усваивали перемен, происшедших среди чехословацких войск. Они «не понимают того, — указывал чехословацкий посол в СССР З. Фирлингер, — что многие из чехословаков уже участвовали в партизанской борьбе на освобожденной сейчас Красной Армией территории и что они требуют к себе иного отношения со стороны офицеров, чем это было в старой чехословацкой армии или в чехословацких частях в Англии. Политическое развитие этих офицеров сильно отстает от развития солдат, и это создает некоторые трудности в чехословацкой бригаде»³⁹.

Для оказания помощи командованию корпуса в организации боевой подготовки Главному управлению кадров КА было дано указание о выделении к 1 июня 1944 г. в распоряжение командира корпуса 122 советских офицеров в качестве инструкторов. Всего на 10 июля в корпусе имелось 470 советских военных инструкторов. Боевая подготовка корпуса осуществлялась в тылу 1-го Украинского фронта по ускоренной программе. Успешно начавшееся летнее наступление Красной Армии не оставляло сомнения в скором начале сражений на территории Чехословакии. Весь личный состав корпуса готовился к приближающемуся историческому моменту. В этом направлении велась и политико-воспитательная работа среди солдат и офицеров. В приказе командования корпуса от 24 июля 1944 г. были сформулированы цели воспитательной и пропагандистской работы: «В связи с успешным продвижением Красной Армии на запад необходимо усилить подготовку к предстоящим боям и предстоящему в скором времени вступлению на территорию Чехословацкой республики. Перед нами стоят, с одной стороны, очень важные боевые задачи, с другой — задачи, связанные с освобождением нашей родины и строительством новой жизни на освобожденной территории»⁴⁰.

В середине июля в г. Черновцы прибыла делегация Московского бюро ЦК КПЧ, которую сопровождал посол ЧСР в СССР Зденек Фирлингер. В корпусе делегация пробыла неделю. Каждый из ее членов провел не одну беседу с солдатами и офицерами о предстоящих боях, о перспективах развития ЧСР после окончания войны. Перед отъездом в Москву З. Фирлингер заявил: «Меня поражает быстрота, с которой был создан и укомплектован корпус. Материальная часть отличная. Во всем этом я вижу огромную поддержку Советского правительства»⁴¹. Тем временем чехословацкая истребительная авиаэскадрилья начала развертываться в Московском военном округе в полк, имея по штату 32 самолета. На все летные должности были назначены чехи и словаки. В июле полк был передан во 2-ю Воздушную армию КА. В начале сентября в связи

³⁷ «Рождение Чехословацкой Народной армии», стр. 208.

³⁸ Архив МО СССР, ф. 15-А, оп. 450, д. 18, лл. 82—83.

³⁹ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 167.

⁴⁰ «Рождение Чехословацкой Народной армии», стр. 205.

⁴¹ «Красная звезда», 26.VII.1944.

с поставленной перед ним задачей обеспечения вооруженного антифашистского восстания в Словакии⁴² количество самолетов в полку было увеличено до 40. На вооружении состояли боевые машины типа «Лавочкин-5». В штат полка включили также резервную авиаэскадрилью. Затем, согласно директиве Генерального штаба Красной Армии от 25 июля 1944 г.⁴³, началось формирование танковой бригады (65 танков), артиллерийского полка и переформирование рот связи и саперной в батальоны. Танковая бригада создавалась на базе существовавших в пехотных бригадах трех танковых батальонов. В ее состав включался и вновь формируемый моторизованный батальон.

По мере перемещения линии фронта 1-й чехословацкий корпус тоже продвигался на запад. Согласно указанию Ставки ВГК, в августе 1944 г. он был сосредоточен в г. Самбор, Львовской области. В ночь на 4 сентября части корпуса выступили из Самбора, а на рассвете 7 сентября, совершив 135-километровый марш по сильно пересеченной местности, сосредоточились восточнее польского города Кросно. Здесь корпус был включен в состав 38-й армии и должен был принять участие в наступательной операции по освобождению Чехословакии. К этому времени в нем насчитывалось 16 170 чел., имелось на вооружении 8 050 винтовок и карабинов, 4 897 автоматов, 496 ручных и станковых пулеметов, 283 орудия и миномета, 31 танк, 766 автомашин⁴⁴.

В связи с начавшимся 29 августа в Словакии народным антифашистским восстанием и обращением патриотов ЧСР с просьбой о помощи Ставка ВГК отдала 2 сентября директиву о проведении наступательной операции в юго-западном направлении. Для операции привлекались войска 38-й армии 1-го Украинского фронта, которые должны были наступать в общем направлении на словацкий город Прешов, выйти на чехословацкую границу и соединиться с восставшими патриотами; правофланговые соединения 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта получили задачу наступать в направлении Команьча с той же целью, что и войска 38-й армии. Обстановка в Словакии не позволяла выделить достаточно времени на подготовку операции, и наступление началось уже 8 сентября. Задача чехословацкого корпуса состояла в том, чтобы на второй день войти в прорыв и во взаимодействии с советским 25-м танковым корпусом продвигаться на Тыляево и Прешов.

К сожалению, Восточно-Карпатская операция протекала не в таких темпах, как планировалось. Войска за первые семь дней продвинулись лишь на 12—23 км и не выполнили полностью поставленных перед ними задач. Это объясняется прежде всего тем, что предусмотренный планом операции захват Дукельского и Лупковского перевалов Карпатского хребта силами восставших словацких дивизий и партизан не был осуществлен. Это позволило немецкому командованию быстро подтянуть свои силы для парирования удара советских войск. Далее, короткие сроки подготовки операции (менее недели) не позволили достаточно хорошо подготовить войска и материальную часть для боевых действий в горных условиях, а фашисты оборонялись с исключительным упорством. За каждую высоту, за каждый населенный пункт приходилось вести тяжелые, кровопролитные бои. Противник, занимая господствующие высоты, контролировал все дороги и подступы. Вследствие этого выдвижение вторых эшелонов войск для наращивания удара по фашистам шло медленно, а в отдельных случаях неорганизованно.

Командир чехословацкого армейского корпуса генерал Я. Кратохвил при вводе в бой соединений корпуса оказался неспособным управлять

⁴² 17 сентября 1-й чехословацкий истребительный авиационный полк был перебазирован на аэродром Зволень. В Словакии полк пребывал до 27 октября 1944 года.

⁴³ Архив МО СССР, ф. 19, оп. 11539, д. 74, л. 95.

⁴⁴ Там же, оп. 178401, д. 56, лл. 88—90.

войсками. Командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Конев вынужден был подписать следующий приказ: «Командира 1 ЧАК бригадного генерала Кратохвила, как не справившегося с командованием корпусом, не умеющего организовать бой и твердо руководить войсками, освободить от занимаемой должности и отправить в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования. В командование корпусом с 6.00 10.9.1944 г. вступить командиру 1 бригады — бригадному генералу Свободе»⁴⁵. Последующие события показали, что принятые советским командованием меры были своевременны и правильны. 1-й ЧАК уже 6 октября 1944 г. во взаимодействии с советским 67-м стрелковым и 31-м танковым корпусами овладел Дукельским перевалом и вступил на землю своей родины. В тот же день Л. Свобода направил следующую телеграмму Маршалу Советского Союза И. С. Коневу: «В исторический момент перехода границы Чехословацкой республики примите, господин маршал, пламенный боевой привет всех офицеров унтер-офицеров и солдат 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР. Мы счастливы, что в составе войск 1-го Украинского фронта под Вашим командованием мы первыми из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю. Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига... Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов»⁴⁶.

В боях на Дукле родился лозунг, ставший символом советско-чехословацкой дружбы: «С Советским Союзом — на вечные времена! С Советским Союзом — и никогда иначе!». Под этим священным лозунгом шла вся последующая совместная борьба советских и чехословацких воинов и партизан на территории Чехословакии. Олицетворением дружбы братских народов, скрепленной совместно пролитой на полях сражений кровью, является величественный монумент на Дукельском перевале. А день 6 октября стал одновременно днем рождения Чехословацкой Народной армии.

Вступив на свою землю, чехословацкие воины столкнулись с разоренным и опустошенным краем, с бедственным положением местного населения. Гитлеровцы всюду вели себя, как варвары. Советское правительство незамедлительно приняло необходимые меры по оказанию помощи чехам и словакам. 20 октября была направлена следующая телеграмма на имя начальника тыла 1-го Украинского фронта: «По приказанию Верховного Главнокомандующего товарища Сталина передайте командиру чехословацкого корпуса генералу Свободе 500 т муки для безвозмездной передачи населению освобожденных районов Чехословакии. Передачу произвести немедленно и доставить на место по указанию Свободы»⁴⁷. Вскоре местному населению вновь была оказана щедрая и безвозмездная помощь.

Воины же чехословацкого корпуса вплоть до конца войны продолжали непрерывные боевые действия, пока не завершили их вступлением 17 мая 1945 г. в Прагу. Тем временем советская поддержка чехословацких войск все возрастала. К концу 1944 г. сложились благоприятные условия для создания чехословацкой авиационной дивизии. Еще в октябре, при возвращении 1-го чехословацкого истребительного полка из Словакии на территорию СССР, вместе с ним прибыла группа чехословацких летчиков (около 80 чел.). Кроме того, летный и технический состав для ВВС Чехословакии готовился в советских военных школах. 7 декабря заместитель уполномоченного СНК СССР и Ставки ВГК по иностранным

⁴⁵ См. Л. Свобода. Указ. соч., стр. 282.

⁴⁶ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 202.

⁴⁷ Там же, стр. 208.

формированиям генерал-майор А. М. Белянов уведомил главу чехословацкой военной миссии о решении советского командования сформировать чехословацкую смешанную авиадивизию. Она развертывалась при 8-й воздушной армии в районе г. Перемышль со сроком готовности к 25 января 1945 года. В ее состав, кроме 1-го истребительного полка, вошли вновь сформированные 2-й истребительный и 3-й штурмовой авиаполки, управление дивизии и службы обеспечения. После укомплектования в дивизии имелось 114 летчиков и 99 боевых самолетов⁴⁸. В апреле 1945 г. это соединение, командиром которого был подполковник Л. Будин, приступило к выполнению боевых заданий.

В течение 1944 г. СССР передал для чехословацких войск 9 187 винтовок и карабинов, 5 065 автоматов, 520 пулеметов, 258 противотанковых ружей, 410 орудий и минометов, 1 902 револьвера и пистолета советского производства, а также 2 172 винтовки, 486 пулеметов, 410 автоматов и 3 миномета из трофейного оружия. Кроме того, было передано учебных винтовок — 200, автоматов — 35, пулеметов — 11. За это же время чехословацким войскам было отпущено 1 453 тонны горюче-смазочных материалов. К концу 1944 г. в советских военно-учебных заведениях было подготовлено 314 офицеров, 99 младших авиаспециалистов и 12 авиамехаников. Общая численность чехословацких войск в связи с потерями, понесенными в ходе боевых действий, сократилась и составляла 10 050 человек. На их вооружении имелось 8 тыс. винтовок и автоматов, 149 пулеметов, 173 орудия и миномета, 11 танков и САУ, 99 самолетов⁴⁹. Эти войска состояли из армейского корпуса (две пехотные, парашютно-десантная и танковая бригады, артиллерийский полк, батальоны инженерно-саперный и связи), смешанной авиационной дивизии (три полка), подразделений охраны и материально-технического обслуживания.

В конце 1944 г. правительство Бенеша само предприняло попытку сократить количество формируемых в СССР чехословацких войск. 28 октября 1944 г. министр национальной обороны ЧСР генерал Ингр телеграфировал из Лондона в Москву в адрес Пики: «На основании Вашего донесения полагаем, что из остатков наших частей можно сформировать три-четыре пехотных батальона, сведя их в отдельную бригаду... Артиллерийский полк считаем целесообразным расформировать, а его личный состав использовать для пополнения пехоты»⁵⁰. Таким образом, речь шла о замене корпуса пехотной бригадой. Между тем начавшееся освобождение Чехословакии позволяло провести набор добровольцев и быстро пополнить части корпуса. Более того, возникла реальная возможность для развертывания на освобожденной территории целой чехословацкой армии. Лондонское правительство понимало это и решило одновременно с ликвидацией армейского корпуса, сформированного на советской территории, приступить к созданию армии на освобожденной территории. Эта армия должна была комплектоваться офицерами, прибывшими из Англии, и находиться в полном подчинении у чехословацкого эмигрантского правительства. Командующим этой армией был назначен генерал Гасан Нижборский, бывший начальник военной канцелярии президента Бенеша.

Советское правительство не могло согласиться с этим решением, так как оно противоречило соглашению об отношениях между Верховным Главнокомандованием СССР и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию ЧСР, заключенному 8 мая 1944 года⁵¹. Мнение Советского правительства относительно новой армии

⁴⁸ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 11282, д. 502, л. 115.

⁴⁹ Там же, ф. 10-А, оп. 356, д. 15, лл. 13—14; д. 19, лл. 2—3; оп. 178401, д. 33, л. 83; ф. 19, оп. 11539, д. 92, л. 217.

⁵⁰ «Рождение Чехословацкой Народной армии», стр. 243.

⁵¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 2 М. 1946, стр. 123—125.

разделял и командир чехословацкого корпуса Л. Свобода. 18 января 1945 г. он обратился к Советскому Верховному Главнокомандованию с предложением развернуть армейский корпус в армию и тем самым воспрепятствовать созданию армии под полным контролем эмигрантского правительства⁵². Советское командование в принципе согласилось с предложением генерала Свободы, но полагало, что ранее необходимо пополнить части и соединения корпуса до полного штата, вновь сделав его боеспособным. В этих целях Народный комиссар обороны СССР 15 января 1945 г. приказал командующему 4-м Украинским фронтом отпустить 1-му чехословацкому армейскому корпусу 3 тыс. винтовок, 1 500 автоматов, 150 ручных и 50 станковых пулеметов; отправить танковой бригаде корпуса 50 танков «Т-34»⁵³. В конце января, согласно директиве Генштаба КА, началось формирование 4-й пехотной бригады. Окончательное решение вопроса об увеличении формирований чехословацких войск было отложено до предполагавшегося визита Бенеша в Москву, вызванного переездом чехословацкого правительства из Лондона на освобожденную советскими войсками территорию ЧСР.

Руководству КПЧ была известна закулисная деятельность министерства национальной обороны в Лондоне. К. Готвальд и другие руководители Компартии имели встречи с З. Фирлингером, в ходе которых они высказали свое отрицательное отношение к плану создания так называемой «армии освобожденной территории» и одобрили предложение Л. Свободы. 6 февраля 1945 г. состоялась беседа К. Готвальда с начальником управления Генерального штаба КА генерал-лейтенантом Н. В. Славным. В ходе беседы обсуждались вопросы формирования чехословацкой армии и ее руководства. К. Готвальд высказался за назначение командующим армией генерала Л. Свободы⁵⁴.

17 марта 1945 г. Э. Бенеш вместе с некоторыми министрами эмигрантского правительства прибыл в Москву. Здесь по предложению КПЧ состоялись переговоры о составе нового правительства и его программе. Президент ЧСР согласился с мнением руководства КПЧ о необходимости развертывания чехословацких вооруженных сил на базе сформированного в СССР армейского корпуса и о назначении министром национальной обороны ЧСР генерала Л. Свободы. Военная часть программы нового правительства нашла отражение в меморандуме Э. Бенеша И. В. Сталину от 27 марта 1945 года. В этом документе указывалось: «Президент Чехословацкой республики и чехословацкое правительство во исполнение воли чехословацкого народа приложат все усилия, чтобы на освобожденной территории ЧСР были в кратчайший срок и в самом широком масштабе мобилизованы все силы для введения их в действие против Германии. Предполагается, что после освобождения всей Словакии и части чешских земель будет возможно сформировать до 10 дивизий. Современная ситуация позволяет развернуть теперешний чехословацкий армейский корпус в СССР в армию, которая бы состояла: из 4 пехотных дивизий, 1 авиадивизии, 1 танковой бригады, 1 бригады тяжелой артиллерии, 1 минометной бригады, 1 артполка зенитчиков, 1 инженерного полка, 1 полка связи»⁵⁵. В меморандуме излагалась просьба, чтобы поставку вооружения, снаряжения и других видов материального обеспечения чехословацкой армии, а также подготовку ее командных кадров взяло на себя Советское правительство.

29 марта Верховный Главнокомандующий сообщил президенту ЧСР, что в ближайшее время будет выдано вооружение на четыре дивизии

⁵² Архив МО СССР, ф. 15-А, оп. 162, д. 38, л. 75.

⁵³ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 220.

⁵⁴ Архив МО СССР, ф. 40, оп. 11549, д. 259, лл. 15—17.

⁵⁵ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 229.

гвардейского типа, развертываемые на базе четырех бригад корпуса, а через 3—4 месяца — на остальные шесть дивизий. Предусматривалось также снабжение чехословацких войск авиацией, танками, артиллерией, средствами транспорта и связи. Все это передавалось безвозмездно⁵⁶. 13 апреля ГКО СССР принял постановление об оказании новой большой военной помощи Чехословакии. С января по май 1945 г. Советский Союз передал ЧСР: винтовок и карабинов — 22 207, автоматов — 7 675, ручных, станковых и зенитных пулеметов — 2 769, ПТР — 963, орудий и минометов — 903, самолетов — 52, револьверов и пистолетов — 4 522. Вновь формируемым чехословацким военным училищам было передано: винтовок и карабинов — 548, автоматов — 76, пулеметов — 73, ПТР — 22, орудий и минометов — 36⁵⁷. Для оказания министерству национальной обороны ЧСР практической помощи в строительстве вооруженных сил в Чехословакию была направлена советская военная миссия во главе с генерал-майором Н. М. Молотковым.

К концу Великой Отечественной войны численность чехословацких войск, действовавших под советским командованием, достигла 60 тыс. человек⁵⁸. Они входили в армейский корпус⁵⁹, смешанную авиационную дивизию, танковую бригаду, девять артиллерийских и запасный пехотный полк, батальон связи, инженерный батальон и другие части и подразделения. Чехословацкие войска имели на своем вооружении 355 орудий и минометов, 41 танк и бронемашину, 69 самолетов⁶⁰. Именно части и соединения, сформированные в СССР, явились основой для создания Чехословацкой Народной армии. В ее состав были включены и словацкие и чешские партизаны, повстанческие войска в Словакии, активно боровшиеся против фашизма, а также чехословацкая танковая бригада и четыре авиаэскадрильи, находившиеся под английским командованием. К концу войны в чехословацких войсках было также 830 советских воинов⁶¹, которые передавали свой боевой опыт товарищам по оружию, помогая им создавать народные вооруженные силы.

Чехословацкие войска, сформированные в СССР, прошли в боевом содружестве с Красной Армией славный боевой путь. Приняв в марте 1943 г. первое боевое крещение у Соколово, они затем участвовали в освобождении многих городов и сел Украины, а 6 октября 1944 г. вступили на землю своей родины и окончили войну в боях под Прагой. Братская помощь Советского Союза была по достоинству оценена народами ЧСР. О решающем вкладе СССР в освобождение ряда народов от фашистского ига во вторую мировую войну еще раз напомнил первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (июнь 1969 г.): «Кто пережил вторую мировую войну и принимал участие в антифашистской борьбе, тот никогда не забудет об исключительной роли Советского Союза в битве за свободу народов, о его жертвах, о героизме его народа и армии. Тот не забудет, что эта борьба и жертвы Советского Союза дали возможность многим народам вновь обрести свою национальную свободу и государственную независимость, а также начать борьбу за победу рабочего класса, за путь к социализму»⁶². Славный боевой путь, пройденный совместно чехословацкими и советскими воинами в годы второй мировой войны, — один из источников давней дружбы народов СССР и ЧССР.

⁵⁶ Там же, стр. 236.

⁵⁷ Архив МО СССР, ф. 10-А, оп. 356, д. 15, лл. 80—81; ф. 40, оп. 11549, д. 259, л. 198.

⁵⁸ «Военно-исторический журнал», 1969, № 2, стр. 39.

⁵⁹ Армейский корпус находился в стадии реорганизации в общевойсковую армию.

⁶⁰ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 11282, д. 624, л. 206.

⁶¹ «За освобождение Чехословакии», стр. 290.

⁶² «Правда», 13. VI. 1969.

О ПРИРОДЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

А. Л. Шапиро

Крупная земельная собственность наряду с внеэкономическим принуждением — важнейшая черта феодальных производственных отношений, феодального способа производства. Естественно, что проблемы по-земельной собственности находятся в центре внимания историков феодализма. Вопросы о возникновении феодального землевладения, его формах и его замене буржуазной земельной собственностью занимают и историков СССР. К сожалению, теоретические проблемы феодального землевладения изучены еще недостаточно. Это проявляется, в частности, в том, что в науке по-разному трактуются высказывания основоположников марксизма-ленинизма по данному вопросу. Среди историков, экономистов и юристов существуют разногласия по вопросу об общем определении феодальной земельной собственности. Насколько несходны эти взгляды, можно судить, если сопоставить две книги, вышедшие в 1960-е годы. Автор одной из них, «Феодализм и народные массы», Б. Ф. Поршнев пишет, что по отношению к крестьянским наделам (вне зависимости от того, на каком конкретном праве крестьяне пользуются ими) «феодалы выступают как подлинные собственники земли»; собственность феодалов, согласно его определению, — «это полная свободная, неограниченная, безусловная собственность, и именно как таковая, как просто собственность, она и противостоит крестьянам, не имеющим своей земли и получающим ее у собственника в пользование на том или ином условии»¹. В книге другого автора, М. В. Колганова, «Собственность. Докапиталистические формации» утверждается, что «собственность на землю в феодальном обществе вовсе отсутствовала, что в данном случае мы имеем дело с такого рода поземельными отношениями, когда ни один субъект присвоения земли не являлся собственником, а был всего лишь владельцем. И никакая сумма их прав не составляла права собственности, хотя бы потому, что земля не могла быть никем из них отчуждена как товар»². Итак, одни и те же поземельные отношения характеризуются Б. Ф. Поршневым как полная, свободная, неограниченная, безусловная собственность феодалов на землю, а М. В. Колгановым — как полное отсутствие собственности на землю.

Наряду с этими крайними точками зрения выдвигались и другие. Прежде всего следует назвать в этой связи труды академиков С. Д. Сказкина и А. В. Венедиктова. С. Д. Сказкин выступил со статьей «Классики марксизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении». Феодальной собственности и крестьянскому землевладению

¹ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964, стр. 38.

² М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М. 1962, стр. 421.

он посвятил также специальную главу «Очерков по истории западноевропейского крестьянства в средние века»³. В книге А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» рассматриваются общие проблемы собственности как при социализме, так и в эксплуататорском обществе⁴. К сожалению, этот труд не привлек к себе внимания историков СССР, изучающих феодальное землевладение. Между тем многие высказанные в нем положения могут, по нашему мнению, найти применение в специальных исторических исследованиях, тогда как другие должны быть оспорены, исправлены или дополнены⁵. А. В. Венедиктов справедливо отмечает, что отправным пунктом для понимания права собственности «является марксово понятие собственности как присвоения»⁶. Собственность нельзя рассматривать только как отношение людей к вещам, предметам потребления или средствам производства. Поэтому три правомочия — владение, пользование и распоряжение — при всей их важности не являются достаточными для определения права собственности. Определяя это право, следует исходить из сущности собственности, т. е. из отношений, в которые люди становятся друг к другу в процессе производства и которые выражаются в тех или иных общественных формах присвоения материальных благ.

О. С. Иоффе, рассматривая этот вопрос, пишет, что «право собственности есть право присвоения, осуществляя которое собственник может владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом своей властью и в своем интересе»⁷. Не правомочия на вещь в ее «натуралистическом», естественном аспекте, а право на присвоение чужого неоплаченного труда образует существо права капиталистического собственника⁸. Точно так же существо права феодального землевладельца образуется правом на присвоение неоплаченного труда или продукта крестьянина. Собственность на землю давала феодалу возможность получать прибавочный продукт. Она создавала такие отношения собственности, которые принуждали непосредственного производителя отдавать феодалу прибавочный продукт в виде ренты. Собственность на землю гораздо старше феодальной ее разновидности. Собственники земли, которые присваивали труд обрабатывавших ее рабов, как и собственники парцеллы, существовали задолго до феодализма. Но феодальной земельная собственность становилась лишь там и лишь постольку, где и поскольку на земле складывались специфически феодальные способы присвоения. Первым общим признаком всякой феодальной земельной собственности, независимо от того, идет ли речь о раннем, развитом или позднем феодализме, независимо от того, имеется ли в виду поместье или вотчина, независимо от сословного происхождения собственника или от того, выступает ли он как отдельный феодал, как феодальная корпорация или как феодальное государство, является именно то, что эта собствен-

³ «Средние века». Вып. V. 1954, стр. 5—14; С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1968, стр. 115—132. О феодальной земельной собственности идет речь также в статье Ю. М. Сапрыкина «В. И. Ленин о феодализме и генезисе капиталистических отношений в земледелии» («Средние века». Вып. XVIII. 1960, стр. 37—51).

⁴ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.-Л. 1948, стр. 94—245.

⁵ А. В. Венедиктов сосредоточил главное внимание на правовом аспекте проблемы. Поэтому роль феодальной ренты как главной черты в определении феодальной собственности не была им учтена. То же следует сказать об элементах экономического принуждения в системе феодальных производственных отношений. Кроме того, в труде А. В. Венедиктова, как нам представляется, недостаточно правильно раскрыт важный для историка вопрос о том, присущи ли такие признаки феодальной земельной собственности, как условность, всем или только некоторым ее формам.

⁶ А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 22.

⁷ О. С. Иоффе. Советское гражданское право (курс лекций). Общая часть. Право собственности. Учение об обязательствах. Л. 1958, стр. 276.

⁸ А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 34, 248.

ность обеспечивает получение отработочной, продуктовой или денежной ренты⁹.

Прежде, чем перейти ко второму важнейшему признаку феодальной собственности на землю, мы должны напомнить, что понятие «собственность» неравнозначно понятию «владение». О владении юристы говорят как о праве «держатъ вещь в своих руках»¹⁰, обладать ею. Владение может вытекать как из права собственности, так и из права аренды, имущественного найма, подряда и других буржуазных, феодальных и иных прав. Но правомочия владельца вещи не столь широки, как правомочия собственника. Так, собственность включает право полного или ограниченного распоряжения вещью (продажа, раздел, дарение, сдача в аренду, завешание и т. д.). Между тем это право распоряжения вовсе не обязательно совмещается с владением. (Нужно, впрочем, учитывать, что иногда границы между собственностью и владением весьма неопределенны.) К. Маркс отмечал, что как при отработочной ренте, так и при ренте продуктом и денежной ренте собственность феодала на землю непременно сочетается с земельным владением крестьян. Плательщик феодальной ренты всегда «предполагается действительным земледельцем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли»¹¹.

Феодальная земельная собственность была невозможна без крестьянского земельного владения. И как бы широки ни были права собственности феодала, он должен был считаться с владельческими правами крестьянина. Даже если этот крестьянин был крепостным, его владельческие права невозможно было безгранично ущемлять, не ущемляя тем самым свои собственные барские интересы. Владение наделом не было простой формальностью или фикцией. Оно имело большое хозяйственное значение. К. Маркс говорил о производстве феодального крестьянина «на фактически ему самому принадлежащем поле производства»¹². В. И. Ленин называл реформу 1861 г. освобождением крестьян от земли, которой они владели в течение веков. Выкупная операция была грабежом, потому что крестьян заставили платить «за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю»¹³. В известной ленинской характеристике барщинной системы также отмечается, что надел был для крестьянина своей землей¹⁴.

Советская историческая наука решительно отвергла мнение Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского и многих других буржуазных историков о первоначальном освоении земель Северо-Восточной Руси князьями, боярами, монастырями и об их последующем заселении крестьянами, которые-де являлись на уже занятую землю и вступали с ее собственником в договор аренды. В действительности феодалы присваивали не пустыню, а ранее заселенную и освоенную крестьянами землю и становились ее собственниками, узурпируя более древнее право собственности, принадлежавшее крестьянам и крестьянской общине. При этом они не очищали землю от ее прежних владельцев — крестьян, хотя отдельные крестьянские хозяйства или даже целые общины и могли сгоняться и переселяться. Становясь собственниками земли, феодалы должны были стремиться к тому, чтобы она не запустела (земля без крестьян не представляла ценности). При таких обстоятельствах старые право-

⁹ Л. И. Дембо справедливо отмечал, что субъектом права феодальной земельной собственности являлся получатель ренты. Т. И. Дембо. Юридическая природа феодальной земельной собственности. Тезисы докладов по секции юридических наук на научной сессии ЛГУ 16—30 ноября 1945 года. Л. 1945, стр. 30.

¹⁰ См. А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 14.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 367.

¹² Там же, стр. 358.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 429.

¹⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 184.

вые представления крестьян не могли полностью быть уничтожены. Более того, они неминуемо должны были проникать в феодальное право и сохраняться в нем в преобразованном виде. Ф. Энгельс называл первобытный строй германской марки основой всего германского права¹⁵. Ломая старое право собственности крестьянской общины и отдельного крестьянина на землю и сохраняя общину и крестьянина в качестве владельца наделной земли, феодализм порождал различные виды соединения феодальной собственности и крестьянского владения.

В одних случаях владельческие права крестьян на землю были ограничены фактическим пользованием усадьбы участком, пашней, сенокосными угодьями и выпасом для скота, причем феодал-собственник мог сократить крестьянский надел, перевести крестьянина на другой участок или вовсе лишить земли. В других случаях право пользования наделом юридически закреплялось за крестьянином порядной грамотой (договором) или поддерживалось обычаем, традицией, признаваемой как крестьянами, так и феодалами. В третьих — крестьяне выступали как наследственные владельцы своих земель, а право собственников-феодалов ограничивалось взысканием определенных повинностей. В таком сравнительно благоприятном положении находились до крестьянской войны 1525 г. немецкие крестьяне, жившие к востоку от Эльбы¹⁶. Наконец, в ряде случаев владельческие права крестьян на землю выступали как право подчиненной собственности. А. В. Венедиктов относит к этому разряду земельной собственности права на землю свободных крестьян-чиншевиков (*censitaire*, *Zinsmann*), являвшихся свободными владельцами земельных участков. Эти крестьяне платили чинш в размерах, которые, как правило, не изменялись из поколения в поколение. Они имели право свободно покинуть свой участок, тогда как феодал мог их удалить лишь при особых обстоятельствах (например, неуплата чинша в течение трех лет)¹⁷. Французский цензитарий мог без разрешения сеньора продавать, закладывать или дарить свою цензиву. О раздельной земельной собственности говорил К. Маркс, характеризуя права избавившихся от крепостной зависимости английских крестьян XV века. Он отмечал, что эти крестьяне «имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»¹⁸.

Не следует считать, что в эпоху феодализма существовала только приносящая феодальную ренту земельная собственность. В период раннего и сравнительно реже — развитого феодализма сохранялись категории крестьян, которые обязаны были только платежами государственных налогов, близких по характеру и размерам к налогам неземледельческого тяглого населения и отличавшихся этим от поземельной ренты. При феодализме и особенно на поздних этапах его развития появляется землевладение свободных крестьян, очень слабо отягченное рентными отношениями. Поскольку эти разновидности свободной аллодиальной собственности не приносили или почти не приносили ренту, они не являлись типично феодальной собственностью. Феодальной эту земельную собственность можно именовать только в том смысле, что она существовала при феодализме и признавалась феодальным правом.

Крестьянский аллод и свободное общинное землевладение могли иногда выступать в качестве подчиненной и при этом разделенной, расщепленной собственности. А. В. Венедиктов полагал, что разделенной могла быть не только собственность двух или нескольких феодалов на один и тот же участок земли, но и собственность свободных крестьян типа цензитариев, с одной стороны, и феодала или феодального го-

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 180.

¹⁶ См. там же, стр. 247.

¹⁷ А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 223—231.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 730.

сударства — с другой. Тезис этот встретил решительное возражение со стороны Л. И. Дембо, который считал невозможной подчиненную собственность крестьянина в условиях феодализма¹⁹. С. Д. Сказкин также оспаривает взгляд А. В. Венедиктова на разделенную (расщепленную) между феодалом-вотчинником и крестьянином-чиншевиком земельную собственность. Как бы ни были прочны и широки владельческие права крестьянина, пишет он, мы не можем считать его собственником, «поскольку он является не получателем, а плательщиком феодальной ренты»²⁰.

Кого же К. Маркс относит к разряду крестьян, которые имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы? С. Д. Сказкин отмечает, что тут имеются в виду те крестьяне «позднего средневековья и начала нового времени, которые выкупились на свободу, но продолжали уплачивать часть феодальной ренты (как поземельно и судбно зависимые лица) и имели широкие владельческие права на землю как наследственные традиционные владельцы»²¹. Как видим, С. Д. Сказкин готов признать за некоторыми категориями крестьянства позднего средневековья права собственности на землю. А поскольку на эту землю имели права и получатели ренты, она выступала как разделенная, расщепленная. В отличие от разделенной собственности крестьянина на землю, которая являлась не правилом, а исключением, крестьянское земельное владение и пользование наделом получили широкое и повсеместное распространение при феодализме.

Итак, феодальной мы должны именовать такую собственность на землю, которая приносит отработочную, продуктовую или денежную ренту. Находящаяся в собственности получателя этих видов ренты земля используется им своей властью и в своем интересе. В то же время эта земля находится (целиком или частично) во владении крестьян. Такое определение охватывает, как нам представляется, самые главные специфические черты, присущие всем разновидностям феодальной собственности на землю (но не всем видам земельной собственности, существовавшим при феодализме).

Как уже отмечалось в советской литературе, основоположники марксизма-ленинизма считали, что при феодализме действует как экономическое, так и внеэкономическое принуждение²². Нуждаясь в земле как в основном средстве производства, крестьяне должны были за пользование наделом отбывать в пользу господина повинности своим трудом и инвентарем. Феодал наделял крестьянина землей не для того, чтобы обеспечить его средствами к жизни, а для того, чтобы получать повинности. А для крестьянина надел являлся необходимым условием ведения хозяйства и существования семьи. В. И. Ленин называл надел «как бы натуральной заработной платой»²³, получение которой было и экономической необходимостью для производителя. Экономическая необходимость особенно отчетливо выступает при денежной ренте, когда «традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение»²⁴.

¹⁹ Л. И. Дембо. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л. 1954, стр. 86—87, 100—101.

²⁰ С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, стр. 129.

²¹ Там же, стр. 132.

²² Ю. М. Сапрыкин. Указ. соч., стр. 41.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 184.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 362. Это превращение могло при известных условиях (имеется в виду общее развитие капитализма вне пределов сельского хозяйства) привести к перерождению феодальной земельной собственности в буржуазную.

Однако рядом с экономическим принуждением в феодальном обществе действовало внеэкономическое принуждение. Без него феодал не мог обойтись уже в силу совмещения феодальной собственности и крестьянского владения землей, в силу того, что у крестьянина был свой надел и свое хозяйство. «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство»²⁵. Нужно со всей решительностью подчеркнуть, что внеэкономическое принуждение вовсе не обязательно и вовсе не всегда приобретало форму крепостничества. К. Маркс говорил, что несвобода крестьян может смягчаться от крепостничества с барщинным трудом до простого оброчного обязательства²⁶. Когда К. Маркс характеризовал оброчное обязательство как определенную форму внеэкономического принуждения, он имел в виду уплату наследственным или вообще традиционным владельцем земли — крестьянином земельному собственнику неоплаченного, выполняемого без эквивалента труда²⁷. Вместе в тем К. Маркс говорил об избыточном труде, который оброчный крестьянин вынужден «даром, фактически, следовательно, по принуждению» выполнять на собственника земли²⁸. Внеэкономическое принуждение, несвобода выражается здесь в том, что без эквивалента, даром крестьянин отдает избыточный продукт за землю, которой он наследственно или традиционно владеет и которую, конечно, считает своей.

Когда речь идет об оброчных обязательствах лично свободных крестьян, границы между внеэкономическим и экономическим принуждением очень трудно определить. Так, если крестьянин на установленный срок и за установленную договором сумму нанимал у феодала, не являвшегося его господином, участок земли, трудно говорить о внеэкономическом принуждении. Однако часто в результате договора с феодалом крестьянин не только получал в пользование участок земли, но и попадал под управление феодала. Феодал пользовался своей властью, чтобы по личному произволу и не считаясь с договором увеличивать размеры ренты. В эпоху феодализма, писал К. Маркс, высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности²⁹. Этот атрибут был необходим для удержания власти собственника земли над крестьянином, он был нужен, чтобы заставить крестьянина отдавать собственнику земли фактически даром часть своего труда или продукта.

В период раннего феодализма власть господина осуществляется благодаря сосредоточению функций управления и суда непосредственно в руках феодала, выступающего по отношению к своим крестьянам как землевладелец и как государь одновременно. Позднее функции управления сосредоточиваются в руках централизованного государства, которое обеспечивает отбывание крестьянами владельческих повинностей. Однако и в централизованных государствах феодальный землевладелец сохранял какую-то часть судебной и административной власти по отношению к своим крепостным крестьянам. В России вотчинная юрисдикция сохранялась, как известно, даже в XIX веке. Лишь капиталистический способ производства «совершенно отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства», лишь в условиях капиталистического способа производства «собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей»³⁰. Феодаль-

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 185.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 353.

²⁷ См. там же, стр. 361.

²⁸ См. там же, стр. 360.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 344.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 167.

ная же земельная собственность в большей или меньшей степени связана с отношениями господства, с одной стороны, и подчинения — тягла, с другой³¹. Отношения господства и тягла могут породить такие черты феодального землевладения, как иерархичность и условность. Но эти черты присущи не всякому феодальному обществу; они могут иметь место, а могут и отсутствовать; они типичны для феодальной земельной собственности на определенных этапах ее развития и не типичны для других.

Для периода феодальной раздробленности была характерна иерархическая форма земельной собственности. Она обуславливалась необходимостью защитить собственность феодалов и заставить крестьян отбывать повинности. При крайней неразвитости разделения труда, городской промышленности и торговли не существовало условий для создания находящихся на денежном жалованье у короля или великого князя военного, судейского и управленческого аппарата. Система диктатуры господствующего феодального класса основывалась на разрозненных военных дружинах и управителях, связанных с разрозненными феодальными владениями. Какое бы то ни было объединение всего этого военно-полицейско-судебно-управленческого аппарата диктатуры было возможно только на основе вассальных отношений. Господствующий класс держал эксплуатируемые массы в узде и отстаивал свои внешнеполитические интересы при помощи иерархической структуры вооруженных дружин, связанных с иерархической формой земельной собственности.

Иерархическая структура феодальной земельной собственности должна учитываться потому, что она влияла на характер связей и борьбы между различными группами феодалов. Однако отношения, складывавшиеся в процессе производства между классом производителей и классом эксплуататоров, определялись не иерархической формой собственности. К тому же иерархическая форма была присуща далеко не всей земельной собственности даже в период феодальной раздробленности. Великокняжеские домены и владения многих крупных церковных и светских феодалов были тогда почти лишены иерархических черт. Они в слабой степени были присущи земельной собственности в районах с относительно развитой городской промышленностью и торговлей (например, в Новгороде в XV в.). Когда же создаются экономические предпосылки для формирования регулярной армии феодального государства, иерархическая система земельной собственности постепенно отмирает.

Буржуазные историки нередко определяли феодальную земельную собственность как собственность условную. Так, В. О. Ключевский считал условность землевладения важнейшим признаком феодализма. Во всяком случае, он не признавал удельный строй на Руси строем феодальным прежде всего потому, что здесь не было соединения служебных отношений с поземельными и наследственностью тех и других, или, иначе говоря, не было бенефиция и феода (лена)³². Позже П. Б. Струве утверждал, что в удельной Руси отсутствовала связь между вещным правом на землю и обязанностью службы и, следовательно, не было феодализма³³. Феодализм, по мнению П. Б. Струве, невозможен там, где нет пожалования (прежде всего земельного), обусловленного службой по договору. В удельной Руси вольные слуги и бояре были вассалами и находились в договорных отношениях с князем, но они сидели в своих вотчинах-аллодах, а не в поместьях-бенефициях или поместьях-

³¹ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 36; В. И. Ленин. *ПСС*. Т. 3, стр. 310.

³² В. О. Ключевский. *Курс русской истории*. Ч. I. М. 1906, стр. 446.

³³ П. Б. Струве. *Социальная и экономическая история России*. Париж. 1952, стр. 221—229, 258—259.

ленах. Поэтому не приходится говорить о русском феодализме в это время. А когда на Руси сложилась поместная система, то есть земельное владение, обусловленное службой, уже окрепло царское самодержавие, убийственная для феодализма сила, не терпящая договорных отношений между великим государем и боярством. Как видим, для В. О. Ключевского и П. Б. Струве нет феодализма без условной формы землевладения. Наоборот, Н. П. Павлов-Сильванский считал основой феодализма крупное землевладение, отводя его условной форме — ленным отношениям — малую роль. Вслед за Лампрехтом и некоторыми другими историками Западной Европы он полагал, что социальное значение лена было незначительно в средневековом обществе³⁴.

В советской литературе вопрос об условности землевладения как признаке его феодальной формы решается по-разному. М. Н. Покровский в еще меньшей степени, чем Н. П. Павлов-Сильванский, считал поместную систему типа бенефиция или лена определяющей чертой феодального общественного строя³⁵. А. В. Венедиктов писал, что «владение землей тесно сочеталось с несением военной, придворной или иной службы. Отсюда «условность», или «связанность», феодального землевладения»³⁶. А. В. Венедиктов, конечно, учитывал, что бенефиций или лен характерны вовсе не для всякого феодального общества, что отсутствие поместной системы вовсе не означает отсутствия феодальных производственных отношений, а превращение поместья в вотчину не означает конца феодализма. Под условностью феодального землевладения он понимал не только пожалование земли под условием службы, но и другие юридические ограничения земельной собственности феодала. Условность, или связанность, феодального землевладения проявлялась, по мнению А. В. Венедиктова, в самых разнообразных формах и в самом различном объеме, «начиная с условного и пожизненного владения землей и кончая разнообразными ограничениями приобретения и свободного распоряжения так называемым «населенным имением» (землей с прикрепленными к ней крестьянами)»³⁷.

Однако даже такое расширительное понимание условного землевладения не позволяет считать его непременным признаком всякой феодальной земельной собственности. Когда государство получает возможность содержать армию, полицию и бюрократию за счет своего денежного бюджета и господствующий класс феодальных землевладельцев избавляется от непременной службы по земле, его земельная собственность во все большей степени становится полной, безусловной и несвязанной. На это обстоятельство справедливо указывает сам А. В. Венедиктов. На определенных этапах развития феодализма сочетание военной и иной службы с землевладением было необходимо для обеспечения внутривнутриполитических и внешнеполитических интересов класса феодалов: поэтому значительная часть феодальной земельной собственности носила тогда условный характер. Затем это сочетание и эта условность перестали быть необходимостью. Но феодальные производственные отношения и феодальная собственность на землю при этом не перестали существовать. Ограничения продажи феодальной земельной собственности, вводившиеся для поддержания господствующего положения сословия дворян, в какой-то мере связывали их собственнические права. Но и подобные ограничения имелись не во всяком феодальном обществе. Несмотря на распространенность условных форм, мы не можем считать их обязательным признаком феодальной земельной собственности

³⁴ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб. 1907, стр. 44.

³⁵ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. I. М. 1933, стр. 30.

³⁶ А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 95.

³⁷ Там же.

Различиями в понимании и оценке условности земельной собственности вызваны наши расхождения как с Б. Ф. Поршневым, так и с М. В. Колгановым. Широкое распространение условных, связанных форм феодальной собственности не позволяет согласиться с Б. Ф. Поршневым, который, как мы видели, доказывал, что эта земельная собственность являлась полной, свободной, неограниченной и безусловной. С другой стороны, никак нельзя согласиться и с М. В. Колгановым, который из связанности и отсутствия права собственника на продажу многих (хотя далеко не всех) земельных владений делал вывод о полном отсутствии при феодализме частной собственности на землю. М. В. Колганов не отрицал, что земля была тогда объектом купли и продажи, но утверждал, что эти сделки были подчинены «чисто натуральным методам присвоения»³⁸. Если эта неопределенная формулировка означает, что при феодализме купля и продажа земли играет меньшую роль, чем при капитализме, автор, конечно, прав. Но отрицать, что и при феодализме и в дофеодалльные времена земля уже выступала как товар, невозможно.

Недавно А. Я. Гуревич вновь выступил с утверждением, что «в средние века, в особенности в раннее средневековье, понятие «частная собственность» неприменимо к земле ни тогда, когда она принадлежит мелкому землевладельцу, ни тогда, когда она вместе с ним подпадает под власть крупного землевладельца»³⁹. А. Я. Гуревич не отрицает того, что товарный обмен был реальностью в средние века. Однако земельного рынка в период раннего средневековья, по его мнению, не существовало «да и не могло существовать»⁴⁰. Из бесспорных фактов ограничения права собственности на аллод в раннесредневековый период, как и из бесспорных фактов освоения незанятых земель крестьянами не путем покупки, а путем свободной заимки, не следует, конечно, что земля, и прежде всего земля окультуренная, не являлась объектом купли-продажи. А. Я. Гуревич прав, когда напоминает, что в отличие от периода первоначального накопления капитала период средневековья характеризовался прикреплением крестьян к земле, а не их освобождением от земли. Но это совсем не значит, что можно отрицать факты земельной мобилизации в средние века, и в частности мобилизации путем скупки мелких аллодов. Такая мобилизация — несомненный факт как западноевропейской, так и русской истории.

А. Я. Гуревич высказал интересные мысли о значении личного подданства в процессе формирования феодального землевладения, но он неправ, когда отрицает существенную роль, которую в этом процессе сыграли продажа и другие формы уступки мелких аллодов крупным землевладельцам. Ф. Энгельс обращал внимание на то, что на завоеванной германцами территории феодализм развивался на основе аллода. Аллодом была создана «не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность». С того момента, как возник аллод, или, иначе говоря, «свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»⁴¹. А возникнув из аллода, крупная феодальная собственность стала уничтожать аллод. Основоположники марксизма указывали на большую роль, которую парцелла и аллод играли и на заре феодализма и в пору его заката в Западной Европе. То же самое в большой степени относится и к России.

М. В. Колганов не допускал сходства между формами собственности

³⁸ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 308, 428.

³⁹ А. Я. Гуревич. Земельная собственность в дофеодальном и раннефеодальном обществах. «Вопросы истории», 1968, № 4, стр. 97.

⁴⁰ Там же, стр. 91, 92.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс.-Соч. Т. 19, стр. 497.

в разные, нередко отдаленные один от другого исторические периоды и опасался, что признание земельной собственности в феодальную и дофеодальную эпоху будет означать признание частной собственности на землю вечной категорией⁴². Однако несостоятельный тезис буржуазных теоретиков об извечности частной земельной собственности тут ни при чем. Частная земельная собственность не могла существовать, когда первобытнообщинный строй еще не разлагался. Но частная земельная собственность появилась, и земля стала товаром гораздо раньше, чем возникла капиталистическая форма земельной собственности.

Нам остается рассмотреть еще один признак феодальной земельной собственности — ее монопольный характер. «Всюду,— писал К. Маркс,— где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства»⁴³. В капиталистическом обществе буржуазия владеет монополией на орудия производства и использует эту монополию для получения прибавочной стоимости. В феодальном обществе монополия земельной собственности используется господствующим классом для получения ренты. Однако монополию земельной собственности, понимаемую как право всякого земельного собственника владеть и распоряжаться определенным участком земли, невозможно считать специфически феодальной чертой земельной собственности. К. Маркс писал, что «монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс»⁴⁴. Ясно, что здесь речь идет не о сословной монополии феодалов на земельную собственность. В разных условиях классового общества монопольное право землевладельца на участок земли осуществлялось рабовладельцами, феодалами, буржуа, государствами и другими единоличными или коллективными собственниками. Такая монополия не предполагает обязательного ограничения права приобретения земельной собственности. Она существует в обществе, где всякий имущий имеет право приобретать земельную собственность и использовать ее для экономического принуждения непосредственного производителя. Таким образом, монопольное право собственника земли на владение и распоряжение определенным участком было, конечно, присуще феодальной земельной собственности, однако оно не являлось ее специфическим признаком, поскольку присуще земельной собственности всякого эксплуататорского общества.

В доклассовом обществе не было монополии земельной собственности. Земля находилась во владении всей общины и использовалась властью общины и в интересах ее членов. Даже когда возникло хозяйство малых семей, самостоятельно обрабатывавших землю, частная земельная собственность развивалась лишь постепенно. Земля, находившаяся под усадьбой и под пашней, раньше всего перешла в собственность семьи, ее обрабатывавшей, и продажа такой земли стала практиковаться даже в том случае, если вокруг было множество свободных земель. Это объясняется тем, что окультуренная земля ценилась выше нерасчищенной и не подготовленной под усадьбу и пашню. А леса и неокультуренные земли еще долго оставались в общей собственности. Монополии на эти земли никакой не было, и любой член общины, а иногда и любой вообще человек мог пользоваться ими на праве свободной заимки. В Сибири это право жило особенно долго.

⁴² М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 337, 412.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 159.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 166.

Когда говорят о монополии феодальной земельной собственности, обычно имеют в виду не монополию, присущую всякому эксплуататорскому обществу, а нечто иное. В феодальном обществе господствующее сословие стремилось превратить земельную собственность в свою сословную монополию. Так, в России в XVIII в. для недворян были закрыты почти все легальные пути покупки «населенных имений». И поскольку такое положение характерно не только для России и не только для XVIII в., есть основания говорить о феодальной земельной собственности как сословной собственности. Этот сословный характер землевладения имел огромное значение и иногда даже оказывал определяющее влияние на характер классовой борьбы. Его нельзя, таким образом, недооценивать.

В то же время следует учитывать, что класс феодалов не становился сразу замкнутым сословием. В течение долгого времени он формировался за счет нефеодалов, за счет непривилегированных землевладельцев. Далее, в России и в других странах в эпоху феодализма существовала земельная собственность черной волости и посадов, купцов и посадских людей, служилых людей по прибору и других категорий лиц, которых нельзя причислить к классу феодалов. Правда, как правило, это была разделенная с государством подчиненная земельная собственность, а высшая земельная собственность этих категорий людей постепенно была монополизирована государством. Сословность земельной собственности тем прочнее воплощалась в жизнь, чем крепче были экономические и политические позиции класса феодалов. Но считать эту черту обязательным признаком всякой феодальной земельной собственности нельзя.

В свете сказанного попытаемся рассмотреть некоторые спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в России. В русской историко-правовой литературе более ста лет тому назад велись дискуссии о верховной собственности князей на землю в Киевском государстве. Вслед за А. Лакиером Б. Н. Чичерин писал, что «князь считал покоренную землю своей собственностью», причем он довольствовался податями и повинностями, оставляя эту землю «во владении земских людей, точно так же, как западные короли, будучи верховными собственниками земли, не принимали ее, однако, в свое распоряжение, точно так же, наконец, как татары». Верховную собственность князей на землю Б. Н. Чичерин выводил из норманнского завоевания⁴⁵.

Эта теория вызвала серьезные возражения. Так, Н. Дювернуа не находил в Древней Руси явлений, соответствующих завоеванию, и не считал поэтому, что право собственности князей и дружинников на землю было приобретено в силу завоевания⁴⁶. По мнению Н. Дювернуа, летописные сообщения о том, что князь «взя землю», не позволяют говорить о земле как о предмете материального обладания в смысле гражданского права; слово «земля», как и слово «волость», употреблялось, чтобы выразить понятие государства или его части, а не в смысле объекта права собственности⁴⁷. Князя часто называли княжения своими отчинами, но, по словам В. И. Сергеевича, термин «отчина-княжение» в XI—XII вв. еще не был равнозначен термину «вотчина-собственность». Старинная отчина-княжение есть не что иное, как стол, который занимал прежде отец того или иного князя. Князя именовали своими вотчинами волости, где княжили их отцы, даже в тех случаях, когда самим им не удавалось завладеть этим столом⁴⁸.

⁴⁵ А. Лакиер. О вотчинах и поместьях. СПб. 1848, стр. 3—4; Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права. М. 1958, стр. 65, стр. 226—227, 279.

⁴⁶ Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М. 1869, стр. 117.

⁴⁷ Там же, стр. 121.

⁴⁸ В. И. Сергеевич. Древности русского права. Т. I. СПб. 1909, стр. 34.

Дискуссия прошлого века, в сущности, превратилась в спор о словах. Одну и ту же функцию взимания податей и повинностей Б. Н. Чичерин характеризовал как проявление права верховной собственности князя, а Н. Дювернуа — как проявление политической власти, не имеющей ничего общего с правом собственности. Вероятно, формальный характер дискуссии привел к тому, что к ней не было привлечено внимание советских ученых, которые вновь заговорили о верховной собственности киевских князей. Между тем уроки старой дискуссии следует учесть. Очевидно, нельзя пользоваться термином «верховная собственность», подходя к нему как к вневременному, формально-юридическому понятию. Для нас не так важно, применяются ли к власти киевских князей термины «верховная собственность», «территориальная власть» или какой-либо иной. Но нас интересует, какие правомочия и какие функции обозначаются этими терминами и как эти правомочия и функции менялись во времени.

Высшая территориальная власть присуща всякому государству, но она сочетается в различных исторических условиях с совершенно различными правами государства на земельную собственность. В одних случаях государственная власть представляла собою только *dominium eminens* — верховную территориальную собственность, в других она обладала также правом земельной собственности — *dominium direktum*. К. Маркс характеризовал власть современных ему английских королей на землю, принадлежавшую их подданным, как титульную собственность (*Titulareigentum*). Такой же характер с древнейших времен носили права «большого человека» шотландских кланов на земли, принадлежавшие кланам. Права «большого человека» ограничивались получением дани, которую платили члены клана в знак признания верховной власти над ними⁴⁹. С другой стороны, К. Маркс отмечал, что в некоторых азиатских странах государь выступал как единственный собственник земли, а подвластные ему общины — как ее наследственные владельцы⁵⁰.

Между крайними формами титульной собственности и монопольной собственности государя лежали многие промежуточные формы сочетания верховной территориальной власти и реальной земельной собственности. В каждом отдельном случае необходимо конкретно решать, каково было это сочетание. И уж никак нельзя представлять каждого князя, обладавшего властью в смысле *dominium eminens*, как владельца земли в смысле *dominium direktum*. Между тем такая ошибка делается, когда территориальная власть Олега или Игоря расценивается как право феодальной собственности на землю обязанных им данью племен.

В новейшей исторической литературе первые киевские князья рассматриваются иногда как феодальные монархи территорий, обязанных им уплатой дани⁵¹. В действительности можно говорить о территориальной власти Олега или Игоря над землями ряда восточноевропейских племен. Но, во-первых, эта территориальная власть была неустойчивой и часто прерывалась, когда сборщики дани уходили. Во-вторых, с этой властью не было еще связано распоряжение реальными участками земли. Источники не только X, но и XI в. не донесли до нас никаких сведений о конфискации или пожалованиях князьями земель, находившихся на подвластных им территориях. Князь мог передать свое основное право — право сбора дани — вассалу (так, Игорь передавал его Свенельду), но такая передача существенно отличалась от земельного по-

⁴⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 523—524; т. 23, стр. 740. Уточненный перевод *Titulareigentum*, как титульная собственность, предложил И. И. Смирнов («История СССР», 1962, № 2, стр. 150—151).

⁵⁰ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 6.

⁵¹ Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская правда. «Древнерусское государство и его международное значение». М. 1965, стр. 146.

жалования. Недаром К. Маркс говорил применительно к этому времени о вассалитете без ленов, или ленах, состоявших из дани. Князь же распоряжается данью, а не землей, на которой сидели данники. Таким образом, К. Маркс не рассматривал дань первых киевских князей как ренту, подобно тому, как он не считал возможным подводить под категорию земельной ренты дань, которую собирал глава шотландского клана⁵². Лишь постепенно дань превращалась в феодальную ренту. Такой она выступает в известии Лаврентьевской летописи от 1158 года. Здесь говорится о пожаловании князем Андреем Боголюбским владимирской церкви Богородицы ранее купленных им слобод «и з даньми»⁵³. Дань стала здесь одной из повинностей, получаемых собственником земли от людей, пользовавшихся землей. Такой вид дань могла приобрести не только на купленной земле, если князь распоряжался ею как собственник.

Русские люди XII в. четко отличали пожалование князем его собственной земли с данью от пожалования дани без земли или десятины от даней и от других доходов (см., например, уставную грамоту князя Ростислава смоленского о пожаловании епископу десятины от всех даней смоленских)⁵⁴.

Эксплуатация славянских племен и других народов киевскими князьями и дружинниками в X, а в значительной мере и в XI в. осуществлялась прежде всего в форме даней-контрибуций, в формелюдья и других кормлений, в форме вир и иных судебных пошлин. Надо полагать, что в XI в. дань уже начала перерождаться в ренту продуктом и сливаться с нею, поскольку развивалось феодальное землевладение. Но, по источникам, этот процесс перерождения и слияния начинается проследиваться лишь с XII века⁵⁵.

А. И. Неусыхин отмечал, что феодальной общественной формации у германцев предшествовал переходный период⁵⁶. Такой же переходный

⁵² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 23, стр. 740, прим. 214; т. 8, стр. 524.

⁵³ «Полное собрание русских летописей». Т. I. Л. 1927, стр. 348.

⁵⁴ «Памятники русского права». Под ред. С. В. Юшкова. Вып. II. М. 1953, стр. 39.

⁵⁵ В новейшей литературе мы встречаемся с двумя различными мнениями. И. Я. Фроянов, проанализировав все летописные известия о дани и даннических отношениях в X в., пришел к выводу, что как восточнославянские племена, так и другие народы становились данниками киевских князей только в результате покорения. «Поскольку речь идет о X в., — пишет он, — летописи неопровержимо свидетельствуют об отсутствии сбора дани внутри какого-нибудь племени своими местными князьями». Дань была тогда «заурядной формой грабежа, которому подвергались побежденные», и очень далеко отстояла от феодальной ренты (И. Я. Фроянов. Зависимое население на Руси IX—XII вв. Автореферат диссертации. Л. 1966, стр. 11—12). Иначе смотрит на дело О. М. Рапов. Он признает, что дань выступала либо в форме контрибуции, либо в форме земельной ренты. Дань, которую Олег брал с Византии или Святослав после захвата дунайских городов, автор считает контрибуцией. Но дань являлась, по его мнению, рентой-продуктом, когда она взималась с территорий, входивших в состав Киевской Руси, и притом взималась регулярно — в соответствии с «уставами» и «уроками». Доказательством того, что такая дань являлась рентой, О. М. Рапов считает и то, что единицей обложения служила земельная площадь («плуг», «дым»), а самый сбор осуществлялся с помощью внеэкономического принуждения (О. М. Рапов. К вопросу о земельной ренте в древней Руси в домонгольский период. «Вестник» Московского университета. История. 1968, № 1, стр. 52—57, 61). Между тем все черты, которые О. М. Рапов считает отличительными признаками дани-ренты, в равной степени присущи и дани-контрибуции. Дань-контрибуция, которую киевские князья брали с Византии, не была единовременным платежом, а должна была повторяться. Недаром в «Повести временных лет» под 971 г. указывается, что Святослав, приняв от царя дары, говорил: «Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша поидем Царюгороду» («Повесть временных лет», стр. 70). Дань-контрибуция, как и дань-рента и даже в большей степени, чем эта последняя, взималась по определенной норме, в установленных размерах, а иногда и с земельных площадей. Вспомним, например, татарскую дань с сохи и сборщиков татарской дани — поплужников.

⁵⁶ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития родоплеменного строя к раннефеодальному. «Проблемы истории докапиталистических обществ». Кн. I. М. 1968, стр. 597.

период, несомненно, переживали и славяне, причем период этот характеризовался отмиранием первобытнообщинных и зарождением феодальных отношений. В это время дань и кормления, которые первоначально взимались со свободных общин и общинников, выступавших в качестве собственников земли, постепенно превращались в поземельную ренту, а судебные пошлины, ранее не связанные с земельной собственностью князя и его дружинников, — в атрибут земельной собственности. Представляется необходимым тщательно исследовать особенности дани, полюдья, вир и продаж в X, XI, XII и последующих веках.

Нельзя считать, что в эпоху феодализма все повинности носят поземельный характер и могут быть сведены к земельной ренте. Были и такие повинности, которыми облагались неземледельческие промыслы и неземледельческое население. При господстве феодальной собственности и феодального класса эти повинности являлись феодальными; ими пользовался класс феодалов и его государство. Но и тут необходимо изучать явления в их развитии. В самом деле, можно ли считать феодальной рентой таможенные или судебные пошлины, которые собирались в X—XI вв., когда феодального землевладения не существовало или оно только зарождалось? Думается, что нельзя. Между тем Я. Н. Шапов считает церковную десятину Древней Руси «раннефеодальной рентой» и признает в то же время, что она не являлась формой церковного землевладения. Под понятие «раннефеодальной ренты» он подводит и судебные и торговые пошлины (таможенные)⁵⁷. С. М. Каштанов уже отметил, что при этом Я. Н. Шапов расширительно толкует понятие «рента»⁵⁸. Во всяком случае, подводя под понятие «ренты» таможенные пошлины, Я. Н. Шапов должен был объяснить, почему он именует эти повинности рентой и почему считает их рентой феодальной.

Не только в переходный период, когда феодальная собственность зарождалась, но и на стадии раннего, развитого и позднего феодализма существовали разнообразные повинности зависимого населения, которые не были связаны с поземельными отношениями. Сюда относится оброк тех бобылей, которые не имели надела, и оброк тех непашенных крестьян, которые жили за счет промысла, торговли и отходов. Строго говоря, повинности этих людей нельзя именовать земельной рентой, поскольку земли у них не было. Но это были, несомненно, феодальные повинности. Иногда их именуют рентой. Однако при этом необходимо точно оговорить, что имеется в виду неземельная рента⁵⁹. Между земельной рентой и непоземельными феодальными повинностями лежали разнообразные поборы с имевших надел и одновременно занятых неземледельческим промыслом крестьян.

Одним из спорных в истории средневековой Руси является вопрос о характере земельной собственности в черной волости XIV—XVI веков. По этому вопросу в исторической литературе выдвигались три точки зрения. Н. П. Павлов-Сильванский, который видел в черной волости XIV—XVI вв. прямого преемника древнерусской общины-верви, отрицал волостную собственность на землю. По его мнению, правом земельной собственности пользовалась не волостная община, а крестьяне — члены этой общины — в отдельности. Здесь господствовала не общинная, а частная собственность на землю. Черная же волость обладала только высшей территориальной властью на занимаемых ею землях (*dominium eminens*). И. И. Смирнов считал, что именно черная волость вместе с крестьянами — членами общины, волостянами — выступала как собственник земли, а высшая территориальная власть, или «титутальная

⁵⁷ «Древнерусское государство и его международное значение». М. 1965, стр. 300.

⁵⁸ См. «История СССР», 1967, № 5, стр. 166.

⁵⁹ Вспомним, что в условиях капитализма, кроме земельной ренты, существовали и такие ее виды, как проценты по государственным займам и облигациям.

собственность», принадлежала феодальному государству — великим и удельным князьям. Эту точку зрения разделяет Г. Е. Кочин, близки к ней А. И. Копанев и Ю. Г. Алексеев. Л. В. Черепнин и А. Д. Горский не признают землю в черной волости собственностью крестьян. По их мнению, волость и волощане выступали как владельцы земли, но не являлись ее собственниками. Земельным же собственником в черной волости было феодальное государство. Князь выступал как верховный собственник земли в черной волости, и никаких других собственников эта земля не имела.

Нам представляется, что в черной волости XIV—XVI вв. мы встречаемся с разделенной собственностью феодального государства в лице князя, с одной стороны, и волостной общины вместе с крестьянами-волощанами — с другой. Науке хорошо известны не только факты пользования и владения землей крестьянами черной волости, но и факты распоряжения ими этой землей. Известны случаи продажи, сдачи в аренду, передачи по наследству, передачи в виде вклада и другие формы распоряжения землей, которые никак не могут быть подведены только под категорию владения. Они являются чертами земельной собственности. Но вместе с этой крестьянской собственностью (общинной, поскольку речь идет об альменде, и частной, поскольку речь идет об усадебных и пахотных угодьях и отчасти сенокосов) отчетливо выступает и высшая собственность князя. В XIV—XVI вв. в отличие от X—XI вв. князь использовал волостные земли своей властью и в своем интересе. Он имел законное право отчуждать их и передавать в руки светских и церковных вотчинников и помещиков.

И. И. Смирнов полагал, что распоряжение князей черными землями и передача их частным феодалам не вытекали из права собственности, а были способом ликвидации права собственности крестьян на черные земли. Но князья не только передавали черные земли в руки светских и церковных феодалов. Иногда они превращали земли бояр и монастырей в черные земли. Так было, например, на огромных территориях Новгородской республики после ее присоединения к Москве. Так, в частности, возникли многие черные волости на Русском Севере. Да и передача черных земель феодалам была не только нарушением старинных прав волощан, но и осуществлением княжеского права. Жалованные грамоты на черные земли были вполне законными актами тогдашнего феодального права. Думается, что присущая некоторым видам земельной собственности разделенность, или расщепленность, хорошо объясняет природу землевладения русской черной волости XIV—XVI веков.

Большой интерес представляет история земельной собственности на поздних ступенях феодализма. Смягчение или даже полное исчезновение условных и иерархических форм земельной собственности способствовали мобилизации земли и открывали перспективы для перехода земли в руки купечества, крестьян-богатеев, промышленников. Об этом и о некоторых других сдвигах в структуре земельной собственности в России XVII—XVIII вв. говорили А. А. Преображенский и Е. И. Индова⁶⁰. Эти вопросы привлекли также внимание М. Н. Мартынова, изучающего законодательство XVIII в. о собственности на заводы и недра. Однако нам представляется недостаточно обоснованным утверждение М. Н. Мартынова, что законом 1762 г., по которому заводовладельцы стали распоряжаться заводами на таком же праве, как дворяне вот-

⁶⁰ А. А. Преображенский. Структура земельной собственности в России XVII—XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений девятой (таллинской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин. 1966, стр. 173—175; Е. И. Индова. Некоторые черты эволюции крупного землевладения в России в период позднего феодализма. Тезисы докладов и сообщений десятой (ленинградской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. 1968, стр. 42.

чинами, эти заводы были превращены из феодальной собственности в капиталистическую⁶¹. М. Н. Мартынов в четкой форме высказал распространенное мнение о том, что ликвидация условного помещного землевладения и переход дворянских поместий в их безусловную собственность можно рассматривать как превращение феодального землевладения в буржуазное. Получается, что расширение землевладельческих прав феодалов-крепостников было мерой буржуазной.

Отнюдь не отрицая того значения, какое имело превращение условной собственности на заводы, как и на землю и недра, в безусловную собственность, мы все же думаем, что никак нельзя ставить знак равенства между этим превращением и превращением земельной собственности из феодальной в капиталистическую. Безусловная собственность на землю существовала и при феодализме. Условность не являлась, как мы видели, определяющим и обязательным признаком феодальной земельной собственности. А государственная собственность на недра и на землю вполне согласуется с капиталистическими отношениями. Национализация земли, писал В. И. Ленин, «совместима с капитализмом»⁶².

Феодальная земельная собственность утрачивает свой характер и окончательно превращается в буржуазную лишь тогда, когда исчезают феодальная рента и основанные на ней поземельные отношения господства и тягла. В период заката феодализма земля гораздо чаще, чем раньше, выступала в качестве товара, и это обстоятельство являлось существенной предпосылкой превращения феодальной земельной собственности в буржуазную. Но чтобы такое превращение стало фактом, мало было обращения земли в качестве товара. Необходимо было, чтобы новые или старые землевладельцы использовали землю для получения не феодальной, а капиталистической ренты, чтобы вместо «государя-вотчинника» и зависимых крестьян на земле утвердились представители классов нового, капиталистического общества.

⁶¹ М. Н. Мартынов. Горнозаводский Урал накануне Великой крестьянской войны 1773—1775 гг. Автореферат диссертации. Л. 1967, стр. 13.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 302.

ВОЙНА США ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. Н. Болховитинов

Приступая к изучению войны английских колоний в Северной Америке за независимость в XVIII в., исследователь сталкивается с огромным разнообразием и противоречивостью исторических концепций и точек зрения отдельных авторов, необычайным обилием и колоссальным объемом документальных и литературных источников. Особое значение в этой связи приобретают проблемы методологии, обращение к теоретическим трудам основоположников марксизма-ленинизма и, в частности, к ленинским оценкам характера и значения войны за независимость. «Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний *неизбежно* будут национальные войны...» — писал В. И. Ленин в работе «О брошюре Юниуса» (1916 г.) и ссылаясь далее на пример национально-освободительной войны Северо-Американских Штатов против Англии¹. И хотя в этой войне на стороне США выступали также монархические и колониальные державы Франция и Испания, определяющим фактором, несомненно, была справедливая освободительная борьба американских колонистов за свою независимость. «Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения, элементом, — обратное тому, что мы видим в войне 1914—1916 гг. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием)»².

В другом месте, в знаменитом «Письме к американским рабочим» (20 августа 1918 г.), В. И. Ленин писал о борьбе восставших колоний против Англии в XVIII в. как об «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн»³. Следует обратить особое внимание на то, что В. И. Ленин также называл войну США за независимость войной «американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку», «великой освободительной войной», подчеркивая, что американский народ «революционно» боролся «против угнетения, в интересах *массы* угнетенных»⁴. Наконец, год спустя, 19 мая 1919 г., в речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства В. И. Ленин вновь характеризовал борьбу «американского революционного народа» в XVIII в. против Англии как «одну из первых и наиболее великих в истории человечества действи-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 7.

² Там же.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 48, 56.

тельно освободительных и одну из немногих в истории человечества действительно революционных войн»⁵.

Общий смысл, общее направление ленинских оценок войны США за независимость не оставляют сомнений в том, что В. И. Ленин считал эту войну справедливой, национально-освободительной и, что особенно важно, революционной. Не случайно поэтому так естественно и органично выглядит у В. И. Ленина применение высокого термина «революция» как синонима освободительной войны восставших колонистов против угнетателей-англичан⁶. Настолько естественно, что до сих пор исследователи не уделили этому вопросу должного внимания, а между тем именно в этом, пожалуй, главное. В. И. Ленин рассматривал борьбу восставших американцев против Англии не только как национально-освободительную войну, но и как революцию. Не случайно поэтому вслед за словами о действительно освободительном характере войны США против Великобритании В. И. Ленин вновь подчеркивает ее действительно революционный характер.

Ленинские оценки приобретают особое значение в связи с той идейной борьбой, которая происходит в современной американской историографии. Дело в том, что на протяжении последних двадцати лет в американской буржуазной историографии наиболее распространенной, если не преобладающей, стала точка зрения, по существу, отрицающая революционный характер войны за независимость. По мнению одного из лидеров «новых консерваторов»⁷, профессора Даниэля Бурстина, «наиболее очевидная особенность» американской революции состоит как раз в том, что в современном европейском смысле слова она едва ли вообще была революцией»⁸. Эта революция, отмечает далее автор, лишь подтвердила английские конституционные нормы (суд присяжных, свободу слова и т. д.) и не означала каких-либо коренных перемен. Сама «вдохновляющая цель» войны США за независимость была, как указывает К. Н. Деглер, «глубоко консервативной». Колонисты восстали против метрополии, «чтобы сохранить вещи такими, какими они были, а не для того, чтобы открыть новую эру»⁹.

Известные и влиятельные лидеры нового течения, в числе которых в первую очередь должны быть названы Роберт Браун, Даниэль Бурстин, Клинтон Росситер и Луис Харц, в целом склонны рассматривать американскую революцию как консервативное движение, предпринятое для защиты свободы и собственности и нашедшее свое логическое завершение в конституции 1787 года. Война за независимость, приходит к выводу Р. Браун, была предпринята для того, чтобы сохранить существующий порядок, а не изменить его¹⁰. Р. Браун полагает, что никакой революции в Массачусетсе не было и не могло быть, так как нечего было менять. В Массачусетсе-де уже существовала демократия. Большинство взрослого мужского населения этой колонии еще

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 344.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 56.

⁷ В отношении термина «новые консерваторы» в литературе еще нет полного согласия. Так, например, Д. П. Грин считает более правильным название «новые виги» (neo-whigs). См. J. P. Greene. Flight from Determinism. «The South Atlantic Quarterly» (далее — «SAQ»), 1962, № 2, pp. 258—259. У. Х. Нелсон пишет о «новой националистической интерпретации». См. W. H. Nelson. The Revolutionary Character of the American Revolution. «The American Historical Review» (далее — «AHR»), 1965, № 4, p. 1000. Как нам представляется, термин «новые консерваторы», получивший наибольшее распространение в литературе, более правилен, так как он точнее отражает общую тенденцию пересмотра американской истории в консервативном направлении.

⁸ См. D. J. Boorstin. The Genius of American Politics. Chicago. 1953, pp. 66—98. Дальнейшее развитие взгляды Д. Бурстина получили в его трудах: «The Americans: The Colonial Experience». N. Y. 1958; «The Americans: The National Experience». N. Y. 1965.

⁹ C. N. Degler. The American Past. «American Scholar». 1963, № 2, pp. 192—209.

¹⁰ R. E. Brown. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780. Ithaca. 1955, p. 401.

задолго до революции имело право голоса. Изображая колониальное общество Массачусетса как «демократию среднего класса», Р. Браун доводит свою точку зрения до явного абсурда, когда распространяет эту характеристику чуть ли не на всю территорию колоний от Новой Шотландии до Западной Флориды, якобы населенную по преимуществу и даже почти исключительно независимыми фермерами. «Подобный взгляд,— пишет Герберт Аптекер,— примечателен не только тем, что он игнорирует такие основные области деловой активности колониального периода, как торговля, рыболовство, пушной промысел и спекуляции землями; еще более он примечателен игнорированием всего индейского населения, а также значительной прослойки — 35 процентов — неиндейского населения, состоявшей из рабов (*chattel slaves*) и кабальных слуг (*indentured servants*). И те и другие наверняка изумились бы, узнав, что они были «свободны от оков и узды» и «работали на самих себя». А игнорирование несвободных элементов населения, конечно, означает в то же время игнорирование тех классов, которым они принадлежали и которые наживались на их труде»¹¹.

В свое время глава «имперской школы»¹² проф. Чарльз Эндрюс рассматривал войну за независимость как детонацию «взрывчатого материала», накапливавшегося уже долгие годы, как результат действия комплекса причин — экономических, политических, социальных и юридических, которые в целом были «господами, а не слугами государственных деятелей и политических агитаторов». «Подвижной, динамический организм», каким были американские колонии Англии, по мнению Эндрюса, не мог долго оставаться связанным со «статической» метрополией¹³.

Решительно выступая против марксизма, маститый исследователь на последних страницах своего четырехтомного труда по колониальному периоду заявлял, что рассматривать события прошлого «только как борьбу классов» и «столкновение экономических интересов» — это значит чрезмерно упрощать историю¹⁴. Следует заметить, что марксисты не отрицают значения «духовных сил» и не сводят историю лишь к действию экономических факторов. Ч. Эндрюс ссылается на работы Л. Хэкера и Ч. Бирда, но оба эти автора никогда не были марксистами, и их взгляды только по недоразумению могут быть отнесены к марксизму.

Действительными упростителями оказались не марксисты и даже не «экономические детерминисты» типа Луиса Хэкера¹⁵, а современные консерваторы, которые свели войну за независимость к «консервативному движению, защите американских прав и свобод против провокаций метрополии». В своем «бегстве от детерминизма» они пренебрегли не только выводами Ч. Бирда, Л. Хэкера и других, но и результатами исследований «имперской» школы Ч. Эндрюса, Д. Бира и Л. Гипсона. По мнению «новых консерваторов», колонисты были довольны своим положением вплоть до того момента (1760 г.), когда Англия бросила вызов их собственности и правам. «Таким образом, революция,— пишет Д. Грин,— не была необходимым и неизбежным логическим результатом длительных сил, действовавших со времени основания ко-

¹¹ Г. Аптекер. Американская революция 1763—1783. М. 1962, стр. 25—26.

¹² В настоящей статье мы не касаемся развития основных направлений в изучении войны США за независимость в XIX — первой половине XX в. Подробно об этом см. E. S. Morgan. The American Revolution: A Review of Changing Interpretations. Washington. 1958; e. j. u. s. d. (ed.). The American Revolution: Two Centuries of Interpretation. Englewood Cliffs. 1965.

¹³ Ch. M. Andrews. The American Revolution: An Interpretation. «AHR». 1926, № 2, pp. 221, 231.

¹⁴ Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History. Vol. IV. New Haven. 1938, p. 427.

¹⁵ См., в частности, L. M. Hacker. The American Revolution. Economic Aspects. «Marxist Quarterly», 1937, vol. 1, pp. 46—67.

лоний, а консервативным и оборонительным движением против недавних провокаций метрополии»¹⁶.

Современные авторы, по мнению Ричарда Б. Морриса, изображают американскую революцию как преимущественно политическое и консервативное по своим целям течение, осуществленное народом, который еще ранее достиг «эгалитарного общества». «Луис Харц, Клинтон Росситер и Даниэль Бурстин склонны вообще отрицать существование какой-либо американской революции. Поскольку американцам не пришлось бороться за свободу, так как они уже родились свободными, и поскольку им не нужно было освобождаться от феодального строя, так как, приехав в Америку, они избежали феодализма, в их войне за независимость... преобладали тенденции к традиционализму и конституционализму, что отличает ее от классовых битв, которые раздирали Старый мир»¹⁷. Как это ни удивительно, новейшая концепция современных консерваторов во многом напоминает старую точку зрения Д. Бэнкрофта, рассматривавшего всю историю Америки в первую очередь как историю распространения свободы и утверждавшего, что американский народ издавна пользовался значительным кругом политических прав, законодательные собрания колоний ежегодно переизбирались, население состояло главным образом из свободных фермеров, владевших собственным участком земли, оружием и умевших в случае необходимости постоять за себя. В целом в колониальной Америке, по мнению Д. Бэнкрофта, «имелось гораздо больше личной независимости и гораздо больше народной власти, чем в Англии»¹⁸.

В последнее время в США стало модно писать о «согласованности интересов» и «преемственности» как главных особенностях исторического развития Америки¹⁹. Именно эти слова вынес в заглавие своей работы Б. Ф. Райт, отмечавший, что характерной чертой американской революции являлась «преемственность» между старым и новым, а также удивительная «согласованность политических и конституционных принципов». Б. Ф. Райт утверждал, в частности, что конституции штатов создавались на традиционном материале и свидетельствовали о приверженности их создателей как к «порядку и стабильности, так и к свободе»²⁰.

Вслед за А. Токвилем, ставшим в последние десятилетия в США необычайно популярным, лидеры «новых консерваторов» последовательно преуменьшают значение «классовых и секциональных различий» и утверждают, что в Америке никогда не было «классовой борьбы» в европейском смысле этого слова²¹. По замечанию одного из современных авторов, американская революция оказалась всего-навсего спокойным переходом власти от одной группы должностных лиц к другой. При этом сама власть лишь слегка видоизменилась, получив название правления представителей народа²². В «согласованности интересов» и «преемственности» видит характерное отличие войны США за независимость

¹⁶ J. P. Greene. Op. cit., pp. 237, 257.

¹⁷ R. B. Morris. The American Revolution Reconsidered. N. Y. 1968, pp. VII, 44.

¹⁸ G. Bancroft. History of the United States of America from the Discovery of the Continent. Vol. III. Boston. 1876, p. 13.

¹⁹ J. R. Hollingsworth. Consensus and Continuity in Recent American Historical Writing. «SAQ», vol. LXI, № 2, 1962, p. 40; J. Higham. Beyond Consensus: The Historian as Moral Critic. «AHR», vol. LXVII, № 3, April 1962, pp. 609—625.

²⁰ B. F. Wright. Consensus and Continuity, 1776—1787. Boston. 1958; См. также J. P. Greene. The Reappraisal of the American Revolution in Recent Historical Literature. Washington. 1967, p. 57.

²¹ «Interpretations of American History: Patterns and Perspectives». Ed. by G. N. Grob and G. A. Billias. Vol. I. N. Y. 1967, p. 14; J. Higham and oth. History. Englewood Cliffs. 1965, p. 221 ff.

²² R. Buel Jr. Democracy and the American Revolution. «William and Mary Quarterly» (далее — «WMQ»), April 1964, № 2, p. 180.

от Великой французской революции и профессор Р. Моррис. Конечно, обе революции заметно отличались друг от друга, и Р. Моррис привел этому множество убедительных доказательств²³. Если во Франции, по выражению Шатобриана, «патриции начали революцию, а плебеи ее закончили», то в Америке «элита», начавшая революцию, сохранила власть до конца. В результате американская революция пошла по вигско-жирондистскому, а не якобинскому пути. Вашингтон не был Робеспьером, и американская революция так и не достигла по глубине и размаху классовой борьбы уровня французской. Якобинская Франция в 1793—1794 гг. управлялась не «по-конституционному», как США, а вообще без всякой конституции (конституция 1791 г. была отвергнута, а новая конституция 1793 г. так и не была введена в действие). Однако, как нам представляется, нельзя упускать из виду главное. И Франция и Америка в XVIII в. пережили революции. Различаясь по своей глубине, конкретным целям, по методам и формам борьбы и т. д., в главном они были сходными явлениями, прежде всего потому, что это были революции, и революции буржуазные.

Первым американским историком, который поставил вопрос о войне за независимость как о революции в двояком смысле, то есть не только как о борьбе за освобождение от власти метрополии, но и как о социальной революции, борьбе за власть внутри самих колоний, в историографии США считается Карл Беккер. Американская революция, по образному выражению К. Беккера, призвана была решить не только вопрос о гомруле (home rule), но и о том, кто будет этой страной управлять (who should rule at home)²⁴. Формула Беккера основывалась на изучении политической борьбы до провозглашения независимости только в одной из колоний (Нью-Йорк), где недовольство трудящихся масс политикой метрополии сочеталось с борьбой против местной администрации, крупных землевладельцев и консерваторов. В дальнейшем исследователи обнаружили противоречия и конфликты в ряде других провинций, а также внутри социальных слоев, входивших в лагерь восставших. Так, например, А. М. Шлезингер-старший проследил борьбу между консервативно настроенными купцами и радикалами, пользовавшимися поддержкой колониальных «низов»²⁵. На основе анализа состава Филадельфийского конвента, принявшего конституцию 1787 г., Ч. Бирд пришел к выводу, что за небольшим исключением делегаты были «непосредственно прямо и лично заинтересованы в учреждении новой системы и получили в результате экономическую выгоду». С другой стороны, «неимущие массы с самого начала были... отстранены от участия в работе по подготовке конституции»²⁶.

В наиболее полном виде концепция войны за независимость «как

²³ R. B. Morris. Op. cit., pp. 43—91.

²⁴ C. L. Becker. The History of Political Parties in the Province of New York. 1760—1776. Madison. 1909, p. 22.

²⁵ A. M. Schlesinger. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763—1776. N. Y. 1918; ejusd. The American Revolution Reconsidered. «Political Science Quarterly», 1919, № 1, pp. 63—75. Следует заметить, что в своей последней работе, изданной в 1968 г., уже посмертно, А. М. Шлезингер под влиянием «новых консерваторов» существенно (хотя и не полностью) пересмотрел свои прежние взгляды, чем заслужил похвалу Р. Брауна на страницах ведущего исторического журнала США. См. A. M. Schlesinger. The Birth of a Nation. N. Y. 1968, «AHR», 1969, vol. LXXIV, № 4, pp. 1357—1359.

²⁶ Ch. A. Beard. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y. 1913, p. 324. Среди делегатов конвента насчитывалось 15 плантаторов, 24 ростовщика и банкира, 14 землевладельцев и спекулянтов землей, 12 предпринимателей (промышленников, купцов и судовладельцев) и полностью отсутствовали трудящиеся массы — фермеры, ремесленники и рабочие (не говоря уже о неграх и индейцах). Ibid, pp. 149—151. Подробный марксистский анализ работ Ч. Бирда и его школы см. И. П. Деметьев. Об исторических взглядах Чарльза Бирда. «Вопросы истории», 1957, № 6.

социального движения» была развита Д. Франклином Джеймсоном в четырех лекциях, прочитанных в ноябре 1925 г. в Принстонском университете и опубликованных затем в виде небольшой книги. Д. Ф. Джеймсон призвал своих слушателей рассматривать американскую революцию с более широких позиций и не считать ее только политическим или военным событием. Сила революционной партии, отмечал автор, «лежала главным образом в простом народе», и в результате этого «социальные изменения» в ходе революции происходили в направлении расширения демократии²⁷.

Со времени издания лекций Джеймсона прошло уже более 40 лет, но споры вокруг поднятых им вопросов не утихают. Некоторые детали концепции Джеймсона оказались не совсем точными. Не все аристократы в колониях были непременно роялистами или тори, и не все они покинули в ходе революции Соединенные Штаты. С другой стороны, представители трудящихся не всегда были непременно революционерами и демократами. В Северной Каролине, например, многие роялисты оказались как раз представителями «простого народа». Конфискованные в ходе революции земли сторонников английского короля далеко не всегда попадали в руки бедных фермеров, а чаще всего покупались «богатыми патриотами» и т. д. В главном, однако, как считает Фредерик Б. Толлес, «тезис Джеймсона» до сих пор остается вполне правомерным²⁸.

В настоящее время наиболее видным продолжателем традиций Беккера, Бирда и Джеймсона считается профессор Висконсинского университета Меррилл Дженсен, который подчеркивает, что война за независимость по преимуществу была «демократическим движением» и что ее значение состоит в повышении экономического и политического статуса большинства населения тринадцати колоний. «Статьи конфедерации,— указывает Дженсен,— являлись конституционным выражением этого движения и воплощением в государственной форме философии декларации независимости»²⁹. Нельзя не отметить, что несомненной заслугой М. Дженсена является аргументированная критика концепции лидера «новых консерваторов» Р. Брауна о существовании в колониях и в первую очередь в Массачусетсе «идиллической демократии, объединенной в борьбе против британской тирании». Как доказывает Дженсен, американские провинции, включая Массачусетс, управлялись сравнительно немногочисленными группами «колониальной аристократии». В большинстве колоний верхние палаты законодательных собраний, верховные суды и т. д. заполнялись по назначению английского короля. «Короче говоря,— делает вывод М. Дженсен,— политическая структура колоний в действии была недемократической, несмотря на выборность нижних палат и самоуправление»³⁰. Так, в Массачусетсе в 1760 г. правительство контролировалось политической машиной, возглавлявшейся Томасом Хитчинсоном, который вместе со своими родственниками и друзьями контролировал почти все важные посты в колонии, за исключением должности губернатора. Политические лидеры Бостона использовали все средства для того, чтобы захватить контроль над правительством колонии, но только после кризиса в связи с законом о гербовом сборе они завоевали большинство в палате представителей. На

²⁷ J. F. J a m e s o n. The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton. 1926, p. 18.

²⁸ F. B. T o l l e s. The American Revolution Considered as a Social Movement: A Re-Evaluation. «AHR», 1954, vol. LX, № 1, p. 12; J. F. J a m e s o n. Op. cit. With a new introduction by F. B. Tolles. Princeton. 1967, pp. XIII—XIV.

²⁹ M. J e n s e n. The Articles of Confederation. Madison. 1948, pp. 15, 239.

³⁰ Ibid. Chapter III «Internal Revolution»; e j u s d. Democracy and the American Revolution. «Huntington Library Quarterly» (далее — «HLQ»), 1957, vol. XX, № 4, pp. 321—341.

основании всех этих фактов М. Дженсен приходит к заключению, что «американская революция была демократическим движением не по своему происхождению, а по результатам», то есть стала демократической уже в ходе войны за независимость, что нашло конституционное выражение в статьях конфедерации³¹.

Представление о войне США за независимость как о социальной революции значительно обогащает и оплодотворяет мысль исследователей, позволяет шире взглянуть на драматические события, происходившие в 70-х и 80-х годах XVIII века, точнее и правильнее оценить их значение и роль в истории как самих Соединенных Штатов, так и всего мира. Важнейшим социально-экономическим итогом войны за независимость следует считать прежде всего радикальное решение вопроса о земле. Известно, что во время войны за независимость Соединенные Штаты были по преимуществу аграрной страной, 90% американцев жили в сельской местности, а благосостояние немногочисленных городов также было непосредственно связано с сельским хозяйством. Между тем, как это ни удивительно, американские исследователи в основном занимались изучением торговых, а не аграрных интересов. Совсем недавно на это обстоятельство справедливо обратил внимание М. Дженсен, но в ходе последующего изложения он сам, к сожалению, полностью обошел наиболее важные социально-экономические преобразования, осуществленные во время революции в американском сельском хозяйстве³². Напомним, что наиболее прогрессивной буржуазно-демократической формой переворота В. И. Ленин считал переворот, обеспечивающий развитие сельского хозяйства по американскому пути, когда основой капиталистического земледелия служит «свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развилась там теперь частная собственность на землю»³³.

До настоящего времени, как нам представляется, исследователи далеко не в полной мере осознали важное принципиальное значение принятых в 80-е годы XVIII в. Континентальным конгрессом постановлений по вопросу о западных землях. Между тем именно в эти годы были приняты решения о национализации западных территорий страны и создании фонда государственных земель, что создало основу для развития сельского хозяйства к западу от Аллеган по американскому, фермерскому пути. Уже в резолюции Континентального конгресса от 10 октября 1780 г. отмечалось, что земли, которые будут переданы отдельными штатами, предполагается в будущем использовать для «общего блага Соединенных Штатов». На них будут образовываться «республиканские штаты, которые станут членами Федерального Союза»³⁴. На протяжении 1781—1802 гг. в пользу федерального правительства специальными актами были переданы западные земли, которые охватывали территорию к северу от реки Огайо и к востоку от Миссисипи. В целом из общей территории современных континентальных Соединенных Штатов (1 905 млн. акров) лишь 463 млн. находились первоначально во владении отдельных лиц или штатов. Остальные 1 442 млн. акров пе-

³¹ Ibid, p. 341. Общие итоги своих исследований М. Дженсен подвел в труде: «The Founding of a Nation». N. Y. 1968.

³² M. Jensen. The American Revolution and American Agriculture. «Agricultural History», 1969, vol. XLIII, № 1, pp. 107—124.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 129.

³⁴ «Journals of the Continental Congress, 1774—1789». 34. vls. Washington. 1904—1937. Vol. XVIII, p. 915.

решили во владение федерального правительства в течение 1781—1853 годов³⁵.

Никогда прежде история не знала столь смелого и радикального решения аграрного вопроса, и нигде в мире сельское хозяйство не развивалось в условиях национализации более $\frac{3}{4}$ всех земельных площадей страны. Разумеется, следует помнить, что переход экспроприированных у индейцев западных земель в распоряжение федерального правительства и создание фонда государственных земель были только первым шагом, обеспечивавшим принципиальную возможность для развития капитализма по американскому пути. Реальное распределение земельного фонда, характер аграрного законодательства во многом зависели от конкретного соотношения сил и степени политической активности трудящихся масс.

В соответствии с земельным ордонансом от 20 мая 1785 г. государственные земли распродавались крупными участками (640 акров) по цене не менее чем 1 долл. за акр³⁶. Для основной части фермеров эти условия были совершенно неприемлемыми, и в дальнейшем под давлением народных масс конгресс был вынужден неоднократно уменьшать размеры продаваемых участков, допускать продажу в рассрочку, предоставлять преимущественное право покупки действительным поселенцам и, наконец, в 1862 г. в ходе гражданской войны принять закон (гомстед-акт) о даровой раздаче государственных земель³⁷.

Как отмечал В. И. Ленин, национализация земли — это «мера буржуазного прогресса», свойственная «молодому» буржуазному обществу, еще не развившему свои силы, еще не развернувшему свои противоречия. В другом месте Ленин указывал: «Борьба за землю, борьба за свободу есть борьба за условия существования буржуазного общества, ибо господство *капитала* остается и в самой демократической республике и при каком угодно переходе «всей земли народу».

Тому, кто не знаком с учением Маркса, такой взгляд может показаться странным. Но убедиться в его правильности нетрудно: стоит припомнить великую французскую революцию и ее результаты, историю американских «свободных земель» и т. д.»³⁸.

Помимо основной мысли, изложенной в приводимой цитате, привлекает внимание тот факт, что В. И. Ленин сравнивает историю «свободных земель», то есть американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве с результатами Великой французской революции. И это вполне оправданно. Решительная победа буржуазно-демократической революции связана с наиболее крутой ломкой старых земельных отношений. Для американского пути развития характерна именно победа буржуазно-демократической революции. Разумеется, в результате войны США за независимость фермерский путь развития капитализма в сельском хозяйстве еще только начинал складываться (да и то только в северной части страны!) — предстояла длительная борьба за демократизацию доступа к западным землям, борьба за гомстед и отмену рабства. Однако все это не должно заслонять принципиальную важность мероприятий, осуществленных в ходе и под непосредственным влиянием американской революции в 80-е годы XVIII века.

Говоря об английской революции 1648 г. и французской революции 1789 г., К. Маркс писал: «Буржуазия победила в них; но *победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя*, победу буржуаз-

³⁵ «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington. 1960, pp. 231, 236.

³⁶ «Journals of the Continental Congress». Vol. XXVIII, p. 375 ff.

³⁷ Подробнее см. Г. П. Куропятник. О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху. «Новая и новейшая история», 1958, № 4, стр. 38—56.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 16, стр. 299; т. 15, стр. 205.

ной собственности над феодальной, нации над провинциализмом; конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями»³⁹. Конечно, условия, в которых происходила революция в Америке, значительно отличались от европейских, прежде всего потому, что в колониях, несмотря на все усилия английской аристократии, возродить феодализм как систему так и не удалось. Тем не менее социальные итоги американской революции во многих отношениях были аналогичными, и они вполне укладываются в марксову характеристику. Отметим в этой связи, что война против метрополии способствовала небывалому росту патриотизма восставших колонистов и пробуждению их национального самосознания. Уже вскоре после начала военных действий Джон Адамс записал в своем дневнике, что он «смертельно ненавидит слова «провинция», «колонии» и «метрополия»⁴⁰. Широкую известность завоевали крылатые слова Патрика Генри: «Нет больше различий между виргинцами, пенсильванцами, ньюйоркцами и жителями Новой Англии. Я не виргинец, я американец».

Во время войны США за независимость в Канаду и другие британские владения в Северной Америке, а также в Англию бежало около 60 тыс. лоялистов, что, принимая во внимание разницу в численности населения, почти в пять раз превышало число белых эмигрантов во время Великой французской революции⁴¹. Собственность сторонников метрополии и в первую очередь их земельные поместья были конфискованы. Можно назвать, в частности, земли губернатора Нью-Гэмпшира Д. Вентворта, владения семьи Пеннов (собственников Пенсильвании), поместья Д. Райта, лорда Ферфакса и т. д. Стоимость конфискованного имущества достигала 8 млн. фунтов, причем только владения Пеннов оценивались в 1 млн. фунтов стерлингов. В ходе революции были полностью ликвидированы остатки феодальных отношений в земледелии, отменено право майората (первородства) и наследование земли без права отчуждения (по старой системе в случае отсутствия завещания вся земля нераздельно переходила к старшему сыну, что имело целью сохранить в неприкосновенности крупные поместья феодального типа), прекращена уплата фиксированной ренты, общая сумма которой к началу войны за независимость достигала 100 тыс. долл., и т. д.⁴².

Особое значение для быстрого развития капиталистических отношений в горнодобывающей промышленности имел переход контроля над естественными ресурсами страны и в первую очередь над полезными ископаемыми (уголь, металлические руды и т. д.) от английской короны к федеральному правительству и частным предпринимателям⁴³. Напомним, что ранее в соответствии с колониальными хартиями одна пятая часть доходов от добычи полезных ископаемых (в первую очередь имелись в виду драгоценные металлы) принадлежала английскому королю. И хотя это условие было чисто символическим, оно выражало право британской короны на контроль над естественными ресурсами колоний.

В литературе давно уже было обращено внимание на серьезное влияние, которое война за независимость оказала на изменение аме-

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 115.

⁴⁰ «Diary and Autobiography of John Adams». Ed. by L. H. Butterfield. Vol. III. Cambridge. 1961, p. 357.

⁴¹ R. R. Palmer. The Age of the Democratic Revolution. Vol. 1. Princeton. 1959, pp. 188—190.

⁴² J. F. Jameson. Op. cit., pp. 33—35.

⁴³ C. L. Ver Steeg. The American Revolution Considered as an Economic Movement. «HLQ», 1957, № 4, pp. 363—364.

риканского уголовного законодательства, смягчение наказаний и условий тюремного режима. В 1787 г. было создано «Филадельфийское общество для облегчения страданий заключенных государственных тюрем» — первая в мире организация, посвященная реформе тюремных порядков. В ходе революции было существенно смягчено уголовное законодательство, цель которого ранее заключалась в первую очередь не в исправлении, а в поголовном уничтожении наиболее опасных преступников и в устрашении остальных с помощью самых зверских и унижительных наказаний. Широкий размах приняло в конце XVIII в. и движение за смягчение, а затем и полную отмену тюремного заключения за долги, одержавшее окончательную победу уже в годы президентства Джексона ⁴⁴.

Но если говорить о наиболее значительных изменениях в области юридической теории и практики, происшедших в результате американской революции, то в первую очередь следует иметь в виду, что квалификация самых важных политических преступлений (государственная измена, заговор, бунт, ересь и т. п.) подверглась решительному пересмотру. Кем были восставшие колонисты? В глазах английского короля они являлись бунтовщиками против законной власти, государственными преступниками, заслуживающими самого сурового наказания. «Попадись Вашингтон, Адамс и Джефферсон в руки Георга III, — пишет Г. Аптекер, — они сразу кончили бы свои дни на виселице как подлые преступники, а не прожили бы долгие жизни, осененные многими высокими почестями... Нет нужды говорить, что все это заставило задуматься о природе преступления, его изменчивости, его зависимости от социальных обычаев и организации; нет нужды говорить, что эра революции должна была в корне преобразовать криминалистику и пенологию» ⁴⁵.

Одной из особенностей социально-экономических и политических преобразований, осуществленных в ходе американской революции, является их необратимость. И хотя по размаху и остроте классовой борьбы буржуазная революция в Америке (поскольку в колониях феодализм как система никогда не существовал) значительно уступала Великой французской революции 1789—1794 гг., социально-политический строй Соединенных Штатов в первой половине XIX в. (разумеется, если абстрагироваться от существования рабства на Юге) был более передовым и демократическим, чем во Франции (хотя и там ни Людовик XVIII, ни тем более Луи Филипп уже не могли вернуться к старому порядку).

На протяжении всего периода войны США за независимость самая активная роль принадлежала трудящимся массам, городским и сельским «низам». Борьба с сильнейшей мировой державой требовала огромного напряжения духовных и материальных сил американского народа. За время войны частными лицами было снаряжено более 500 американских каперов, на которых служило около 90 тыс. чел., то есть больше, чем во всей армии Вашингтона, включая милицию штатов (лишь в 1776 г. численность армии восставших также достигла 90 тыс.) ⁴⁶.

Завоевав независимость и получив власть в свои руки, американская буржуазия считала, что цель достигнута и революция окончена. Более того, правящие круги были не прочь переложить на плечи трудящихся основную тяжесть борьбы с послевоенными экономическими трудностями и, в частности, за их счет произвести полную оплату обязательств по государственному долгу. Естественно, что это не могло не выявить резкого обострения недовольства широких народных масс, что в ряде мест вылилось даже в открытые вооруженные выступления уже

⁴⁴ См. Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 314—320; J. F. Jameson. Op. cit., p. 76 ff.

⁴⁵ Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 315.

⁴⁶ См. J. F. Jameson. Op. cit., pp. 48, 66.

не против англичан, а против новой администрации штатов. Наиболее известным и крупным выступлением такого рода было знаменитое восстание под руководством ветерана войны за независимость Даниэля Шейса в конце 1786 — начале 1787 года⁴⁷. Общее положение внутри страны в 1786 г. было столь напряженным, что Г. Вашингтон с нескрываемым беспокойством писал: «Горячий материал имеется в каждом штате, и искра может зажечь пламя». Путь к «спасению» нации Вашингтон видел в создании сильной центральной власти, которая «сцементирует весь союз». В период восстания Д. Шейса в письме к Д. Мэдисону от 5 ноября 1786 г. Вашингтон отмечал: «Мы быстро приближаемся к анархии и беспорядку»⁴⁸. Один из лидеров федералистов, Д. Джей, в своем письме к Т. Джефферсону в конце 1786 г. также обращал внимание на все более очевидную «неэффективность» (*inefficacy*) американского правительства и намекал, что участники восстания Шейса имеют более обширные планы, чем удовлетворение непосредственных поводов для недовольства⁴⁹.

В обстановке усиления реакции в связи с подавлением восстания Шейса была принята конституция 1787 года. «Мы, народ Соединенных Штатов,— указывалось в преамбуле конституции,— в целях образования более совершенного союза, утверждения правосудия, *охраны внутреннего спокойствия* (курсив наш.— Н. Б.), организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы учреждаем и вводим эту конституцию для Соединенных Штатов Америки»⁵⁰. Одним из наиболее серьезных недостатков конституции было отсутствие «билля о правах», на что в первую очередь обратил внимание Т. Джефферсон в письме к Д. Мэдисону от 20 декабря 1787 года⁵¹. Лишь после длительной и ожесточенной борьбы по настоянию антифедералистов во главе с Т. Джефферсоном и Т. Пейном конгресс США принял в 1789 г. первые 10 поправок к конституции («билль о правах»), вступившие в силу в ноябре 1791 года⁵².

В исторической литературе в свое время широкое признание завоевала точка зрения, в соответствии с которой конституция 1787 г. рассматривалась как своеобразный «термидор», «контрреволюционный заговор» для защиты «свободы и собственности», для обеспечения «спокойствия и безопасности» имущих⁵³. Подобная концепция, естественно, совершенно не устраивает современных консерваторов, и еще Р. Браун с характерной для него определенностью сформулировал новое кредо американской историографии: «Нам не нужна «консервативная контрреволюция» или термидорианская реакция для объяснения как Массачусетской конституции 1780 г., так и принятия федерацией конституции в 1787 г. Если не было «социальной революции», то едва ли может быть и «консервативная контрреволюция». Обе конституции должны по-

⁴⁷ Подробнее о восстании Д. Шейса см. А. В. Ефимов. Очерки истории США. М. 1958, стр. 136—141.

⁴⁸ «The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799». Ed. J. C. Fitzpatrick. 39 vls. Washington. 1934—1944. Vol. XXIX, p. 51.

⁴⁹ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. P. Boyd. Vol. X. Princeton. 1954, p. 488—489.

⁵⁰ «Конституции государств Американского континента». Т. III. М. 1956, стр. 231; «Liberty and Justice. Forging the Federal Union». Ed. by J. M. Smith and P. L. Murphy. N. Y. 1965, p. 61.

⁵¹ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. P. Boyd. Vol. XII. Princeton. 1955, pp. 439—440.

⁵² О «билле о правах», как и о конституции 1787 г., существует обширная специальная литература. См., в частности, J. T. Main. The Antifederalists: Critics of the Constitution, 1781—1788. Chapel Hill. 1961; R. A. Rutland. The Ordeal of the Constitution. Norman. 1965; «The Antifederalists». Ed. by C. M. Kenyon. Indianapolis. 1966.

⁵³ «American Themes: Essays in Historiography». Ed. by F. O. Gatell and A. Weinstein. N. Y. 1968, p. 101; S. E. Morison and H. S. Commager. The Growth of the American Republic. Vol. I. N. Y. 1942, p. 227.

лучить объяснение в рамках общества среднего класса, в котором большинство мужского населения обладало правом голоса»⁵⁴.

Особенно резким нападкам начиная с 50-х годов XX в. подверглась «экономическая интерпретация» американской конституции, данная Ч. Бирдом. Выводы Ч. Бирда пришлись современным консерваторам явно не по вкусу. Их не устраивает, что «отцы-основатели» и экономические группы, которые за ними стояли, руководствовались, оказывается, отнюдь не возвышенными, альтруистическими соображениями, а весьма прозаическими, материальными выгодами. Им не нравится, что плантаторы и крупная буржуазия Севера, в частности их представители Д. Мэдисон и А. Гамильтон, стремились к твердому национальному правительству как гарантии сохранения существующего порядка против возможного восстания «низов» — бедных фермеров, а также рабов⁵⁵.

В условиях «холодной войны» и маккартизма Ч. Бирд начал казаться слишком радикальным и даже крамольным историком, и не удивительно, что над бывшим главой «экономической школы» был учинен своеобразный посмертный суд. Еще в 1950 г. профессор Р. Хофстедтер отметил, что Ч. Бирд не удержался от соблазна рассматривать события конца XVIII в. через «прогрессистскую призму» начала XX века⁵⁶. Э. Морган обвинял Ч. Бирда и других прогрессистов в том, что они перенесли социальные конфликты начала XX в. на революционную эпоху и тем самым совершенно извратили концепцию свободы XVIII в., которая не знала противоречия между правами человека и собственностью. В XVIII в. борьба велась за «свободу и собственность», а не за «свободу и демократию». Для восставших колонистов «свобода и собственность» представляли собой одно неразрывное целое, так как собственность все еще считалась единственным основанием, обеспечивающим жизнь и свободу»⁵⁷.

Настоящая война против Бирда началась, однако, после опубликования Р. Брауном специальной работы, посвященной подробному разбору книги об экономической интерпретации конституции 1787 года. Как утверждал Р. Браун, Ч. Бирд в своей книге извратил действительное положение вещей. «Конституция была принята обществом демократическим в своей основе». Она была одобрена народом, состоявшим главным образом из «среднего класса собственников», и прежде всего «фермеров, владевших недвижимым имуществом»⁵⁸. Обращаясь к американским преподавателям истории, Р. Браун писал: «Мы должны объяснять американскую революцию и конституцию в рамках демократического, аграрного общества среднего класса, а не общества с ограниченной демократией и острыми классовыми разногласиями»⁵⁹.

Дальнейшее развитие критика концепции Бирда получила в обширных книгах Ф. Макдональда, К. Росситера и др.⁶⁰. «Экономическая интерпретация конституции ошибочна», выводы Ч. Бирда противоречат фактам, состав Филадельфийского конвента правильно отражал географические районы и группы населения, существовавшие в США в 1787 г., а сама конституция, по выражению Ф. Макдональда, — это «чудо» не только своего века, но и «всех грядущих веков».

⁵⁴ R. E. Brown. Op. cit., pp. 401—408.

⁵⁵ Ch. A. Beard. Op. cit., pp. 174, 324—325.

⁵⁶ R. Hofstadter. Beard and the Constitution: The History of an Idea. «American Quarterly», 1950, № 3, pp. 195—213.

⁵⁷ «The American Revolution: Two Centuries of Interpretation», p. 175.

⁵⁸ R. E. Brown. Charles Beard and the Constitution: A Critical Analysis of «An Economic Interpretation of the Constitution». Princeton. 1956, p. 200.

⁵⁹ R. E. Brown. Reinterpretation of the Revolution and Constitution. «Social Education», 1957, № 3, p. 114.

⁶⁰ F. Mc. Donald. We the People. Chicago. 1958; e j u s d. The Formation of the American Republic 1776—1790. Baltimore. 1965; C. Rossiter. 1787: The Grand Convention. N. Y. 1966.

Даже выдавшим виды историкам было над чем призадуматься. Ведь все это преподносилось как результат новейшего и тщательного научного анализа. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что методы этого анализа не так уж безупречны. Были выявлены непростительные фактические ошибки, а также явная тенденциозность критики труда Ч. Бирда. И мог ли вообще Филадельфийский конвент правильно отражать различные слои американского населения, если в его составе не было представителей мелких фермеров, ремесленников, рабочих и негров. Крайне непропорционально сторонники и противники конституции были представлены и на ратификационных конвентах штатов⁶¹.

Уделяя главное внимание критике или защите взглядов Ч. Бирда, американские историки в последние годы значительно меньше занимались разработкой позитивной концепции конституции 1787 года. Известное исключение представляет, пожалуй, лишь упоминавшаяся выше книга Л. Бенсона, в которой развивается так называемая «социальная интерпретация». Следуя распространенной в современной буржуазной литературе точке зрения, Л. Бенсон рассматривает «экономический класс» только как один из многих факторов общественного развития — наряду с религиозными и этническими группами, уровнем образования, местожительством и т. д. Все население страны Л. Бенсон разделяет на сторонников развития по аграрному пути и сторонников «торгового общества», причем в основе этого деления, как подчеркивает автор, лежит не социально-экономическое положение или род занятий, а «образ мышления»⁶². Нельзя не заметить в этой связи, что под флагом защиты Бирда и дальнейшего развития его концепции «экономическое объяснение» истории в новой «социальной интерпретации» Л. Бенсона превращается в откровенно идеалистическое.

Одним из центральных выводов большинства современных американских буржуазных историков (и в данном случае речь идет не только о «новых консерваторах», но и многих других авторах) является утверждение, что конституция 1787 г. представляла собой кульминационный пункт американской революции⁶³. По мнению Ганны Арендт, «действительной кульминацией» революционного процесса была не борьба за освобождение от Англии, а «самопроизвольный взрыв конституционного творчества». Она утверждает, что в результате принятия конституции 1787 г. удалось будто бы консолидировать власть и заложить основу свободы, что было высшей целью революции⁶⁴. Цитируя замечание Д. К. Адамса о том, что декларация независимости и конституция были частями «единого целого», логическим следствием последовательного усилия, в результате которого были заложены основы правления на базе разума и согласия, Р. Моррис приходит к выводу, что ни конституционный конвент, ни ратификационные собрания не дают никаких оснований считать их контрреволюцией. «Конституционный период,— заявляет Р. Моррис,— является продолжением революционной эпохи», а сама конституция составляет «неразрывную» часть «революционного процесса»⁶⁵.

Мы видим, таким образом, что в американской историографии по вопросу о конституции 1787 г. установилось в настоящее время довольно необычное единодушие. Не только «новые консерваторы», но и боль-

⁶¹ L. Benson. Turner and Beard. Glencoe. 1960, pp. 229—233; Ch. W. Roll, Jr. We, Some of The People. «The Journal of American History», 1969, № 1, pp. 21—40.

⁶² См. L. Benson. Op. cit., pp. 154, 215—216 etc. Точка зрения Л. Бенсона в основном разделяется и авторами историографического обзора, опубликованного недавно на страницах журнала «Social Education», 1968, № 1, p. 24.

⁶³ W. H. Nelson. Op. cit., pp. 1007, 1011, 1013.

⁶⁴ См. J. P. Greene. The Reappraisal of the American Revolution in Recent Historical Literature, pp. 76—79; H. Arendt. On Revolution. N. Y. 1963.

⁶⁵ R. B. Morris. Op. cit., p. 161—162.

шинство других специалистов в конечном итоге вернулись к Д. Бэнкрофту, который, как известно, всегда считал, что конституция США являлась кульминационным пунктом и претворением в жизнь завоеваний революции⁶⁶.

При всей заманчивости этой внешне стройной концепции она, по нашему мнению, крайне обедняет и упрощает действительное развитие событий. Разумеется, конституция 1787 г. не была только термидором, но и логическим завершением революции, однако понятие термидора во многом обогащало наше представление о сложных и противоречивых событиях, в которых происходила выработка и принятие конституции 1787 года. Вместе с тем нельзя правильно оценить конституцию 1787 г. и разобраться в острой политической борьбе, происходившей вокруг этого документа, если рассматривать ее только как консервативный документ, как контрреволюцию и шаг назад по сравнению с тем, что было записано в декларации независимости, статьях конфедерации и конституциях отдельных штатов. Правильный путь решения проблемы, по нашему мнению, заключается в понимании двойственного характера американской конституции, которая одновременно была и термидором, и логическим завершением революции, и прогрессивным для своего времени демократическим и республиканским манифестом, и консервативным документом, направленным на защиту интересов торжествующей буржуазии.

Один из вдумчивых представителей «новых левых» в американской историографии правильно нащупал путь к решению проблемы, когда заметил, что Ч. Бирд игнорировал возможность того, что конституция была одновременно и капиталистической, и демократической, и «экономическим документом», и республиканским манифестом⁶⁷. Широкий недогматический подход к событиям позволил С. Линду и А. Янгу разобраться в сложных изменениях позиции нью-йоркских ремесленников на протяжении 1774—1801 гг. и, в частности, объяснить совершенно парадоксальный на первый взгляд факт решительной поддержки, которую ремесленники Нью-Йорка оказали конституции 1787 г. и таким консервативным деятелям, как Р. Ливингстон, Д. Джей и Д. Дуан⁶⁸. «Механики не только поддерживали конституцию, они поддерживали ее решительно. 23 июля 1788 г. около четырех тысяч нью-йоркских механиков вышли на демонстрацию с флагами и транспарантами, чтобы отпраздновать ратификацию конституции девятью необходимыми штатами». «Характерная черта политических требований механиков на протяжении всего периода 1774—1788 гг., — отмечает далее С. Линд, — состоит в том, что они сочетали заботу о демократии с непреклонной поддержкой политики наделения центрального правительства властью, необходимой для борьбы с англичанами»⁶⁹.

Одна из наиболее характерных особенностей исторической науки в США состоит в том, что профессиональные историки занимаются главным образом изучением «верхов», так называемой «элиты». Их героями по преимуществу были прославленные генералы, выдающиеся государственные деятели, преуспевающие промышленники и финансисты. В этой связи следует положительно оценить тот факт, что некоторые представители «новых левых», выступая против «историографии элиты», обратились к изучению «низов», к рассмотрению вопроса о роли в американской революции трудящихся масс. Показателен в этой связи очерк моло-

⁶⁶ G. Bancroft. History of the Formation of the Constitution of the United States of America. 2 vls. N. Y. 1882.

⁶⁷ S. Lynd. Capitalism, Democracy and the United States Constitution: The Case of New York. «Science and Society», 1963, № 4, p. 386.

⁶⁸ См. S. Lynd and A. Young. After Carl Becker: The Mechanics and New York City Politics, 1774—1801. «Labor History», 1964, № 3.

⁶⁹ Ibid., pp. 243, 245.

дого исследователя Д. Лемиша «Американская революция, рассматриваемая снизу вверх», в котором приведены интересные свидетельства об участии в революционных событиях трудящихся масс, о борьбе бедных и лишенных наследства⁷⁰. Д. Лемиш справедливо отмечает также ограниченность декларации независимости, но забывает почему-то сказать, что этот вопрос еще ранее освещался в марксистской историографии и, в частности, в книге Г. Аптекера. При всем революционном и прогрессивном для своего времени значении декларации независимости нельзя забывать, что даже этот документ (не говоря о других актах американской революции) носил печать буржуазной ограниченности; он, по существу, относился только к имущим, только к белым и только к мужчинам. Его творцы — буржуазные революционеры — не замечали или не хотели замечать, что за пределами декларации оставались сотни тысяч негров, женщин и кабальных слуг⁷¹. При написании своей книги об «экономической интерпретации» конституции 1787 г. Ч. Бирд совершенно игнорировал как факт участия в политической борьбе ремесленников, так и всю проблему рабства в период войны за независимость⁷².

Необходимо подчеркнуть, что основная заслуга в изучении роли трудового народа — мелких фермеров, рабочих, ремесленников и негров — принадлежит американской марксистской школе (известные труды У. З. Фостера, Г. Аптекера, Ф. Фонера и др.). Давая общую оценку войны за независимость, У. З. Фостер писал о ней как о буржуазной революции, «в которой был очень силен демократический элемент»⁷³. «Правда заключается в том, — приходит к выводу Г. Аптекер, — что американская революция в силу своего происхождения была горячо поддержана подавляющим большинством американского народа. А то, что это была война народная, оказало... глубокое воздействие на все ее развитие и на характер ее влияния в истории»⁷⁴.

Известно, что когда В. И. Ленин писал о революционной традиции американского народа, он в первую очередь имел в виду войну за независимость в XVIII в. и гражданскую войну в XIX веке. «В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке»⁷⁵.

Пересмотр «новыми консерваторами» характера войны за независимость, отрицание ее революционного содержания неразрывно связаны в конечном итоге и с пересмотром общей тенденции исторического развития США, отрицанием революционных традиций американского народа вообще. Очень характерно в этой связи, что один из лидеров «новых консерваторов», гарвардский профессор Луис Харц, прямо называет свой труд «Либеральная традиция в Америке». Вслед за А. Токвилем он утверждает, что великое преимущество американцев заключается в том факте, что они «не пережили демократической революции». Радикализм, по словам Харца, не имеет никакого отношения к американской революции, а наиболее существенным фактом «американского действия» в 1776 г. была, как он утверждает, не свобода, к которой оно

⁷⁰ J. Lemisch. The American Revolution Seen from the Bottom Up. «Towards a New Past: Dissenting Essays in American History». N. Y. 1968. О сборнике в целом см. критический обзор Г. Аптекера в «Political Affairs», 1968, № 8.

⁷¹ См. Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 140—144.

⁷² См. S. Lynd and A. Young. Op. cit., pp. 216—217; S. Lynd. Beyond Beard. — «Towards a New Past: Dissenting Essays in American History». N. Y. 1968; e j u s d. Class Conflict, Slavery and the United States Constitution. Indianapolis. 1967.

⁷³ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 177.

⁷⁴ Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 85.

⁷⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 58.

привело, а отсутствие феодального порядка, который необходимо было разрушить. Именно отсутствие «старого режима» определило отличие американской революции от французской, а поскольку в Америке не было феодальной традиции, в ней отсутствует, по мнению Л. Харца, и социалистическая традиция⁷⁶. «...Цель восставших колонистов,— отмечал К. Росситер,— заключалась просто в том, чтобы консолидировать, а затем осторожно расширить значительную долю свободы и процветания, которые уже стали частью их образа жизни»⁷⁷.

Попытка объединить необъединяемое, отождествить политические устремления восставших колонистов с консерватизмом буржуазных историков середины XX в. стала одной из наиболее характерных черт школы Брауна, Бурстина, Харца, Росситера и др. «В период, когда Соединенные Штаты стоят перед великими угрозами их безопасности из-за границы, консервативные историки,— пишет редактор историографического сборника о войне США за независимость Д. А. Биллиас,— стремятся подчеркнуть согласованность интересов американского народа во время революции для того, чтобы создать образ нации, которая на протяжении большей части своей истории была единой и сильной»⁷⁸.

При всем обилии и значении трудов новых консерваторов, занявших во второй половине XX в. ведущее, если не господствующее, положение в историографии США, следует подчеркнуть, что в последнее время их влияние значительно уменьшилось. Очень показательна в этом отношении позиция одного из крупнейших современных историков США, Ричарда Хофстедтера. В свое время Хофстедтер выступил инициатором пересмотра истории США с позиций теории «согласованных интересов». Главная политическая традиция Америки заключалась, по его мнению, в признании «прав собственности, философии экономического индивидуализма» и т. д.⁷⁹. И вот спустя 20 лет под влиянием серьезного, можно сказать, коренного изменения общей политической обстановки, резкого обострения негритянской проблемы, невиданного подъема в США молодежного движения и т. д. колумбийский историк в своей новой монографии признает, что теория «согласованных интересов» больше не кажется ему столь же удовлетворительной, как десять или пятнадцать лет назад. «Если мы сделаем вывод, что американская революция не носила действительно революционного характера из-за традиционности ее *идей*,— подчеркивает Хофстедтер,— мы можем упустить главное»⁸⁰. Однако, отмечая недостатки теории «согласованных интересов» и подчеркивая важную роль «конфликтов» и «насилия» в истории США, колумбийский профессор старательно обходит проблему антагонистических противоречий и классовой борьбы.

Подводя итоги, нельзя не обратить внимания на необходимость развертывания исследовательской работы советских историков по коренным проблемам буржуазной революции XVIII века в Америке. У нас имеется целая школа исследователей гражданской войны и реконструкции, но нет ни одной серьезной монографии о войне США за независимость. Надо надеяться, что в самое ближайшее время советские историки приступят к систематическому изучению американской революции XVIII века. Это особенно важно в связи с приближающимся 200-летним юбилеем войны США за независимость и огромным объемом книжной и журнальной продукции американских историков по указанной тематике.

⁷⁶ L. Hartz. The Liberal Tradition in America. N. Y. 1955, pp. 5, 6.

⁷⁷ C. Rossiter. The Shaping of the American Tradition. «WMQ», 1954, № 4, p. 533.

⁷⁸ «The American Revolution. How Revolutionary Was It?». Ed. by G. A. Billias. N. Y.

⁷⁹ R. Hofstadter. The American Political Tradition. N. Y. 1948, p. VIII.

⁸⁰ E. J. E. The Progressive Historians. N. Y. 1968, p. 459.

ИСКУССТВО ПРОПАГАНДЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Э. Алексин

История искусства идейно-психологического воздействия на ум и чувства людей уходит в глубь веков. Дошедшие до нас памятники древности красноречиво свидетельствуют о том, что это искусство является ровесником древнейших цивилизаций.

Первобытное человеческое общество, основанное на родовом объединении людей, сначала не испытывало и не могло испытывать потребности в социально-корыстной идейно-психологической обработке членов общества со стороны какой-либо группы людей, поскольку в этом обществе не было классов и, следовательно, не существовало классовых интересов. Хотя на той стадии развития и имелись определенные социальные противоречия, они носили иной характер. Ф. Энгельс отмечал, что «родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения»¹.

С ростом производительных сил, повышением производительности труда и появлением новых производственных отношений родовое общество сменяется другим, связанным уже с территориальными объединениями людей. С появлением частной собственности — основы классовых противоречий — столкновения различных социальных интересов становятся неизбежными, поскольку имущественные различия нарушают социальное единство и приводят к антагонизму. Общество раскалывается на богатых и бедных, на свободных и рабов, на эксплуататорское меньшинство и эксплуатируемое большинство. Появляется государство. В новом обществе «отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба»². Поэтому государство возникает как орудие защиты политических и экономических интересов имущих лиц, как аппарат для угнетения одного класса другим. С выделением господствующего класса и сосредоточением в его руках политической и экономической власти возникает необходимость убеждения эксплуатируемого большинства, во-первых, в том, что интересы господ полностью совпадают с интересами всего общества, и, во-вторых, что существующее положение вещей незыблемо и справедливо. «Поэтому,— писал Ф. Энгельс,— чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать,— одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого экс-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 168.

² Там же, стр. 26.

плуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям — эксплуататорам»³. Так возникает искусство оказания идейно-психологического воздействия на людей, неотделимое от искусства управления государством.

Институт государственной власти с его атрибутами возник примерно пять—шесть тысяч лет тому назад. Появилась наследственная знать, в руках которой концентрировалась верховная племенная, военная и религиозная власть. Привилегированные группы лиц — старейшины, военачальники, жрецы — умножали свои богатства за счет народа, все более возвышаясь над ним. Постепенно зародилась монархия, осуществлявшая в интересах сохранения своего господства насилие, как физическое, так и идейно-психологическое.

Последнее приняло различные формы морального воздействия на умы людей. Во славу египетских фараонов, вавилонских царей, римских императоров высекались гигантские обелиски, барельефы и статуи, сооружались великолепные храмы и дворцы, возводились пирамиды и колонны, создавались непревзойденные шедевры искусства, являвшиеся, по сути дела, не чем иным, как формой прижизненной либо посмертной пропаганды личности монархов. Монументальное искусство той эпохи было призвано способствовать укреплению верховной власти. Нередко оно давило на народные массы, убеждало трудовые низы в их беспомощности перед «сверхъестественной», «мистической» силой всемогущего властелина, заставляло беспрекословно подчиняться его воле. По мере объединения мелких государств под эгидой более сильного монарха расцветает и великолепие, окружавшее этого монарха: вводятся атрибуты высшей власти — головные обручи, жезлы, знамена и штандарты, растет свита царедворцев. Эти внешние признаки власти также призваны способствовать повышению авторитета монарха и свидетельствовать о его могуществе, оказывая психологическое влияние на народ как своего, так и соседних государств. Монархи уже не довольствуются простым прибавлением к своему титулу имени бога. Титул становится свидетельством тех или иных, действительных либо мнимых, заслуг. Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) называл себя «царем могучим, царем Вавилона, царем четырех стран света, вседержителем Земли»; Мардукапалиддин (VIII в. до н. э.) — «царем мира, царем всего Шумера и Аккада, царем Вавилона., царем, не имеющим себе равных»; повелитель Ирана Дарий (VI—V вв. до н. э.) так определял свои достоинства: «Я, Дарий, царь великий, царь царей, царь всех земель и языков, царь этой земли, великий и могучий, Ахеменид»⁴. Порой при перечислении титулов монарха к его имени добавлялись определения, подчеркивавшие его высокие моральные качества: «щедрый», «добрый», «справедливый» и т. д. Фараон XII династии Древнего Египта Аменемхет I (XX в. до н. э.) приказал написать о себе:

Я был тем, кто возделывал злаки и любил бога плодородия,
Нил приветствовал меня во всех долинах,
Никто не голодал в годы моего правления,
Никто не страдал тогда от жажды,
Люди жили в мире, в котором я правил, говоря обо мне⁵.

Одним из излюбленных египетскими фараонами приемов психологического воздействия на массы был разговор с мертвым предком, ставшим, согласно древнеегипетской религии, богом. В таком разговоре, тщательно подготавливавшимся жрецами, мертвый предок восхвалял

³ Там же, стр. 177.

⁴ L. W. King. First Steps in Assyrian. L. 1898, pp. 3, 18, 116.

⁵ J. H. Breasted. A History of Egypt. L. 1906, p. 117.

правлящего властелина и призывал подвластный ему народ сохранять верность фараону, если хочет избежать несчастий. Аналогичные представления организовывались в тех же целях и в более поздних цивилизациях.

Уже в Древнем Египте дети обучались грамоте по текстам, восхвалявшим верховную власть и личность фараона⁶. Литературные памятники всего мира той поры свидетельствуют, что искусство психологического воздействия широко применялось и в политической борьбе за власть. В древнеиндийских эпических памятниках «Махабхарата» и «Рамаяна», в эпизодах, описывающих борьбу за власть и торжество одних группировок над другими, содержится прямая пропаганда политических воззрений одной из них, стремившейся к объединению страны. В III в. до н. э. при китайском императоре Цинь Ши-хуанди принимались жесточайшие меры для подавления критики в адрес правящей династии со стороны ее противников: книги, содержавшие высказывания враждебного характера по отношению к личности императора и существующей форме правления, безжалостно уничтожались; лица, проповедовавшие враждебные правящей династии взгляды, подвергались смертной казни. Право на существование имели лишь точки зрения и идеи, отвечавшие интересам правящей верхушки. Все, что в какой-либо степени угрожало ей, объявлялось вне закона. «То, что считает правдой владыка, и мы должны считать правдой,— поучал две тысячи триста лет назад китайский философ Мо-цзы,— что считает ложью владыка, и мы должны считать ложью»⁷.

Во II в. до н. э. господствующей официальной идеологией в Китае было признано учение конфуцианца Дун Чжун-шу и представителей той же школы, утверждавших, что императоры всех эпох получают «небесный мандат» на управление народами. В одном из китайских трактатов рубежа н. э. говорилось, что властелин не может быть неправ, поскольку «Небо создает народ и ставит над ним владыку, чтобы тот охранял его и не давал ему свернуть с пути истинного... Любовь Неба к своему народу безмерна. И нельзя даже предположить, что оно поставило над ним человека для того, чтобы совращать его». Согласно теории древнекитайских философов, «нельзя давать народу разум, а нужно держать его в неведении», ибо, по их мнению, разумными людьми труднее управлять⁸. Подобные взгляды на протяжении всей истории составляли идейное кредо всех реакционных и антинародных режимов.

Повышению авторитета и могущества монархов в значительной степени способствовали также успешные войны. Военные подвиги монархов-полководцев прославлялись в мифах и гимнах, увековечивались в текстах, покрывавших стены дворцов, храмов и гробниц, описывались в мельчайших подробностях на глиняных табличках и папирусах — этих древнейших предках средств современной печатной пропаганды. Памятники ассиро-вавилонской культуры — ярчайшее свидетельство того, как еще в III тысячелетии до н. э. местные цари-военачальники привлекали лучших мастеров к созданию произведений искусства, восхвалявших верховную военную мудрость и личную смелость правителя. Стены дворцов украшались барельефами, изображавшими эпизоды победоносных походов царей и дарственные приношения побежденных народов победителям. Так, на цилиндрах с клинописными текстами от эпохи Асархаддона и Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) повествуется о кровавых победах, одержанных над врагами, и перечисляются невероятные трофеи. С войнами же возникает необходимость в чисто военной пропа-

⁶ R. Turner. The Great Cultural Traditions. Vol. 1. N. Y. 1941, pp. 312—313.

⁷ См. подробнее: В. А. Рубин. Два истока китайской политической мысли. «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 72 сл.

⁸ Liang Chi-chao. History of Chinese Political Thought during the Early Tsin Period. L. 1930, pp. 151, 196.

ганде, основной задачей которой было сплотить силы вокруг монарха и поддержать моральный дух воинов в борьбе с врагами, а также внести смятение и панику в ряды противника, подорвав его дух и волю к борьбе. Военная пропаганда использовалась и в целях разжигания ненависти к противнику. В таких случаях вражескому государству, армии, ее военачальникам приписывались (или в их действиях намеренно выделялись) отрицательные качества, вызывавшие у воинов жажду мщения. Так, в клинописных надписях XXV в. до н. э. от имени правителя города Урук детально рассказывается, как его враги из племени гутеев умыкали жен у мужей, отнимали детей у матерей и оставляли после себя разоренные земли и опустошенные жилища.

Интересным памятником древности, свидетельствующим о внимании к вопросам ведения психологической войны в древнейших цивилизациях, является древнеиндийская «Артхашастра» («Учение о пользе»), написанная в IV в. до н. э. и впоследствии переработанная и дополненная. В этом трактате, в частности, предлагается засылать в стан врагов секретных агентов, чтобы они сеяли смуту и распространяли среди воинов противника слухи об их неизбежном поражении. Что касается своей армии, то в «Артхашастре» предлагается всячески вдохновлять воинов, внушая им уверенность в их непобедимости. «Когда завоеватель,— говорится там,— стремится захватить вражескую деревню, он должен вдохновить своих собственных людей и напугать врагов, превознося силу своего всеведения и свою близость к богам»⁹. Искусством морального воздействия на противника, то есть искусством ведения психологической войны, интересовались и в Древнем Китае. Литературные источники того времени упоминают, что с целью подавления духа противника воины шли в сражение, как правило, под музыку и с развевающимися знаменами. В работе известного военного теоретика Сунь Цзы «Книга о войне» подчеркивалась важность подрыва в стане врага воли к сопротивлению с помощью распространения всевозможных слухов, в частности о превосходящих силах выступающих против него армий и о наличии измены в его собственных рядах. Сунь Цзы принадлежит известный афоризм: «Если вы знаете врага и знаете себя, то вам не следует опасаться за исход сотни сражений. Если вы знаете себя, но не знаете врага, то на каждую вашу победу будет приходиться по поражению. Но если вы не знаете ни себя, ни врага, то вы глупец и будете терпеть поражение в каждом сражении»¹⁰.

Наряду с пропагандой, которая преследовала чисто военные цели, в древнейших государствах уделялось значительное внимание и военно-политической пропаганде. В I тысячелетии до н. э. на территории Китая существовал ряд небольших самостоятельных царств, часто враждовавших между собой. В конце III в. до н. э. длительные войны между ними завершились созданием централизованной китайской империи Цинь. Именно в период этих войн получила особое развитие военно-политическая пропаганда, осуществлявшаяся врагами Цинь с помощью странствующих философов, которые засылались с целью разъяснения народу губительных для него последствий возможного порабощения его правителями Цинь. Затем, с созданием этой империи, на смену местному сепаратизму пришел великодержавный шовинизм, позднее, в период Хань, принявший общеханьский (общекитайский) характер и основанный на теории, согласно которой ненависть к иностранцам является средством возбуждения патриотических чувств. Влияние тогдашних древнекитайских философов на политическую жизнь страны было на-

⁹ См. «Артхашастра, или Наука политики». М.-Л. 1959; B. S. Murty. Propaganda and World Public Order. S. I. 1968, p. 1.

¹⁰ W. E. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Casebook. Baltimore. 1958, p. 425.

столько велико, что их взгляды нередко составляли теоретическую основу государственной политики правящих кругов.

Существенное влияние на развитие искусства психологического воздействия на массы оказали методы, выработанные в странах античного мира. Кое в чем наблюдалось заимствование традиций Древнего Востока, особенно в результате войн, торговли, путешествий или создания крупных государственных образований типа монархии Александра Македонского. Аристократия Древней Греции и Рима, а за нею и древнеримские императоры в исторически довольно короткий срок освоили некоторые восточные «тонкости» управления государством, однако применяли психологическое оружие в политических и военных целях, пожалуй, с большей целеустремленностью и мастерством, нежели это делалось в древних цивилизациях Востока. Так, классическая Греция стала родиной новых форм патриотической поэзии, пропагандировавших идею государственного и народного единства. Уже в VII—VI вв. в произведениях поэтов, в частности в балладах лесбийца Алкея, широко представлена тема борьбы с тиранами и войны против внешних врагов. Авторами поистине всеэллинского звучания были Тиртей, вдохновлявший сограждан элегическими поэмами, воспевавшими гражданские добродетели спартанцев и их боевые подвиги, и Симонид, автор хоровых лирических произведений о героях войны и спортивных состязаний. Глубоко патриотическими можно считать эпические поэмы «Илиаду» и «Одиссею», воспитавшие не одно поколение греков в духе беззаветной любви к родине. В то же время в обстановке сложной междоусобной борьбы различных территорий и городов-государств в VI в. до н. э. эти поэмы сыграли роль произведений, способствовавших достижению всеэллинского единства, и стали действенным методом пропаганды идеи сплочения разобщенных земель в единое греческое государство.

Трагедии великих драматургов Эсхила (525—456 гг.) и Еврипида (480—406 гг.) тоже были по-своему ярко выраженными пропагандистскими творениями, исполненными патриотического пафоса, воспевающими героизм и противопоставляющими его индивидуализму и эгоизму. Политическая сатира составляла основу комедий Аристофана (445—385 гг.), бичевавшего и высмеивавшего пороки афинского общества («Осы», «Всадники», «Птицы»). Образы, созданные Аристофаном, сродни такому острому пропагандистскому оружию наших дней, как политическая карикатура. Скажем, его пьеса «Лисистрата» до сих пор занимает почетное место в ряду произведений антивоенного цикла. Выдающийся историк Геродот явился автором первого в истории человечества капитального пропагандистского труда — патриотической истории. Это дало основание Б. Расселу назвать Геродота (с некоторым преувеличением) «платным пропагандистом Афинского государства». Наконец, «Риторика» Аристотеля (384—322 гг.) можно считать первым дошедшим до наших дней учебником устной пропаганды, классическим исследованием ораторского мастерства как метода оказания психологического воздействия на массы. В этом трактате рассматривается самая теория ораторских доказательств, выясняются цели ораторского искусства, анализируются речевой стиль и образные средства языка.

Красноречие, вообще широко практиковавшееся в древности, было доведено греками до совершенства и составляло основу устной пропаганды, применявшейся идеологами рабовладельческой власти, как аристократами, так и демократами, в интересах укрепления существующего строя. Выделение ораторского мастерства в качестве одной из основных форм пропаганды идей объясняется тем, что впервые в истории человечества свободные граждане Афин начали принимать самое активное участие в политической жизни своего города-государства и получили реальную возможность оказывать существенное влияние на политику. Разногласия между правящими группировками обострили необходимость

пропаганды и контрпропаганды с целью завоевания общественного мнения. В условиях отсутствия других средств массового общения важнейшей формой психологического воздействия на общественность могло стать только живое слово. Игры, театральные представления, собрания, суды и религиозные празднества были превращены в арену политической борьбы между враждующими группировками, нанимавшими наиболее блестящих ораторов для выступлений перед народом с пропагандой выгодных этим группировкам идей и политических решений. Устная пропаганда, формировавшая общественное мнение, дополнялась, хотя и в менее значительной степени, распространением рукописных книг, авторами которых были те же ораторы или философы.

Знаменитый мыслитель Платон (427—348 гг.) лучше многих других философов древнего мира представлял себе природу и роль устной пропаганды. Его взгляды на отдельные аспекты психологического воздействия живого слова сохраняют свое практическое значение даже в наши дни. В известных «сократических» диалогах Платона, особенно в «Горгии», содержатся мысли об искусстве красноречия и умении оратора оказать психологическое влияние на аудиторию. Он сравнивает пути лечения болезней с методами, применяемыми риториками, и разъясняет, что таким же образом, как в медицине предписанные лекарства и диета возвращают здоровье и силу человеческому телу, соответствующие речи и правильное воспитание восстанавливают веру и добродетель в человеческой душе. Платон особо подчеркивал важность воспитания юного поколения, которое он сравнивал с молодыми побегами растения, нуждающимися в главном внимании со стороны землепашца. Живое слово, подчеркивал Платон, обладает большей эффективностью и силой, чем написанное. Он заявлял устами действующего лица диалогов, его учителя Сократа: «Написанные слова... обладают странными качествами и очень походят на картину. Существа, изображенные на картине, выглядят живыми, но, если задать им вопрос, они хранят торжественное молчание. То же происходит и с написанными словами: вам могло показаться, что они заявляли о чем-то, как если бы они обладали разумом. Но, если вы зададите им вопрос, желая узнать, о чем они говорят, они будут повторять лишь одно и то же»¹¹. Под мастерством красноречия Платон понимал способность оратора убедить слушателя в разумности той или иной идеи, в целесообразности какого-то шага. Поэтому ритор должен знать мысли и чаяния тех, кого он пытается в чем-то убедить. Платон прямо подчеркивал, что конкретные слова могут убедить в разумности определенного шага только одну категорию людей, в то время как в отношении другой категории лиц эти слова могут оказаться абсолютно бездейственными.

Исходя из таких рекомендаций, правители древнегреческих государств давали целенаправленные задания нанимаемым ими ораторам. Плутарх (46—120 гг.) упоминает, что такой мастер риторики, как Демосфен (384—322 гг.), получал деньги за выступления в поддержку той или иной политической группировки. Особую известность снискал Демосфен своими «Филиппиками» — страстными речами, вдохновлявшими афинян к сопротивлению агрессору, царю Филиппу Македонскому. Называя Филиппа непримиримым врагом демократии, Демосфен призывал греков оказывать всяческое содействие тем, кто ему сопротивлялся. «Лучше умереть тысячью смертей, чем покориться Филиппу!» — этот лозунг, выдвинутый Демосфеном, содействовал сплочению греков перед лицом внешней угрозы. Свидетельством того, сколь серьезную опасность представляла для македонян пропагандистская деятельность Демосфена, является предъявленное Александром Македонским требование Афинам о выдаче восьми наиболее популярных общественных деятелей,

¹¹ «Plato». L. 1919, p. 565.

в числе которых был назван и Демосфен. Попали в этот перечень и другие ораторы: финансист Ликург, адвокат Гиперид, Тимарх. В свою очередь, промакедонскую партию тоже возглавляли крупные ораторы — Исократ, Эсхин, Демад, Филократ.

У Геродота (V в. до н. э.) в его «Истории» упоминается об интересном факте, относящемся к периоду греко-персидских войн. Речь идет о пропагандистском маневре, к которому прибег архонт Фемистокл в попытке заручиться поддержкой ионийцев для войны с персами. Он отправился на корабле к местам, где ионийцы снабжались пресной водой, и приказал высечь на камнях, расположенных вблизи от источников, следующие слова: «Люди Ионии, вы не должны воевать со своими отцами и помогать закабалению греков. Лучшее из того, что вы можете сделать, — это присоединиться к нам. Если это невозможно, вы могли бы, по крайней мере, оставаться нейтральными и просить карийцев сделать то же самое. Если вы не можете сделать ни того, ни другого, а вынуждены служить персам под столь сильным давлением, что оно исключает дезертирство, вам, тем не менее, открыт еще один путь: в очередном сражении вспомните, что мы и вы принадлежим к одной крови, что наша ссора с Персией началась из-за вас, и откажитесь воевать»¹². Не правда ли, это похоже на нынешние листовки, распространяемые воюющими сторонами в ходе военного конфликта? Применяли греки и такой вид психологического оружия, как звуковые эффекты, стремясь напугать, деморализовать и дезориентировать противника, например, в войне с царем Лидии Крёзом.

К числу блестящих ораторов Древней Греции относился и афинский правитель 444—429 гг. Перикл, умевший своими страстными речами вдохновлять людей и придавать им силы в борьбе с трудностями. Историк Фукидид (460—395 гг.), в частности, приписывает Периклу яркое выступление в храме перед огромной толпой афинян, павших духом и истощенных эпидемией и Пелопоннесской войной: «Знайте, что наш город носит величайшее имя во всем мире, поскольку его жители никогда не поддавались несчастьям, принесли в жертву больше жизней и пережили больше страданий, чем какой-либо другой народ. Даже если мы будем вынуждены в конечном итоге отказаться от части нашего величия, всегда будет жить память о том, что из всех эллинов именно мы были наибольшим количеством подданных, противостояли нашим врагам, и одиночным и объединенным, в самых грозных войнах и вообще были жителями города, благословленного всеми видами богатства и величия. Ленивые могут критиковать нас, но предприимчивые станут нам подражать, а неудачники — завидовать»¹³. Будучи хорошим оратором, Перикл, впрочем, отдавал себе отчет в слабости речевого метода психологического воздействия в тех случаях, когда излишне частые выступления одного и того же лица приедались толпе и вызывали реакцию, обратную желаемой. Поэтому сам он выступал перед народом в исключительно редких случаях и тщательно готовился к каждому выступлению. Когда же в его личном публичном выступлении не было необходимости, он поручал держать речь, особенно по менее важным вопросам, своим единомышленникам. В результате каждое его выступление являлось уже само по себе крупным событием, привлекало огромное внимание и вызывало энтузиазм у толпы. Современник Перикла комик Эвполид, настроенный по отношению к нему враждебно, тем не менее вынужден был отдать ему должное:

Вот говорить-то мастер был он, как никто.

Бывало, выйдет речь сказать к народу,

¹² Herodotus. The Histories. Edinburgh. 1965, p. 505.

¹³ R. W. Livingstone. The Greek Genius and Its Meaning to Us. Oxford. 1912, pp. 31—32.

Так, точно в беге состязатель славный,
Враз, десять дав шагов вперед, любого
Оратора побьет...

Как и восточные монархи, правители Древней Греции уделяли большое внимание вопросам пропаганды личности. Они именовали себя смелыми, могущественными, объявляли прямыми потомками богов, пытаясь утвердить за собой право на неограниченную власть в государстве. В труде «Параллельные биографии», в главе о Фемистокле, Плутарх рассказывает, что Фемистокл, будучи исключительно честолюбивым по натуре человеком, всячески стремился к тому, чтобы своими выступлениями и действиями произвести наилучшее впечатление на афинских граждан. После избрания его командующим флотом он уклонялся от выполнения своих обязанностей в обычные дни, откладывая их на и без того полный событиями день отплытия кораблей. А в последний день занимался решением огромного количества дел одновременно и встречался со множеством людей, способствуя тем самым распространению народной молвы о себе как о великом и всесильном государственном деятеле. Фемистокл практиковал использование разнообразных приемов воздействия на массы в тех случаях, когда общественное мнение складывалось не в его пользу и когда ему не удавалось склонить афинян на свою сторону. В таких случаях он организовывал великолепные театральные представления и привлекал такие средства психологического давления на массы, как предсказания оракулов и божественные знамения, выступая в роли сценариста и постановщика этих пропагандистских зрелищ.

Захвативший в 560 г. до н. э. правление в Афинах Писистрат, стремясь укрепить свою власть, первоначально выдавал себя за вождя аттического крестьянства, чем обеспечил себе значительную поддержку со стороны неимущих. Известен случай, когда по указанию Писистрата специально подыскивали женщину, неизвестную в Афинах, которую загримировали под богиню Афину Палладу. Стоя бок о бок с ней, Писистрат проехал на колеснице, демонстрируя особое расположение к нему богов. Александр Македонский всенародно объявил себя сыном Зевса (дождавшись, правда, кончины своего отца Филиппа). Плутарх так описывает беседу с оракулом, во время которой были получены «неопровержимые данные» о божественном происхождении молодого македонского царя. Александр поинтересовался, понесли ли должное наказание убийцы Филиппа. Оракул якобы отвечал, что истинный отец Александра бессмертен, после чего заверил Александра, что тот вскоре станет владыкой мира. Довольный царь щедро вознаграждал организаторов инсценировки — служителей храма и поспешил оповестить сограждан, в первую очередь собственную мать, о своем прямом происхождении от Зевса. Забавно, что при беседе с Александром оракул обратился к нему со словами: «О, пайдион» («О, сын мой»), прозвучавшими как «О, пайдиос» («О, сын бога»). Как будто бы именно нечеткое произношение и использовал Александр, не постеснявшийся предать память об отце перед лицом всей Греции. В вопросах, касавшихся царственного величия, Александр, как и многие другие честолюбивые правители, особой щепетильностью и сентиментальными чувствами не отличался. Это не мешало части демоса — свободных эллинов, стоявших ранее за демократические формы правления, перейти на сторону монарха. Один из античных поэтов восклицал:

Странна власть твоя, о демос: в совокупности тиран,
Страх и трепет ты внушаешь; но ввести тебя в обман
Так легко! До лести падкий, сам же лезешь ты в капкан
И на речи чьи угодно разеваешь жадный рот,
А рассудок своенравный все в изгнании живет.

Самый термин «пропаганда» означает в буквальном переводе «распространение». Он унаследован от Древнего Рима, где искусство психологического воздействия на общественное мнение получило дальнейшее развитие. Следует отметить, однако, что римляне вкладывали в это слово несколько иной смысл по сравнению с тем, что подразумевается под ним в наши дни. У них это понятие носило более общий характер и охватывало деятельность по распространению любой информации — от слухов до религиозных доктрин и научных знаний. В условиях античной рабовладельческой формации пропагандистская деятельность была в социально-политическом отношении подчинена интересам патрицианско-рабовладельческой верхушки общества и являлась действенным инструментом укрепления ее власти в самом Риме и закрепления господства Рима на завоеванных им обширных территориях. С образованием Римской империи пропаганда, проводившаяся ранее от имени, в интересах и при непосредственном участии республиканских политических деятелей, уступает место более официальной пропаганде, осуществлявшейся через многочисленные каналы воздействия на общественное мнение. Особенности этого этапа развития искусства психологического воздействия на массы состоят в том, что в Древнем Риме пропаганда вообще, устная в частности, была низведена с того пьедестала, на который ее возвели в Древней Греции, и превращена более явственно и недвусмысленно в повседневное оружие правящего класса.

Триумфальные шествия, массовые празднества и процессии в честь победоносных римских полководцев, возвращавшихся после одержанных побед с трофеями, четко играли определенную пропагандистскую роль, являясь эффективным средством убеждения как римских граждан, так и чужеземцев в величии и могуществе Рима и всесилии его правителей. Ореолу величия и мощи в значительной степени способствовало также великолепие, окружавшее полководцев и императоров Рима. Блестящие военные формы, знамена и штандарты, яркие одеяния знатных лиц, появлявшихся в окружении многочисленных соратников и слуг, тоже служили символом власти правящего класса. Ту же цель преследовали часто устраиваемые нобилитетом роскошные пиршества и представления. Одновременно они привлекали новых сторонников. Так, Плутарх отмечает, что росту политического влияния и популярности Цезаря (100—44 гг.) во многом способствовало то, что он был исключительно щедрым и гостеприимным человеком, не жалевшим денег для организации пиршеств.

Массовые народные зрелища были призваны выполнять двоякую роль. В условиях общества, не располагавшего развитыми средствами связи, такого рода сборища служили важным каналом общения правящего класса с народом, олицетворяя чисто внешне «единство» интересов различных социальных слоев свободных людей. С другой стороны, активно содействуя организации таких представлений, аристократия отвлекала народ, его время, энергию и внимание от политической борьбы и выражения недовольства, от выдвижения серьезных экономических требований. Известный лозунг во время народных волнений в Риме — «Хлеба и зрелищ!» был в действительности политическим кредо не низов, а господствующего класса, словесным выражением минимальной подачи, обещанной аристократией народу во избежание таких действий с его стороны, которые могли бы грозить серьезным «потрясением основ».

Особая роль в процессе оказания психологического воздействия на народ отводилась боям гладиаторов, которые несли, если можно так выразиться, дополнительную пропагандистскую «нагрузку». По утверждению писателя Плиния Младшего (62—114 гг.), эти представления, помимо всего прочего, учили людей презирать смерть. Цицерон (106—43 гг.) также считал, что бои гладиаторов воспитывают «мужественное

пренебрежение к страданиям», способствуя тем самым формированию бесстрашных и стойких солдат.

В римском обществе в более определенной форме, нежели раньше, выделяются три четко различимых и тем не менее, как правило, тесно связанных направления пропаганды — политическое, военное и религиозное. Коснемся сначала первого. История ранней Римской республики характеризовалась ожесточенной борьбой между патрициями и плебеями, в результате которой в первой половине V в. до н. э. плебс получил право избирать народных трибунов для защиты своих интересов. В этих условиях начинает развиваться предвыборная политическая пропаганда, которая в период поздней Республики превращается уже в реальное и эффективное оружие господствующего класса. Стены раскопанных археологами древних Помпей сохранили любопытные фрески, свидетельствующие о существовании ожесточенной политической борьбы между сторонниками различных группировок. Эти настенные росписи являются не чем иным, как своеобразной предвыборной пропагандой в пользу того или иного кандидата, восхваляющей его личные качества и программу действий и критикующей его противников.

Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг.), древнеримский автор и близкий соратник Цезаря, считается первым в истории человечества лицом, которому принадлежит специально пропагандистское изложение хода исторических фактов — заговора Катилины. Некоторые исследователи считают, что его труд был написан с целью оправдания самого Цезаря, подозревавшегося в участии в заговоре, направленном против бывшего в то время консулом Цицерона. Саллюстий изображает Катилину одними черными красками: последний наделен столь отрицательными личными качествами, что не может вызвать у читателя каких-либо симпатий. Катилина у Саллюстия и вспыльчив, и чрезмерно честолюбив, и неразборчив в средствах для достижения цели; ему приписывается общение с преступниками и всякого рода отщепенцами, а также «многочисленные постыдные интриги... и другие равным образом противозаконные и бесчестные дела»¹⁴.

В условиях обострения классовой борьбы в Республике особо важную роль начинают играть красноречие и ораторское мастерство. Из ораторов того периода, пользовавшихся огромным авторитетом и популярностью у римских граждан, можно назвать народных трибунов братьев Тиберия и Гая Гракхов (II в. до н. э.). Гай Гракх вкладывал в свои лишенные какой-либо напыщенности речи всю свою искренность и пылкость, чем сразу завоевывал сердца сограждан. Из более поздних ораторов особенно выделяется Марк Туллий Цицерон, отличавшийся блестящими способностями и личным обаянием. И все же он, по свидетельству современников, нередко вызывал у народа своими речами реакцию, противоположную той, к которой стремился. Основной причиной этого можно считать самовосхваление и самовозвеличение, отрицательно сказывавшиеся на общем впечатлении от его талантливых выступлений. Кроме того, Цицерон злоупотреблял насмешками над политическими противниками, что в конечном итоге способствовало созданию представления о Цицероне как о злом и ехидном, следовательно, не вполне объективном человеке.

Цицерону принадлежит много интересных высказываний об ораторском мастерстве, например, о том, к каким методам следует прибегать для оказания воздействия на аудиторию и какие факторы необходимо при этом учитывать. В своем сочинении «Об обязанностях» Цицерон подчеркивает, что голос оратора должен обладать двумя качествами — ясностью и музыкальностью, и рекомендует способы выработки

¹⁴ Sallust. The War with Catiline. L. 1921, p. 27 (см. также Саллюстий. Заговор Катилины: Югуртинская война. М. 1916).

четкого произношения. «Может случиться,— пишет он,— что возникнет необходимость в вынесении порицания. В таких случаях, возможно, мы должны прибегнуть к более выразительному тону голоса и более убедительным и суровым словам и даже напускать на себя сердитый вид... Мы можем казаться рассерженными, но должны быть далеки от гнева, так как в гневе нельзя совершить ничего справедливого или благоразумного»¹⁵. Обращая внимание на необходимость того, чтобы лицо, пытающееся донести какую-то мысль до аудитории, пользовалось у нее доверием и популярностью, Цицерон указывает: «Наивысшая, самая истинная слава зависит от трех следующих факторов: любви, доверия и смеси восхищения и уважения со стороны народа. Эти чувства... пробуждаются в массах таким же образом, как и в отдельных лицах»¹⁶.

При изучении методов психологического воздействия на массы, к которым прибегали ораторы и политические деятели античности, нельзя обойти вниманием один интересный эпизод. Философ Диоген в беседе со своим учеником Антипатром затронул вопрос о том, следует ли, общаясь с народом, рассказывать ему всю правду. Проводя аналогию между народом и покупателем, Антипатр настаивал на том, что народу должны быть известны все факты так же, как покупателю при покупке товара у продавца. Диоген же утверждал, что «продавец должен объявить о всех недостатках своего товара в той степени, в какой это требуется государственным законом. Что касается остального, то, имея в виду, что он должен продать имеющийся у него товар, продавец может попытаться продать его с большей для себя выгодой при условии, что не прибегнет к прямому обману». Со временем этот прием древних софистов, описанный у Цицерона¹⁷, будет принят на вооружение специалистами по ведению психологической войны и займет почетное место в их арсенале под названием «метод полуправды».

Исключительно талантливым оратором, к тому же пользовавшимся огромной популярностью у народа, был Гай Юлий Цезарь. Его речи, всегда отличавшиеся нарочитой мягкостью и дружелюбием, резко контрастировали с выступлениями Цицерона. Эти-то качества и снискали Цезарю у римских граждан именно те чувства, без которых, по утверждению самого Цицерона, не может быть истинной славы.

Тому же историческому периоду принадлежат и многие другие методы оказания воздействия на массы, принятые с тех пор на вооружение всеми пропагандистами. Одним из подобных методов является «повторение», способствующее закреплению мысли пропагандиста в сознании или даже в подсознании аудитории. Этим методом эффективно пользовался консул Марк Порций Катон Старший (234—149 гг.), завершавший все свои выступления в сенате, независимо от их содержания, одним и тем же призывом: «Впрочем, полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Мы, конечно, далеки от мысли утверждать, что именно этот лозунг Катона привел к началу Третьей Пунической войны и действительному падению Карфагена. Однако полностью отрицать психологическое воздействие данного призыва на римских граждан также было бы неверно.

Многие политические деятели Рима часто прибегали к демагогическим, порою довольно смелым выступлениям, целью которых была попытка смягчить остроту момента, отвести от себя или своих единомышленников угрозу и успокоить народ. В качестве примера можно привести речь консула Гая Котты перед римскими гражданами в 75 г. до н. э. Нарядившись в траурные одежды, Котта произнес следующую речь в надежде умиротворить участников волнений: «Вся жизнь моя с юных лет

¹⁵ Cicero. De officiis. L. 1913, p. 139.

¹⁶ Ibid., pp. 199—201.

¹⁷ Ibid., p. 321.

моих прошла перед вашими глазами... Те, кто нуждался в моем голосе, моем совете, моем кошельке, получали их... В мои годы смерть уже близка, и я готов встретить ее, если это облегчит ваши страдания...» Древний Рим оставил в наследство большое количество трудов по ораторскому искусству. В их числе такие, как систематизированные высказывания Катона и сочинение Марка Фабия Квинтилиана (35—95 гг.) «Руководство по риторике», в котором давался полный курс обучения этому мастерству. В период Римской империи ораторское мастерство, однако, начинает уже вырождаться и превращается в чисто внешнее красноречие или ничем не прикрытую демагогию.

Древнему Риму принадлежит также законодательство, ограждавшее власть от критики. В законах «Двенадцати таблиц» (451—449 гг.) устанавливается смертная казнь за сочинение или исполнение произведений, содержащих нападки на правителей. Законы, преследующие инакомыслящих, стали еще более суровыми и жестокими с образованием Римской империи. В Римском государстве родилась и так называемая «вторая древнейшая профессия» человечества — журналистика, без которой в наши дни немыслима политическая пропаганда. На смену «Анналам» — обзорам основных событий за истекший год, которые составлялись с давних пор римскими жрецами, приходят небольшие пергаментные листки, получившие название «Хроника дня» и ставшие в годы первого консульства Цезаря официальным источником информации и эффективным каналом государственной пропаганды. По свидетельству историка Гая Светония Транквилла (70—160 гг.), эти обзоры основных событий вывешивались на людных перекрестках, на зданиях и распространялись в армии. В них помещались также речи государственных деятелей, информация о работе сената, тексты декретов, сообщения о приездах знатных лиц, о городских пожарах и светская хроника. В период Римской империи эти первые «газеты» стали помещать восхваления и самую откровенную лесть в адрес императоров. Кроме того, культу императорской власти в значительной степени способствовала литература того времени, представленная в период своего расцвета такими именами, как поэты Публий Вергилий Марон (70—19 гг.), Квинт Гораций Флакк (65—8 гг.), Альбий Тибулл (54—19 гг.), Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) и историк Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Авторы, воспевавшие императоров в своих произведениях, пользовались особой благосклонностью властей.

Следует отметить, однако, что пропаганда императорской власти в значительной степени ассоциировалась с пропагандой величия и могущества государства и всего «римского мира». Верность императору провозглашалась неотделимой от верности и преданности отечеству, от чувства патриотизма. Пропагандистское возвеличение императоров, несомненно, способствовало укреплению власти всего правящего класса и защите его интересов. Этим же целям служили пышные внешние атрибуты императорской власти. Октавиан, ставший в 27 г. до н. э. первым римским императором и получивший специальным декретом сената почетный титул Августа, именовался также принцепсом, народным трибуном, консулом, цензором, верховным жрецом и «отцом отечества». Отличительным внешним признаком его положения была пурпурная тога, в которой он появлялся на массовых празднествах. Императоры вообще весьма часто прибегали к использованию всех известных тому времени методов психологического воздействия на массы в своих политических интересах.

Что касается патриотизма в его «чистой» форме, то римляне с раннего детства воспитывались в духе беззаветной любви к родине, ради счастья и величия которой они должны быть готовы к любым жертвам и даже смерти. «Дороги родители, дороги дети, родственники, друзья. Но родная земля олицетворяет все, что мы любим. И кто же дейст-

вительно, поколеблется отдать свою жизнь за нее, если собственной смертью он сможет оказать ей услугу? Тем более омерзительны те выродки, которые раздробили свою отчизну на части, совершив всевозможные преступления, замыслили и замыслиают полностью разорить ее. И если нужны еще сопоставления или сравнения для того, чтобы понять, кому мы обязаны больше всего, то первыми должны быть названы наша страна и родители, так как наш долг перед ними налагает на нас особую ответственность. Затем идут дети и вся семья, возлагающие на нас одних свои надежды на поддержку и не могущие рассчитывать на защиту со стороны других. Наконец, наши родственники, чья судьба в значительной степени является нашей судьбой»¹⁸, — писал Цицерон. Ту же идею готовности римлянина умереть за отечество Цицерон проводит и в других своих трудах. «Достоин похвалы тот, кто умирает за страну, так как нам пристало любить нашу страну больше, чем самих себя»¹⁹, — утверждал он, выражая в первую очередь, конечно, интересы своего класса, стремившегося к укреплению Римского государства как оплота власти рабовладельцев и частной собственности.

Вергилий был первым среди великих западных поэтов древности, специально посвятивших свои произведения теме воспитания патриотизма и чувства гордости за отчизну. В эпической поэме «Георгики» он с любовью описывает достоинства, природные богатства и красоты Рима. Его поэма «Энеида», воспевающая монархию и императора Августа, представляет собой песнь героя, который борется за интересы Рима и гибнет за него. «Пусть другие отливают дышащую бронзу, высекают в мраморе живые черты лиц, защищают в судах дела и предсказывают движение звезд, — пылко восклицал он... — Помни, о римлянин, что твоя задача заключается в том, чтобы править народами, устанавливать им мир, щадить покоренных и сражать высокомерных». Пропаганде величия Рима способствовала и римская архитектура с ее роскошными дворцами, базиликами, форумми, портиками, колоннадой, триумфальными арками, символизировавшими славу, могущество и красоту империи.

Человечество издавна дополняло дипломатию и физическую силу психологическим воздействием на общественное мнение других государств (особенно в период военных действий) для внесения замешательства в ряды противника и снижения боеспособности вражеской армии, для нейтрализации возможных врагов и избежания военных конфликтов с ними, для воодушевления дружественных государств и укрепления взаимного сотрудничества, для улучшения морального состояния и повышения боеспособности своих армий. Это искусство ведения психологической войны получило широкое распространение, в частности в Риме. Греческий историк Полибий, схваченный в качестве заложника в 166 г. до н. э. и проживший в Риме семнадцать лет, рассказывает о некоторых приемах воздействия на солдат, применявшихся римским полководцем Корнелием Сципионом Африканским Младшим во время войны с Карфагеном. Полибий, сопровождавший Сципиона в этой военной кампании, описывает, как в ходе подготовки наступления на морской порт Новый Карфаген римский полководец обнаружил, что его силы уступают по численности силам врага, а моральное состояние солдат оставляет желать лучшего. Тщательно изучив приливы и отливы у побережья и уточнив время низшей точки отлива, Сципион сообщил солдатам, что он беседовал с Нептуном и что бог моря обещал римлянам содействие при взятии города. В точно назначенное время Сципион приказал войску войти в воды залива. Энтузиазму солдат не было предела, когда они обнаружили, что вода отступила, а они идут по мели. Перейдя залив,

¹⁸ Cicero. Op. cit., pp. 59—61.

¹⁹ Cicero. De finibus bonorum et malorum. L. 1914, p. 285.

римляне неожиданно атаковали город и одержали полную победу над врагом. Карфагенский полководец Ганнибал, наступая в 218 г. до н. э. на Рим, объявил, что он идет не как покоритель, а как друг народа.

Воюя с гелльветами, Цезарь, в целях нейтрализации соседних племен, в 58 г. до н. э. рассылал гонцов с письмами на имя правителей и военачальников этих племен, предостерегая их от оказания какой-либо помощи его врагам. В противном случае, предупреждал он, они также будут рассматриваться в качестве врагов. В сочинении «О Галльской войне» Цезарь упоминает факты использования обеими враждующими сторонами такого оружия, как слухи, и отмечает, что они нередко способствовали одержанию победы. Так, он пишет, что направлял в стан галлов своих посланников, распространявших среди вражеских солдат слух, что в случае их перехода до определенного срока на сторону Цезаря им гарантируется жизнь. По свидетельству Цезаря, галльский полководец Думнориг тоже пытался с помощью слухов поднять боеспособность своих солдат. Он усиленно распространял молву о намерении Цезаря вывезти галлов в Британию и там умертвить всех наиболее опасных противников.

Мы рассмотрели вкратце общий ход становления и развития государственной, политической и военной пропаганды, осуществлявшейся правящими классами в эпоху до нашей эры. В последующее время, с зарождением христианства и ростом влияния церкви, особую роль в оказании психологического влияния на массы начинает играть христианская религиозная пропаганда. Если прежде культ являлся составной частью общегосударственной пропаганды и как бы дополнял собой светскую и военную, то с образованием христианской церкви религиозная пропаганда довольно скоро выделяется в самостоятельный институт психологического воздействия. Церковь обретает право и практическую возможность решать, будет ли она поддерживать светскую власть или же высказывания священников пойдут вопреки интересам светской власти, а может быть, даже станут подрывать ее устои во имя торжества церковной супрематии. Но это уже особая тема.

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ЗАУРАЛЬСКАЯ ЭПОПЕЯ XVI ВЕКА

В. Д. Назаров

XVI столетие — сложное, трудное и во многом переломное время в истории России. Прошло уже несколько десятилетий с того момента, когда в результате длительной и героической борьбы русского народа было окончательно свергнуто татаро-монгольское иго. Этот факт имел огромное значение для успешного развития экономики и культуры страны. Не меньшее влияние он оказал и на внешнеполитическое положение Русского централизованного государства, политика которого стала одним из главных факторов международной жизни в Европе. Быстро растущая мощь Русского государства позволила ему поставить вопрос о восстановлении своих исторически сложившихся позиций в Прибалтике и в Поволжье, приступить ко вторичному освоению лесостепных и степных пространств на юге, постепенно готовить почву для воссоединения русского народа с украинским и белорусским народами.

Но это еще не означало, что была окончательно ликвидирована угроза территориальной целостности страны со стороны правящих сил соседних государств. По-прежнему враждебными были действия казанских и крымских феодалов, стоявших во главе ханств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды. Постоянные набеги крымских и казанских «воинских людей» приводили к опустошению обширных русских районов в восточной, юго-восточной и южной частях страны, к угону в плен и рабство больших масс крестьян и городских жителей. Борьба с этими грабительскими походами требовала напряжения всех народных сил, дорого стоила простому люду и вписала немало героических страниц в летопись народной жизни. И хотя изменившееся соотношение сил уже не позволило правящим группам отдельных ханств ставить в качестве реальной цели реставрацию ига, военные действия их коалиции могли таить подобную угрозу. Угроза была тем большей, что с 20-х годов XVI в. Османская империя перешла к политике подчинения татарских ханств в Восточной Европе, стремясь сколотить союз, направленный против России в Европе и Ирана в Юго-Западной Азии. Присоединение в 50-е годы XVI в. Казанского и Астраханского ханств к Русскому государству хотя и укрепило его тылы в преддверии борьбы за выход к Балтийскому морю, однако не изменило враждебного курса феодальной знати Крымского ханства. Свидетельство тому — крымско-турецкий поход на Астрахань в 1569 г. и набеги войск крымского хана Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах.

Агрессивные планы возникали не только у татарских феодалов. За последние восемь лет Ливонской войны (1558—1583 гг.) волна подобных же замыслов буквально захлестнула кабинеты и канцелярии государств Восточной Европы. Немецкий авантюрист, бежавший из России в 1576 г., Генрих Штаден составляет последовательно в 1578—1581 гг. три проекта частичной или полной аннексии России, адресуя их бывшим властям Немецкого ордена, австрийскому императору и шведскому королю.

Несмотря на тяжелейшую обстановку в стране, именно в то время народ России открыл новую главу в летописи своих деяний. То было присоединение и освоение Западной Сибири. Русские крестьяне и ремесленники, казаки и стрельцы в последние десятилетия XVI и первое десятилетие XVII в. заложили прочные основы хозяйственного и культурного прогресса этого огромного, потенциально богатейшего, но тогда очень отсталого края.

1. Навстречу солнцу

Порой бытует заблуждение, что Сибирь была открыта русскими людьми лишь в последней трети XVI столетия. Это неверно. Экономические, культурные и политические связи народов Зауралья с населением Восточной Европы уходят в глубь веков, в пласты неписанной истории. Письменные источники отмечают стародавние экспедиции славян к «Гиперборейским рубежам». В XI столетии ватаги новгородских дружинников прочно обосновались на землях Заволочья и Печорском пути. Обладание последним открыло перед ними дорогу в «полунощные страны» через Камень (то есть Уральский хребет) в легендарную Югру и Самоядь. Сметливые и упорные новгородцы «непроходимыми пропастьми, снегом и лесом», через Камень, через «места пустые, где людей нет», добирались в эту таинственную страну. В конце XI — начале XII в. первые экспедиции новгородцев побывали за Югрой и Самоядью¹. Западные и восточные склоны Уральского хребта привлекали новгородских бояр и купцов «собольми, и горносталями, и черными кунами, и песцы, и белыми волкы, и рыбьими зубы». Путешествие в эти труднодоступные районы требовало добротного снаряжения, немалого числа людей и серьезных затрат. А потому в такие экспедиции отправлялись отряды «охочих людишек», новгородских молодцев, посылаемых богатыми купцами, или же дружины знатных новгородских бояр. Вслед за ними на новые земли двинулись данщики Великого Новгорода.

В течение XII—XIII столетий путь за северными богатствами уже прочно установился. Он шел рекой Сухоней, затем Вычегдой и через волок переходил в левые притоки Печоры, по правым притокам которой можно было подняться на Камень. После новой переволоки путники спускались по левым притокам Оби. Эта традиционная дорога, получившая в XVI—XVII вв. название Чрезкаменного пути, была хорошо освоена в давние времена. Экспедиции новгородцев иногда проникали в места поселения западносибирских народов. Так, в 1364 г. отряды новгородцев, перевалив через Камень, выплыли в Обь, где разделились. Одна партия «воеваша по Оби реке до моря», а другая — «наверх Оби воеваша»².

Хотя новгородским ватажникам принадлежит честь открытия путей в Северное Зауралье и на Обь, но не Новгород, а Московское княжество, ставшее во главе процесса складывания Русского централизованного государства, сумело в конечном счете включить далекие сибирские земли в состав своей территории. Еще в XII в. князья Владимиро-Суздальской Руси хорошо понимали экономическое значение северных земель и дорог в Зауралье, начав за них борьбу с Новгородской республикой. Однако татаро-монгольское нашествие на время резко ослабило политические позиции северо-восточных русских княжеств. Правда, в далекие районы, недоступные для татарских «злых и скорых» ратей, в тот период устремился поток крестьян-землепашцев. Важной вехой было освоение ими Вычегодско-Вымской области (Малой Перми) в последней трети XIV века. Опираясь на нее, русские землепроходцы постепенно продвигались в бассейн Печоры и Верхней Камы, на подступы к Сибирской земле. Вслед за крестьянами и ремесленниками, промышленниками и охотниками на вновь осваиваемых землях появлялись представители великокняжеской власти, церковных и светских феодалов. Завершение складывания единой территории Русского централизованного государства во второй половине XV в. сопровождалось более активными действиями в Зауралье и Пообье.

В 1465 г. Иван III отправил отряд устюжанина Василия Скрыбы в Югорскую землю. Трудный поход предприняли «хотячи люди» да «князь Василий вымский Ермолыч с вымичи и вычегжаны». Рать, «шедши», Югорскую землю «воевала» и «за великого князя привела». В Москву были доставлены «югорские князьки» Калпак да Течик (представители местной родоплеменной верхушки), которых Иван III «пожаловал Югорским княжением», «дань на них возложил и на всю землю Югорскую». Через два года небольшой отряд вятчан воевал землю вогулов³.

В 1483 г. московское правительство предприняло крупный поход. Рать состояла из детей боярских и воинов из Вологды, Устюга, Выми и Великой Перми под командо-

¹ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. «Научные труды». Т. III, ч. I. М. 1955.

² Там же, стр. 74.

³ Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950, стр. 86.

ванием князя Ф. С. Курбского и И. И. Салтыка-Травина. В конце апреля отплыл отряд из Вологды, а 9 мая — из Устюга. Сражение с воинством мансийского князька Асыки и его сына Юмшана произошло в конце июля на Усть-Пелыми и закончилось полной победой русских ратников. Оттуда по Тавде московское войско спустилось в Тобол, затем в Иртыш и поплыло вниз по Оби. В результате этого похода большая группа «вогульских и югорских князей» обратилась с челобитьем к Ивану III, а тот «за себя их привел, и дань на них уложил, да пожаловал, отпустил их восвояси». Один из упорнейших противников Москвы, кн. Юмшан, «по печалованию» пермского епископа Филофея получил «опас» на приезд и в 1485 г. прибыл в Россию. Он также подчинился сюзеренитету московского князя, начав «с тех мест (то есть с того времени.— В. Н.) дань давати...»⁴.

Таким образом, следствием похода было установление даннических отношений с населением Северного Приуралья и Левобережья Оби. Но походы 60—80-х годов не привели к присоединению и освоению Сибири. Зависимость местных племен от России была в значительной степени формальной и ограничивалась нерегулярной уплатой дани. Хотя к концу XV столетия русским были известны два пути в Сибирь (один — из бассейна Печоры, другой — из верховьев Камы), ни один из них не гарантировал надежной и быстрой связи. Печорская (Чрезкаменная) дорога пролежала слишком далеко от Москвы и других крупных центров, в малонаселенных и труднодоступных местах. К концу XV — началу XVI в. относится основание первого укрепленного городка на Печоре — Пустозерска. Немногочисленные артели промышленных людей располагались на Печоре только на сезон, а укоренившееся здесь население было еще очень небольшим. Оно кормилось «зверем да птицею, да рыбою, да травой, да ребиновым листом», не видя месяцами хлеба, круп, овощей. Понятно, что Печорский край не сумел бы обеспечить даже на первых порах интенсивный поток колонистов в Сибирь.

Более удобный и короткий путь лежал за Урал из верховьев Камы. Но и Великая Пермь (область по Верхней Каме и ее притокам) не могла служить в конце XV столетия надежной базой для продвижения в Сибирь. Кратчайшая дорога в этот край из центра по Оке, Волге, Каме прерывалась землями Казанского ханства. Русское население в Перми и местные племена, вошедшие в состав Русского государства, подвергались постоянным нападениям со стороны казанских феодалов. Трудность сношений с центром страны, небольшая плотность населения, слабое освоение земель в Перми не позволили и ей в конце XV — первой половине XVI в. сыграть ту роль в освоении Западной Сибири, которую она исполнила полвека спустя. К тому же успешному освоению русскими людьми Западного Приуралья и Сибири в то время препятствовало Сибирское ханство, войска которого разоряли и жгли русские поселения по Верхней Каме, уничтожая местное население⁵.

2. Россия и Западная Сибирь до 1580-х годов

Бескрайние просторы Западной Сибири в XVI столетии были малозаселенной и плохо освоенной в хозяйственном отношении территорией. На Крайнем Севере, в районах вечной мерзлоты и тундры, обитали немногочисленные племена самоеды, объединенные в родовые общины и занимавшиеся оленеводством и охотой.

Области по Нижней Оби, лесистые, болотистые земли по ее среднему течению, западные и восточные склоны Уральского хребта населяли угорские племена хантов и манси, называвшихся в русских источниках той эпохи остяками и вогулами. Основным занятием хантов было рыболовство, дополняемое охотой на оленей и водоплавающую птицу, а также пушного зверя. Немалое значение для них имела торговля с соседними племенами, а также с русскими людьми. Торговали они главным образом рыбой, рыбьим жиром, поделками из рыбьей кожи, обменивая свои продукты на меха у соседних племен и различные металлические орудия у русских. В XV в. в первобытно-общинном строе хантов намечаются признаки его разложения, постепенно усиливавшиеся на протяжении XVI столетия. Во главе различных племен хантов закрепились родоплеменная верхушка, подчинявшая своему влиянию соплеменников и использовавшая

⁴ Там же, стр. 94—95; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 26. М.-Л. 1959, стр. 275—277.

⁵ Устюжский летописный свод, стр. 102.

войны с соседними самоедьями и манси для обогащения. В русских летописях XV в. упоминаются племенные князьки хантов, объединявшие порой под своей властью несколько племен. Наиболее сильным остяцким княжеством в XVI в. было княжество кодских хантов, расположенное на территории будущего Березовского уезда.

Племена манси, занимавшие главным образом местности по западному и восточному склонам Уральских гор, а также бассейны левых притоков Тобола, находились на несколько более высоком уровне развития, чем ханты. Главным их занятием была охота на крупного и пушного зверя, рыболовство же имело подсобное значение. Немалое место в хозяйственной жизни приуральских манси занимало бортничество. В отдельных районах племенам манси были известны примитивные формы зернового земледелия (например, в бассейне Тавды) и скотоводства, возникшего, видимо, под влиянием их южных и юго-восточных соседей — тюркских народов. Большую роль в жизни мансийских племен играла меновая торговля. Западные вогулы соседствовали с русским населением в Прикамье и в обмен на меха получали от него различные металлические орудия (в том числе и холодное оружие), ткани, соль. Хлеб и скот они выменивали у тобольских и иртышских татар. Так же, как и у хантов, родоплеменной строй мансийских народов находился в процессе разложения. Четко выделившаяся родоплеменная знать представляла в конце XV в. немалую силу. Наиболее мощным образованием у вогулов было Пелымское княжество, в состав которого на правах фактически самостоятельного «удела» входили Кондинское княжество и земли Табары⁶.

Племенные княжества хантов и манси уже с конца XV столетия платили дань Русскому государству. Однако в стремлении распространить свою власть на зауральские земли московское правительство встретило сильное сопротивление со стороны Сибирского ханства.

Сибирское ханство выделилось из состава Золотой Орды в первой трети XV века. Основателем династии сибирских ханов был Хаджи-Мухаммед-хан, потомок одного из братьев Батыя, Шейбани. По сравнению с другими татарскими юртами это государственное образование отличалось огромной территорией и особой слабостью государственного механизма. То было крайне непрочное объединение различных татарских улусов, население которых вело полукочевой и кочевой образ жизни. Зачаточные формы земледелия только начинали внедряться в экономическую жизнь страны, более или менее развитого ремесленного производства не существовало, практически отсутствовали крупные города. В XIV—XVI вв. были лишь два центра: укрепленные городки Искер (Сибирь) и Чимги-Тура (Тюмень), в разное время являвшиеся местом пребывания ханской ставки. Кроме того, местная знать, возглавлявшая отдельные улусы, имела небольшие укрепленные поселения, являвшиеся, видимо, административными и военными центрами.

Низкий уровень экономического развития местных областей ограничивал возможности эксплуатации феодальной верхушкой Сибирского ханства своих же соплеменников. Это возмещалось доходами от транзитной внешней торговли (еще в первой половине XV в. через территорию ханства проходила северная ветвь торгового пути из Центральной Азии в районы Поволжья) и главным образом прибытками от эксплуатации племен хантов и манси. На подвластные угрозычные народы сибирские ханы накладывали тяжелый ясак, взимаемый натурой (чаще всего ценными мехами), и привлекали их мужское население к участию в своих военных набегах. Сибирские правители жили войной, нападая на соседние народы. Немалые доходы имели они и от работорговли, источником которой были пленные, захваченные во время походов на окрестные племена. Впрочем, господство Сибирского ханства над местным угрозычным населением хотя и было тяжелым, никогда не отличалось длительностью и постоянством. Этому препятствовала прежде всего его внутренняя слабость. Политическая история ханства малоизвестна, но одно можно сказать твердо: главной ее тенденцией на протяжении XV—XVI столетий была междоусобная борьба татарской знати. Особенно обострилась эта борьба к началу XVI в., когда за власть боролись потомки

⁶ Об этническом составе населения Западной Сибири в это время и его социально-экономической жизни см. С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. «Научные труды». Т. III, ч. 2. М. 1955; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. I. Л. 1968.

Шейбани и представители местного татарского княжеского рода Тайбугинов⁷. К концу XV в. относятся первые дипломатические контакты Русского государства с сибирским ханом Ибаком.

Установление даннической зависимости от Руси многих племен хантов и манси встревожило ханов. Они предприняли ответные меры. В 1505 г. был совершен набег на русские земли в Прикамье, сибирские власти пытались вернуть местные племена под свою руку. В результате некоторые из них платили двойную дань. Правители Сибирского ханства имели тесные сношения с Казанским юртом, где они, как правило, поддерживали антимосковскую группу знати. Резкое обострение внутренней борьбы в Сибирском ханстве, падение Казанского ханства под ударами русских войск заставило часть знати пойти на сближение с Россией. Захвативший власть представитель рода Тайбугинов Едигер прислал в 1555 г. в Москву посольство, признавая вассальную зависимость от Ивана IV на условиях уплаты ежегодной дани соболыными и беличьими мехами. Но через восемь лет и эта в значительной мере формальная зависимость оказалась под угрозой. В 1563 г. в Искере произошел очередной переворот, и к власти пришел представитель ханской династии Шейбанидов Кучум, в течение семи лет восстанавливавший единство своего государства. Обладая независимой от дружин феодальной знати армией, набранной из ногайцев и киргизов, хитрый и деспотичный Кучум в конце концов добился поставленной цели: сломил сопротивление некоторых мурз, подавил восстание племен хантов и манси (в частности пелымского князька) и достиг стабилизации в ханстве. Однако Кучум не рискнул сразу вступить в борьбу против Руси. В 1571 г. в Москву прибыло его посольство с полной собольиной данью, заверявшее о точном исполнении договора, заключенного в свое время Едигером. Но уже тогда в его послании звучали настораживающие ноты: Кучум рассматривал возможность войны как одну из реальных для себя перспектив и глухо упоминал о различных «задорах» между подданными государств. Послы увидели столицу Русского государства в развалинах после недавнего набега Девлет-Гирея, на территории Поволжья начались волнения тюркоязычного населения. Поэтому дань сибирского хана в 1571 г. оказалась последней. В следующем году в пермских вотчинах Строгановых вспыхнули волнения местных манси, в которых приняли участие и их пелымские сородичи. Размах и сила антифеодальных волнений определялись хищническими приемами эксплуатации Строгановыми местного населения (захват его земель, грабительский характер торговли и т. п.). Резким недовольством манси и поспешила воспользоваться родоплеменная верхушка, инспирируемая сибирским правителем Кучумом в своекорыстных целях. Было умерщвлено 87 русских торговых людей, поселения Строгановых по Чусовой и Сылве подверглись опустошению. Правда, ратным отрядам Строгановых удалось настичь врага и нанести ему поражение, но урон, причиненный набегом, был велик.

В 1573 г. в камские владения Строгановых вторглись войска сибирских татар под водительством царевича Маметкула, проведавшего дорогу в Чердынь, главный центр русских земель в Прикамье. Он убил русского посла Чубукова, перебил многих местных людей, плативших дань Москве, и разорил большие районы по Чусовой. Эти события знаменовали не только прекращение вассальных отношений ханства к Русскому государству. Возникла прямая угроза ликвидации даннических отношений манси. Кроме того, направление и характер похода 1573 г. продемонстрировали явную опасность, нависшую над Великой Пермью со стороны Сибирского ханства⁸. Каковы же были позиции русских в Западном Приуралье к тому времени?

3. Великая Пермь

Земли Великой Перми, охватывавшие Печорско-Камский бассейн, в XVI в. прочно были освоены русскими. К 70-м годам территория по Каме насчитывала несколько черносошных крестьянских волостей и огромную вотчину Строгановых. Центром являлся город Чердынь на Каме, имевший, по описанию 1579 г., 290 дворов. В Чердынском уезде насчитывалось 1 203 двора. Население, по этому описанию (учитывались

⁷ М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск. 1960, стр. 201—203, 204—225; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 1, стр. 353—372.

⁸ А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М. 1962, стр. 76—84; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, Л., 1968, стр. 26—27.

только взрослые дворовладельцы мужского пола, в отдельных дворах их могло быть несколько), составляло 1 700 человек. Меньшими размерами отличался город Соль Камская, где находилось 190 дворов. На окружавших его землях (позднее выделенных в Соликамский уезд) располагалось 160 дворов. Главными занятиями населения края были земледелие и скотоводство. «Прилагая труды к трудам», русские крестьяне секли лес и «подпаливали огнем подсеку» «сеяния ради хлебного». Большое место занимало скотоводство, на что указывает громадное количество сена, собиравшегося в Чердынских землях (более 28 тыс. копен). Существенную, хотя и подсобную роль играли в занятиях населения рыболовство и охота. В первой половине XVI в. возникает добыча соли (первоначальный центр — Соль Камская). Этот суровый, но отзывчивый на упорный труд край не только давал необходимые средства к жизни черносошному крестьянскому населению, но и служил базой снабжения продуктами пашенного земледелия и произведениями мелкого ремесленного производства (прежде всего кузнечного) соседних угорязычных племен. На этой основе Чердынь к 50-м годам XVI в. стала одним из важных в стране центров торговли мехами. Ханты и манси приезжали с предуральских и зауральских земель для обмена ценной пушнины на русские товары. Жители Чердыни, в свою очередь, отправлялись в торгово-промышленные экспедиции на Тюменский волок, к водоразделу между притоками Камы и Тобола⁹.

Особое место в русском Прикамье занимали владения Строгановых. Эти известные и состоятельные купцы, огромные богатства которых зиждились на добыче соли (в Сольвычегодске) и оптовой торговле солью, мехами, хлебом, металлическими изделиями и тканями, сразу почувствовали перспективы быстро растущего края. Еще в первой трети XVI столетия они прочно укрепились на прикамских берегах (хотя главный центр их владений и оставался в Сольвычегодске), но особый размах их деятельность приобрела с середины века. В 1558 г. правительство Ивана IV жалует А. Строганову с сыновьями обширные районы «по обе стороны по Каме до Чусовые реки», охватывавшие не только земли по Каме, но и по ее притокам — Яйве, Чусовой, Сылве, верховья которых находились на Уральском хребте, откуда и открывалась дорога в Сибирь. Первым центром их прикамских владений стал вотчинный городок Кардеган (Орел-городок), расположенный в нескольких десятках верст от Соли Камской. Затем осваиваются бассейны Чусовой и Сылвы. В пределах пожалованных им земель Строгановы обладали всей полнотой прав привилегированных феодальных собственников. Местная администрация не имела права въезда и суда над населением строгановских вотчин, пришлое население освобождалось от государственных налогов на известный срок, впоследствии сбор и доставка налоговых поступлений должны были осуществляться самими Строгановыми, торги на их землях объявлялись беспошлинными. К 1574 г. в Пермской вотчине Строгановых числились 1 городок, 39 деревень и починков с 203 дворами, 1 монастырь (Пыскорский), а в 1579 г. они владели 4 слободами, 39 деревнями и починками с 352 дворами. Крестьяне и мастера-умельцы «дворы ставили, пашни распахивали, пожни расчищали, в реках и озерах рыбы ловили», а где обнаруживался соляной «рассол», «там варницы ставили, и соль варили, и трубы соляные и кладези делали, и дрова секли к соляному варению». В 1579 г. только под Орлом-городком насчитывалось 7 действующих и 6 пустых варниц. В 70-е годы в Пермской вотчине Строгановых развивается добыча железа и мелкое ремесленное производство¹⁰. Рубились не только дворы, но стены и башни крепостей-городков, сторожевых вышек. Городки-крепости — Канкор, Кардеган, Яйвенский, Нижний и Верхний Чусовские, на Сылве — прикрывали строгановскую вотчину. Особыми правительственными пожалованиями Строгановым разрешалось набирать в свои крепости «воинских людей». Каких размеров могла достигать их вотчинная рать, можно судить на основании разряда 1572 г., согласно которому три сына Аники Строганова выставили на Оку отряд в 1 тыс. казаков с пищальми¹¹.

Освоение Прикамской области к 60—70-м годам XVI в. не только создало прочную основу для закрепления этого района в составе Русского государства и давало

⁹ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962, стр. 456—459, 462—464.

¹⁰ А. А. Введенский. Указ. соч., гл. 1—2; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 460—462.

¹¹ В. И. Буганов. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 175.

мощный импульс для дальнейшего развития экономических сношений с народами Урала и Зауралья, но и могло служить базой для освоения Западной Сибири. Действия Кучума ставили преграду этому процессу. Правительство Ивана IV с тревогой отнеслось к известию русского посла в Крыму Е. Ржевского, сообщавшего осенью 1577 г. о посольстве Кучума к крымскому хану. Послы из Сибири просили военной помощи в виде пушек, мотивируя это необходимостью защиты от действий московского царя¹². Однако русских походов в Зауралье (насколько можно судить по сохранившимся источникам) тогда не было, появление же «наряда» у войск Кучума грозило всем русским крепостям в Великой Перми. Правда, крымский хан отказал на этот раз в требуемой помощи, но никаких гарантий, что он так же поступит в будущем, не было. В любом случае сообщение Е. Ржевского лишний раз подтверждало враждебные намерения сибирского правителя.

В этих условиях московское правительство предприняло ряд ответных мер. В 1574 г. по особой грамоте сфера деятельности Строгановых расширялась в Зауралье («на Тахчеи»), где им разрешалось ставить укрепления с гарнизонами. Трудно сказать, имело ли в виду правительство Ивана IV широкую наступательную акцию против Кучума. Скорее всего предполагалось иное. Подобные меры были призваны удержать за Москвой племена манси и хантов, ее старых данников, и не затрагивали непосредственно земель Сибирского ханства. Крупного столкновения с последним Иван IV вполне резонно мог опасаться, поскольку военные силы страны концентрировались тогда на западной и южной границах. Активно-оборонительные действия и должны были предупредить возможность большой войны с Кучумом. На первый план выдвигалась защита Прикамского района, которая осуществлялась совместными усилиями отрядов чердынских воевод и крепостных гарнизонов строгановских вотчин. К подобным же мероприятиям правительства следует отнести и появление во владениях Строгановых на Каме казачьих отрядов Ермака¹³.

4. Ермак берет пицаль

Нет в русских народных исторических песнях XVI — первой половины XVII в. более любимого героя, чем Ермак. С его именем связано огромное количество песенных сюжетов, начиная от борьбы с крымскими татарами и молодецкими походами по Волге и кончая героическим походом в Сибирь. Именно этот факт и был отправной точкой для прославления личности Ермака в народном фольклоре. Сохранившиеся исторические источники не дают точного ответа на вопрос о его происхождении. Несомненно, пожалуй, одно: в тот момент, когда мы застаем его на арене исторического действия, Ермак был атаманом волжских казаков, человеком опытным и чрезвычайно искусным в ратных делах. «Сказание о Сибирской земле» (известное по сборникам XVIII в., но отразившее, возможно, рукописную традицию XVII в.) сохранило сочинение под названием «О Ермаке, откуда он родом». В нем утверждается, что дед Ермака (А. Г. Аленин) был суздальским посадским человеком, «сшедшим от голода» во Владимир и кормившим семью извозом. Пойманный вместе с разбойниками и посаженный с ними в тюрьму (он был у них «в найму в подводах»), дед Ермака сумел бежать. После его смерти сыновья Родион и Тимофей «сошли на Чусовую в вотчины Строгановых». Сын Тимофея Василий отличался силой, был «велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и прибрав себе дружину малую... и от них звался атаманом, прозван Ермаком»¹⁴. Некоторые историки полагают, что в этой версии отражены реальные факты¹⁵. Большинство исследователей не считали это сочинение достоверным, резонно указывая на хронологические противоречия и стилистические особенности рассказа. Но даже если не принимать этот рассказ за подлинную биографию Ермака Тимофеевича, то показав-

¹² ЦГАДА, ф. Сношения России с Крымом, кн. 15, л. 23. Приносим глубокую благодарность Б. Н. Флоре, сообщившему нам этот факт.

¹³ Так, в частности, оценивает характер действий московского правительства А. А. Преображенский (А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. Докторская диссертация).

¹⁴ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 88.

¹⁵ Там же, стр. 89—90.

тельно осмысление его жизни глазами народа. Это типичная судьба незаурядной личности, вышедшей в XVI в. из народных низов, когда резкие социальные потрясения выбрасывали наиболее деятельных и смелых людей за рамки привычной жизни, а сложность международных отношений и мощный колонизационный поток трудового люда на восток и на юг открывали перед ними обширное поле деятельности.

Если собрать все книги, брошюры и статьи, в которых описывается поход Ермака в Сибирь, его взаимоотношения со Строгановыми и царским правительством, то получится большая библиотека. И тем не менее трудно будет найти полностью совпадающие точки зрения как на хронологию движения рати казаков в Сибирь, так и по вопросу об удельном весе роли правительства, Строгановых и казаков Ермака в деле присоединения Сибири. И если спорность хронологии похода объясняется скудостью и крайней противоречивостью сохранившихся исторических источников (прежде всего сибирских летописей), то дискуссионность второй проблемы во многом связана с неодинаковым пониманием характера процесса освоения новых территорий феодальной Россией¹⁶.

Несколько слов по второй проблеме. Несомненно, что такой огромный по масштабам процесс, как освоение Сибири, не мог протекать без помощи и руководства со стороны официальных властей. Необходимые для него материальные ресурсы были очень велики, черпались они с большого числа уездов севера и востока страны и не могли быть собраны без помощи правительственной администрации. Однако тот факт, что правительство взяло под непосредственный контроль дело присоединения Западной Сибири во второй половине 80-х годов XVI в., вовсе не предрешает ответа на вопрос: по инициативе ли правительства Ивана IV был предпринят поход Ермака с заранее поставленной целью сокрушения Сибирского ханства? Точно так же значительная роль Строгановых в материально-финансовой подготовке похода Ермака вовсе не свидетельствует, что именно им принадлежит заслуга определения таких широких задач, как разгром государства Кучума. Возвеличивание и роли правительства и значения деятельности Строгановых происходило уже задним числом, когда блестящий успех Ермака стал очевидным¹⁷. В реальности же дело обстояло, видимо, иначе. Ни центральное правительство, ни Строгановы не могли предполагать такой внутренней слабости ханства Кучума. Действия Кучума в 1572—1573 гг., известия о его попытках получить артиллерию, а также набеги родоплеменной верхушки Пелымского княжества на Прикамье в 1581 г. скорее говорили о силе Кучума и инспирируемой им местной знати. В тяжелых условиях последних лет Ливонской войны не могло быть и речи о концентрации значительных вооруженных сил на восточных границах Русского государства. В создавшейся ситуации и для правительства и для Строгановых главным было сохранить русские позиции в Прикамье, максимум же их стремлений исчерпывался восстановлением даннической зависимости некоторых мансийских и хантских княжеств. Подобные активно-оборонительные цели и ставились перед Ермаком, что заметно на первоначальном этапе его похода. Решение же о борьбе с самим Кучумом,

¹⁶ Историографические работы по этому вопросу: В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М. 1960; его же. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово. 1963; его же. Историография Сибири. Первая половина XIX века. Кемерово. 1965; В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. «Вопросы истории», 1959, № 1; его же. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». Сборник статей. М. 1967; В. И. Дулов. Когда началось присоединение Сибири к России? «Известия» Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1964. Вып. 2; З. Я. Бояршинова. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск. 1967, стр. 38—49; «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, гл. 1; А. А. Введенский. Указ. соч.; А. А. Преображенский. Указ. соч., гл. 1.

¹⁷ В Строгановской летописи, составленной не ранее 20-х годов XVII в., особенно подчеркиваются заслуги этой фамилии. В дипломатической переписке правительства царя Федора постоянно колебалось между признанием ведущей роли правительства в деле присоединения Сибири и полупризнанием самостоятельной и активной деятельности казаков (А. А. Преображенский. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири. «Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка». М.-Л. 1964, стр. 383—390).

сокрушение его господства, надо думать, принадлежало скорее казакам (в первую очередь Ермаку) и было принято во время похода. К сказанному добавим, что для истории России вообще характерно, что правительственная и частная феодальная колонизация идут вслед и на основе народного освоения новых земель. Для Сибири специфика заключалась в том, что предварительным условием народного освоения огромных зауральских пространств было уничтожение хищнического и деспотического военного господства верхушки Сибирского ханства над местным населением. Этот героический подвиг в тяжелейших природных условиях и выполнила мужественная рать Ермака.

5. Поход

Когда же и как проходил поход Ермака? ¹⁸. Приглашение и прибытие дружин волжских казаков под водительством Ермака в Пермскую вотчину Строгановых надо, видимо, отнести к 1577 или 1578 году ¹⁹.

В сентябре 1578 г. начался первый поход Ермака в верховья Сылвы против отрядов местной враждебно настроенной родоплеменной знати. В походе были проверены ратные качества его участников, налажена необходимая дисциплина. Весной 1579 г. отряд Ермака спустился по Сылве на Чусовую и, взяв у Максима Строганова необходимый запас на «Усть-Чусовой», 12 или 13 июня «пойдоша по Чусовой до Тагильского волока з боем». В рати насчитывалось более 1 600 чел. (по другим данным — 840 чел.) ²⁰.

Экспедицию сначала преследовали неудачи: «потеряв вожей (проводников.— В. Н.)-зырян», дружина Ермака прошла мимо устья р. Серебрянки и только к осени, вернувшись к ней, поднялась в ее верховье. Здесь, оставив тяжелые суда, казаки перетаскивали легкие струги в р. Тагил. На Тагильской переволоке Ермак зазимовал, подчиняя «окрестные улусы вогулич». 1 мая 1580 г. рать Ермака по водополью отправилась вниз по Тагилу и Туре. Первое крупное столкновение с «невоистыми людьми» князя Епанчи окончилось после трехдневного сражения полной победой казаков. Все лето дружина Ермака «неспешно» продвигалась по Туре, заняв 1 августа Чимги-Туру (Тюмень). Тут рать расположилась на новую зимовку. Зимние месяцы оказались очень трудными: казаки умирали от цинги и «недуга чрева». 9 мая 1581 г. экспедиция двинулась дальше, вниз по Туре «со всяким искусом неспешно». В этот момент казаки захватили в плен дворецкого Кучума Кутагая, собиравшего тяжелый ясак с местного населения. Ермак наградил его и отпустил, продемонстрировав стрельбу казаков из пищалей и передав дары для Кучума. Опережая поход казаков, разносился слух о благородстве Ермака, об огненных невидимых стрелах, которыми якобы вооружены его ратники. Прорвав засаду войск Кучума у устья Туры, казаки появились на водных просторах Тобола 8 июня. В этом же месяце произошло два сражения, из которых особенно упорным было трехдневное столкновение у Караульного яра, где дружинники пробились сквозь большой заслон войска Кучума. Силы рати Ермака таяли, боеприпасы кончались, и у устья Тавды казаки долго решали вопрос о возможности возвращения вспять Тавдою, через Камень. Новое сражение произошло 8 июля, а 26 числа после пятидневного жестокого боя, доходившего до рукопашной схватки, когда «кони по чреву бродили в крови», казаки вновь одержали победу над воинством царевича Мамет-

¹⁸ В описании похода Ермака мы основываемся на статье В. И. Сергеева «К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака».

¹⁹ К аргументам В. И. Сергеева на этот счет можно добавить следующие. Согласие правительства на переход казацких отрядов в Камскую вотчину Строгановых вряд ли могло быть получено в 1579 или 1580 гг., когда успехи Батория на западных рубежах страны и кризис в русской полевой армии настойчиво требовали полной мобилизации всех военных сил. В таких условиях правительство скорее постаралось бы использовать и привлечь казацкие дружины для действий на западном фронте (как, в частности, оно использовало отряды донских казаков в 1580—1581 гг. и вольных казаков на крайнем северо-западе страны). Наоборот, в 1577 и 1578 гг. (до наступления Батория) положение России в Ливонии расценивалось как прочное, а, следовательно, правительство могло санкционировать приглашение Строгановыми Ермака на Каму. Во-вторых, именно в 1577—1578 гг. к этому могло побуждать Ивана IV и цитированное выше известие русского посла в Крыму о намерении Кучума пополнить артиллерию.

²⁰ В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака, стр. 122—124.

кула. Однако впереди казаков ожидали свежие силы Кучума, и 1 августа рать Ермака повернула назад и поплыла вверх по Тавде. Именно тогда, после первых военных столкновений с войсками Кучума, когда стала ясной его непопулярность среди местного населения, и было, по-видимому, принято решение о бескомпромиссной борьбе с ним. Но истощение боеприпасов воспрепятствовало дальнейшему продвижению казаков. Поднявшись по Тавде до Пелымского княжества, Ермак узнал, что пути «за Камень в Русь» нет. Приближалась осень, нужно было выбирать место для зимовки. Вновь спустившись по Тавде, казаки заняли городок Карачин с большими запасами.

Наступило лето 1582 года. Ермак не трогался с места стоянки, ожидая возвращения с подкреплениями и боеприпасами «своего сверстника» Ивана Кольцо, посланного еще осенью первоначальным маршрутом к Строгановым с собранным ясаком. Напуганный победами казаков, Кучум не предпринимал активных действий, перекрыв только дороги к их стоянке. 14 сентября, после того как вернулся с пополнением в 300 чел. и боеприпасами Иван Кольцо, дружина всплыла в Тобол, а затем из его устья направилась вверх по Иртышу и захватила Атинский городок. Этот городок сразу же окружило огромное скопление кучумовых ратников. 1 октября произошел бой, в котором пало много татарских воинов. Казаки попытались захватить «Чувацкий град», расположенный на горе. Попытка не удалась. Дружинники Ермака несколько раз возобновляли штурм, пока 23 октября не началось решительное сражение. В трехдневном бою казаки наголову разбили воинство Кучума. Большую роль в победе Ермака сыграл уход от Кучума «низовых остяков князьков» и вогулов. Сам хан бежал, покинув свою столицу. 26 октября казаки вступили в Искер, найдя там «имения и богатства множества и хлеба»²¹.

В последующие дни и недели к Ермаку потянулись местные племена с изъявлением подданства. Их отношение к казакам было столь доброжелательным, что последние далеко не всегда принимали необходимые меры по охране. Этим и воспользовался Кучум. 5 ноября казаки, ловившие рыбу на Абалацком озере, были ночью истреблены отрядом Маметкула. Погоня за этим отрядом увенчалась успехом, и дружина царевича была почти полностью уничтожена. В декабре 1582 г. Ермак снова отправляет Строгановым отряд казаков с собранным ясаком. Те чуть ранее получили от царя «опальное» послание. «Избывая опалы», Строгановы, видимо, переправили депутацию казаков с ясаком к Ивану IV. После этого они уже не играли активной роли в присоединении Сибири.

Конец 1582 г. и 1583 г. проходил в успешном закреплении за Русским государством племен манси, хантов и татарских улусов. В феврале 1583 г. казакам удалось пленить царевича Маметкула, а весной население по Нижнему Иртышу и более отдаленных районов признало русское подданство. Из Москвы с вернувшимися казаками пришло царское «жалованное слово». Однако к 1584 г. положение дружины ухудшилось. У казаков на исходе были продукты и боеприпасы. Они не хотели тяжелым обложением восстанавливать против себя местное население и надеялись на присылку продовольствия и боевого запаса из Москвы. В ноябре 1584 г. прибыл к Ермаку правительственный отряд в 500 чел. под командованием князя С. Болховского и И. Глухова. Собранный с большой поспешностью, отряд был плохо подготовлен для сибирских условий и недостаточно хорошо экипирован. Зимой 1584—1585 г. в Искере разразился голод. Умер С. Болховский, от голода погибали ратные воины, и дело дошло до того, что казаки «понудитися и тела человеческие ясти». В марте городок был осажден дружинами татарских феодалов «до пролетья», отчего гарнизону «пришла многая гибельная поруха». Только ночью 9 мая дружине Ермака удалось наголову разбить эти войска. К лету голод кончился, в первую очередь благодаря добровольной помощи местного населения, но силы русской рати были истощены. В Москву был отправлен отряд за помощью. В ночь на 6 августа погиб Ермак. Выступив с небольшим отрядом казаков для перехвата отрядов Кучума, которые намеревались разграбить караван купцов, идущий из Бухары (это известие оказалось ложным), он был тяжело ранен во время коварного нападения на ночевку казаков у р. Вагая и утонул в его волнах. 15 августа оставшаяся часть ратников двинулась на Русь, так и не дождавшись помощи. Доплыв до низовьев Оби, они Печорским путем вернулись в

²¹ Там же, стр. 125—127.

Россию. Две недели спустя в опустошенный Искер прибыл московский отряд Ивана Мансурова в 100 чел., который двинулся вслед за дружиной Ермака, но не успел пройти до ледостава. Против устья Иртыша на Оби отряд срубил «град деревян» — первый городок служилых людей в Западной Сибири (Обский городок)²².

Поход дружины Ермака не привел непосредственно к присоединению Западной Сибири. Оно произошло на протяжении последующих 10—15 лет силами правительственных отрядов. Но казаки и Ермак совершили самое важное: результатом их беспримерного мужества, воинского умения, твердой решимости был разгром Сибирского ханства — главного препятствия на пути освоения зауральских земель русскими людьми. Огромная заслуга принадлежит лично Ермаку, чей проницательный ум, недюжинные организаторские способности сыграли большую роль в успехе кампании.

Показательно в этой связи и другое. Если официальные сочинения и документы XVII в. пытаются представить Ермака и его деятельность в искаженном свете («избывая свои вины» перед правительством, он завоевывает Сибирь, обуреваемый настойчивым стремлением распространения христианства и власти царя), то совсем иначе оценивается он в песенном наследии и произведениях, испытавших воздействие казачьего фольклора и преданий (в частности, в Кунгурском летописце). В них Ермак выступает вождем казачьей вольницы, хорошо сознающим свою силу, угрожающим расправой Строгановым и независимо ведущим себя перед царем. И что характерно: в сознании народа наградой Ермаку и его дружине за сибирский поход было пожалование «вольного, славного, тихого Дона». Так неумирающая народная мечта о свободных от всякого насилия и всяческих неправд землях, являвшаяся мощным стимулом ухода простого люда на новые территории, преломилась в данном конкретном случае. Оценивая деятельность Ермака, К. Маркс писал: «Последний монгольский царь Кучум... был разбит Ермаком. ...Так была заложена основа азиатской России»²³.

6. Начальное освоение Западной Сибири

Используя результаты похода Ермака и его умной политики по отношению к местному населению, московское правительство переходит к закреплению западносибирских земель. Весной 1586 г. там появился третий правительственный отряд, в 300 чел., под командованием воевод Сукина и Мясного, основавших на берегу Туры на месте старого татарского укрепления Чимги-Туры город Тюмень. Расположение новой крепости позволяло контролировать обширные районы по Туре, Исети, Пышме и Среднему Тоболу, татарские улусы которых стали ясачными данниками московского царя. К тому же Тюмень находилась на древней караванной дороге из Средней Азии в Поволжье. Понятен поэтому быстрый рост города. Сформированный из ратников Сукина и Мясного отряд под командованием Д. Чулкова в 1587 г. заложил недалеко от Искера на высоком берегу Иртыша против устья Тобола новую крепость — Тобольск. Совместные действия остатков казачьих дружин Ермака и стрельцов Мансурова против татарских отрядов Сейдяка окончились полной победой русских.

Пребывание даже небольших гарнизонов в сибирских крепостях требовало безопасного и удобного пути сообщения с ними. Маршрут, по которому двигались в Сибирь казачьи отряды Ермака, был слишком трудным. Официальной дорогой становится с 1590 г. (по другим известиям — с 1589 г.) Чердынско-Лозьвинский путь, шедший по притоку Камы Вишере, а затем Лозье, Тавде и Тоболу. На этом пути в том же году была основана крепость Лозьвинский городок, до которой добирались санным путем, ожидая до весны навигации. Однако путь по Тавде оказался небезопасным из-за пелымского князька Аблагирима, недружественно настроенного к московскому правительству. К нему присоединились и некоторые местные князьки. Угроза нападения орд не прекратившего борьбы Кучума с юга, враждебные действия некоторых пелымских владетелей на основной артерии, питавшей русские гарнизоны продовольствием, боеприпасами и людьми, заставило правительство резко увеличить свои усилия в освоении Зауралья.

²² Там же, стр. 127—129. По другим сведениям, остатки казачьей дружины встретились с отрядом Мансурова и вместе с ним зазимовали в Обском городке. «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Т. 2, стр. 30—31.

²³ «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 166.

В 1593 г. отряд Н. В. Траханиотова (300 стрельцов и казаков, 150 плотников, даточных людей с Вятки, из Перми, Выми и от Соли Вычегодской) отправился вниз по Иртышу и Оби, основав крепость Березов и закрепив тем самым волости хантов по течению Оби. Осенью того же года под власть русских воевод перешли земли мансийских племен в Конде. Наконец тогда же потерпел поражение наиболее яростный враг России, пелымский князек Аблагирим в результате экспедиции отряда П. И. Горчакова.

В дальнейшем закрепление земель, попавших в русское подданство, и присоединение новых шло быстрыми темпами. Огромную роль в этом сыграла помощь со стороны местного населения, особенно приобских хантов. Сравнительно большой контингент служилых ратных людей в Сибири, поддержка их действий со стороны исконных местных племен позволили вести операции одновременно в разных направлениях. Особое значение приобретало движение вверх по течению Оби и Иртыша. В 1594 г., когда отряд служилых людей под командованием князя Ф. П. Барятинского и В. Аничкова вместе с ратными людьми из Березова и воинами из кодских хантов двинулся по Оби вверх от места впадения в нее Иртыша, князек Бардак (владелец одноименного хантского княжества) добровольно принял русское подданство и оказал серьезную помощь в постройке крепости. Так возник при впадении в Обь р. Сургутки город Сургут, ставший административным центром хантских поселений по Оби в среднем ее течении. Крепость являлась форпостом в дальнейшем продвижении на юг, в область Пегой орды (так назывался союз селькупских племен в Приобье), властитель которой Воня сочувственно относился к Кучуму. Для предотвращения возможного союза сургутские служилые люди основали Нарымский острог, а затем был заложен Кетский острог.

Еще большим размахом отличалось движение вверх по Иртышу. Экспедиционный отряд во главе с воеводой князем А. В. Елецким насчитывал свыше 1 500 чел. и состоял из служилых людей Тюмени, Тобольска, Уфы, Казани. На службу были направлены даточные люди из башкир, свияжских татар и др. Летом 1594 г. закончили работы по сооружению новой крепости Тары, располагавшейся недалеко от впадения в Иртыш речки того же названия. После этого татарские улусы по Иртышу от Тобола до реки Тары приняли русское подданство, что нанесло сильный удар по Кучуму, данщики которого силой оружия собирали ясак в этих районах. Главная задача новой крепости заключалась в охране Прииртышья от притязаний кочевников и окончательном разгроме кучумовских отрядов. Постоянные удары тарских воевод медленно, но неуклонно сокращали территорию, подвластную Кучуму. В 1597 г. ему было предложено закончить военную борьбу с Россией и принять русское подданство. Правительство обещало закрепить за ним кочевья по Иртышу. Но Кучум не желал прекращения войны и готовил крупный набег на русские поселения и крепости, ведя переговоры с Ногайской ордой и Бухарским ханством. Русские воеводы упредили его. Укомплектованный русскими ратниками и служилыми татарами из Тары, Тобольска и Тюмени, отряд вышел в поход в августе 1598 года. После нескольких небольших стычек русские воины неожиданно напали на главную стоянку Кучума (возле устья р. Ирмень). Ставка Кучума была разгромлена, члены его семьи попали в плен, в бою погибли десятки приближенных к Кучуму лиц и свыше 150 его воинов, много его ратников утонуло, но самому Кучуму удалось бежать. Различные источники по-разному освещают дальнейшую судьбу хана, но с политической арены Сибири он исчез.

Окончательное поражение Кучума произвело огромный политический эффект. В русское подданство перешли чатские татары, татарское население Барабы. С далекой реки Томи прибыл в Москву зуштинский князек Тоян, обратившийся с просьбой к царю Борису Годунову взять под защиту землю томских татар и поставить в ней крепость, обещая военную помощь в действиях против соседних тюркоязычных групп. В 1604 г. состоялась экспедиция во главе с Г. И. Писемским и В. Ф. Тырковым, в которую входили служилые дети боярские из Тобольска, Тюмени, пелымские стрельцы, тобольские татары и кодские ханты. К концу сентября на высоком берегу Томи белели стены и башни новой крепости — Томска, контролировавшей земли по Верхней Томи, Средней Оби и Чулыму. В начале XVII в. Томск был самым восточным городом России. На севере Западной Сибири в 1595 г. в низовьях Оби был поставлен городок Обдорск, а к 1601 г. относится закладка Мангазеи (в Тазовской губе) на месте, где

давно уже располагались зимовья промышленников из Поморья. В 1607 г. на Енисее был построен Туруханск (Новая Мангазея)²⁴.

К концу 90-х годов XVI в. был определен наиболее выгодный путь в Сибирь, проведанный еще в 1595 г. сольвычегодским посадским человеком Артюшкой Бабиновым. Он сокращал вдвое дорогу на Тюмень и вел к верховьям Туры. В связи с этим Вишерско-Лозьвинский путь был закрыт, а на новом тракте возникает крепость — Верхотурский городок (1598 г.), являвшийся в XVII в. «главными воротами» Сибири²⁵.

Одновременно с распространением государственной власти на территории Западной Сибири, проводимым руками детей боярских, служилых казаков и стрельцов, началось освоение крестьянами Сибири. По собственной воле или по распоряжению правительства отправлялись на новые земли земледельцы из многих районов страны. В 1593 г. при строительстве Пелыма «на жительство» в нем оставались крестьянские семьи из Каргополя, Вятки, Перми. Туда же были переведены и опальные жители Углича с семьями. Один крестьянин из далекого Ржевского уезда пожелал переселиться в Сибирь добровольно. Уже к 1593 г. появились в Сибири беглые крестьяне. В дальнейшем требование «заводить пашню» стало обязательным при основании новых крепостей. В 1598 г. при закладке Верхотурья туда было переведено из Казани 55 семей крестьян и 6 семей ямщиков. В дальнейшем это число должно было вырасти до 100 человек²⁶. Наказ 1593 г. пелымскому воеводе Горчакову предусматривал перевод 20 семей крестьян-переведенцев с полным хозяйственным «запасом». 29 переведенцев отправлялись в путь с необходимыми орудиями и средствами к жизни, но без семей. «Завод пашни», участие в рыбном и охотничьем промыслах (с целью добычи пушнины) ложились, однако, не только на плечи крестьян. Все служилые люди по прибору, казаки и стрельцы, пушкар и воротники, ямщики участвовали в хозяйственном освоении бескрайних сибирских просторов. Тяжелый ратный труд, строительство новых крепостей, добывание необходимых продуктов питания — таков круг обязанностей и забот рядового служилого человека в Сибири. Немногочисленные оставшиеся в живых сподвижники Ермака, вернувшиеся в Сибирь уже с правительственными отрядами, продолжали начатое ими дело. Вот характерный документ — челобитная конного казака Г. Иванова 1623 г. царю Михаилу Романову. В ней он довольно подробно излагает свои предшествующие службы, подчеркивая, что его служба в Сибири ведет отсчет с похода Ермака и продолжается непрерывно уже 42 года. Г. Иванов участвовал в основании Тюмени, Тобольска, Пелыма, Тарской крепости и Томска²⁷.

Русские посадские люди и крестьяне — вот основной контингент, из которого черпалось пополнение для служилых приборных людей в далеких сибирских городах. Возьмем, например, судьбу Алексея Фролова. Его дед и отец были жителями Переяславля-Залесского, участвовали во взятии Казани в 1552 г. и были оставлены там в качестве стрельцов. Сам Алексей стрельцом участвовал во многих походах Ливонской войны, в 80-х годах — в построении городов в Поволжье (Самара, Уржум, Царевосанчурск), а в 1594 г. был участником основания крепости Тары. В 1598 г. он был включен в отряд Янова при строительстве Верхотурья, где сначала «пахал... наймучи великою нужею государеву пашню», а затем был переведен в пушкар, «поставив за себя» на пашню «пришлого человека». В пушкарях Фролов прослужил 16 лет²⁸. В освоении Сибири принимало участие население многих уездов страны. В поручной записи стрелецкого десятка 1593 г. (отправлявшегося на службу в Пелым) перечисляются жители Перми, Галича, Москвы, Устюга, Поморья (разных волостей). Народные массы не только были единственным источником пополнения «приборного» военно-слу-

²⁴ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 86—92, 145—147; «История Сибири с древнейших времен до наших дней», Т. 2, стр. 31—37; В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов.

²⁵ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 105—106; «История Сибири с древнейших времен до наших дней», Т. 2, стр. 37; В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов, стр. 178.

²⁶ «История Сибири с древнейших времен до наших дней», Т. 2, стр. 33, 37.

²⁷ «Русская историческая библиотека», Т. 2. СПб. 1875, № 130, стб. 400—402.

²⁸ «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1909, кн. 4, смесь, стр. 5—8.

жилого и крестьянского населения Сибири. Именно на их плечи легла также главная тяжесть материального снабжения сибирских городов и поселений. Жители Севера и Великой Перми были обязаны поставлять «сибирские хлебные запасы», которые и перевозились ими самими до первых сибирских городов. Вообще переправка в далекую Сибирь всякого снаряжения и припасов проходила с помощью чернососного крестьянства востока и северо-востока страны. Наконец поморские и пермские промышленники активно участвовали в пушном промысле на сибирских землях.

Успехи хозяйственного освоения западносибирских пространств стали отчетливо заметными уже в начале XVII века. Во многих местах быстро росла площадь окультуренных трудом русских людей земель, в охоте и рыболовстве применялись более эффективные орудия и методы, в первых сибирских городах начинало постепенно развиваться мелкое ремесленное производство, широким потоком устремились в Сибирь русские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Значение этого факта быстро оценило местное население. В различных челобитьях начала XVII в. представители манси и хантов подчеркивали, что они покупают «у русских хлеб и на весь год... платьешко». Манси, жившие по Сосьве и Лозьве, сетовали на отсутствие в ближайшей округе русских поселений, отчего им не у кого приобрести хлеб и сукна. Местные племена в обмен на пушнину получали не только продукты питания и ткани, но и лошадей, орудия труда (топоры, ножи и т. д.), некоторые виды оружия²⁹.

Что же влекло русский трудовой люд в Сибирь? Чем объяснить его уход с насиженных и обжитых мест на новые земли, порой в тяжелейшие условия жизни? Конечно, не стремление к наживе и не жажда обогащения (как было то у Строгановых и других купцов) подталкивали казаков, крестьян и посадских людей к движению за Урал. Судьба первопроходчиков (казаков дружины Ермака и участников первых правительственных отрядов) свидетельствует об этом. В 20-х годах «старые служилые тобольские люди», жившие в Сибири «лет по сороку и больши», получили от правительства «щедрую» награду: в Тобольске для них было разрешено поставить богадельню и на содержание каждого из них казна «милостиво» отпустила по 2 четверти ржи в год (то есть 12 пудов: меньше, чем получал хлебного жалованья иной пономарь). Но и такой жизненный финал не всегда ожидал первопоселенцев и первопроходцев. Многие из них из-за «увечья, ран, убожества» или по причине слепоты («очьми обнищали») постригались в монахи. Подобные невольные, а вовсе не от богатств или больших наград, чернецы из ермаковой рати находились в Знаменском монастыре, где их существование было еще тяжелее³⁰.

Дело в том, что ухудшение экономических и социальных условий в центре страны явилось тем фактором, который вызвал движение трудового народа за Урал. Рост крепостничества, усиление эксплуатации в деревне и городе стимулировали бегство крестьян и посадских людей на не освоенные еще земли. Как раз Сибирь и стала одним из направлений таких побегов, причем уже с конца XVI века. В поисках лучшей жизни уходили туда посадские люди и крестьяне, стрельцы и казаки, ямщики и «промышленные люди», своим трудом и упорством обживая и укрепляя ее далекие и бескрайние просторы. Это сказалось и на особенностях исторического развития Сибири. Она была одним из тех районов, где крепостнические порядки, господствовавшие в Русском государстве XVII—XIX вв., так и не сумели закрепиться. Вольнолюбивые традиции служилых русских людей и крестьян долго сохранялись там. Казаки отстаивали свою автономию и права, считая себя «честью» не ниже детей боярских, представителей господствующего класса. Те формы притеснений, которые давно уже стали нормой в деятельности служебной администрации в центре страны, постоянно оборачивались в сибирских городах большими неприятностями прежде всего для самих воевод. А с конца XVI в. закладывается первая база для совместных классовых выступлений русского и нерусского трудового люда в Сибири против правительства и Строгановых³¹. Начался новый этап в истории этой области.

²⁹ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 96.

³⁰ А. А. Преображенский. Указ. соч. Гл. 1, § 4.

³¹ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 99 и далее.

ВОСПОМИНАНИЯ

АРМИИ НУЖНО ГОРЮЧЕЕ

М. И. Кормилицин

Прежде чем повести рассказ о прожитом, приведу несколько цифр общего характера. В наследие от царской России молодое Советское государство получило в 1917 г. крайне отсталую в техническом отношении систему транспортировки и хранения нефти. Система нефтехранилищ состояла из небольшого количества нефтебаз, железнодорожных цистерн и нефтеналивных барж. К 1917 г. в России было только два крупных магистральных трубопровода: керосинопровод Баку — Батуми длиной 883 км, главным образом для перекачки экспортного керосина, и мазутопровод Петровск (Махачкала) — Грозный общей протяженностью в 1147 км, а общей мощностью около 2,5 млн. т в год. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны и без того отсталая система транспортировки и хранения нефти подверглась разрушению. Советское государство с первых же дней своего существования столкнулось с необходимостью быстрее восстановления и технического развития оборудования для транспортировки и хранения нефти и нефтепродуктов, для удовлетворения быстро развивающейся потребности в нефти у промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Силы интервенции и внутренней контрреволюции, встретившие сопротивление трудового народа России, всячески старались дезорганизовать промышленность и транспорт Республики Советов. Очень сильно пострадали от действий врагов Советской власти нефтяные промыслы, заводы и нефтебазы. Отправка нефтепродуктов из Баку на Астрахань для снабжения основных районов страны уменьшилась в 1918 г. почти в четыре раза по сравнению с 1917 г. и совершенно прекратилась в 1919 г. вследствие гражданской войны и иностранной военной интервенции. Ресурсы нефтепродуктов тщательно учитывались и распределялись между потребителями в народном хозяйстве. Самыми крупными потребителями были транспорт железнодорожный и водный и важнейшие предприятия безлесных районов Юго-Востока страны, а также Москвы и Петрограда.

В суровой борьбе с контрреволюцией и интервенцией, преодолевая голод и разруху, Советская республика шла к новой жизни. Чтобы нефть и нефтепродукты из береговых районов Каспийского моря быстрее поступали в важнейшие промышленные районы России и стали национальным достоянием, 28 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал декрет о национализации нефтяной промышленности. В Баку был организован Азербайджанский нефтяной комитет. В сентябре 1918 г. в Азербайджане при активной поддержке турецких оккупантов к власти пришла контрреволюционная националистическая партия «мусават». Власть мусаватистов была окончательно свергнута 28 апреля 1920 года. Эту дату и следует считать фактическим началом полнокровной истории советской нефтяной промышленности, ибо Баку в то время был наиважнейшей ее базой. После издания декрета о национализации нефтепромышленности частные нефтяные фирмы продолжали первоначально существовать как самостоятельные хозяйственные единицы. Они заключали сделки, устанавливали даже цены на нефтепродукты (кроме топлива), вели взаимные расчеты и т. д. Однако все доходы от торговли нефтепродуктами поступали в государственную казну. С 1 июля 1918 г. были установлены госцены на нефтетопливо и керосин, а с 15 ноября 1918 г. — на остальные нефтепродукты, и коммерческая деятельность частных фирм почти прекратилась. В начале 1919 г. был организован Главный нефтяной комитет при ВСНХ (впоследствии — Центральное управление нефтяной промышленности), которому было подчинено Управление нефтяной промышленности. В ведение последнего переходил теперь сбыт нефтепродуктов.

В 1919 г. частная нефтеторговля вообще прекращается и заменяется плановым распределением нефтепродуктов. Вся сеть нефтехранилищ, подчиненная ранее мелким организациям Главного нефтяного комитета, тоже была передана в его ведение. Потребление нефти и нефтепродуктов внутри страны неуклонно возрастало: в 1920 г. оно составило 2 025 тыс. т, в 1921 г. — 3 235,4 тыс. т, в 1922 г. — 4 152,7 тыс. тонн. В 1921 г. Советская Россия начала экспортировать нефтепродукты, продав в том же году на внешний рынок 140 тыс. т, а в 1922 г. цифра возросла до 327 тыс. тонн. Одной из главных задач Центрального управления нефтяной промышленности было тогда обеспечение населения керосином. Наиболее крупным потребителем мазута по-прежнему являлся железнодорожный транспорт, на долю которого приходилось около 50% потребления этого продукта. Несмотря на увеличение потребления различных видов бензинов, масел и других нефтепродуктов, их удельный вес в структуре потребления довольно долго оставался незначительным: в 1927 г. — до 7,3%, причем на долю нефтетоплива приходилось 75,5%, керосина — 17,2%.

В итоге выполнения предвоенных пятилетних планов и в ходе огромных социально-экономических, политических и идеологических свершений, осуществленных народом во главе с Коммунистической партией, в СССР утвердился социализм. Произошли большие изменения в структуре и развитии всего хозяйства страны, в том числе и в нефтяной промышленности. Быстрый рост автомобильного и тракторного парка, развитие авиации, строительство металлургических и машиностроительных заводов, выпуск новых видов машин и механизмов потребовали от нефтепромышленности резкого увеличения производства нефтепродуктов, расширения их ассортимента и повышения качества. Перемены в географическом размещении элементов народного хозяйства Советского Союза существенно преобразовали характер деятельности нефтесбытовой системы. За Первую пятилетку потребление автомобильных бензинов увеличилось с 76,8 тыс. т в 1928 г. до 516,9 тыс. т в 1932 г., то есть в 6,7 раза при общем увеличении потребления всех видов нефтепродуктов с 7 165 тыс. т до 14 433,7 тыс. т, или в 2,2 раза. В предвоенном 1940 г. поставка автобензинов народному хозяйству и армии была в 5,9 раза больше, чем в 1932 г., а удельный вес бензина в общем балансе нефтепродуктов возрос за этот период с 3,6% до 12,2%. В конце Второй и начале Третьей пятилеток был сделан важнейший шаг в развитии моторостроения: некоторые тракторные и автомобильные заводы перешли на производство машин с дизельным двигателем, а в период с 1928 по 1940 г. резко возросла доля светлых нефтепродуктов в общем балансе потребления: с 19,1% до 45,3%. Совершенствовался также нефтеналивной морской и речной флот. Стали строиться морские танкеры водоизмещением до 10 и более тыс. тонн. На Волге, Каме и других реках появились нефтеналивные баржи грузоподъемностью свыше 10 тыс. тонн. Успешно создавалась база современной промышленности. Это были героические годы истории социалистической индустрии, когда Советское государство сумело быстро создать и освоить новейшую технику и развить передовое хозяйство. Можно без преувеличения сказать, что становление и развитие нефтепромышленности СССР тоже являются одним из важнейших результатов героических усилий партии и народа в деле индустриализации страны и построения материально-технической базы коммунизма. Успехи топливной промышленности СССР, в частности нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, еще в 20-е годы обеспечили возможность восстановления остальных отраслей народного хозяйства страны. В 1927 г. начинается интенсивное строительство новых нефтеперерабатывающих предприятий. Создавая крупную нефтеперерабатывающую промышленность, наша партия и правительство признали целесообразным организовать в Баку, Грозном и Москве подготовку специалистов-нефтяников (в дореволюционное время в России не готовились специалисты по переработке нефти). В 1920 г. возникли Грозненский нефтяной институт, Бакинский политехнический институт, позднее преобразованный в Азербайджанский нефтяной институт, и нефтяное отделение при московской Горной академии, реорганизованное в 1930 г. в Московский нефтяной институт, а затем в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина.

В связи с развитием автомобилестроения и моторостроения в стране резко увеличилась потребность в нефтепродуктах и повысились требования к их качеству. Возникла необходимость внесения существенных изменений в технологию и переработку нефти. Только за Первую пятилетку мощность заводов по переработке нефти увеличи-

лась почти в 2,3 раза, а по сравнению с 1920—1921 гг. — в 6,7 раза. Производство светлых нефтепродуктов достигло 41% от общего количества. Проектные мощности систематически перекрывались, а нормы выработки перевыполнялись. Пятилетнее задание было выполнено за 2,5 года. Второй пятилетний план предусматривал дальнейшее развитие нефтеперерабатывающей промышленности. Было намечено строительство 46 трубчатых нефтеперегонных и 93 крекинг-установок с размещением их не только на Кавказе и в Закавказье, но и в новых нефтяных районах. В Заволжье были введены в эксплуатацию нефтеперерабатывающие заводы: в 1936 г. — в Ишимбае, в 1938 г. — в Уфе и многие другие, резко улучшено обеспечение страны моторным топливом, что сказалось затем в годы Великой Отечественной войны. В создании кадров для нефтеперерабатывающей промышленности особенно велика заслуга нефтяников Баку. Они вырастили в своей среде опытных рабочих, инженеров, начальников цехов и направили их на вновь введенные в строй заводы и технологические установки. Баку справедливо называли «кузницей нефтекадров». Больших успехов добились нефтяники в начальные годы Третьей пятилетки, выполнение которой было сорвано вероломным нападением фашистской Германии на нашу Родину.

В первые же месяцы войны демонтировали и эвакуировали оборудование нефтеперерабатывающих заводов Одессы, Бердянска, Херсона. В глубь страны были перебазированы также заводы Северного Кавказа. На базе эвакуированного оборудования технологических установок Туапсинского завода началось строительство нефтеперерабатывающего завода в Красноводске. Несмотря на отсутствие строительной базы, недостаток рабочей силы, нехватку пресной воды, завод был построен в короткий срок и в июле 1943 г. уже выдал первую продукцию — автомобильный бензин. В 1942 г. в связи с военными действиями вышла из строя значительная часть нефтеперерабатывающих предприятий Грозного. Основная тяжесть по снабжению армии горючим и смазочными материалами легла на бакинские заводы. Бакинцы с честью выдержали суровые испытания военного времени. В сжатые сроки работа заводов была перестроена и целиком подчинена интересам фронта. На предприятиях были организованы комсомольско-молодежные бригады, которые являлись инициаторами в деле повышения производительности труда. Большую помощь заводам в работе, подборе и расстановке кадров на основных участках, где главным образом готовилась продукция для фронта, оказывали офицеры Красной Армии, трудившиеся в службе снабжения горючим, и военные представители (военпреды). Прекрасно работали военпреды С. Н. Иконников, Г. В. Алексеев, И. З. Шикун, А. В. Тихонов, С. И. Кочаров. Героически трудились рабочие и ИТР. На смену опытным, квалифицированным операторам к пультам управления сложными нефтеперерабатывающими установками встали женщины и подростки.

Снабжение Советских Вооруженных Сил горючим во время войны было сопряжено с огромными трудностями. Этих сложностей было бы еще больше, если бы не успехи, достигнутые до 1941 года. Так, за годы Советской власти объем добычи нефти увеличился в несколько раз, что видно из следующих данных (для полноты картины приведем и послевоенные цифры):

Добыча нефти по годам	1913	1921	1929	1933	1937	1940
В млн. тонн . . .	9,2	3,8	13,7	21,5	28,5	31,1

Добыча нефти по годам	1945	1950	1955	1960	1965	1968
В млн. тонн . . .	19,4	52,8	83,8	147,9	249,5	309,0

Немалое значение имела и хорошо налаженная перевозка нефтепродуктов — большое государственное мероприятие, о чем полезно рассказать специально. После закрытия летней навигации по Волге ежегодно осенью, на нефтеперерабатывающих заводах Баку и Грозного начинают накапливаться сотни тысяч тонн готовой разнообразной нефтепродукции — бензина, лигроина, керосина, масел и мазутов. Весной и летом их надо перевезти на Восток и в Центр Советского Союза. Каждый год в

марте или начале апреля Наркомат нефтяной промышленности (Главнефтьсбыт) и Наркоматы морского и речного флота за короткий срок, в соответствии с планом-графиком, должны были перевезти все накопившиеся запасы из Баку по Каспийскому морю в Астрахань, из Грозного — железной дорогой в Махачкалу, а оттуда — тоже в Астрахань. В частности, в марте — апреле 1940 г. Наркомат речного флота и Главнефтьсбыт также должны были ускорить вывоз продукции, поступавшей из Баку и Махачкалы танкерами и баржами в Астрахань, вверх по Волге, откуда нефтепродукты в железнодорожных цистернах перебрасывались по железной дороге в необходимых направлениях во все республики, края и области Советского Союза. Было установлено, сколько нефтепродуктов каждый наркомат должен был перевезти и в какие сроки, а проверку осуществлял Госсовконтроль. Из данных Главнефтьсбыта Наркомнефти СССР явствовало, что нефтепереработчики не выполняют плана переработки нефти. Поэтому план навигации по Волге находился по вине Наркомнефти под угрозой срыва.

В апреле этот серьезный вопрос обсуждался на коллегии Наркомата нефтяной промышленности. Докладывал заместитель начальника Главнефтьсбыта П. Г. Женихов, так как начальник Главнефтьсбыта Я. С. Широков в то время был направлен в Астрахань в качестве уполномоченного с тем, чтобы непосредственно обеспечить выполнение решения правительства о перевозке нефтепродуктов из Астрахани вверх по Волге. Из доклада П. Г. Женихова следовало, что действительно в Астрахань поступило недостаточно нефтепродуктов, чтобы выполнить задание правительства; видимо, Главное управление по переработке нефти Наркомнефти СССР представило наркому неправильные цифры; тот, в свою очередь, доложил их правительству, в результате чего ввел в заблуждение Совнарком; план Наркомата оказался якобы нереальным. Это мнение возмутило наркома и всех членов коллегии, особенно начальника Главнефтепереработки и сотрудников треста в Баку. Тут же была создана комиссия для проверки данных, сообщенных на заседании коллегии, и цифр, доложенных в правительство. Создали комиссию и поручили ей через 24 часа известить наркома о результатах проверки. Председателем комиссии назначили меня. Комиссия немедленно приступила к работе. На следующий день мы представили справку о том, что только при очень активной работе в Баку и Грозном Главнефтьсбыт выполнит план, нефтепродуктов будет достаточно и навигацию не сорвут. Народный комиссар отозвал Я. С. Широкова из Астрахани и освободил его от работы, послал туда его заместителя В. Н. Галкина, обязав последнего добиться выполнения плана перевозок.

Через два или три дня меня рано утром вызвал нарком и известил о назначении на должность начальника Главнефтьсбыта, показав мне соответствующее решение Совнаркома Союза ССР. 4 июня меня ввели в члены коллегии Наркомата нефтяной промышленности. Будучи уже членом коллегии, 12 июля 1940 г. я был назначен заместителем наркома, причем по-прежнему отвечал за снабжение нефтепродуктами народного хозяйства и Красной Армии. Работа на этой должности была исключительно сложной и тяжелой, особенно для меня, так как я имел еще мало опыта в крупных хозяйственных делах. Приходилось следить не только за обеспечением сельского хозяйства горючим, что я делал и раньше в Махачкале, где я был заместителем начальника республиканского управления Главнефтьсбыта, и Краснодаре, где я занимал должность начальника краевого управления Главнефтьсбыта, но также тяжелой промышленности и Вооруженных Сил, так как последние снабжались через Главнефтьсбыт. Снабженческие отделы все чаще ставили вопрос о неудовлетворительной работе главка, ведающего переработкой нефти. Часть заводов последнего работала неудовлетворительно. Вопрос заключался в том, чтобы отделиться от Наркомнефти, так как потребность в нефтепродуктах стала исключительно большой, а добыча и особенно переработка ее не удовлетворяли полностью потребностей страны. Как раз тогда были куплены в США три технологические установки для нефтеперерабатывающих заводов. Один из них строился в Уфе. О нем я и хочу здесь рассказать.

В августе и сентябре 1940 г. снабженцев и переработчиков начали часто вызывать в Совнарком СССР к заместителю его Председателя, ведавшему Главнефтьсбытом, и прямо к Председателю Совнаркома с докладами о наличии и остатках нефти и нефтепродуктов в Центре и на нефтебазах Главнефтьсбыта после распределения и утверждения народнохозяйственных планов. Однажды ночью всех нас —

наркома, его заместителей, начальников главка по переработке и главка по строительству заводов — вызвал И. В. Сталин. Он резко отчитывал наркома И. К. Седина. Взял в руки коробок спичек, прикурив и, кинув в сердцах на стол, сказал: «Вы осваиваете эту установку «Лумус» (так называлась установка по переработке нефти, купленная у американцев) вот уже целый год. Имейте в виду, тов. Седин, если в ближайшие 2—3 месяца не будет пущена установка, будете строго наказаны». А затруднения с этой установкой действительно были. Три или четыре раза ее пытались запустить, и все безуспешно.

Беседа не прошла даром и для идеи о разделении. Вскоре Главнефлесбыт отделился от Наркомата нефтяной промышленности и стал самостоятельным главком при Совете Народных Комиссаров. Находясь ранее вместе с нефтепереработчиками под руководством одного наркома, мы не могли жаловаться через его голову в правительство на плохую работу отдельных перерабатывающих заводов, так как нарком, как правило, брал их под защиту. Несколько раз мы этот вопрос ставили перед И. К. Сединым, но положительных результатов не достигли. В конце 1940 г. вопрос о взаимоотношениях двух этих главков в стенах наркомата резко обострился и перерос из чисто хозяйственного в партийный, общегосударственный вопрос. Я как заместитель наркома поддержал решение парторганизации Главнефлесбыта о выделении его из наркомата. После обсуждения на парткоме было решено поставить вопрос в правительстве. Как раз мне и поручили доложить о необходимости выделения самостоятельного хозрасчетного главка.

Заместитель Председателя Совнаркома, ведавший хозяйственной деятельностью нашего главка и отвечавший за снабжение народного хозяйства нефтепродуктами, М. Г. Первухин не возражал. Правительство дало свое согласие, и новый главк получил права наркомата. Начальником Главнефлесбыта был назначен директор Саратовского нефтеперерабатывающего завода Я. И. Донченко, первым заместителем — М. И. Кормилицин. Почти одновременно в правительстве решался еще один вопрос — о создании необходимых фондов горючего для Красной Армии и народного хозяйства. Так как этот вопрос без Главнефлесбыта решить было нельзя, нам пришлось им потом заниматься, и очень много.

До 1940 г. каких-то утвержденных правительством планов накопления и хранения резервов горючего и смазочных материалов, как в целом по Красной Армии, так и в военных округах, не имелось, а было установлено, что армия сама создает для себя необходимые запасы за счет тех резервов, которые выделялись Экономсоветом при Совнаркоме СССР на текущее довольствие для армии и флота. Были установлены размеры запасов горюче-смазочных материалов для округов и флотов. Сроком окончания накопления установили апрель 1941 года. Резервы к этому времени были созданы почти в нужном объеме. Но когда рассмотрели их дислокацию, то картина казалась менее утешительной и пока не соответствовала желаемой, ибо в западных приграничных округах было запасено горючего и смазочных материалов по сравнению с планом недостаточно. Из-за отсутствия тары и емкостей у Наркомата обороны нормы создания резервов по дислокации и количеству не соблюдались, особенно по авиационным бензинам. Размещение резервов на базах Главнефлесбыта, где было заложено горючее для приграничных округов Северо-Запада, Запада и Юго-Запада, оставляло желать лучшего. Запасы эти имелись в мало подходящих пунктах. Если резервы и были там нужны, то создавать их там следовало не для Красной Армии, тем более не для приграничных округов, воинских частей и соединений, а для нужд народного хозяйства. Основной же, армейский резерв, кроме необходимого количества на складах и базах приграничных округов, следовало разместить на основных наикратчайших направлениях к северо-западным, западным и юго-западным областям. Но у Наркомата обороны в этих районах не имелось ни одного склада, а использовать для этой цели хотя бы частично нефтебазы Главнефлесбыта никто из военнослужащих не догадался. В первые же дни войны мы поплатились за необдуманное размещение резервов горюче-смазочных материалов. Правда, учитывая такую возможность, Генеральный штаб Красной Армии своевременно ходатайствовал перед Советом Народных Комиссаров СССР о перемещении резервов из пунктов производства, и 6 июня 1941 г. была утверждена новая дислокация. Но осуществить ее целиком мы не успели, так как 22 июня началась война.

Когда в Совнарком в свое время обсуждался вопрос о размещении упомянутых резервов, заседание шло бурно. Руководство Наркомата обороны предупредили, что оно в случае невыполнения решения понесет тяжелейшее наказание по должностной и по партийной линии. Большой спор разгорелся из-за того, что некоторые товарищи не хотели размещать в имеющихся у них емкостях запасы авиационного бензина, мотивируя свою позицию тем, что резервы займут оперативную емкость и из-за этого резко сократятся текущие запасы, а это отразится на подготовке летного состава. А работники Главнефтебывта, в свою очередь, не хотели брать авиагорючее на собственные базы, так как емкости там были старые, непригодные для хранения авиабензинов, и нельзя было избежать утечки и большого испарения. Утвердили «штатское» предложение — авиабензины должны были перевезти на армейские базы и склады. По линии Главнефтебывта задание возложили персонально на первого заместителя его начальника. Решение выполнили примерно в течение месяца, частично за счет ряда потребителей. Все резервы Баку, Махачкалы, Грозного и других южных пунктов были вывезены согласно разнарядкам. По линии армии выполнение решения было возложено на заместителя начальника Управления снабжения горючим Красной Армии (УСГКА) А. Г. Ковырзина.

Через несколько недель после начала войны Управлению снабжения горючим и Главнефтебывту пришлось заняться уже не передислокацией горючего к западным границам, а, наоборот, эвакуацией его с фронтов и созданием резервов в тыловых районах страны. Примерно к ноябрю — декабрю 1941 г. в Грозном, Баку, Махачкале и Астрахани были снова сосредоточены большие запасы горючего, так как нефтяная промышленность успешно работала и выполняла план для армии и народного хозяйства. Имелись и остатки, накопленные еще в предвоенный период. Учитывая нависшую над Кавказом угрозу, а также необходимость рассредоточения нефтепродуктов, А. И. Микоян отдал распоряжение, обязывающее Главнефтебывт, наркоматы путей сообщения, морского и речного флота переместить в глубь страны более 150 тыс. т нефтепродуктов. Остальную часть было разрешено израсходовать на текущее довольствие для армии и народного хозяйства. Недостаточно правильное размещение запасов горючего не позволило также Главнефтебывту и УСГКА осуществить быстрые переброски его в первые дни войны вследствие чрезвычайной загруженности железнодорожного транспорта. Следует подчеркнуть, что необходимые накопления горючего начали создаваться только во второй половине 1940 года. Размещение резервов по округам не было выполнено. Самые хорошие сорта авиабензинов, требующие особого внимания и специальных способов хранения, еще не попали на армейские склады.

В снабжении самих войск горючим в первые дни войны вскрылись недостатки. Хотя УСГКА существовало, большую часть дел по обеспечению горючим решал Генштаб. Автору этих строк приходилось заниматься как раз названными проблемами и почти ежедневно докладывать об обеспечении и отгрузке фронтам горючего. В связи с вынужденным отходом наших войск одной из основных задач Отделов снабжения горючим (ОСГ) фронтов и Главнефтебывта была тогда эвакуация запасов, находившихся в пределах фронтовой полосы. Независимо от их ведомственной принадлежности все горючее, которое находилось в угрожаемых районах, а также шло в транспортах для фронта, следовало направлять в глубокий тыл либо частично передавать Главнефтебывту для реализации в народном хозяйстве с последующей компенсацией отданной части на базах хранения или пунктах производства. В связи с массовым поступлением горючего на фронты и эвакуацией с фронтов в тыл страны малоходовых сортов к середине июля 1941 г. парк цистерн, залитых горюче-смазочными материалами, составил в прифронтовой полосе примерно 8500 единиц. Скопления цистерн забили все фронтовые железные дороги, создали пробки и затормозили продвижение эшелонов с материально-техническими грузами и оперативных воинских поездов. Эти скопления к тому же являлись отличной мишенью для вражеской авиации. В целях высвобождения железнодорожных путей, а также в связи с хорошей обеспеченностью Северо-Западного и Западного направлений горючим отгрузка горюче-смазочных материалов с 15 июля по 1 августа 1941 г. не производилась.

Нужно сказать, что в Москве и Подмоскovie на складах Главнефтебывта горючего было вполне достаточно. Приведем такие факты: в ноябре 1941 г. по плану УСГКА было утверждено к отгрузке фронтам 350 тыс. т, отгрузили же 197 тыс.

тонн. Откуда же армия брала горючее? При проверке установили, что без ведома УСГКА и даже фронтовых ОСГ была израсходована войсками из государственных резервов и нефтебаз Главнефлесбыта 151 тыс. т горючего. 93 тыс. т, кроме того, пришлось на безвозвратные потери в боях. Таким образом, отсутствие своевременной и полной информации о расходе и об обеспеченности горючим не давало возможности определить, кому сколько и какого горючего нужно доставить. Потребовалось несколько месяцев для организационной работы по налаживанию связи ОСГ фронтов с УСГКА.

Вот еще один пример, подтверждающий мою мысль. Перед войной в западных районах СССР и на гражданских нефтебазах имелось в резерве свыше 600 тыс. т горючего, да еще в первые дни войны туда же было отгружено горючего в количестве, соответствующем потребностям фронтов, согласно мобилизационному плану Генштаба Красной Армии. В результате этого, а также вследствие передачи Красной Армии горючего с нефтебаз Главнефлесбыта и в связи с отходом наших войск на восток на каждом фронте образовались излишки горючего, которые нужно было куда-то девать. По неполным данным, за 1941 г. и начало 1942 г. было отправлено (как излишки) в порядке эвакуации: с Северного фронта — 1 290 цистерн с горючим; с Северо-Западного фронта — 1 420; с Западного фронта — 1 300; с Южного фронта — 1 050; с других фронтов — 700. Итого — 5 760 цистерн, то есть более 60 тыс. т разных сортов горючего. В первой половине июля 1941 г. НКПС было еще раз приказано прекратить погрузку транспортов с горючим для фронтов, ибо там задерживался слив и наблюдались длительные простои.

Как же следует оценить степень готовности страны к войне по линии обеспечения военных нужд горюче-смазочными материалами? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо сказать, что специалисты из УСГКА, инженеры нефтяной промышленности и Главнефлесбыта предложили изменить схему переработки нефти на заводах и низкооктановый базовый бензин смешивать с высокооктановыми присадками типа изооктан, изопентан и другими. В результате Красная Армия получила более 600 тыс. т высокооктановых авиабензинов, сократив нагрузку на железнодорожный транспорт минимум на 8 млрд. тонно-километров.

Кроме того, увеличение запасов авиабензинов достигалось благодаря частичному использованию автомобильного бензина прямой гонки как компонента авиабензина. Крекинг-бензин также шел в авиабензины; иногда даже лигроиновые фракции использовались в качестве такого компонента. Могу достаточно точно судить об имевшихся запасах с 1940 г., когда я стал заместителем наркома нефтяной промышленности (с мая 1941 г. — первым заместителем начальника Главнефлесбыта при СНК СССР). К началу войны уже были накоплены нужные резервы для Красной Армии как на складах и базах Наркомата обороны СССР и Комитета государственных резервов, так и в других местах. Вспомним также, что война началась в конце июня, то есть перед началом в сельском хозяйстве уборочных работ. Это значит, что на базах МТС, в совхозах и колхозах тоже были созданы на лето и осень запасы горючего, предназначенные для машин, убирающих урожай. Вот почему в целом нефтяная промышленность работала тогда нормально, вплоть до августа 1941 г. не снижая темпов. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что имевшиеся резервы были вполне достаточными для обеспечения хода военных действий.

Однако это не снимало с повестки дня вопроса обеспечения фронтов горючим, так как обстановка оставалась весьма сложной: чрезвычайно быстро менялась ситуация на фронтах; армии отходили и эвакуировали горючее, а Главнефлесбыт и НКПС все еще отправляли навстречу новое горючее согласно мобилизационному плану. К тому же при отступлении много горючего было уничтожено вместе со взорванными складами и нефтебазами, а порою просто оставлено на складах и базах, так как не все успели уничтожить. По скромным подсчетам, эти потери составили примерно 500 тыс. тонн. Если приплюсовать горючее, эвакуированное в тыл, все это составит 4 — 5-месячную потребность первого года войны (если считать, что Красная Армия израсходовала за 1941 год около полутора млн. тонн). Кое-где имелись перебои с горючим, но только потому, что командиры частей и особенно соединений плохо учитывали его наличие, увлекаясь накоплением боеприпасов и продовольствия.

Первоначальное отсутствие строгого контроля над снабжением горючим, отгрузкой и обеспеченностью фронтов, очевидно, и заставило ГКО и Наркомат обороны

сменить руководство УСГКА. В начале декабря 1941 г. меня вызвал заместитель наркома обороны, начальник тыла Красной Армии генерал-лейтенант А. В. Хрулев и спросил, не буду ли я возражать, если меня призовут в армию на должность начальника Управления снабжения горючим Красной Армии. Естественно, ответ был прост: «Идет такая война, а вы еще спрашиваете моего согласия!» Товарищ Хрулев сказал далее, что вопрос уже согласован и что через несколько дней решение будет подготовлено и дано на подпись И. В. Сталину, так как мое назначение на должность первого заместителя начальника Главнефтебывта при Совнаркоме СССР было подписано им же и поэтому никто другой отменить его не может.

11 декабря было подписано это решение, а через несколько дней меня снова вызвал А. В. Хрулев и поставил в известность о присвоении мне звания военного инженера первого ранга. Через несколько дней, приняв военную присягу, я приступил к работе в УСГКА, начав ее с ознакомления с кадрами и структурой управления. Даже беглое знакомство убедило в том, что нужно перестраивать его отделы. Это привело меня опять к А. И. Микояну, с которым я работал с начала войны в оперативной группе Главнефтебывта, а до этого много раз встречался на заседаниях в СНК СССР как заместитель наркома. А. И. Микоян задал мне несколько вопросов о том, как я принял Управление, и затем подробно рассказал о том, что рекомендовал передать мне при подписании решения И. В. Сталин: «Скажите тов. Кормилицину, что, поскольку он занимался снабжением нефтепродуктами народного хозяйства, перестроиться на обеспечение Красной Армии ему будет легко, ведь он уже сидит на этом участке в Главнефтебывте» (записано со слов А. И. Микояна). Я попросил разрешить несколько вопросов: во-первых, позволить реорганизовать центральный аппарат УСГ по опыту Главнефтебывта, приспособив его к нуждам войны; во-вторых, позволить вернуть с фронта нескольких специалистов; в-третьих, сказать, кому я буду всегда докладывать о нуждах, просьбах и задачах Управления, так как в аппарате А. В. Хрулева не было тогда человека, который специально изучал бы вопросы снабжения армии горючим. А. И. Микоян тут же позвонил А. В. Хрулеву и попросил, чтобы мне была оказана помощь в реорганизации центрального аппарата. Третий вопрос решили следующим образом: я обо всем должен буду докладывать А. И. Микояну, от него получать задания и указания, а после принятия решения докладывать А. В. Хрулеву. В то время у последнего имелось в подчинении 12 или 13 управлений, так что сосредоточить в аппарате специалистов всех профилей за короткое время было невозможно. Когда же в штабе тыла появились специалисты по горючему, порядок докладов был изменен.

Получив указания А. И. Микояна, я приступил к работе. Откровенно говоря, вначале не раз сомневался, справлюсь ли, не будучи профессионально военным человеком, с таким большим делом, да еще в столь тяжелое время. Немалые надежды возлагал я на помощь со стороны коммунистов Управления: молодых инженеров, прибывших из военных академий, товарищей, которые пришли из Главнефтебывта, Наркомата нефтяной промышленности и Управления нефтеэкспорта, а также на партийный актив в самом УСГКА. И, как показала жизнь, не ошибся.

В реорганизации центрального аппарата УСГКА активное участие приняли партийная организация, комиссар А. В. Груздов, а также штаб тыла Красной Армии, главным образом его начальник генерал М. П. Миловский. Мы срочно приступили к формированию основных отделов Управления, которые решали успех работы. Начальником по обеспечению авиационным бензином был назначен интендант 1-го ранга М. В. Медведев; начальником по обеспечению автотракторным горючим — военный инженер 3-го ранга В. В. Никитин (ныне генерал-полковник ИТС); начальником планового отдела — майор интендантской службы М. Е. Пирятинский; начальником транспортного отдела — майор интендантской службы А. И. Вишневский; начальником по обеспечению внутренних округов — майор интендантской службы Н. И. Лаишев; начальником отдела кадров — майор Н. А. Смагин. Вот те товарищи, которые на протяжении всей войны честно и упорно работали, преодолевая все трудности и невзгоды и успешно выполняя свой долг.

В августе 1941 г. штаб тыла Красной Армии направил в УСГКА 200 человек среднего начсостава, прошедших месячную подготовку в Военно-хозяйственной академии, для использования их в качестве начальников транспортов с горючим. Начальник транспорта обязан был следить за бесперебойной доставкой транспорта

в полном составе на распределительную станцию фронта, извещать УСГКА о прохождении его на промежуточных узловых станциях, о потерях при бомбежках, не допускать отцепок в пути, проверять и обеспечивать противовоздушную оборону транспорта. Эти лица в первые месяцы войны сыграли важную роль. 12 апреля 1942 г. из общего плана перевозок нефтепродуктов Главнефлесбыта правительство выделило самостоятельный план перевозок УСГКА по железным дорогам и водным путям. В результате ход отгрузки горючего значительно улучшился. Так, в апреле 1942 г. план отгрузки для УСГКА был выполнен на 58%, в мае — на 97,2%, в июне — на 96,3%. Улучшили отгрузку кавказские наливные пункты, выполнив свой план в апреле на 59%, в мае — на 122,3%, в июне — на 100,3%. Успеху дела способствовало и то, что УСГКА организовало перевозки по водным путям, особенно по Волге.

Летом 1942 г. фашистские полчища начали новое крупное наступление на Украине, под Воронежем, на Дону и Северном Кавказе. С июля была прекращена отправка кавказских нефтепродуктов по железной дороге через Ростов-на-Дону, а затем и через Сальск — Сталинград. С кавказских пунктов теперь отгружали горючее только для Южного фронта, а общий план был передан волжским и уральским наливным пунктам. Одновременно железнодорожными вертушками был организован вывоз всех нефтепродуктов из Грозного и Краснодара на Махачкалу, а далее — морем на Астрахань. Из-за опасности нападения авиации противника уже в конце июля прекратили движение барж по Волге на всю летне-осеннюю навигацию 1942 года. Между тем основные ресурсы горючего находились тогда именно на Кавказе и в Закавказье. Вот когда сказалось отсутствие абсолютно полнокровной второй нефтяной базы на Востоке. Сохранился для вывоза горючего с Кавказа единственный путь — через Красноводск (или через совершенно новый, еще не оборудованный наливной пункт и морской порт Гурьев), а далее — круглым путем через Среднюю Азию, на Урал и Волгу. Такое удлинение пути к фронтам, к тому же по магистралям, перегруженным перевозками и не подготовленным к большому потоку грузов, сразу же отразилось на подаче фронтам горючего. Чрезмерная перегрузка железных дорог в тот период объясняется еще и тем, что продолжалась эвакуация грузов и промышленности на Восток страны, а навстречу, из Сибири и с Урала, сплошным потоком шли на фронт вооружение, техника и людские подкрепления для Красной Армии.

В очень трудных условиях оказались войска Ленинградского фронта, где горючего недоставало, а подвоз по железной дороге отсутствовал вследствие блокады Ленинграда. До закрытия навигации 1942 г. баржами по Ладожскому озеру успели перевезти 2 570 т горючего разных сортов. Затем, вплоть до прорыва блокады, Ленинград обеспечивался горючим только по ледовой «Дороге жизни», а также через трубопровод, проложенный по дну Ладожского озера. На железных дорогах Кавказа и Закавказья в то время большое количество цистерн вынужденно простаивало, тогда как в Средней Азии и в Европейской части СССР их не хватало. Приводим таблицу распределения налива горючего:

Пункты налива	Давали в % ко всему на- ливу (август 1942 г.)	Давали в % ко всему на- ливу (по окон- чании боев за Сталинград)
Кавказские	48	17
Волжские и камские . . .	38	34
Красноводск	8	21
Орск—Уфа	6	12
Гурьев	-	11
Хабаровск	-	5

Отсюда видно, что нормальный поток горючего из Баку, Махачкалы и Грозного через Ростов-на-Дону и даже через Сальск — Сталинград был фактически прерван. Грузы пошли через Красноводск, Ташкент, Кзыл-Орду, Актюбинск, Уральск и Саратов. Примерно таким же путем шло горючее из Гурьева. Протяженность пути нефтепродуктов стала большой, как никогда потом за всю войну. Удельный вес значения кавказ-

ских пунктов налива упал почти в три раза, Красноводска — увеличился в два с половиной раза, а вместе с удельным весом пункта в Гурьеве составил 32%. Этот период Великой Отечественной войны был для транспортировки горючего самым трудным. В то тяжелое время самоотверженно и героически трудились, выполняя свой патриотический долг, почти все специалисты службы снабжения горючим, работники наливных пунктов, железнодорожники Северокавказской и Закавказской железных дорог, моряки Каспийского пароходства. Приведем лишь один пример, в своем роде, пожалуй, единственный во всей мировой практике. Когда в Средней Азии не хватало железнодорожных цистерн, то их транспортировали туда морем. Для того времени это считалось просто подвигом. Из Баку или Махачкалы цистерны, спущенные без колес на воду и частично заполненные водой для лучшего равновесия, буксировали по Каспию в Красноводск или Гурьев. Тележки с колесами грузились на сухогрузные баржи либо буксирные пароходы и перевозились в эти же пункты. Там снова формировались железнодорожные составы, которые везли горючее на фронт.

В большой и чрезвычайно сложной работе, естественно, не все обходилось гладко. Часть цистерн опускали в море, не снимая их с тележек, прямо с колесами; только при этом в цистерны не наливали воду, так как балансом равновесия служили именно тележка и колеса. И в том и в другом случаях имелись потери во время буксировки по морю как при налетах вражеской авиации, так и при сильных волнах. Потери доходили до 8%.

По решению правительства были построены новые железнодорожные ветки, которые обеспечили оперативную перевозку горючего: Кизляр — Астрахань, Баскунчак — левый берег Волги, Батуми — Туапсе по берегу Черного моря, Саратов — Камышин — Сталинград. Но, найдя таким образом выход из создавшегося положения, мы столкнулись с другой трудностью: оказалось, что станция Красноводск не имела развитой сети подъездных путей и мы не смогли отправлять оттуда полновесные маршруты с горючим; не было также сооружения для промывки цистерн. Нам на помощь пришел начальник тыла Красной Армии, являвшийся одновременно наркомом путей сообщения, генерал-полковник Андрей Васильевич Хрулев. Тыл Красной Армии совместно с НКПС сумел оказать серьезное воздействие на работу народного хозяйства в сторону ее улучшения. Правда, пропускная способность Ашхабадской железной дороги была незначительной. Ветка от Красноводска на главное направление пролегла по такому заезду, что полновесные наливные маршруты невозможно было формировать. Один довольно большой участок железной дороги не обеспечивал нормальной скорости движения. Невыполнение планов отгрузки грозило катастрофой. Тогда разобрали малодейственный железнодорожный участок от Коканда до Намангана, что дало свыше 90 км недостающих рельсов и в тысячу с лишним раз больше шпал. ЦК КП Узбекистана использовал на работах несколько тысяч человек с верблюдами и ишаками. Быстро построили новые пути к морскому порту, 35 дополнительных разъездов, установку для промывки цистерн и прямой выход из Красноводска на главное железнодорожное направление. Одновременно оборудовали Гурьевский порт всем необходимым для налива и сетью подъездных путей.

В связи с удлинением маршрутов УСГКА организовало дополнительно к группе начальников транспортов группу контролеров-диспетчеров на узловых станциях. Однако и это не всегда обеспечивало должную сохранность цистерн, что тоже отражалось на темпах налива. Наиболее важную роль сыграл тогда Красноводск. Для УСГКА это было самое тяжелое время за всю войну. Поэтому не случайно как раз на данном участке постоянно находились ответственные работники, начальники соответствующих отделов и заместители начальника Управления. Автору этих строк тоже не один раз доводилось бывать там, ибо от упомянутого участка зависел успех всей работы. В Красноводске к тому же строился завод, эвакуированный из Туапсе; расширялась перевалочная нефтебаза. И в свою «бригаду» я всегда приглашал представителей Главнефтебывта и Наркомата нефтяной промышленности.

По требованию УСГКА Главнефтебывт выделил для хранения и перевалки авиационных бензинов и масел на волжских и камской нефтебазах резервуары, чтобы в навигацию 1942 г. вывезти по воде с Кавказа на Волгу, а затем переправить в указанный район как можно большее количество нефтепродуктов. Это давало возможность высвободить железнодорожные цистерны, столь нужные фронтовым дорогам, и

обеспечить нормальную доставку горючего по железной дороге фронтам, возместить израсходованное за зиму 1941—1942 г. горючее из государственного резерва и создать запасы в волжско-уральских районах. Для выполнения задачи в апреле 1942 г. по Каспийскому морю было вывезено нефтепродуктов 505,5 тыс. т, в том числе на Астрахань 436 тыс. тонн. Перемещение такого количества горючего с Кавказа в верховья Волги и Камы сыграло чрезвычайно важную роль в снабжении Красной Армии горючим позднее, когда развернулись бои у Моздока и под Сталинградом. Удельный вес перевозок в направлении на Астрахань со второй половины 1942 г. по март 1943 г. уменьшился почти в три раза, зато в направлении на Красноводск увеличился почти в четыре раза, а в направлении на Гурьев составил 18,4% от общего числа.

В октябре 1942 г. вражеская авиация стала бомбить наши караваны судов с горючим на Каспии. Перевозка усложнилась. Ее теперь осуществляли только ночью. Особенно тяжелыми были условия перевозки в порт Гурьева для перевалки на железную дорогу. В обычное время туда завозилось 5—8 тыс. т горючего в месяц, причем только для местных потребностей и в мелкотоннажных баржах; а в сентябре—декабре 1942 г. из Баку и Махачкалы туда было завезено для всех потребителей 326 тыс. т, в том числе за сентябрь—154 тыс. тонн. Емкость же резервуарного парка в Гурьеве была крайне незначительной. Поэтому почти весь груз до самого вывоза его по железной дороге оставался в баржах, эвакуированных из Астрахани. Из-за мелководья танкеры раньше подходили к Форту-Шевченко (Баутинская бухта на Каспийском море). А теперь прямо на рейде накачивались морские баржи. Они с неполной нагрузкой шли к устью реки Урал. Навстречу им выходили речные баржи, в которые перекачивалось около $\frac{1}{3}$ горючего. Частично разгруженные таким образом, танкеры доходили затем до Гурьевской нефтебазы, где горючее загружалось в железнодорожные цистерны и кружным путем отправлялось на фронт. Перевозка водным путем осложнялась также из-за острой нехватки барж, буксиров и танкеров. Большая часть имевшихся танкеров была занята перевозками на Красноводск. Верхние палубы танкеров использовались для эвакуации паровозов, оборудования, имущества и людей, а обратным рейсом на танкерах перевозились воинские подразделения, вооружение и боевая техника. Во время погрузки и перевозки в результате фашистских авиабомбардировок часто возникали пожары.

Для обеспечения Донского и Сталинградского фронтов необходимо было накопить в районе Астрахани к концу навигации 70 тыс. т горючего разных сортов. Каспийское пароходство и военпреды УСГКА с честью выполнили и это задание. На нефтебазу было завезено горючего больше намеченного количества. Отлично работал военный представитель инженер-подполковник С. И. Кочаров. Вот таблица выполнения плана:

Наименование горючего	Требовалось накопить горючего (в тыс. тонн)	Фактически накоплено (в тыс. тонн)
Высокооктановый бензин . .	9 900	13 100
Низкооктановый бензин . .	12 600	12 200
Автомобильный бензин . .	17 500	16 100
Керосин и лигроин	22 000	32 200
Дизельное топливо	7 000	7 700
Разные масла	1 000	3 100
Итого:	70 000	84 400

Ввиду исключительных трудностей в снабжении Красной Армии горючим в осенне-зимний период 1942/43 гг. разрешалось и рекомендовалось как временное мероприятие в случае отсутствия основных сортов горючего применять заменители для гусеничных и колесных наземных машин. Было разрешено применять заменители и в частях Военно-Воздушных Сил Красной Армии. В условиях боевой обстановки, при отсутствии основных сортов горючего, с разрешения командиров частей и соединений допус-

калось применять вместо автомобильного бензина смесь 50—75% автобензина с 50—25% лигроина или керосина (в зависимости от марки автомобиля), а также смесь лигроина с бензином КБ-70; вместо чистого бензина КБ-70 на ограниченное число часов работы двигателя допускалось использование автобензина. В ряде авиационных двигателей применяли бензин Б-74 вместо Б-78. Кроме того, в военных округах на самолетах, используемых для обучения летчиков, тоже применяли Б-74 вместо Б-78, а на самолетах По-2 (У-2) вместо Б-70 — автомобильный бензин прямой гонки.

Был поставлен вопрос о дальнейшей экономии горючего в войсках. Постановление ГКО обязало командующих войсками фронтов и военных округов, командующих воздушными и резервными армиями планировать свою работу, в том числе и боевые операции, исходя из установленных лимитов на расходы горючего. Специальные директивы по экономии горючего, особенно авиационного бензина, давались Ставкой Верховного Главнокомандования. Осуществление мероприятий по экономии, строгое соблюдение лимитной дисциплины позволяли планомерно маневрировать ресурсами и избегать перебоев в снабжении армии горючим. В ноябре 1942 г. и мае 1943 г., от начала нашего контрнаступления под Сталинградом и до последующего наступления на Среднем Дону, под Воронежем, на Кавказе, Центральном и Ленинградском фронтах, несмотря на все трудности, запасы горючего на фронтах, за исключением автомобильного бензина, не уменьшились и к началу указанных операций на этих участках составили:

Наименование нефтепродуктов	Количество заправок	
	на 1 ноября 1942 г.	на 1 мая 1943 г.
Высокооктановый авиабензин	5,8	6,1
Низкооктановый авиабензин	5,7	7,5
Автомобильный бензин	2,2	1,4
Танковое горючее	3,8	4,4

Напомним, что войска одного лишь Сталинградского фронта расходовали за сутки 230—270 т автобензина и 30—50 т танкового горючего. Мы были обязаны любой ценой обеспечить ход боевой операции, и работники службы снабжения горючим как в центре, так и на местах выполнили свой долг. В условиях тяжелой и сложной обстановки, сложившейся осенью 1942 г. под Сталинградом, на службу снабжения горючим были возложены серьезные задачи. Все железнодорожные и водные пути отрезаны. Немцы рвутся к Сталинграду. И вот дней за 10 до начала контрнаступления наших войск, когда все уже было подготовлено и ждали только команды, позвонил Г. К. Жуков, а затем он же прислал члену ГКО А. И. Микояну телеграмму о том, что после заправки танков на складе ОСГ пять или семь из них при движении к фронту сгорели на 15-м или 17-м километре. Это был первый такой случай за всю войну. При разборе оказалось, что танкисты заехали на медицинский склад и в попытках заправили танки вместо бензина спиртом, который разогрелся в моторах и, естественно, вспыхнул. Данный крайне досадный случай наделал столько шума, что аппарат УСГКА целых пять дней занимался проверкой дела, составлением рапортов и ответа Г. К. Жукову, чтобы объяснить суть происшедшего.

Когда битва за Сталинград шла еще на дальних подступах к городу, фронтовые склады горючего размещались в самом Сталинграде и возле него. После разделения фронтов на Сталинградский и Юго-Восточный снабжение последнего производилось через первый. Только в дальнейшем снабжение обоих этих фронтов, а также Юго-Западного стало производиться самостоятельно. Дело в том, что основные запасы горючего хранились на Сталинградской нефтебазе. Перед отделом снабжения встала задача эвакуировать часть запасов для их рассредоточения. Вывоз производился баржами в местный район, причем мы несли потери от авиабомбардировок. Склады фронта не имели тогда нужных емкостей для хранения нефтепродуктов и не обладали необходимым оборудованием, а потому новые склады были созданы на базе стационарных емкостей нефтебаз Главнефтебывта. Армейские склады горючего также были

недостаточно укомплектованы оборудованием и размещались на нефтебазах. К концу августа был развернут склад на одной из ближних станций. Он работал в неопишимо тяжелых условиях. Постоянно налетали фашистские самолеты. Прием и выдача горючего осуществлялись только ночью. Поэтому в порядке исключения склад был усилен двумя отделениями за счет других фронтовых складов. Личный его состав работал самоотверженно и с энтузиазмом. Вот один из случаев. При перекачке бензина из баржи в результате сильного налета авиации возник пожар. Среди разрывов бомб и под пулеметным обстрелом с воздуха личный состав сумел спасти 450 тонн авиабензина, выкачав его из баржи.

13 сентября противник подошел непосредственно к Сталинграду. К тому времени фронтовые и армейские тылы были расположены уже за Волгой. На правом ее берегу еще оставались отделения армейских складов горючего. Подача горючего в войска производилась водным и автомобильным транспортом Сталинградской нефтебазы Главнефлесбыта. В октябре дело на фронте осложнилось. Тем не менее, обеспеченность фронта была достаточной и составляла:

Наименование нефтепродуктов	В заправках	
	на 1 октября	на 16 октября
Высокооктановый авиабензин	2,3	6,1
Низкооктановый авиабензин	16,2	10,6
Автобензин	2,3	2,3
Дизельное топливо	1,9	1,7

Особенно тяжело было организовать снабжение горючим войск 62-й армии. Оно подавалось через Волгу, которая подвергалась беспрестанному артиллерийскому, минометному и пулеметному обстрелу и авиационному воздействию. Снабжение передовых частей этой армии горючим, как и другими материально-техническими средствами, было организовано, минуя дивизионное звено: непосредственно за боевыми порядками войск создали заправочные пункты, работавшие в ночное время. Горючее в таре размещалось в блиндажах. Для подачи горючего на заправочные пункты на правом берегу Волги, в 600 м от берега, развернули головное отделение армейского склада. На левом берегу, в 3—4 км от берега, разместили складское отделение. Усилиями начальника ОСГ 62-й армии подполковника А. И. Акимова была организована перевозка горючего в головное отделение через Волгу на баркасах, а позднее — просто на весельных лодках в ночное время. Запасы горючего и масел в отделениях поддерживались на уровне 3—5-суточной потребности. Перед службой снабжения горючим была поставлена задача: к 25 октября создать запасы в тех частях, к которым будет затруднен подвоз в связи с осенней распутицей, в объеме 4—5 заправок; в частях ВВС создать запасы авиагорючего на 15 дней; к 15 октября подготовить все средства подвоза горючего и обеспечить потребность войск в таре; выявить и подготовить к приему горючего все склады и нефтебазы, произведя необходимый ремонт; усилить борьбу за экономию горючего и масел.

Как известно, 19 ноября 1942 г. началось наше контрнаступление под Сталинградом с целью окружения и уничтожения вражеской группировки. К тому времени обеспеченность горючим всех войск под Сталинградом составляла:

Наименование нефтепродуктов	Вес заправки в тоннах	Наличие заправок
Высокооктановый авиабензин	197	18,7
Авиабензины Б-70 и КБ-70	114	16,8
Автобензин	965	4,5
Дизельное топливо	278	10,2

Столь высокая обеспеченность горючим тоже позволила успешно решить организацию бесперебойного наступления войск и окружения противника в ходе операции. С учетом подвоза в процессе боев к концу операции образовались даже значительные запасы горючего. За счет этих запасов производилось затем обеспечение нашего наступления. Запасы рассредоточили. Это вызвало напряженную работу транспорта и средств перекачки, укомплектованность которыми у войск и у складов фронта была невысокой. Наблюдались также простои железнодорожных цистерн под сливом. Между тем, особенность наступательной операции наших войск, состоявшая в глубоком обходном маневре и боях с группами противника в его тылу, приводила к затруднениям при получении сведений об обеспеченности отдельных частей и соединений. Это потребовало от службы снабжения горючим особой гибкости и четкости контроля за доставкой всего необходимого войскам. Пришлось прибегнуть к транспортировке горючего по воздуху. Помогло то, что еще перед началом операции был проведен инструктаж войск и работников органов довольствия. На аэродромах затарили горючее для сбрасывания его войскам по их сигналам с земли.

Поскольку доставка горючего автотранспортом оказалась в тех условиях трудной и опасной задачей ввиду быстро меняющейся обстановки и наличия остатков войск противника в нашем тылу, — во главе колонн с горючим ставились самые опытные офицеры отдела снабжения или специально командированные лица из УСГКА, умевшие самостоятельно принимать на месте решения об изменении маршрута движения колонны в соответствии с обстановкой. На основных направлениях создали оперативные группы для непосредственного руководства обеспечением войск. В них вошли и представители отдела снабжения горючим фронта или офицеры, командированные непосредственно из УСГКА. В распоряжении каждой группы находился подвижной резерв горючего (пять-шесть автоцистерн). В ходе операции удалось осуществить также взаимодействие служб снабжения горючим двух фронтов — Сталинградского и Донского. С особыми трудностями была сопряжена подача горючего с левого берега Волги на правый. Подвоз туда мог быть осуществлен только автомобильным транспортом. Фронтowej батальон подвоза горючего и приданные ему отдельные роты не могли сами справиться с делом. Поэтому им в помощь были созданы автоколонны за счет войскового автотранспорта. В целом войска наступавших фронтов снабжались горючим бесперебойно. На 1 декабря 1942 г. их обеспеченность была такова:

Виды топлива	Сталинградский фронт		Донской фронт	
	Вес заправок в тоннах	Количество заправок	Вес заправок в тоннах	Количество заправок
Высокооктановый авиабензин	197	17,3	109	10,0
Авиабензины Б-70 и КБ-70	114	20,9	133	9,0
Автобензин	935	3,2	1 000	3,4
Дизельное топливо	270	10,6	135	3,4

Примерно столько же горючего было и на Юго-Западном фронте. Несмотря на рост на фронтах количества танков, автомобилей и самолетов в последней декаде ноября, наличие горючего в заправках осталось почти таким же, как в середине месяца. В декабре 1942 г. — мае 1943 г. началась подготовка к последующим наступательным операциям в районе среднего течения Дона, под Воронежем, на Кавказе, Центральном и Ленинградском фронтах. Горючее и здесь оказалось на своем месте. Но вот в конце мая — июне развернулась вплотную подготовка к грандиозному контрнаступлению на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Речь шла о снабжении горючим 3 600 танков, 3 100 самолетов, массы автомашин и т. д. Для службы снабжения горючим этот новый период работы принес и новые трудности. Запасы для

фронтов следовало распределить в зависимости от количества войск и техники на каждом из фронтов — Западном, Брянском, Центральном, Воронежском, Юго-Западном и Степном. Мы вынуждены были обратиться к члену ГКО А. И. Микояну с просьбой разрешить нам перебросить с Дальнего Востока 100 тыс. т авиабензина из хранящегося там резерва. После детальной проверки наших остатков горючего и объема резервов авиационного бензина на Востоке А. И. Микоян дал согласие, но заявил, что решить этот вопрос может только И. В. Сталин.

Дней через пять мне позвонил А. В. Хрулев. Он приказал подготовить справку для Верховного Главнокомандующего и продумать доклад на заседании ГКО о резервах авиабензина с тем, чтобы вопрос о переброске с Дальнего Востока в районы готовящихся операций был разрешен Ставкой. Когда мы вошли в зал, заседание уже началось. И. В. Сталин ходил по кабинету, держа в руках телеграмму на нескольких страницах, и читал ее. За столом сидело человек 20 военных, 10 штатских (директора танковых и артиллерийских заводов) и члены Государственного Комитета Обороны. Попросив нас сесть, И. В. Сталин продолжал читать телеграмму и тут же комментировал ее. Эту телеграмму прислал с фронта старший лейтенант — танкист. У него было подбито два танка. Сейчас он получил третий и просит Верховного Главнокомандующего приказать танкостроителям и артиллеристам устранить отдельные недостатки, которые имеет хороший танк Т-34; тогда танк будет прекрасный, на нем можно будет отлично громить врага. И. В. Сталин приказал Я. Н. Федоренко (Командующий бронетанковыми и механизированными войсками КА) и Н. Н. Воронову (Начальник артиллерии КА) детально разобрать этот вопрос с директорами заводов и даже составить проект ответа танкисту. Затем слово предоставили А. В. Хрулеву, а последний передал его мне. Я докладывал в течение 10 минут. И. В. Сталин подошел к столу, взял сводку, переданную ему А. И. Микояном, прервал меня и спросил, верна ли сводка. Судя по ней, дела обстоят не так плохо, как я докладывал. Отвечаю: все верно, но сведения отражают размещение горючего на многих складах. Подать же на фронт целый маршрут мы не можем ни с одного склада; нужно собирать горючее с трех-четырех, а то и с пяти складов, чтобы набрать маршруты. В течение нескольких дней мы разбирали этот вопрос с А. И. Микояном и просим разрешить нам взять 100 тыс. т бензина с Дальнего Востока, так как по решению Ставки сроки подачи горючего на Курскую дугу очень короткие. И. В. Сталин ответил (я записал): «Думаю, что после разгрома немцев под Сталинградом ни японцы, ни турки не начнут против нас военных действий. Судя по данным, которые нам докладывают, на Востоке вполне достаточно авиационных бензинов. Полагаю, что надо разрешить взять 100 тысяч тонн, обязав товарища Хрулева и ВОСО быстро организовать переброску маршрутов с бензином, дав им зеленую улицу. Если у членов ГКО нет других предложений, товарищ Кормилицин свободен». Уже через 30 минут я получил решение ГКО и приступил к его реализации. А вскоре дальневосточное горючее заработало в моторах наших самолетов и танков, громивших врага на Курской дуге.

Это была гигантская битва, в которой принимали непосредственное участие шесть наших фронтов. Глубина операции к моменту ее завершения достигала 600 километров, а темпы продвижения советских войск — 20—30 километров в сутки. В битве участвовали со стороны Советских Вооруженных Сил 6 воздушных армий (свыше 3 000 самолетов). Средняя оперативная плотность на 1 километр фронта на участках прорыва колебалась по танкам от 18 до 70 боемашин, по артиллерии — от 105 до 230 стволов. Отсюда ясно, как много горючего требовалось там нашим войскам. Материальное обеспечение Орловско-Курской операции готовилось заранее. Служба снабжения горючим обязывалась довести запасы на фронтах: высокооктанового авиационного горючего — до 20 заправок, танкового — до 15 заправок. Хотя в решении ничего не говорилось об автобензине, но УСГКА для себя сделало выводы и приняло обязательство довести запасы по автобензину до 10 заправок в войсках Западного, Центрального, Воронежского, Брянского, Степного и Юго-Западного фронтов. Подвоз горючего производился в условиях активного воздействия со стороны авиации противника по коммуникациям. В целях сокращения потерь материальных средств командованиям фронтов было дано указание: запретить включать в состав железнодорожных транспортов более 10 большегрузных

цистерн с горючим; не отгружать в одном транспорте горючее и боеприпасы; обеспечить прикрытие транспортов истребительной авиацией; подавать транспорты под разгрузку только ночью; слив транспорта с горючим производить за 2—3 часа.

Большое внимание уделялось сохранению запасов горючего в войсках и на складах путем маскировки складов, причем полевые армейские базы находились на расстоянии 120—150 км от границ войскового тыла, а их отделения — в 25—40 км от дивизионных обменных пунктов. Во избежание перебоев в снабжении войск передислокация складов горючего производилась последовательно (перекатами), путем усиления отделений, которые затем становились основными складами, а остатки складов на прежних местах дислокации превращались, наоборот, в отделения, которые позднее выдвигались вперед в качестве головных. Всего к началу Орловско-Курской операции службы снабжения горючим имели: по высокооктановым авиабензинам — 13,8 заправки, по низкооктановому и танковым бензинам — 22,2, по дизельному топливу — 15,5. Когда на некоторых фронтах получились перебои с подачей автобензина, было разрешено смешать авиабензин КБ-70 с керосином и использовать смесь в качестве заменителя автобензина. Иногда разрешали использовать вместо автобензина лигроин или другие смеси в зависимости от марки машин.

Приведу несколько фамилий тех товарищей из руководящего состава центрального аппарата УСГКА и ОСГ фронтов и армий, которые особенно отличились в 1942—1943 гг.: А. И. Кондратьев, И. Б. Игрицкий, А. Г. Ковырзин, П. В. Томилин, В. В. Никитин, И. Д. Гордеев, В. Я. Сеницин, В. И. Левченко, А. И. Алексеев, И. З. Губский, Д. Я. Андреев, К. Ф. Анисимов, И. М. Михайлов, Ф. Ф. Бродов, Н. И. Ледовский, Е. А. Турчанинов, М. Е. Пирятинский, А. И. Вишневский, М. В. Медведев. Можно было бы назвать еще сотни фамилий.

Служба снабжения горючим является одной из ведущих служб тыла, от которой зависит все боевое обеспечение фронта. Для иллюстрации приведу здесь такую выдержку из телеграммы Военного совета Первого Белорусского фронта (зима 1945 года): «Верховному Главнокомандующему, Маршалу Советского Союза тов. Сталину. Войска фронта за 10 дней стремительной наступательной операции вышли на линию Бромберг — Познань — Яроцин, покрыв расстояние по дорогам 350—400 километров... Автотранспорт непрерывным кругооборотом обеспечивал подтягивание всего необходимого для текущей потребности. Этим в значительной мере и объясняется сегодняшняя готовность войск к дальнейшим наступательным действиям на глубину 250—300 километров. Лимитирующим фактором является автобензин: расход его за 10 суток операции составил 14 500 тонн, в среднем в сутки 1 455 тонн, то есть 0,3 фронтовой заправки. Последние дни суточный расход возрос до 2 500 тонн, так как войска оторвались от баз на 400 километров и весь подвоз осуществляется автотранспортом. Фронт принимает решительные меры к сокращению расхода автобензина и прежде всего быстрейшему вводу в действие железных дорог. Военный совет фронта считает, что к началу третьего этапа операции фронт должен иметь запасов автобензина три заправки, или 14 600 тонн... По состоянию на 23 января 1945 года фронт имеет автобензина 11 178 тонн, или 2,4 фронтовой заправки, включая наличие в баках машин. До 1 февраля фронту подается 12 012 тонн, а всего будет иметь 23 960 тонн. За период с 23 января до 1 февраля будет израсходовано ориентировочно 13 500 тонн, остается в наличии на 1 февраля 10 190 тонн, то есть 2,1 заправки вместе с наличием в баках машин. По существу, это означает замедленное движение вперед. Чтобы к 1 февраля было 3 заправки, требуется подать фронту дополнительно 4 400 тонн с получением на Р. С. фронта обязательно к 1 февраля. Последующий расход при проведении третьего этапа операции нами планируется на 20 суток в 35 000 тонн при среднесуточном расходе в 1 750 тонн, или 0,36 заправки. Подачу 35 000 тонн просим спланировать: на первую декаду — 20 000 тонн, на вторую декаду — 15 000 тонн. Тогда фронт выйдет к Берлину с тремя заправками. Жуков, Телегин»¹. Вот что такое обеспечение фронтовой операции горючим.

¹ Архив МО, ф. 233, оп. 2313, д. 74.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

«НЕМЕЦКИЙ» УКАЗ Е. И. ПУГАЧЕВА

Р. В. Овчинников

В конце января 1833 г. Пушкин внес в рабочую тетрадь план исторической повести о дворянине-пугачевце Шванвиче¹. Вскоре поэт-историк приступил к осуществлению параллельного творческого замысла — созданию научной монографии «История Пугачева»². Работая одновременно над обоими произведениями, Пушкин просмотрел русскую и зарубежную литературу о Пугачевском восстании, изучил архивные документы Военной коллегии (в их числе были подлинные манифесты и указы Пугачева, выступавшего под именем «императора Петра III»), собрал мемуарные источники, записал народные песни и предания о Пугачеве, воспоминания современников Крестьянской войны 1773—1775 гг.³

Конспектируя текст журнала Оренбургской губернской канцелярии («Журнал Рейнсдорпа»), полученный вместе с другими документами в конце марта 1833 г. из архива Военного министерства⁴, Пушкин внес в «архивную тетрадь» запись о бумагах, подброшенных казаками-пугачевцами под стены осажденного Оренбурга при сражении 20 декабря 1773 г.: «При сем передано 3 соблазнительные листа, один на росс [ийском], другой на нем [ецком] языке, а 3-й самим вором Пугачевым намаранной⁵ и не изъясляющий никаких литер»⁶. Позднее, просматривая и конспектируя хронику П. И. Рычкова «Осада Оренбурга», полученную от Г. И. Спасского в июле 1833 г.⁷, Пушкин вновь встретил сообщение о подброшенных к стенам Оренбурга трех пугачевских воззваниях: «Городские казаки имели с некоторыми наездниками их (пугачевцев.— Р. О.) переговоры, при котором передали они злодеевы три письма, из коих, как слышно было, одно на русском языке,— указ к губернатору, но самым глупым стилем о сдаче города писанное, другое — на немецком языке, но самый худой перевод из того указа, третье — ничего не значущее, но в одних только черточках (наподобие того, как незнающие грамоте дети иногда пишут) состоящее, и такими ж пустыми чертами не в одном месте подписанное письмо, видно, самим злодеем, как незнающим грамоте, для обмана находящихся при нем простаков писанное, в том виде, якобы он знает грамоте и сам от себя партикулярно к губернатору писал»⁸.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М.—Л. 1948, стр. 929.

² А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси. 1963.

³ Г. П. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л. 1949; Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». — «Пушкин. Исследования и материалы». Т. III. М.—Л. 1960; его же. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — «Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей всесоюзной пушкинской конференции». М.—Л. 1953; Р. В. Овчинников. Пугачевские бумаги в архивных тетрадях Пушкина. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М. 1963; его же. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева (автореферат диссертации). М. 1965; А. И. Чхеидзе. Указ. соч.

⁴ Письмо военного министра А. И. Чернышева А. С. Пушкину от 29 марта 1833 г. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XV. М.—Л. 1948, стр. 57.

⁵ Имеется в виду автограф неграмотного Пугачева. Он был воспроизведен Пушкиным в приложении к «Истории Пугачева» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. I. М.—Л. 1938, стр. 158). См. Р. В. Овчинников. Автографы Пугачева. «Вопросы архивоведения», 1960, № 6, стр. 56—69.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2, стр. 527.

⁷ Там же. Т. XV, стр. 68.

⁸ Там же. Т. IX, ч. I, стр. 276.

Пушкин, как известно, фиксировал в «архивных тетрадах» все наиболее примечательные повстанческие документы⁹. Поэт-историк не мог пройти и мимо приведенных выше сообщений о трех уникальных документах из Пугачевского штаба: автографа самого Пугачева, его именного указа к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу и дубликата этого указа на немецком языке. Последний документ имел для Пушкина наибольший интерес и прежде всего потому, что он свидетельствовал о наличии в ближайшем окружении Пугачева хорошо образованного человека, свободно владевшего немецким языком. Такого человека Пугачев не мог найти ни среди яицких казаков, ни среди заводских крестьян, из которых вышли виднейшие деятели восстания. Судя по всему, составителем «немецкого» указа мог быть только дворянин, вольно или невольно оказавшийся во враждебной ему среде пугачевцев. Именно эти наблюдения и могли привлечь внимание Пушкина, который обдумывал сюжет исторического произведения о дворянине-пугачевце, реализованный позднее в повести «Капитанская дочка».

Но кто же конкретно был составителем «немецкого» указа Пугачева? Ответ на этот вопрос нашел сам Пушкин в беседе с неким Н. Свечиным, встретившись с ним, по нашему предположению, в Петербурге в начале августа 1833 года¹⁰. Сохранилась пушкинская запись рассказа Н. Свечина, в которой сообщается: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича. Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштадтским комендантом, после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина.— Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре.— Играя со Свечиным в ломбер, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат он был на немке. Сын его старший недавно умер»¹¹.

Пушкинисты многое сделали для изучения биографии невольного пугачевца М. А. Шванвича и его родственников, для установления личности пушкинского информатора Н. Свечина¹², но оставили без внимания начальную фразу рассказа Н. Свечина: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича». Как это ни странно, но сообщение о «немецких» указах Пугачева не вызвало особого интереса у историков-исследователей Пугачевского восстания: в фундаментальной монографии Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (СПб. 1884) и во втором томе коллективного исследования советских историков «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева» (Л. 1966) можно встретить лишь крайне скудные упоминания об этих уникальных источниках, не были они напечатаны и в наиболее полной публикации повстанческих документов — сборнике «Пугачевщина». Т. 1 (М.—Л. 1926). Судя по всему, и пуш-

⁹ См. Р. В. Овчинников. Пугачевские бумаги в архивных тетрадах А. С. Пушкина. «Археографический ежегодник за 1962 год». М. 1963.

¹⁰ Основанием для нашей датировки встречи Пушкина с Н. Свечиным служит пушкинская запись рассказа Н. Свечина, сделанная на бумаге, которой Пушкин стал пользоваться с августа 1833 г. (см. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.—Л. 1937, стр. 137, ср. стр. 101, 127, 226, 322).

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940, стр. 498. Позднее Пушкин записал и другие рассказы об А. М. Шванвиче, отце офицера-пугачевца М. А. Шванвича, используя их в «Замечаниях о бунте», поданных Николаю I в январе 1835 г. при поднесении экземпляра «Истории Пугачевского бунта» (см. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1. М.—Л. 1938, стр. 479—480). Осенью 1835 г. Пушкину попала рукопись записок оренбургского священника И. Полянского (из «Пугачевского» портфеля» Г. Ф. Миллера, хранящегося в Московском главном архиве МИД), в которой он нашел следующее сообщение о М. А. Шванвиче: «Шванович ему, Емельке, верно служил, так что не только русские, но и немецкие в Оренбург присылал на Емелькино имя с большим титулом письма и манифесты варварские» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2, стр. 594. См. также Р. В. Овчинников. О разысканиях «Пугачевского портфеля» Г. Ф. Миллера. «Исторический архив», 1962, № 5). В записках полковника М. Н. Пекарского, оказавшихся у Пушкина в 1836 г., сообщалось о том, что М. А. Шванвич был письмоводителем у Пугачева (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940, стр. 606).

¹² Г. П. Блок. Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи). «Звезда». 1940, №№ 10, 11; Н. И. Фокин. К истории создания «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. «Ученые записки» Уральского педагогического института имени А. С. Пушкина. Т. IV, вып. 3. Уральск. 1957; Д. П. Якубович. «Капитанская дочка» и романы Вальтер-Скотта. «Временник Пушкинской комиссии». Кн. 4—5. М. 1939; Е. Н. Купреянова. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л. 1947; Н. И. Черняев. «Капитанская дочка» Пушкина. Историко-критический этюд. М. 1897.

кинисты и историки либо не смогли обнаружить этих документов в архивах, либо, не предпринимая специальных розысков (что ближе к истине), попросту не заметили их среди многих других архивных бумаг.

А сохранились ли вообще «немецкие» указы Пугачева в архивах? И мог ли встретить их Пушкин, собирая в архивах материалы для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки»? Для ответа на эти вопросы необходимо было пройти по следам архивных розысканий Пушкина, пересмотреть побывавшие в его руках документы, обратиться и к другим материалам, к которым поэт-историк не смог получить доступа в условиях николаевского времени.

Розыски привели нас в Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА). Здесь хранятся десять огромных книг-фолиантов с документами делопроизводства Секретной экспедиции Военной коллегии по подавлению Пугачевского восстания. Известно, что все десять книг более двух с половиной лет находились на квартире Пушкина (с марта 1833 г. по ноябрь 1835 г.)¹³ и он сделал в своих «архивных тетрадах» большое число копий, выписок и конспектов с документов этих книг¹⁴. В четвертой «пугачевской» книге находится подлинный «Журнал Рейнсдорпа» и в нем — архивный источник, из которого Пушкин сделал конспективную запись о трех пугачевских бумагах, подброшенных 20 декабря 1773 г. казаками-повстанцами под стены осажденного Оренбурга: «При сем сражении и при переговорке здешних легких войск передано от злодея 3 соблазнительные листа, из коих первой на российском, другой на немецком диалекте, а третьей, видно, самим им, вором Пугачевым, для уверения находящихся в толпе его намеранной и не изъявляющей никаких литер»¹⁵. Далее в этой же записи сообщается, что все три пугачевские бумаги «в оригинале под № 2-м при сем приобщаются». И действительно, в приложениях к «Журналу Рейнсдорпа» под № 2 даны: именной указ Пугачева («императора Петра III») к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г., «немецкий» указ аналогичного содержания и, наконец, автограф Пугачева. Пушкин не мог не отметить эти документы. Указ от 17 декабря 1773 г. он полностью скопировал на отдельном листе и сохранил его в своем собрании бумаг по Пугачевскому восстанию¹⁶, но по условиям времени не смог опубликовать в «Истории Пугачева». Автограф Пугачева он воспроизвел (часть текста) в приложениях к своей монографии с пояснением: «Подпись под указами Самозванца»¹⁷, а в «Капитанской дочке» упомянул о нем, назвав пропуск Гринев, «подписанный каракульками Пугачева»¹⁸. Надо полагать, что Пушкин не оставил без внимания и «немецкий» указ Пугачева, но, к сожалению, в рукописном наследии поэта-историка не сохранилось каких-либо следов этого документа.

Обнаруженный нами «немецкий» указ Пугачева является, видимо, единственным воззванием на немецком языке, написанным рукой Шванвича; других «немецких» указов Пугачева разыскать не удалось, да вряд ли они и существовали. По показаниям самого Шванвича на допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии известно, что «немецкий» указ был составлен им по поручению Пугачева по русскому оригиналу знаменитого пугачевского манифеста, начинавшегося словами: «Небезызвестно есть каждому верноподданному...». Текст этого манифеста был полностью повторен и в указе 17 декабря 1773 г. оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу; этот указ и использовал Шванвич, переводя его на немецкий язык. Шванвич рассказал на до-

¹³ См. письма военного министра графа А. И. Чернышева А. С. Пушкину от 25 февраля и 29 марта 1833 года (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XV. М.—Л. 1948, стр. 51, 57) и письмо А. С. Пушкина к генералу графу П. А. Клейнмихелю от 19 ноября 1835 г. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XVI. М.—Л. 1949, стр. 63); см. также Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». «Пушкин. Исследования и материалы». Т. III. М.—Л. 1960, стр. 442—445.

¹⁴ Пушкинские «архивные тетради» опубликованы в кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии), дела о Пугачеве, кн. 4, л. 13.

¹⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940, стр. 687—688 (оригинал хранится в Пушкинском Доме, отдел рукописей, ф. 244, оп. 1, № 382).

¹⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1, стр. 158.

¹⁸ Там же. Т. VIII, стр. 358.

просе, при каких обстоятельствах был написан им «немецкий» указ: «Прислал Пугачев казака, чтоб я шел в канцелярию. А как пришел, то секретарь злодея Горшков сказал: «До тебя есть дело», и, вынув указ, тот, в котором в заглавии написано «Небезызвестно есть каждому» говорил: «Батюшка-государь Петр Федорович велел тебе перевести оный указ на немецкий язык», который я и перевел»¹⁹. Эти же данные подтвердили своими показаниями Пугачев на допросе в Москве 4—14 ноября 1774 г.²⁰ и секретари повстанческой Военной коллегии М. Д. Горшков и И. Я. Почиталин на допросе в Оренбургской секретной комиссии 8 мая 1774 г.²¹.

Приводим текст «немецкого» указа Пугачева и русский текст оригинала — пугачевский указ оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 года. В сноске дается современный русский перевод с рукописи Шванвича*.

«Немецкий» указ Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу.

18—19 декабря 1773 г.

An unsern Gouwernant Reinsdorff.

Ein jeder Unser treuer Unterthan weiss, das wie Wir von booshaften Leuten und von Neidhart, allrussischen und nach allen Rechten Uns gehörten Tron, verlohren haben. Aber anjetzo der allmächtiger Gott nach seiner Gerechten Schicksal, und in dem die herzlliche zu ihm Gebehten von Unseren treuen Unterthanen, hörete, Unser Sküpetr uns wieder gebet, und die Missthäter, die voll Neidhart sind, Unseren Monarschen Füßen unterwirft. Aber auch jetzo seynd etliche, die sich nicht bekennen, und aus Finsterniss der Neidhart nicht auskommen wollen, und Unserer hohen Macht sich widerstehen, und dabei unsere blümende Nhamen, so als wie ehemum umstürzten und Unsere Unterthanen, die rechte Söhne des Vaterlandes, so als wie die junigen Knaben zu Waisen bringen wollen, allein Wir, nach Unserer gebürtigen zu treuen Unterthanen Hochmuth und Liebe, wer auch, anjetzo aus Irrthum der

Именной указ Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу.

17 декабря 1773 г.

Указ нашему губернатору Рейнсдорпу.

Небезызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом не от доброжелателей и зависцов общего покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были. А ныне всемогущий господь бог неизреченными своими праведными судьбами, а молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов, скипетру нашему покоряет, а зависцов общему покою и благодатию под ноги наша подвергает. Только и ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство, и высокой власти нашей чинят противление и непокорение, и тщатся процветшаяся имя наша таким же образом, как и прежде, угасить, и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев осиротить. Однако мы, по природному нашему к верноподданному отеческому и неизреченному велико-

¹⁹ «Пугачевщина». Т. III. Из следственных материалов и официальной переписки. М.—Л. 1931, стр. 212.

²⁰ «Красный архив», 1935, № 2—3 (69—70), стр. 202; см. также показания Пугачева на допросе в Яицком городке 16 сентября 1774 г. («Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 117) и его показания на допросе в Симбирске 2—6 октября 1774 г. («Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 114).

²¹ «Пугачевщина». Т. II. Из следственных материалов и официальной переписки. М.—Л. 1929, стр. 111; ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, лл. 92—93.

* Современный перевод: Нашему губернатору Рейнсдорпу.

Каждый наш верноподданный знает, каким образом злобные люди и недоброжелатели лишили нас по всем правам принадлежащего нам всероссийского престола. Но ныне всемогущий бог своими праведными судьбами и, услышав сердечные к нему молитвы, снова преклоняет к нашему престолу наших верноподданных, а злодеев, исполненных недоброжелательства, повергнет к нашим ногам. Однако и ныне есть такие люди, которые, не желая признавать нас, не хотят выйти из мрака недоброжелательства и сопротивляются нашей высокой власти, и при этом стремятся, как и прежде, ниспровергнуть наше блистательное имя, и наших подданных, верных сынов отечества, хотят сделать сиротами. Однако мы, по природной нашей склонности и любви к тем верноподданным, которые ныне, оставя заблуждение и злобу, будут чистосердечно и верноподданнически служить нашей высокой власти, будем милостиво отмечать и жаловать отеческой вольностью. А если кто не пожелает нас признавать, и впредь будет оставаться в прежнем недоброжелательстве и озлоблении, то таковые отступники, по данной нам от создателя высокой власти и силе, испытают на себе наш справедливый и неизбежный гнев. Обо всем этом и сообщается от нас во всеобщее сведение, дабы важность этого осознал каждый наш верноподданный.

Декабрь 1773 года.

Boosheit wieder auskommen, und Unserer hohen Macht herzlich gehorhen, und treuunterthänigst dienen wird, den junigen Gnädigst verzeihen; und über das väterliche Freyheit versprechen. Und wenn wer das nicht annehmen will, und noch in solcher Missthat und Boosheit verbleiben wird; und von allmächtigen Schöpfer Uns gegebener hohen Macht und Gewalt nicht gehorchen wird, so werden die jenigen Unsern gerechten und wurcklichen Zorn an sich fühlen. Und darum ist das von Uns in ganze Public geschicht, in dem sich ein jeder treuer Unterthan wesendlich bekennt.

Anno 1773 Decembre dato ²².

душию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покорится и во всеподданнической должности быть повиниться, всемилостивейше прощаем; сверх того, всякою вольностию отеческой вас жалуем. А буде же и за сим в таком же ожесточении и суровости останется, и данной нам от создателя высококой власти не покорится, то уже неминуемо навлечети на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнения, а всенародно истинного познания сим и публикуется.

Декабря 17 числа 1773 года.

Petr ²³.

Как видно из приведенных текстов, Шванвич превосходно знал немецкий язык. Об этом свидетельствует устойчивая графика старонемецкого готического письма, стиль и содержание самого указа, довольно верно, хотя и не дословно сохранившие основные особенности оригинала, его смысл и дух. Все это и позволяет нам отвергнуть неверное суждение П. И. Рычкова (основанное, кстати говоря, на слухах) о том, что «немецкий» указ представляет собой «самый худой перевод» с русского текста указа Пугачева ²⁴.

Источники позволяют вполне точно датировать «немецкий» указ. Имеются два отправных момента для датировки этого документа: 1) 17 декабря 1773 г. — дата указа Пугачева (на русском языке) и 2) 20 декабря 1773 г. — день, когда три пугачевских бумаги были подброшены к стенам Оренбурга. Исходя из этих данных, «немецкий» указ (представляющий собой перевод с русского оригинала указа 17 декабря 1773 г.) мог быть написан Шванвичем не ранее 17 декабря и не позднее 20 декабря 1773 г., а более точно его можно датировать 18—19 декабря 1773 года.

В своих показаниях на допросе в Тайной экспедиции Сената 4—14 ноября 1774 г. Пугачев подробно осветил обстоятельства составления «немецкого» указа и отправки его в осажденный повстанцами Оренбург: «В одно время, и имянно, в Рождество Христово, увидя Шваныча, — вспоминал Пугачев, — говорил же он (Пугачев): «Ну, Шванович, напиши по-немецки к оренбурхскому губернатору, чтоб он принял меня в город с шестию и драться бы перестал». Шваныч письмо написал. Он, посмотря ево, сказал: «Хорошо», — и тот час то письмо отдал казаку Ивану Солодовникову и приказал отвести оное в город. Солодовников, взяв письмо, повез, и потом, возвратясь назад, сказал ему, што письмо, подвесши к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел он, что высланный из города казак то письмо взял и поскакал в город. Но он, Емелька, на то письмо из города в ответ ничего не получал» ²⁵.

Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, получив три пугачевских бумаги (в том числе и «немецкий» указ), отправил их при своем рапорте от 24 декабря 1773 г. в Петербург в Военную коллегия ²⁶. Видимо, уже в начале января 1774 г. президент Коллегии граф З. Г. Чернышев на очередной аудиенции в Зимнем дворце доложил императрице Екатерине II полученные из Оренбурга бумаги. Появление из лагеря повстанцев документа на немецком языке всерьез обеспокоило императрицу. Она и раньше считала, что стихийное восстание народа было инспирировано либо агентурой иностранных государств, либо оппозиционными деятелями из высшего дворянства. Несомненно, что «немецкий» указ Пугачева мог только утвердить ошибочные предположения Екатерины II относительно истинных инициаторов восстания. Императрица была кровно заинтересована в установлении личности человека, писавшего для Пугачева указ на немецком языке. В наказе чиновникам секретной комиссии, отправленном в апреле 1774 г. для производства следствия, суда и расправы над повстанцами, захваченными в плен под Оренбургом, Екатерина II писала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого

²² ЦГВИА, ф. 20. Дела о Пугачеве, кн. 4, л. 18.

²³ Там же, л. 17.

²⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1, стр. 276.

²⁵ «Красный архив». 1935, № 2—3 (68—70), стр. 202—203.

²⁶ ЦГВИА, ф. 20. Дела о Пугачеве, кн. 4, л. 1.

письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужестранцев, и не смотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине»²⁷.

Прибыв в начале мая 1774 г. в Оренбург, месяц назад освобожденный от блокады войсками князя П. М. Голицына, секретная комиссия сосредоточила главное внимание на расследовании дел ближайших сподвижников Пугачева (М. Г. Шигаев, И. Я. Почиталин, М. Д. Горшков, Т. И. Подуров, А. Т. Соколов-Хлопуша и др.), в их числе был и пленный подпоручик Шванвич. На допросе 8 мая 1774 г. думный дьяк повстанческой Военной коллегии И. Я. Почиталин показал, что «указ на немецком языке писал офицер Шванович, 2-го гренадерского полку подпорутчик»²⁸. Эти же сведения тогда же подтвердил при допросе и пугачевский секретарь М. Д. Горшков²⁹.

17 мая 1774 г. был допрошен и сам Шванвич, рассказавший свою биографию, историю своего пребывания в плену у повстанцев, признавшийся в составлении «немецкого» указа и в переводе захваченных пугачевцами документов на французском языке и заявивший в заключение своих показаний, что «в рассуждении так несчастного казусу, последовавшего со мною, прошу у милостивейшей государыни помилования»³⁰. В своем докладе Екатерине II о результатах следствия над ближайшими сподвижниками Пугачева секретная комиссия писала: «Что касается до немецкого письма от злодея к оренбургскому господину губернатору писанного, то сие писал 2-го гренадерского полку подпорутчик Шванвич, бывший в то время в полону и атаманом над захваченными в толпу злодейскую гренадерами, которого допрос в копии под литерою «Н» у сего подносится» и что «злодей Пугачев не имеет, кажется, посторонняго, а паче чужестранного руководства и способствования. Но споспешествовали ему в злодейских произведениях, во-первых, яицкия казаки, а во-вторых, народное здешняго краю невежество, простота и легковерие, при помощи вымышленного от злодея обольщения их расколом, вольностью, льготою и всеми выгодами»³¹.

Эти известия, видимо, до какой-то степени успокоили Екатерину II, и она широко использовала их в переписке со своими зарубежными корреспондентами. В письме к Вольтеру, характеризуя Пугачева, Екатерина II отмечала: «Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего признака, чтобы он был орудием какой-либо иностранной державы или стороннего замысла, ни чтобы он следовал чьим-либо внушениям. И надо полагать, что господин Пугачев — разбойник-хозяин, а не слуга»³².

Удивительная и трагическая судьба Михаила Шванвича — человека, изменившего сословным дворянским интересам и офицерскому долгу, перешедшего на сторону повстанцев и верно служившего Пугачеву, привлекла внимание Пушкина. В истории Алексея Швабрина, одного из героев «Капитанской дочки», нашли отражение действительные события из жизни Шванвича.

Выходец из дворянской семьи, крестник императрицы Елизаветы Петровны, Шванвич получил хорошее светское образование, знал языки, математику, рисование, фехтование и другие «указные науки», обязательные для столичного дворянина. По вступлении в военную службу способности молодого офицера были отмечены генералом Г. А. Потемкиным (который вскоре стал всесильным фаворитом императрицы Екатерины II). Потемкин взял Шванвича адъютантом в свою свиту. Все, казалось, сопутствовало быстрой и блистательной карьере Шванвича. Но был канун Пугачевского восстания, и судьба молодого офицера, как это часто случается в жизни, пошла иным путем. В октябре 1773 г. Шванвич был прикомандирован к корпусу карательных войск генерала В. А. Кара, который следовал к Оренбургу для разгрома собравшихся там отрядов Пугачева. Но в начале ноября 1773 г. передовые части корпуса Кара были внезапно атакованы повстанцами и окружены у деревни Юзеевой под

²⁷ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. I, л. 1 (указ Екатерины II от 26 апреля 1774 г.).

²⁸ «Пугачевщина». Т. II, стр. 111.

²⁹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, лл. 92—93.

³⁰ «Пугачевщина». Т. III, стр. 215.

³¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, лл. 6—7 (доклад Оренбургской секретной комиссии от 21 мая 1774 г.).

³² Бумаги императрицы Екатерины II. «Сборник Русского исторического общества». Т. 27. СПб. 1880, стр. 3.

Оренбургом. Большая группа солдат и Шванвич с двумя офицерами оказались в плену у повстанцев. Шванвича, как и других офицеров, ожидала смертная казнь, но пленные солдаты заступились за него перед Пугачевым, сказав, что молодой офицер был добр и ласков к ним и ему надо сохранить жизнь. Присмотревшись к Шванвичу, Пугачев не только простил его, но и оказал ему большую честь, назначив атаманом полка пленных солдат. Со своим полком Шванвич участвовал в боях под Оренбургом, показал себя исполнительным командиром. По отзыву Пугачева, Шванвич «служил ему охотно, бывал на сражениях под Оренбургом». Но Шванвич отличился в стане пугачевцев не столько боевыми делами, сколько секретарской службой в повстанческой Военной коллегии³³.

На московском допросе 4—14 ноября 1774 г. Пугачев рассказал, при каких обстоятельствах произошло назначение Шванвича в Военную коллегию: «Помянутой офицер Шванович ходил к нему почасту, и он, Емелька, в одно время, и имянно в Рождество Христово, увидя Шваныча, спросил, откуда он. И оной ему сказал: «Я де ис Петербурга, и меня де государыня Елисавет Петровна крестила». И он, Емелька, зжалился по нем, и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку, а потом спросил его: «Умеешь ли ты по-немецки?» Шванович сказал: «Умею». И он, Емелька, дав ему бумаги лоскут, велел написать по-немецки. И Шванович, написав, показал ему, Емельке. Он, взяв бумагу, хотя и ничево не смыслит, однакож дал знать, что он будто читал, и потом сказал: «Хорошо пишешь. Так будь же ты в Военной моей коллегии. Как там што по иностранны случиться писать, так пиши»³⁴.

Примерно подобные же сведения сообщил в своих показаниях на допросе в Оренбурге 17 мая 1774 г. сам Шванвич: «Призвал меня Пугачев к себе и говорил: «Я де слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках». На то я сказал: «Умею, надежда-государь». А он дал мне перо в руки и лист бумаги, приказал написать внизу, указав место пальцем, по-шведски. Но, как я не знал по-шведски, то написал по-немецки. А потом говорил: «Напиши еще, какой ты знаешь язык». То я написал ему по-французски. Писал же сии слова: «Ваше величество, Петр Третий». А Пугачев, взяв тот лист, и смотрел про себя, и сказал: «Мастер»³⁵.

Любопытно отметить, что листок с упражнениями Шванвича сохранился среди документов Оренбургской секретной комиссии³⁶. Внизу листка рукой Шванвича написано по-немецки готической скорописью: «Ihre Majestete, Peter der Dritte»³⁷ и по-французски «Votre Majesté, Pierre le Grand»³⁸. Непосредственно над этим рукой Пугачева начертаны те самые знаки, которые он выдавал за иностранную скоропись³⁹. Свой «текст» неграмотный Пугачев оставил на этом листе спустя некоторое время после упражнений Шванвича. Двойной автограф Пугачева и Шванвича был обнаружен вместе с двумя другими автографами Емельяна Ивановича в Бердской слободе в доме казака Ситникова, в котором в октябре 1773 — марте 1774 г. находилась ставка предводителя Крестьянской войны. Вскоре после того, как Шванвич был «проэкзаменован» Пугачевым в знании иностранной грамоты, он и составил «немецкий» указ к Рейнсдорпу.

В своих показаниях на следствии Шванвич признался также и в том, что он, находясь в штабе Пугачева, составил по просьбе М. Д. Горшкова и И. Я. Почиталина для нужд Военной коллегии французскую азбуку, перевел с французского захваченное повстанцами письмо от генерала князя П. М. Голицына к Рейнсдорпу, но категорически отрицал свою причастность к составлению каких-либо других бумаг от имени Пугачева и в простановке латинских подписей («Piter», «Petri») под его манифестами и указами, утверждая, что эти подписи делались, видимо, пленными польскими конфедератами, находившимися в лагере повстанцев под Оренбургом⁴⁰. И в этом отношении показания

³³ Г. П. Блок. Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи). «Звезда», 1940, № 10, 11.

³⁴ «Красный архив», 1935, № 2—3 (69—70), стр. 202.

³⁵ «Пугачевщина». Т. III, стр. 212.

³⁶ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, л. 155.

³⁷ Перевод: «Ваше величество, Петр Третий».

³⁸ Перевод: «Ваше величество, Петр Великий». Оба текста обведены справа круглой скобкой и сопровождаются надписью рукой секретаря Оренбургской секретной комиссии С. З. Зряхова: «Оное писал подпоручик Шванович, о чем и в допросе его показано».

³⁹ См. Р. В. Овчинников. Автографы Пугачева. «Вопросы архивоведения». 1960, № 6.

⁴⁰ «Пугачевщина». Т. III, стр. 212—214.

Шванвича заслуживают большего доверия, нежели рассказ Пугачева, который на симбирском допросе 2—6 октября 1774 г. под явным давлением пристрастных следователей оговорил молодого офицера, заявив, что «под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванович, вместо самого злодея по латыни «Петер». Сверх того, слышал он, злодей, от Горшкова, что оной думной дьяк злодейской коллегии обще с Шванвичем писали указ на немецком и французском языках, но куда оной указ послали,— злодей неизвестен»⁴¹. Графический анализ латинских подписей под манифестами и указами Пугачева не позволяет идентифицировать их с почерком Шванвича; не подтверждается источниками и вторая часть показания Пугачева, данного к тому же в весьма предположительной форме (со слов М. Д. Горшкова).

В начале апреля 1774 г. карательные войска князя П. М. Голицына разгромили отряды Пугачева в битве у Сакмарского городка под Оренбургом, захватили в плен до 3 тыс. повстанцев. В числе их оказались видные сподвижники Пугачева (М. Г. Шигаев, М. Д. Горшков, Т. И. Подуров, А. Т. Хлопуша-Соколов, И. Я. Почиталин), а также и Шванвич. Он понимал, что его единственной ставкой на жизнь могло быть только откровенное признание и чистосердечное раскаяние. На допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии Шванвич не пытался скрыть что-либо из своих деяний в стане Пугачева, и его показания почти ни в чем не расходятся с показаниями видных руководителей восстания. Он откровенно признался, что истинной причиной его перехода на сторону повстанцев было не что иное, как страх за собственную жизнь. «Служил у него (Пугачева) из страха, боясь смерти, а уйти не посмел, ибо если-бы поймали, то повесили»⁴². Один из чиновников секретной комиссии, гвардии капитан-поручик С. И. Маврин, дал следующую примечательную характеристику Шванвича: «Взят неволею (в плен к повстанцам — *Р. О.*), явился сам, и притом человек не из числа мудрецов. Мнится, что простить можно»⁴³.

Но окончательное решение судьбы Шванвича было перенесено в Москву, куда были собраны для следствия и суда главнейшие руководители восстания во главе с Пугачевым. Все подследственные содержались в одиночных камерах Монетного двора, превращенного в тюрьму. Власти сделали единственное снисхождение для Шванвича, как бывшего офицера и дворянина, приказав содержать его без кандалов. По суду он был отнесен к шестому «сорту» (разряду — *Р. О.*) преступников, которые, по лишении всех гражданских и политических прав, подлежали вечной ссылке. В приговоре по делу Пугачева и его соратников было определено: «Подпорутчика Михайлу Швановича, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу», за то, что он, «будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти»⁴⁴.

10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве были казнены Пугачев и четверо его товарищей (А. П. Перфильев, М. Г. Шигаев, Т. И. Подуров, В. И. Торнов). Здесь же на площади палачи сломали над Шванвичем шпагу — символ дворянского достоинства, и в тот же день он был отправлен в ссылку в Тобольскую губернию. Конвойный офицер, сопровождавший Шванвича, вез указ к тобольскому губернатору Д. И. Чичерину, которым предписывалось «содержать его (Шванвича — *Р. О.*) с возможною осторожностью, дабы иногда не сделал утечки, и никогда никаких доносов от него не принимать»⁴⁵.

Местом ссылки Шванвича тобольский губернатор назначил глухой город Сургут в низовьях Оби, — «яко место, отдаленное от больших дорог»⁴⁶. Однако Сенат не согласился с решением губернатора и распорядился сослать Шванвича в далекий Туруханск, «как в такой город, откуда уйти он не может и дать ему свободу питания своею работою»⁴⁷.

⁴¹ «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 114.

⁴² «Пугачевщина». Т. III, стр. 214.

⁴³ Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. Панины, д. 9, л. 7 (при письме С. И. Маврина генералу П. С. Потемкину от 7 августа 1774 г.).

⁴⁴ Полное собрание законов. Собрание первое. Т. XX, № 14233 (сентенция от 10 января 1775 г.).

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 512, ч. III, л. 104.

⁴⁶ Там же, ф. Секретная экспедиция I департамента Сената, д. 297, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 2.

В те времена Туруханск представлял собою заброшенное поселение на «краю света», в болотистых низовьях Енисея. В этом диком краю, где лютый холод на полгода сковывает бесплодную землю, где бураны сбивают с ног, люди с трудом добывали пропитание на скудную жизнь охотой и рыбной ловлей, Шванвичу ни к чему были «указные науки», которым он выучился в юности, и он вынужден был зарабатывать свой хлеб тяжелым физическим трудом. Страшнее физических мук, холода и полуголодной жизни были нравственные страдания человека, на всю жизнь отрешенного от привычного общества, друзей и родных. О том, что представляла собой сибирская ссылка тех времен, что ждало ссыльных в этом суровом краю, достаточно откровенно писал один из чиновников сибирской администрации в начале XIX века: «Быть разлучену с семействами, проститься навсегда с предметами, окружающими от колыбели, разорвать связи души, потерять все права на политическое существование,— не значит ли умереть? Подобный мертвец приходит к новой жизни путем трудным и продолжительным, в течение которого теряет остальную энергию души своей, делается совершенно равнодушным для пороков и добродетелей — и потом действует снова по увлечению»⁴⁸. В таких условиях Шванвич прожил много лет.

В архивных документах 1801 г. удалось разыскать некоторые сведения о Шванвиче. Он прожил к тому времени в туруханской ссылке более 25 лет и, очевидно, не предполагал, что власти в Петербурге снова займутся решением его участи. Но в 1801 г., по воцелении Александра I на престол, была ликвидирована Тайная экспедиция Сената и для пересмотра участи лиц, осужденных по решениям этого учреждения, была создана Комиссия по пересмотру прежних уголовных дел, которая собирала сведения о каторжных, ссыльных, тюремных и монастырских арестантах по всей Российской империи и определяла их последующую судьбу. В ведомости, присланной в Комиссию из Сибирской губернии, были перечислены ссыльные, находившиеся в Туруханске, и среди них — Шванвич вместе с двумя другими пугачевцами — Семеном Толкачевым и Степаном Арзамасцевым⁴⁹. По поводу всех ссыльных пугачевцев Комиссия подала доклад Александру I, высказав мнение о том, что желательно оставить их в прежнем положении, без какого-либо облегчения участи. Согласившись с мнением Комиссии, Александр I утвердил доклад надписью: «Быть по сему»⁵⁰. Шванвич умер в Туруханске в ноябре 1802 года⁵¹.

Михаил Шванвич стал прообразом пушкинского героя «Капитанской дочки» — Алексея Швабрина. При значительном сходстве во внешних событиях жизни литературного героя и его прототипа необходимо указать на глубокое расхождение в их характерах, на различие в тех обстоятельствах и побудительных причинах, которые привели каждого из них в лагерь Пугачева. Для Швабрина, человека злой воли, самолюбивого, властного, озлобленного неудачами, добровольный переход на сторону Пугачева был рискованной авантюрой, предпринятой с целью поправить собственные дела. В Шванвиче же виден человек добрый, мягкий и слабый. Он из тех людей, которые покоряются чужой воле и из принуждения служат тому, на чьей стороне сила. Про Шванвича можно сказать, что он стал жертвой несчастных обстоятельств, так же, как и другой герой «Капитанской дочки», Петр Гринев (кстати говоря, Пушкин при обрисовке облика Петра Гринева использовал некоторые черты характера Шванвича и обстоятельства его жизни). Если бы не Пугачевское восстание, Шванвича ждала бы обычная судьба среднепоместного дворянина. Восстание круто перевернуло его судьбу. Из страха за собственную жизнь он перешел на сторону Пугачева с неохотой, но добросовестно служил ему и понес за это жестокое наказание. Приключения Михаила Шванвича, дворянина-пугачевца, автора «немецкого» указа Пугачева, являют собой любопытную страницу в летописях Крестьянской войны 1773—1775 гг. и в творческом наследии Пушкина.

⁴⁸ А. П. Степанов. Енисейская губерния. Ч. 1. СПб. 1835, стр. 182.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VII, д. 3704, ч. 36, л. 10.

⁵⁰ Там же, ч. 3, л. 4.

⁵¹ Рапорт тобольского губернатора Б. А. Гермеса генерал-прокурору Сената Г. Р. Державину от 28 марта 1803 г. — ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VII, д. 2047, ч. X, л. 231.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Историки к ленинскому юбилею

«В. И. Ленин и историческая наука». Сборник статей. М. «Наука». 1968. 551 стр. Тираж 5 000. Цена 2 руб. 25 коп.

Издание рецензируемого сборника статей — заметное явление в современной советской лениноведческой и историографической литературе. Этот коллективный труд¹ подготовлен на основе материалов научной сессии историков, проходившей по инициативе Научных советов по истории исторической науки АН СССР и АН УССР 15—18 июня 1965 г. в Киеве на тему «В. И. Ленин и историческая наука». В ее работе участвовало более 500 историков союзных и автономных республик, различных краев, областей, городов СССР. Заслушанные на сессии доклады охватили почти все основные линии названной проблемы, хотя не все получило одинаково всестороннее и глубокое раскрытие.

Большая часть статей в сборнике посвящена анализу отдельных сторон ленинской исторической концепции: рассматриваются взгляды В. И. Ленина на проблемы русского феодализма, классовую структуру феодального общества и классовую борьбу, эволюцию феодального государства и абсолютизма в России (А. А. Зимин, Е. С. Компан, А. М. Сахаров, С. О. Шмидт), на историю русского революционного движения и этапы его развития, характеристику революции 1905—1907 гг., исследование В. И. Лениным истории русского рабочего класса эпохи капитализма, основные этапы истории Советов 1905—1917 гг. (акад. М. В. Нечкина, Н. Н. Лещенко, Н. Н. Яковлев, Ф. Е. Лось, Д. А. Коваленко). Большое внимание уделено рассмотрению ленинских взглядов на развитие истории России послеоктябрьского периода: аграрное законодательство Октябрьской революции, участие рабочего класса в проведении аграрных преобразований в деревне на первом этапе диктатуры пролетариата; развитие народов Средней Азии после победы Великой Октябрьской социалистической революции; значение трудов В. И. Ленина для изучения истории крестьянства на Украине (Е. А. Луцкий, В. М. Селунская, А. И. Разгон, А. И. Зевелев, Н. Д. Березовчук).

В ряде статей сборника В. И. Ленин показан как историк нового времени, рассматриваются его взгляды на мировой революционный процесс начала XX в., на рабочее движение капиталистических стран до 1917 г., на историю революционного движения во Франции, на проблемы национально-освободительного движения народов Азии (В. В. Горбунов, Н. Е. Овчаренко, К. Д. Петряев, М. Ф. Юрьев, Я. И. Дразина). К сожалению, не во всех этих статьях историографический подход к ленинской проблематике строго выдержан: авторы нередко переходят на пересказ ленинского анализа вопросов текущей политики и в то же время оставляют в стороне многочисленные ленинские мысли и советы относительно необходимости изучения новой и новейшей истории зарубежных стран, о тех проблемах, которые подлежат разработке в первую очередь, о собирании материалов и документов, способных обеспечить истиннонаучную основу исторических исследований. Недостаточно глубоко отражено влияние В. И. Ленина и его работ на его современников — исследователей этой тематики и ученых последующих поколений.

¹ Редакционная коллегия: акад. М. В. Нечкина (ответственный редактор), акад. АН УССР И. К. Белодед, Е. Н. Городецкий, акад. АПН СССР А. И. Данилов, К. К. Дубина, В. А. Дунаевский, акад. Е. М. Жуков, чл.-корр. М. П. Ким, чл.-корр. Д. М. Кукин, акад. П. Н. Поспелов, чл.-корр. А. М. Самсонов, В. Г. Сарбей, В. М. Селунская, Ф. П. Шевченко.

Широко представлена в сборнике историография историко-партийной науки. В. И. Ленин, организатор и создатель Коммунистической партии в России, показан как первый глубокий исследователь историко-партийной тематики и родоначальник этой важной области марксистской историографии. В. И. Ленин был создателем научной концепции истории партии, он всесторонне раскрыл проблему ее зарождения, формирования и развития, разработал научную периодизацию истории партии, охарактеризовал основные этапы борьбы и деятельности партии, дал им объективную и глубокую оценку. Авторы соответствующих статей стремились показать, что историко-партийная наука развивалась с первых лет своего существования в острой идейной борьбе и что В. И. Ленину принадлежит заслуга не только в разоблачении противников марксизма-ленинизма, но и в выработке научных принципов критики враждебных историографических направлений. Так, в статье Н. Н. Маслова характеризуются следующие стороны ленинской критики: его глубокая осведомленность о литературе враждебного лагеря, выявление теоретических «основ» идейных противников, их методологических приемов и антинаучных позиций, разоблачение с позиций большевистской партийности их классовой сущности и враждебности, аргументированность и всесторонняя обоснованность положений, противопоставляемых антимарксистским теориям и схемам (стр. 446). Автор отмечает значение этих ленинских методов борьбы в современных условиях. И все же эта весьма актуальная и в наше время проблема ленинских методов критики враждебной идеологии нуждается в дальнейшем углубленном исследовании, на наш взгляд, именно в том направлении, как это намечено в сборнике.

Изучение ленинского историографического наследия невозможно без исследования теоретико-методологических аспектов общих проблем мирового исторического процесса и его познания. Поэтому закономерно, что в книге значительное внимание уделено методологической тематике. В статье акад. Е. М. Жукова, посвященной анализу ленинского понимания «исторической эпохи», на основе изучения высказываний, оценок, замечаний В. И. Ленина показывается, какое место в ленинской концепции всемирной истории занимает эта категория, раскрывается объективно-классовое содержание характеристик «эпохи домонополистического капитализма», «эпохи монополистического капитализма», «эпохи новейшего времени». Е. М. Жуков ставит вопрос о связи понятия «эпоха» с такой основополагающей марксистской категорией, как «общественно-экономическая формация», лежащей в основе марксистской периодизации исторического процесса, о значении понятия «эпоха» для более углубленного раскрытия закономерностей всемирной истории.

На материале ленинских работ, посвященных критике «экономического романтизма», построил свое исследование В. В. Иванов, который предпринял попытку рассмотреть малоизученную в нашей литературе и крайне интересную проблему историзма. Автор выявил основные требования этого ленинского принципа изучения явлений общественного развития, показал, как его применял сам В. И. Ленин при анализе проблем капиталистической эволюции России и в критике ненаучных взглядов в этой области.

Важный аспект методологической проблематики — изучение ленинского подхода к обобщению исторического опыта и его использования в практической деятельности. М. С. Персов попытался рассмотреть эту проблему на примере ленинских обобщений о двух типах буржуазной революции, о двух вариантах завершения буржуазной революции, о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве. К сожалению, осталась неисследованной такая сторона, как возникновение и развитие этих ленинских обобщений, в связи с чем В. И. Ленин сформулировал их впервые, на каких материалах он исследовал эти проблемы, каков был ход его теоретической мысли. Значительно удачнее М. С. Персов показал, как В. И. Ленин применил эти наблюдения для анализа исторической обстановки, сложившейся в России после революции 1905—1907 годов. Однако при всех недостатках этой статьи она ценна постановкой перспективной проблемы о сущности и характере ленинских обобщений исторического опыта для выявления закономерностей и ведущих тенденций общественного развития, применения выработанной концепции для анализа современных событий.

Одним из главных аспектов сборника является изучение ленинской лаборатории научного творчества. Большинству авторов статей на данную тему свойствен очень широкий подход к исследованию этой стороны ленинского творческого процесса. В ря-

де статей рассматривается круг известных В. И. Ленину материалов и источников, с которыми он был знаком, которые он изучал и использовал при разработке концепции русского революционного движения, истории развития Русского государства, различных проблем военной истории (акад. М. В. Нечкина, чл.-корр. П. А. Жилин, С. О. Шмидт). Однако эта нужная работа находится еще только в самой начальной стадии, а результаты проведенных в этой области исследований показывают, что источниковедческий анализ ленинских трудов может дать много интересного для познания ленинских методов работы над исторической проблематикой.

Другая сторона источниковедческого анализа ленинских произведений — их текстологическое изучение, преследующее цель восстановить полноту не дошедших до нас текстов и выступлений, сохранившихся в стенографических записях и отчетах газетных репортеров. Методика изучения этих материалов, предложенная В. В. Фарсобиным, заслуживает положительной оценки и может быть применена для изучения и реконструкции неизвестных или малоизвестных вариантов записей ленинских выступлений. В ряде статей книги сделана попытка на основе современных источниковедческих представлений определить тот подход к источниковедческому анализу трудов В. И. Ленина, который должен предшествовать историографическому изучению ленинского идейного наследия. Он включает, по мнению авторов, время и обстоятельства появления ленинского произведения, форму произведения (рукопись, стенографическая запись, газетный отчет и т. д.), наличие различных текстов одного и того же произведения, их сравнительный анализ, время и особенности первой публикации труда, его переиздания. Эти замечания важны для выработки научной методологии исследования ленинского идейного наследия, обеспечивающей более глубокое проникновение в ленинскую историческую концепцию и понимание путей ее эволюции.

Одной из малоразработанных в нашей литературе является проблема влияния В. И. Ленина и его идей на развитие исторической науки народов России до 1917 г. и в советское время. В статьях Э. И. Лаула, А. К. Бирона, П. М. Шморгуна и уже отмеченных работах Н. Д. Березовчука, А. И. Зевелева освещаются отдельные вопросы этой сложной темы: разработка В. И. Лениным различных проблем истории Украины, Латвии, Эстонии, народов Средней Азии, распространение ленинских трудов и взглядов до 1917 г., в условиях буржуазных режимов, существовавших в Латвии и Эстонии, влияния ленинской исторической концепции на возникновение и становление исторической науки в названных республиках. Авторы не только привели ценный фактический материал из истории развития марксистской историографии, сделали ряд интересных наблюдений об основных этапах ее эволюции, но и наметили линии дальнейшей разработки этой темы: основные этапы развития ленинских взглядов на историческое прошлое народов Советского Союза, время появления национальных историографий марксистского направления, анализ историографической проблематики и состава авторов первых марксистских трудов (особенно удачно это раскрыто у Э. И. Лаула), формы привлечения и использования ленинских произведений (прямые ссылки на отдельные ленинские труды и положения, упоминание и оценка ленинских произведений, реализация его замечаний, советов, пожеланий в области изучения истории, оценка значения ленинского наследия для исторической науки и т. д.), основные этапы развития марксистской исторической мысли (это дается в статье А. К. Бирона), особенности утверждения марксистско-ленинской исторической концепции в зависимости от конкретных условий развития науки, специфики идейной борьбы и др. Дальнейшее исследование этой тематики предполагает более углубленное изучение ленинских взглядов на историю народов СССР, а также накопление и обобщение нового фактического материала по истории исторической науки, позволяющего проследить, как ленинские идеи утверждались в историографии.

Авторский коллектив и редакционная коллегия, подготовившие сборник, проделали большую работу, создав ценное исследование о В. И. Ленине как историке и о влиянии его трудов на развитие исторической науки в СССР. Главное достоинство сборника — это разнообразие его тематики, изложение различных сторон и аспектов ленинского историографического наследия, творческой лаборатории исследования В. И. Лениным отечественной и всемирной истории.

Сборник, объединивший большой коллектив исследователей различных научных и университетских центров страны, свидетельствует о плодотворной работе историков по

ленинской проблематике. Эту работу следует продолжить, ее значение для развития советской историографии трудно переоценить. Ждут еще своего решения актуальные проблемы идейной борьбы в историографии за освоение и творческое развитие ленинской концепции всемирной и отечественной истории, влияния ленинской методологии на развитие зарубежной исторической науки, особенно в странах социалистического лагеря. Рецензируемый сборник, несомненно, явится дополнительным стимулом для разработки этих проблем.

А. В. Лагуткина

«Наш Ильич». Москвичи о Ленине. Воспоминания, письма, приветствия. М. «Московский рабочий». 1969. 448 стр. Тираж 75 000. Цена 1 руб. 3 коп.

Имя В. И. Ленина тесно связано с Москвой, с революционной борьбой ее пролетариата, с историей Московской партийной организации, в создании которой В. И. Ленину принадлежит решающая роль. Отсюда, из Москвы, столицы молодого социалистического государства, глава Советского правительства и вождь Коммунистической партии руководил страной. Здесь прошли последние годы жизни и деятельности Владимира Ильича. Более 200 раз В. И. Ленин выступал перед трудящимися столицы и Подмосковья¹, с которыми он был связан тесными узами. Понятен поэтому интерес к данной книге, содержащей воспоминания о В. И. Ленине, письма и приветствия к нему. Сборник подготовлен сотрудниками Института истории партии МГК и МК КПСС при участии работников Центрального государственного архива гор. Москвы и Государственного архива Московской области².

В книге два раздела: «Таким был Ленин» и «Строки народной любви». Основная цель ее составителей заключалась в том, чтобы раскрыть связи В. И. Ленина с трудящимися Москвы и Подмосковья с 90-х годов XIX в. до последних дней его жизни. На наш взгляд, с этой задачей они справились. Книга выгодно отличается от ранее изданных сборников воспоминаний москвичей о В. И. Ленине прежде всего большей полнотой опубликованных в ней мемуаров и документов. В сборнике под таким же названием, выпущенном в свет в 1960 г., представлены лишь воспоминания старых членов партии и рабочих Замоскворечья (трех районов Москвы)³. Авторами воспоминаний, помещенных в другом вышедшем в том же году сборнике, являются рабочие, крестьяне, красноармейцы, рядовые партийные и советские работники Москвы и Подмосковья⁴. В новый сборник вошло 49 воспоминаний ветеранов и видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, хозяйственных и военных работников, деятелей науки и культуры, московских рабочих и подмосковных крестьян. Среди них — малоизвестные мемуары В. Д. Бонч-Бруевича, П. Г. Дауге, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского, М. Н. Покровского, Н. А. Семашко; 11 воспоминаний — И. А. Алексеева, С. М. Буденного, Ф. Н. Петрова и др. — полностью воспроизводятся впервые; многие мемуары раньше публиковались лишь в периодической печати, некоторые напечатаны в первый раз.

Книга открывается воспоминаниями С. И. Мицкевича «В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893—1895 годов». Перед нами достоверные свидетельства очевидца, которому приходилось неоднократно встречаться с В. И. Лениным. Материалы первого раздела сборника характеризуют связи В. И. Ленина с московскими социал-демократами, представителями революционного пролетариата Москвы и Подмосковья, помогают полнее раскрыть историю Московской партийной орга-

¹ См. «Ленин в Москве». Места пребывания, даты и события. М. 1957, стр. 8.

² Составители сборника — Ю. С. Савельев (руководитель), В. П. Величина, Ю. К. Крылов.

³ «Наш Ильич». Сборник воспоминаний старых большевиков Замоскворечья о встречах с В. И. Лениным. Под общей редакцией акад. К. В. Островитянова. М. 1960.

⁴ «Они встречались с Ильичем». М. 1960.

низации и деятельность ее видных участников. В воспоминаниях освещены связи В. И. Ленина с трудящимися Москвы и Подмосковья и после Октябрьской революции, в годы Советской власти, показаны помощь В. И. Ленина Московской партийной организации и Московскому Совету, его встречи с рабочими и крестьянами, его выступления на митингах, собраниях и сельских сходах. Мемуары помогают увидеть В. И. Ленина как государственного деятеля и как человека, в его повседневном труде и на отдыхе. Москвичи, авторы воспоминаний, ярко рисуют революционный оптимизм В. И. Ленина, его безграничную веру в неизбежную победу социализма и коммунизма, его непримиримость по отношению к врагам революции и непреклонную волю в борьбе с ними, суровую требовательность к нерадивым работникам, бездушным людям и бюрократам. «Волокита, бюрократизм, равнодушие вызывали у Владимира Ильича негодование. С бюрократами он вел самую жестокую борьбу и жестоко наказывал их», — пишет В. А. Смольянинов, работавший тогда в Совнаркоме (стр. 335). В то же время все мемуаристы отмечают скромность, простоту, огромное личное обаяние Владимира Ильича, его внимание и чуткость к товарищам по работе, любовь к людям труда и тесную связь с массами.

Во второй раздел сборника вошли письма и приветствия В. И. Ленину от коллективов промышленных предприятий, учреждений, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций Москвы и Подмосковья, воинских частей и отдельных граждан. Всего в этом разделе помещено 104 документа, из них более трети публикуется впервые. Некоторые документы воспроизведены в сборнике в виде фотокопий. Из огромного количества писем и приветствий В. И. Ленину составители стремились выбрать для публикации наиболее яркие и интересные. Значительное место в сборнике занимают приветствия, написанные в связи с возвращением В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 г., письма-протесты против травли вождя революции, начатой буржуазными партиями, письма и телеграммы, выражавшие гнев трудящихся в связи с покушением на В. И. Ленина в 1918 г., пожелания ему скорейшего выздоровления. Многие приветствия были посланы от рабочих московских предприятий, воинских частей, уездных и волостных съездов Советов, различных конференций, совещаний, собраний в связи с 50-летием со дня рождения В. И. Ленина, 5-летием Октября и т. д.

Письма и приветствия, помещенные в сборнике, служат свидетельством того, как высок был авторитет В. И. Ленина в партии и народе, насколько тесными являлись его связи с трудящимися массами. В этих документах нашла выражение безграничная любовь народа к своему вождю и учителю, огромное уважение к нему.

Книга лучше, чем предыдущие публикации, оформлена в археографическом отношении. В ней приводятся данные, указывающие на то, где и когда публиковался тот или иной документ, был ли он напечатан ранее или публикуется впервые; если документ извлечен из архива, то указываются все требуемые правилами поисковые данные. В конце книги имеются краткие биографические сведения об авторах воспоминаний.

В книге есть, однако, и недостатки. В ней мало воспоминаний военных деятелей, а также трудящихся Подмосковья, встречавшихся с В. И. Лениным. Жаль, что в сборник не вошли воспоминания Н. К. Крупской о переезде В. И. Ленина в Москву в 1918 г. и о его жизни в Горках в 1923 году⁵. Научный аппарат книги следовало бы дополнить именным и географическим указателями, что оказало бы несомненную помощь тем, кто изучает историю Московского края и ленинских мест Подмосковья. В сборник вкрались и отдельные неточности фактического порядка. Так, в подстрочном примечании на стр. 353 говорится о выступлении Н. К. Крупской «на траурном заседании II Всероссийского съезда Советов 26 января 1924 г.», тогда как это был II Всесоюзный съезд Советов. На стр. 433 указывается, что А. И. Матвеев, служивший в Завидовском лесничестве, погиб в 1945 г.; в действительности он погиб в 1943 году.

Думается, что данная книга послужит новым толчком для поисков воспоминаний современников о встречах с В. И. Лениным, которые печатались в довоенные и послевоенные годы в районных, городских и областных газетах и пока еще незаслуженно забыты или хранятся в местных краеведческих музеях и уголках в виде рукописей, а

⁵ См. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1968, стр. 383—419, 459—464.

также воспоминаний людей, встречавшихся с В. И. Лениным, драгоценные свидетельства которых по каким-либо причинам не записаны до сих пор. Собираание этих материалов пополнит наши сведения о жизни и деятельности В. И. Ленина и его связях с широкими массами трудящихся.

Г. В. Ильин

Обзоры

ПРОБЛЕМА РОСТА КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рабочие Советской страны, говорил В. И. Ленин, волею истории поставлены на первое место в мировом рабочем движении¹, они ведущая сила строительства нового общества. Изучение славной истории нашего рабочего класса — генеральная тема советской исторической науки, и за минувшие полвека эта тема интенсивно разрабатывалась в двух ее основных направлениях: изучалась, если можно так выразиться, «внешняя» сторона тематики, то есть государственная, общественно-политическая и трудовая деятельность рабочего класса, и «внутренняя» — количественные и качественные изменения, происходящие в его составе.

Из многих аспектов этой темы все больше места, особенно в последние годы, начинает занимать в литературе проблема роста культурно-технического уровня советского рабочего класса. Это одна из важных проблем современности, от успешного решения которой зависят темпы создания материально-технической базы коммунизма, устранение существенных различий между умственным и физическим трудом и другие насущные вопросы. Значительный и все возрастающий интерес к этой проблеме, побуждающий наряду с историками к изучению ее также и философов, и экономистов, и социологов, вызывает настоятельную необходимость подведения некоторых историографических итогов в этой области.

Кое-что в этом направлении уже сделано. Попутно в числе других вопросов, касающихся истории советского рабочего класса, об этом идет речь во многих историографических обзорах, публиковавшихся за последние годы². Их авторами являются известные исследователи истории рабочего класса СССР (Д. А. Баевский, И. Е. Ворожейкин, Л. С. Галоненко, С. Р. Гершберг, Р. П. Дадыкин, А. А. Матюгин, А. В. Митрофанова, Г. Г. Морехина, Л. С. Рогачевская, О. И. Шкаратан и др.). Единственной историографической работой на эту тему явилась вышедшая в 1960 г. статья Ю. С. Борисова³. К сожалению, на протяжении последующих лет не появилось ни одной работы, в которой литература о росте культурно-технического уровня советского рабочего класса была бы предметом специального рассмотрения. Хотя число трудов по этой тематике все более возрастает, общей картины ее состояния пока нет. В данном обзоре предпринимается попытка в некоторой мере восполнить пробел.

Всего по проблеме опубликовано, по нашим подсчетам, за 1917—1956 гг. 60, а за 1957—1967 гг. — 206 работ⁴. Первые труды по этой теме касались лишь некоторых, част-

¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 529.

² См. «Вопросы истории», 1959, № 12; 1960, № 6; 1962, № 6; 1966, № 4; «История СССР», 1961, № 3; «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сборник статей. М. 1962; «Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР». Сборник статей. М. 1962; «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР». Сборник статей. Л. 1962.

³ Ю. Б о р и с о в. Ближе к жизни! (По поводу литературы о росте культурно-технического уровня трудящихся). «Коммунист», 1960, № 3.

⁴ Учтены преимущественно работы, имеющие прямое отношение к теме. Труды, посвященные изучению лишь отдельных ее сторон (например, системе профессионально-

ных ее сторон⁵. Одним из первых исследователей, предпринявших попытку обобщить материал о росте культурно-технического уровня советских рабочих за весь период существования Советской власти, был А. А. Штылько, который опубликовал в начале 50-х годов одну за другой две брошюры⁶. Но эта попытка была малоуспешной. Брошюры, особенно первая из них, оказались во многих случаях заполненными общими рассуждениями. Не выделив основных направлений подъема культурно-технического уровня рабочего класса СССР, автор ограничился лишь отдельными иллюстрациями.

В 1955 г. была опубликована монография О. Е. Губаревой «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР» (М.). О. Е. Губарева задалась целью проследить влияние на культурно-технический рост советского рабочего класса таких факторов, как рост производительных сил страны, подъем материального благосостояния трудящихся, совершенствование системы народного образования и производственно-технического обучения рабочих в СССР, создание новой, социалистической интеллигенции, а также развитие массового социалистического соревнования. Сама по себе постановка вопроса об объективных предпосылках процесса культурно-технического роста советского рабочего класса представляла собой известный шаг вперед в раскрытии этой темы. Однако, сосредоточив внимание на выявлении связи между указанными факторами и ростом культурно-технического уровня рабочего класса, О. Е. Губарева почти не показывает влияние подъема культурно-технического уровня рабочих на рост производительности труда, на возрастание политической активности рабочего класса как следствие неуклонного роста его культурно-технического уровня. В книге мало конкретных статистических, сопоставимых данных, наблюдений, относящихся непосредственно к объекту изучения — рабочему классу.

Н. З. Парамонов опубликовал в 1956 г. брошюру «Культурно-технический рост трудящихся СССР» (М.). В еще большей мере, чем в указанных выше работах, в ней неправомерно много места заняло описание предпосылок изучаемой проблемы, настолько, что они ее почти полностью заслонили. В результате две трети брошюры заполнены материалами, не имеющими прямого отношения к теме исследования. А тот материал, который непосредственно ее касается, содержит очень мало конкретных сведений, позволяющих судить о том, как же повышается культурно-технический уровень трудящихся (например, в каком направлении происходят сдвиги в труде рабочих, насколько усиливаются в физическом труде элементы умственной деятельности, какие изменения происходят в уровне профессионального мастерства и т. п.).

С узким толкованием проблемы роста культурно-технического уровня советского рабочего класса встречаемся мы в книге К. П. Абросенко «Рост культуры советского общества». Эта проблема, по существу, сведена здесь к задачам технического прогресса, но и в данной области автор рассматривает лишь подготовку кадров, повышение их квалификации. А из всего многообразия положительных последствий культурно-технического роста рабочего класса СССР автор почему-то указывает лишь на одно. «На основе всестороннего технического прогресса и высокого культурно-технического уровня трудящихся,— пишет К. П. Абросенко,— все больше расширяется круг людей, одновременно обслуживающих несколько станков и овладевающих несколькими профессиями»⁷.

Первым наиболее капитальным исследованием проблемы явилась монография О. В. Козловой «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР» (М. 1959). На большом и разностороннем фактическом материале, опираясь на довольно обширный круг источников (в основном опубликованных), автор прослеживает важные изменения, которые произошли в облике промышленных рабочих СССР за 40 лет технического обучения, техническому творчеству рабочих, социалистическому соревнованию и т. п.), равно как и обобщающие работы о советском рабочем классе, где вопросы культурно-технического роста не являются предметом специального изучения, в эти цифры не включались.

⁵ Таковы, например, работы: Л. М. Клейнборг. Очерки рабочей интеллигенции. Тт. I, II. Пггр. 1923; Рабочий класс и культура. М. 1925; В. Милютин. Некоторые итоги и перспективы культурной революции пролетариата. М. 1932; Р. Рубин. Стахановское движение и культурно-технический подъем рабочего класса. «Под знаменем марксизма», 1938, № 8.

⁶ А. Штылько. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М. 1952; его же. Подъем культурно-технического уровня трудящихся СССР. М. 1953.

⁷ К. П. Абросенко. Рост культуры советского общества. М. 1958, стр. 24.

Советской власти — в их общеобразовательном и квалификационном уровне, профессиональном составе, самом содержании некоторых профессий. Показывается связь между осуществленной в стране культурной революцией и техническим прогрессом в промышленности и неуклонным ростом культурно-технического уровня рабочих, что находит свое выражение в усилении их творческой активности (социалистическое соревнование, рационализаторство и изобретательство), в изменении характера труда и трудовых функций рабочих и др. В отличие от некоторых других авторов О. В. Козлова дает характеристику предмета исследования, определяет, какие, по ее мнению, элементы входят в понятие культурно-технического уровня рабочего класса. Основное внимание автор уделяет вопросам повышения технической подготовки рабочих кадров. Интересны приведенные О. В. Козловой данные о возрастании общеобразовательного уровня советских рабочих, хотя эта сторона проблемы в книге разработана менее.

Отличительная особенность рассмотренных исследований состоит в том, что их авторы ставили своей целью дать обобщенное представление о решении проблемы культурно-технического роста советского рабочего класса в масштабе всей страны и за весь период существования Советской власти. Такой подход вызывал естественные трудности и в какой-то мере объяснял, почему многих вопросов они могли коснуться в самой общей форме. Это обстоятельство обуславливало появление исследований, ограниченных и хронологически и территориально. Одной из первых таких работ была книга украинского историка Н. А. Милюковой, посвященная рабочему классу Украины в годы первой пятилетки⁸. Автор попытался показать рост культурно-технического уровня одного из крупнейших отрядов рабочего класса Советской страны — украинских рабочих — на переломном этапе истории Советского государства. Но задача была решена не совсем убедительно. Добрая половина книги относится к предыстории, предпосылкам темы. Это — повествование о задачах пятилетки, затем — о ее итогах. Объект изучения растворился во множестве фактов, иллюстраций об успехах экономики, культуры Украины в целом. У читателя после прочтения книги не остается цельного представления о том, какие же сдвиги произошли на протяжении пятилетия в составе рабочего класса Украины.

Наиболее крупным монографическим исследованием процессов роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР явился коллективный труд «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» (М. 1961). История его создания такова. В конце 1950-х годов Институт философии Академии наук СССР предпринял комплексное изучение культурно-технического уровня рабочих одного из крупных и старейших районов страны — предприятий бывшего Свердловского экономического района. Изучались и обобщались (большой частью на самих предприятиях) формы и методы работы общественных организаций в этой области. Широко применялись методы конкретно-социологических исследований: групповые и индивидуальные беседы с рабочими и ИТР, анкетные опросы, для обобщения собранного материала на ряде предприятий проводились специальные теоретические конференции. К участию в этой работе были привлечены работники бывшего Свердловского совнархоза, партийных, советских, профсоюзных организаций Свердловской области, сотрудники институтов АН СССР, преподаватели вузов Свердловска. Результатом совместных усилий и явилась указанная выше монография.

Книга — не столько специально историческое, сколько социологическое исследование, затрагивающее важные вопросы развития советского общества. Она содержит ряд ценных наблюдений над процессами культурно-технического роста рабочего класса и обобщений. Исследование многоплановое: авторы показывают, что подъем культурно-технического уровня рабочего класса имеет прямое отношение не только к прогрессу техники и росту производительных сил, но он важен также для развития советского общества и государства в целом, особенно на современном этапе. Все эти вопросы освещаются на конкретном материале Урала. Обогащает работу наличие в ней множества сопоставимых статистических данных, динамических таблиц и т. п.

Особенный интерес в монографии представляют те ее места, где авторы, показывая влияние технического прогресса на повышение уровня квалификации, обученности,

⁸ Н. А. Милюкова. Борьба Коммунистической партии Украины за підвищення культурно-технічного рівня робітничого класу (1928—1932 рр.). Київ. 1960.

образованности рабочих, стараются проследить и так называемую обратную связь этих явлений, а именно: насколько рост культурно-технического уровня рабочего класса сказывается, в свою очередь, на результатах производственной деятельности, росте производительности труда, какова «отдача» тех больших затрат, которые вкладываются на нужды образования, технического обучения рабочих и др. Ведь, как известно, В. И. Ленин указывал, что именно «образовательный и культурный подъем массы населения» является одним из важнейших условий повышения производительности труда⁹.

В 1961 г. вышел еще ряд работ по интересующей нас тематике. Две из них — А. Г. Рашина и И. А. Кириллова¹⁰ — как работы обобщающего характера следует упомянуть в первую очередь. Статья А. Г. Рашина посвящена в основном исследованию коренных изменений, имевших место за годы Советской власти, в общеобразовательной и технической подготовке советских рабочих. Автор — один из старейших исследователей истории советского рабочего класса, его работы отличали глубина изучения материалов и тщательность их обработки — проанализировал важнейшие сдвиги в указанных выше направлениях культурно-технического роста советского рабочего класса. Брошюра И. А. Кириллова привлекает внимание постановкой важных теоретических вопросов. Особенный интерес в этом плане вызывает первый ее раздел — «Культурно-технический рост — одно из необходимых условий строительства коммунизма». Конкретный же материал, приведенный автором, носит скорее иллюстративный характер.

В 1962 г. вышла книга М. И. Чистякова «Повышение культурно-технического уровня трудящихся СССР». Автор задался целью раскрыть характерные черты подъема культурно-технического уровня в период развернутого строительства коммунизма. Однако при изложении конкретного материала автор увлекается освещением факторов, способствующих росту культурно-технического уровня рабочего класса СССР, но мало приводит данных о самом этом росте.

Мы коснулись наиболее крупных работ, преимущественно монографических. Кроме них, есть ряд статей¹¹ и диссертаций обобщающего плана. Наряду с ними имеется немало работ менее широкого диапазона. Они либо отображают рост культурно-технического уровня рабочего класса на отдельных этапах строительства социализма и коммунизма, либо носят локальный характер — базируются на материалах различных отраслей промышленности республик и экономических районов, некоторых городов и отдельных предприятий.

Эту тему разрабатывают на местном материале историки Украины¹², Белоруссии¹³. Имеется несколько содержательных работ, написанных на материалах Казахстана¹⁴,

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 188.

¹⁰ А. Г. Рашина. Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917—1958 гг. «История СССР», 1961, № 2; И. А. Кириллов. Подъем культурно-технического уровня трудящихся в современных условиях. М. 1961.

¹¹ Среди них обращают на себя внимание следующие статьи: Л. П. Б у е в а. Развитие социалистического производства и культурно-технический подъем рабочего класса. «Вопросы развития социалистического общества». Сборник статей. М. 1958; М. Я. С о н и н. О путях подъема культурно-технического уровня трудящихся. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М. 1959.

¹² П. Е. Ч а б а й. Коммунистическая партия в борьбе за повышение культурно-технического уровня рабочего класса Украины (1930—1935 гг.). «Сборник научных трудов» Киевского технологического института легкой промышленности. Киев. 1957; Ф. К. С л о б о д и н с к а я. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса УССР в послевоенный период. «Наукові записки» Київського педагогічного інституту. Т. XXVIII. 1958; Н. В. С у щ е н к о. Подъем образовательного и технического уровня рабочего класса Украины (1956—1961 гг.); «Рост творческой активности рабочего класса СССР». М. 1963; А. С. К у д л а й. Рост культурно-технического уровня рабочего класса Украины в послевоенный период (1945—1953 гг.). «Український історичний журнал», 1964, № 4, и др.

¹³ И. Б е л ь с к и й. О повышении культурно-технического уровня рабочих. «Коммунист Белоруссии», 1956, № 2; О. Ш. Г и н з б у р г. Культурно-технический рост рабочего класса Белорусской ССР. Минск. 1958; Р. Т. Ш л о п а к. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса БССР в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.). «Вопросы истории», 1960, № 12.

¹⁴ Г. А. Е р м е к л а е в. К вопросу о культурно-техническом уровне металлургов Казахстана. «Общественные науки». Сборник статей. Вып. IV. Алма-Ата. 1963; его же. Борьба за коммунистический труд — важнейший фактор роста культурно-техниче-

Узбекистана¹⁵, Туркмении¹⁶, Латвии¹⁷, Чувашии, Коми¹⁸. Что касается отдельных промышленно-экономических районов, то больше всего исследований посвящено росту культурно-технического уровня рабочих Караганды и Урала¹⁹, Донбасса²⁰. Есть работы и о рабочих Ленинграда²¹, Москвы²², Воронежа²³, Харькова²⁴.

Представление об изменениях культурно-технического уровня рабочих отдельных отраслей промышленности Советского Союза можно составить преимущественно в отношении машиностроения и металлургии²⁵, частично—угольной²⁶ и химической промышлен-

ского уровня металлургов Казахстана, «Общественные науки». Сборник статей. Вып. V. Алма-Ата. 1964; В. А. Рукин. Деятельность профсоюзных организаций Казахстана по повышению культурно-технического уровня рабочего класса. «Ученые записки» Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. История КПСС. Вып. III, 1965.

¹⁵ Г. А. Шистер. За подъем культурно-технического уровня рабочих. «Коммунист Узбекистана», 1960, № 7 (1); е г о ж е. Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса (от XX к XXII съезду КПСС). Ташкент. 1965.

¹⁶ Н. Х. Нуртиев. Подъем культурно-технического уровня трудящихся на предприятиях Мары (по материалам конкретно-социологического исследования). «Известия» АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1964, № 3; Г. С. Алабердыев. Повышение культурного уровня трудящихся Туркменской республики (1953—1958 гг.). «Вестник» Московского университета. Серия IX. История. 1965.

¹⁷ Д. М. Зенькович. Борьба партийных организаций Латвии за повышение культурно-технического уровня промышленных рабочих в годы пятой пятилетки. «Конференция по итогам научной работы кафедр общественных наук (Петрозаводского университета) за 1964 год». Сокращенные тексты докладов. Петрозаводск. 1965.

¹⁸ Г. П. Петров. Деятельность Чувашской областной партийной организации по дальнейшему подъему культурно-технического уровня рабочих в первые годы развернутого строительства коммунизма (1959—1963 гг.). Казань. 1965; В. В. Старцев. Рост культурно-технического уровня рабочего класса Коми АССР в 1956—1962 гг. «Историко-филологический сборник» АН СССР (Коми филиал). Вып. 9. 1965.

¹⁹ Ш. Надиров. Рост культурно-технического уровня рабочих Карагинского бассейна. Алма-Ата. 1955; Ф. Н. Каширская. Роль социалистического соревнования в культурно-техническом росте рабочего класса во второй пятилетке (по материалам Урала). «Труды» Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Сборник 86. Свердловск. 1957; М. В. Захаров. Борьба КПСС за повышение общеобразовательного и культурно-технического уровня трудящихся в предвоенные годы (по материалам Челябинской области). «Труды» Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Вып. 8. 1958; «Рост культурно-технического уровня рабочего класса». Сборник статей. Свердловск. 1961.

²⁰ Р. А. Худяк. Рост квалификации и культурного уровня горняков Донбасса (1951—1955 гг.). «Український історичний журнал», 1964, № 3; В. М. Фененко. Деятельность партийных организаций Донбасса по повышению культурно-технического уровня рабочих угольной промышленности (1956—1961 гг.). «Наукові праці з історії КПРС». Міжвідомчий науковий збірник. Вып. 2. Київ. 1965, и др.

²¹ Р. М. Кирпиченков. Ленинградская партийная организация в борьбе за повышение культурно-технического уровня рабочих в годы второй пятилетки. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 214. 1959; М. Д. Плинер. Повышение культурно-технического уровня рабочего класса (по материалам ленинградских предприятий). «Вопросы марксистской социологии». Сборник статей. Л. 1962; И. Н. Елфимова. Рост образовательного уровня рабочих кадров ленинградской промышленности (1925—1962 гг.). «Вестник» Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3, 1964, № 14.

²² В. М. Бритов. Коммунистическая партия — организатор подъема культурно-технического уровня рабочего класса в годы третьей пятилетки (на материалах Москвы). «Ученые записки» Калужского педагогического института. Вып. 4. 1957.

²³ «Подъем культурно-технического уровня рабочих Воронежа (1959—1962 гг.)». Тезисы докладов на конференции студентов. Воронеж. 1962.

²⁴ Г. М. Окладной. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса. Харьков. 1957.

²⁵ Т. Н. Кольяк. Борьба КПСС за повышение культурно-технического уровня рабочего класса в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.) (по материалам тяжелой промышленности Украины). Киев. 1960; Ю. С. Никольский. Подъем культурно-технического уровня рабочих-металлургов Украины и их роль в техническом прогрессе. «Развитие рабочего класса в национальных республиках СССР». Сборник статей. М. 1962; В. П. Чумаченко. Подъем материального благосостояния и культурно-технического уровня рабочих металлургической промышленности Украины в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Киев. 1963.

²⁶ М. Кулыбеков. Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня рабочих угольной промышленности (1953—1958 гг.). М. 1962; Е. Т. Носенко. Идеино-политическая работа партийных организаций предприятий горнодобывающей

ности²⁷. Совершенно нет материалов о таких крупных отрядах советского рабочего класса, как железнодорожники, строители. Весьма ограничено количество работ, в которых указанная тема изучается на материалах отдельных предприятий²⁸. То же относится и к освещению вопросов культурно-технического роста рабочих применительно к их отдельным категориям — по возрасту, профессии, квалификации и т. п. Возьмем, например, ту литературу, где рабочие дифференцируются по возрасту и полу. Результаты здесь более чем скромные: написано несколько работ, касающихся молодежи²⁹, которые дают, однако, мало материала, позволяющего делать какие-либо серьезные обобщения в этой области. Только в одной статье специально рассматривается вопрос о росте культурно-технического уровня женщин-работниц³⁰.

Такова в общем виде картина, которая дает возможность составить определенное представление о состоянии исследовательской работы по проблеме роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР. На этой основе можно попытаться сделать некоторые обобщения. По нашему мнению, они сводятся главным образом к следующему.

В настоящее время в литературе нет пока общепринятого определения понятия «культурно-технический уровень рабочего класса». Это до некоторой степени естественно, ибо только в последние годы началось широкое исследование этой проблемы на всех этапах истории советского общества. И вполне закономерно, что в ходе этого многопланового исследования, особенно на первых его порах, возникают разные суждения об объеме содержания исследуемого вопроса, которые хотя по ряду положений и сближаются, но вместе с тем имеют и некоторые расхождения. Характерно, что эти расхождения постепенно устраняются. На наш взгляд, в большей степени правы те авторы, которые считают, что в круг вопросов роста культурно-технического уровня рабочего класса следует включать: объективные, материальные предпосылки этого роста на разных этапах развития советского общества; сдвиги в образовании, культурности, производственной квалификации и техническом уровне рабочих; взаимосвязь роста культурно-технического уровня и повышения производительности труда, возрастания общественно-политической активности; влияние роста культурно-технического уровня рабочих на их материальное благосостояние. Есть, конечно, и другие стороны проблемы.

Анализ имеющейся литературы позволяет сделать вывод о том, что наибольший вклад внесли те работы, в которых правильно решен вопрос о содержании проблемы и последняя рассматривается комплексно, в единстве всех ее составных частей. И нельзя согласиться с теми авторами, которые в своих работах на эту тему мало уделяют вни-

промышленности Урала и ее роль в повышении культурно-технического уровня рабочих. «Из истории уральских партийных организаций». Сборник статей. Свердловск. 1964.

²⁷ И. М. Л и ф ш и ц. Партийные организации в борьбе за повышение культурно-технического уровня рабочих химической промышленности в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.). «Труды» Казанского химико-технологического института. Вып. XXII. 1959.

²⁸ А. Д. М а ц ы н а. Партийная организация Харьковского паровозостроительного завода (ХПЗ) в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочих (1921—1927 гг.). «Ученые записки» Харьковского университета имени А. М. Горького. Т. СVP. Труды кафедры истории КПСС. Т. 8. 1960; В. Г у с а р о в а. К вопросу роста культурно-технического уровня рабочего класса (по материалам завода «Вольта»). «Известия» АН Эстонской ССР. Серия общественных наук. 1964, № 3; В. М. Е н у к о в. Партийная организация Большой Ивановской мануфактуры имени О. А. Варенцовой в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочих (1959—1962 гг.). «Ученые записки» Ивановского государственного педагогического института имени Д. А. Фурманова. Т. XXXIX. 1965; Е. С. П о п о в а. Партийная организация Актюбинского завода ферросплавов в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочих. «Общественные науки» (сборник работ аспирантов и соискателей) Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР. Вып. VII. 1965.

²⁹ П. А. Н и к и т и н. Борьба Коммунистической партии за повышение культурно-технического уровня рабочей молодежи в послевоенные годы (1946—1956). «Ученые записки» АОН при ЦК КПСС. Вып. 32. 1958; В. К. П у с т о в о й т о в. О культуре молодого рабочего. М. 1960; Е. Т а и р о в. Комсомол — помощник партии в борьбе за культурно-технический рост молодежи — участников движения за коммунистический труд. «Ученые записки» Ферганского государственного педагогического института имени Улугбека. Т. IV. Вып. I. 1964.

³⁰ С. В. Ф о р с т м а н. Культурно-технический подъем работниц промышленных предприятий. «Новый рабочий формируется сегодня». Сборник статей. Челябинск. 1966.

мания, например, показателям общекультурного роста³¹, изменениям в общеобразовательной подготовке советских рабочих³² и др. Следует внести ясность и в содержание таких понятий, как «образовательный уровень», «культурность трудящихся»³³ и некоторые другие. В этом отношении ценный материал, поданный не только в конкретно-историческом, но и, что не менее важно, в общетеоретическом плане, содержится в работах М. П. Кима и Г. Г. Карпова, посвященных развитию советской культуры, успехам культурной революции в СССР³⁴.

При изучении вопросов возрастания образовательного уровня советского рабочего класса исследователи прежде всего обращают внимание на рост грамотности. Бесспорно, это основополагающий фактор культурного строительства, а успехи в этой области действительно грандиозны. Если в 1918 г. среди рабочих было 36% неграмотных, то уже по данным Всероссийской переписи 1921 г. — только 15,9%. В начале первой пятилетки число неграмотных среди рабочих снизилось до 4,5%, а во время переписи 1939 г. было учтено лишь незначительное число неграмотных рабочих³⁵. Однако этих данных, относящихся лишь к элементарной грамотности, чем, по сути, ограничиваются некоторые исследователи проблемы культурно-технического подъема рабочего класса³⁶, безусловно, недостаточно даже тогда, когда речь идет о раннем периоде истории Советского государства. Для более полного раскрытия этой стороны проблемы необходимо учитывать по крайней мере еще два показателя роста общеобразовательного уровня: распространенность начального, среднего и высшего образования среди рабочих³⁷ и достигнутый уровень образования. Именно в таком или близком к нему комплексе рассматривается этот вопрос на отдельных этапах развития рабочего класса в трудах А. Г. Рашина, Л. С. Рогачевской, Б. Р. Рященко, М. Я. Сонина³⁸.

Нужно особенно отметить отрывочность, неполноту данных, которые приводятся в литературе о распространенности высшего образования среди рабочих. Отсутствуют, к сожалению, работы, в которых абсолютные показатели были бы дополнены относительными, каковыми в данном случае являются отношения числа обучающихся рабочих к численности рабочего класса³⁹ и к численности других социальных групп. Такого рода синтетические данные необходимы для выявления важнейших закономерностей

³¹ См. И. М. Лифшиц. Указ. соч.; Т. Н. Кольяк. Указ. соч.

³² См. В. М. Бритов. Указ. соч.; В. П. Чумаченко. Указ. соч. В равной мере никак нельзя согласиться и с О. И. Шкаратаном, предложившим такую классификацию литературы по послевоенной истории советского рабочего класса, из которой вообще выпала рубрика «культурно-технический уровень», а остался только «уровень культуры» (см. О. И. Шкаратан. Методологические аспекты изучения истории советского рабочего класса. «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 11).

³³ Представляют интерес соображения по этому вопросу, высказанные В. А. Ежовым в статье «Некоторые проблемы и методы изучения культурно-технического роста рабочего класса СССР» (см. «Из истории рабочего класса СССР». Сборник статей. Л. 1962).

³⁴ М. П. Ким. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М. 1955; его же. 40 лет советской культуры. М. 1957; его же. Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М. 1967; Г. Г. Карпов. О советской культуре и культурная революция в СССР. М. 1957.

³⁵ А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 13.

³⁶ Ф. Н. Каширская. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за подъем культурно-технического уровня рабочего класса во второй пятилетке (по материалам Урала). М. 1955; П. Ф. Балакин. Борьба партийных организаций Урала за подъем культурно-технического уровня рабочего класса в годы второй пятилетки. «Рост культурно-технического уровня рабочего класса». Сборник статей. Свердловск. 1961.

³⁷ В 1926 г. среди работников физического труда менее 1,5% имели среднее образование. В 1939 г. среди рабочих уже было 8,2%, а в 1959 г. — 38,6% с неполным средним, средним и даже высшим образованием. Этот показатель достиг к 1 января 1966 г. 47,6% («Народное хозяйство СССР в 1965 г.». М. 1966, стр. 41).

³⁸ А. Г. Рашин. Указ. соч.; Л. С. Рогачевская. Образовательный уровень рабочего класса СССР накануне развернутого строительства коммунизма. В кн.: «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сборник статей. М. 1964; Б. Р. Рященко. О повышении культурно-технического уровня рабочих в послевоенный период. «Ученые записки» ЛГУ. Серия экономическая. 1960, № 293; М. Я. Сонин. Указ. соч.

³⁹ Один из немногочисленных примеров подобного рода сопоставлений содержится в статье М. Гильберта «К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны». «История пролетариата СССР». Сборник I (21). 1935, стр. 167.

процесса роста образовательного уровня рабочих. Следует глубоко проанализировать опыт, накопленный в области организации обучения без отрыва от производства. Это весьма важно для лучшей постановки вечернего и заочного образования и совершенствования этих форм по специальностям.

Большого внимания заслуживает изучение связи между образовательным уровнем рабочих и их квалификацией. С. Г. Струмилин ведет в этой области многолетние серьезные исследования, начало которых было положено им еще в первые годы Советской власти⁴⁰. Опубликованы некоторые интересные наблюдения других авторов⁴¹; их следовало бы продолжить и обобщить. Говоря о пробелах в освещении этого вопроса, нужно учесть, что многое здесь объясняется недостатками статистического учета образовательного (как и технического) уровня рабочих; данные о составе рабочих по общеобразовательной подготовке публикуются ЦСУ от случая к случаю, причем в этих публикациях, как правило, не дифференцируется высшее и среднее образование. Последняя перепись рабочих по образованию проводилась в 1952 году. Вместе с тем известно, что, помимо обучения в стационарных учебных заведениях, преимущественно и учитываемого статистикой, сотни тысяч трудящихся постоянно повышали и повышают свои знания в разного рода нестационарных учебных заведениях типа вечерних университетов, школ коммунистического труда, университетов выходного дня и т. д., данные о которых публикуются нечасто, а также путем самообразования, что вообще очень трудно поддается учету. На этот факт в свое время обращал внимание В. И. Ленин⁴². Для восполнения пробела в этой области известную роль, как показывает опыт, могут сыграть конкретно-социологические исследования⁴³.

Нужно также подчеркнуть важность создания большого числа разносторонних конкретных исследований об изменениях, происходящих в сфере производственной деятельности рабочего класса. Например, в той области, которая касается повышения квалификации, совершенствования производственного опыта, роста уровня технической образованности, такого рода исследования должны шире показать, и обязательно в динамике, изменения соотношений между трудом квалифицированным и неквалифицированным (или малоквалифицированным), механизированным и ручным, изменения в характере труда и содержании отдельных профессий; действие в условиях современной научно-технической революции сформулированного К. Марксом закона перемены труда⁴⁵ в таких его формах, как, например, совмещение профессий, многостаночничество, появление рабочих широкого профиля, обладающих элементами инженерно-технической подготовки, органически сочетающих в своей производственной деятельности умственный и физический труд; совершенствование форм технической учебы. Для раскрытия

⁴⁰ См., например, С. Г. Струмилин. Квалификация труда и выучка рабочих. Опыт разработки профессиональных карточек слесарей. «Материалы по статистике труда». Вып. 5. Пгтр. 1919; его же. Главнейшие факторы квалификации (по материалам союза железнодорожников). «Материалы по статистике труда работников транспорта». Вып. I. М. 1921; его же. Хозяйственное значение народного образования. М.-Л. 1924.

⁴¹ Г. М. Кржижановский. Социалистическая реконструкция и культурное строительство. М. 1928; «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса». М. 1961; Б. Р. Рященко. Указ. соч.; «Заработная плата в СССР». М. 1959; Ф. М. Волков. Расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы в СССР. М. 1961; Ф. Г. Кротов, Л. В. Фокин, О. И. Шкаратан. Рабочий класс — ведущая сила строительства коммунизма. М. 1965.

⁴² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 170—171.

⁴³ См. «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса». М. 1961; Г. А. Шистер. Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса (от XX к XXII съезду КПСС); Н. В. Сущенко. Рост культурно-технического уровня рабочего класса Украины в 1956—1961 годах. М. 1963.

⁴⁵ «Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего», — писал К. Маркс в «Капитале». При этом он отмечал, что в условиях капиталистической формы производства перемена труда пролагает себе путь «со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия», и только социалистические общественные отношения дают возможность «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1950, стр. 492—493).

сдвигов, которые происходят в сфере интеллектуального развития советского рабочего класса, явно не хватает исследований, отображающих, например, возрастающее участие рабочих в рационализаторстве, изобретательстве и т. п. Более обстоятельного и конкретного изучения требуют вопросы о руководящей роли КПСС, Советского государства в решении проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса, об участии в этом деле общественных организаций⁴⁶.

Наконец, следует приступить к созданию обобщающей работы, в которой был бы отображен весь процесс роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР за годы Советской власти. Одна из первоочередных задач советской исторической науки — создание синтетического труда о рабочем классе СССР, ведущей силе строительства социализма и коммунизма, передовом отряде мирового коммунистического и рабочего движения.

С. Ф. Найда, Д. Я. Фрейлихер

⁴⁶ Несомненный научный интерес представляло бы, в частности, изучение вопроса о том, как осуществлялась линия Коммунистической партии на непрерывный культурно-технический рост советского рабочего класса в той ее части, которая касалась профсоюзов (см. соответствующие решения IX, X, XIV, XVI партсъездов, XV партконференции, постановление ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1929 г., решения декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и др.). То же в отношении комсомола (см., например, резолюции XI съезда РКП(б) «По вопросу о РКСМ», XII съезда РКП(б) «О промышленности», XIII съезда РКП(б) «О работе среди молодежи», XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» и др.).

Рецензии

ЦЕННОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Вышедший в свет библиографический справочник «Труды Института истории Академии наук СССР» подготовлен сотрудниками научного кабинета Института истории СССР АН СССР¹. Он содержит перечень монографических исследований, коллективных трудов, документальных публикаций, сборников статей, периодических изданий, материалов научных конференций и сессий, изданий мемуарной литературы, хроник исторических событий, библиографических справочников, авторефератов диссертаций, подготовленных или защищенных в Институте истории АН СССР в 1936—1965 годах. Общий объем этих сведений — около двух тысяч названий.

Составители тщательно продумали и избрали, на наш взгляд, один из самых удачных принципов расположения библиографических сведений. Дается хронологическое, погодное описание всей научной продукции института.

Внутри каждого года материал расположен по разделам: общие работы; история зарубежных стран; история СССР с подразделами (общие работы, дооктябрьский период, советский период), внутри рубрик размещение алфавитное. Такое расположение библиографических фактов позволяет использовать сборник не только как обычное справочное издание, но и как ценное пособие по истории развития и деятельности Института истории за указанный период.

Исчерпывающая информация о научной продукции Института истории, содержащаяся в справочнике, отражает размах научных исследований и изменения в исследовательской проблематике института, соотношение различных форм научного творчества и их эволюцию в различных отраслях исторической науки. Материалы, содержащиеся в указателе, могут быть использованы для изучения развития различных исторических дисциплин в Академии наук СССР: античности, византиноведения, медиевистики, русского средневековья — традиционных в деятельности Академии наук в досоветское время, а также новых областей исторической науки — новой и новейшей истории

¹ Н. Я. Крайнева и П. В. Пронина. Труды Института истории Академии наук СССР. 1936—1965. Библиография. Вып. I. 1936—1954; вып. II. 1955—1960; вып. III. 1960—1965; вып. IV. Указатели. М. 1968 (ротапринт).

стран Европы и Америки, истории советского общества.

Большой интерес представляют библиографические сведения, отражающие учебно-методическую работу сотрудников института. После известных постановлений об исторической науке 1934—1936 гг. и ее преподавании институт приступил к подготовке стабильных исторических учебников. Уже в предвоенные годы были подготовлены учебники для высшей школы: «История средних веков» (М. 1938. Тт. 1—2), «Новая история» (М. 1939. Ч. 1—2), «История Древней Греции» (М. 1939), «История СССР» (т. I. М. 1939) и для средней школы: «История древнего мира» (М. 1940), «История средних веков» (М. 1940), «Новая история» (М. 1940), «История СССР» (чч. 1, 2, 3, М. 1940) и др. В этой работе, направленной на совершенствование исторического образования в нашей стране, приняли участие крупнейшие советские ученые.

В библиографии имеются сведения о переизданиях трудов Института истории, осуществленных в СССР и за рубежом. В большинстве современных библиографических изданий эти важные факты, как правило, отсутствуют, а между тем их значимость очевидна.

Важным и ценным элементом справочника являются включенные в его состав рецензии, выходящие как в СССР, так и за рубежом, на исторические труды и публикации Института истории (их более 5 тысяч). Обычно подобного рода сведения в наши библиографические издания включаются редко. Составителям справочника пришлось преодолеть немало трудностей при выявлении и собирании этих публикаций, помещенных на страницах центральных газет и журналов, в периодических изданиях, выходящих в союзных республиках и за границей. В каталогах крупнейших библиотек страны эти материалы представлены крайне бедно. Поэтому сделанная в этой области составителями работа заслуживает высокой оценки. Количество и характер рецензий, появившихся на то или иное историческое сочинение, могут служить определенным критерием отношения научной общественности к историческому труду, показателем его ценности, оригинальности и значительности. В ряде рецензий содержится интересная полемика вокруг вышедших работ и поднятых в них проблем. Эти материалы позволяют судить о том, ка-

кую оценку получают труды ученых Академии наук СССР у нас в стране и за рубежом.

Содержащиеся в справочнике сведения помогут исследователям при решении ряда важных методологических проблем развития советской исторической науки: ее периодизации в рамках последнего тридцатилетия, места в научной продукции Академии наук СССР тематики по истории народов СССР и ее изменениях и др. Материалы справочника позволяют поставить некоторые социологические проблемы развития современной науки: соотношение различных форм научного творчества, темпы роста общего объема научной продукции и ее отдельных элементов, основной, авторский состав института и его эволюция, возрастные показатели авторского состава (в именном указателе даны годы рождения сотрудников института) и т. д. Значительный интерес представляют материалы о проходивших научных сессиях, конференциях и симпозиумах, которые проводились по инициативе Института истории или при его активном участии. Они показывают, какое место в общей деятельности института занимали подобные формы научной работы и какая эволюция в этой области происходила. Включение в справочник изданий научно-популярного характера позволяет судить об ее проблематике и масштабах популяризаторской деятельности ученых Академии наук, принимавших активное участие в политико-просветительской работе.

Публикация снабжена двумя указателями (именным и предметным) и списком сокращений газет и журналов, выходящих на русском языке и языках народов СССР, списком сокращений иностранных газет и журналов, списком сокращений названий учреждений, составленных с учетом общепринятых правил библиографирования. К сожалению, в предметном указателе нет рубрики «методология» (теория исторического процесса и теория исторического знания). За последние годы работа института в этой области истории особенно расширилась, и это следовало бы отразить в библиографическом справочнике.

Остается пожалеть, что такой уникальный справочник быстро превратился в библиографическую редкость, так как издан в количестве 500 экземпляров и к тому же на ротапринте.

Г. Д. Алексеева

В. Т. ПАШУТО. *Внешняя политика Древней Руси*. М. Изд-во «Наука». 1968. 472 стр. Тираж 4 500. Цена 1 руб. 80 коп.

Рецензируемая книга старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук В. Т. Пашуто — плод его многолетнего кропотливого труда. Она охватывает большой период истории Древней Руси — с момента зарождения государственности у восточных славян и до середины XIII века. Обильный материал, собранный и проанализированный автором, позволил ему выявить истоки «тысячелетней традиции русских международных связей», показать принадлежность России «к европейской и азиатской истории» (стр. 14). Нельзя в этом не видеть большого достижения как автора, так и советской историографии в целом, особенно если учесть наличие в современной зарубежной науке представлений, характеризующих Россию как страну, обращенную преимущественно к Азии.

Главное своеобразие и достоинство книги В. Т. Пашуто заключается прежде всего в широте охвата международной жизни Древней Руси, в изображении многосторонности внешних связей древнерусского государства как активной стороны, способной оказывать глубокое воздействие на международные отношения. В этом смысле работа В. Т. Пашуто является пока единственной в нашей исторической науке.

Изучение перемен во внешнеполитической конъюнктуре Древней Руси В. Т. Пашуто соизмеряет с изменениями, происходившими в ее общественном и политическом строе. Данный метод, увязывающий факторы внешней истории с внутренней, весьма плодотворен. Автор выделяет два этапа в развитии межгосударственных связей Руси: первый, когда политическое единство страны, заявившей о себе на международной арене, еще только складывалось, и второй, когда на Руси окрепли вотчины, а единое дотоле государство распалось на целый ряд княжеств, проводивших самостоятельную внешнюю политику (стр. 5—6). Говоря о взаимоотношениях Руси с варягами — «разноязычными наемными дружинами из северных стран» (стр. 21), В. Т. Пашуто не мог миновать легенды о призвании варягов. И, надо сказать, он сумел найти правильный, по нашему мнению, подход к этой легенде, не отказавшись признать за ней определенно-го историзма. За туманом легенды он увидел, что скандинавы соприкоснулись тогда не с отдельными, разрозненными славянскими

ми племенами, а с тесной конфедерацией племен, осуществлявших согласованную внешнюю политику. Водворившийся по приглашению словенской, кривичской и чудской правящей знати на берегах Волхова Рюрик, севшие в Киеве бояре-варяги Аскольд и Дир — всего лишь орудия «власти славянской и (в меньшей мере) чудской знати» (стр. 22). Следовательно, они не играли той роли, в которой их заставляют выступать норманисты. Но все же пришельцы из «полуночных» стран, бродившие по Руси «сперва в качестве враждебных «находников», а затем наемников», имели, в общем, положительное значение «в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного древнерусского государства» (стр. 29.) Так диалектически решает В. Т. Пашуто вопрос о призвании варягов. И с ним трудно не согласиться, тем более что в предшествующей литературе аналогичная точка зрения была уже высказана¹.

Касаясь отношений польского и русского народов, В. Т. Пашуто справедливо относит их возникновение к глубокой древности. Между Польшей и Русью бывали острые противоречия из-за Червенской и Прусской земель. Однако «оба государства, пройдя через испытания взаимного вмешательства в распри князей и участия во враждебных друг другу союзах держав, постепенно не только стабилизировали свою границу, но и пришли к тесному союзу» (стр. 48). В нашей историографии высказывались, впрочем, иные суждения о польско-русских отношениях на их начальном этапе. Так, В. Д. Корольюк не заметил на протяжении всего X столетия ни одного военно-политического конфликта между этими соседними славянскими государствами². Картина, нарисованная им, кажется нам в немалой мере идеализированной, и мы полагаем, что наблюдения В. Т. Пашуто в данном случае значительно ближе к действительности.

Помимо отношений со странами, непосредственно граничившими с Русью, автор изучает политику древнерусского государства, обращенную к основным державам европейского мира: Англии, Германии, Италии, Франции. Исследуются также русско-визан-

¹ В. В. М а в р о д и н. Образование Древнерусского государства. Л. 1945, стр. 386.

² В. Д. К о р о л ю к. Западные славяне и Киевская Русь. М. 1964, стр. 105.

тийские и русско-болгарские контакты, связи Древней Руси с Востоком. Значительное место в книге отводится военно-дипломатической борьбе Русского государства со странами — участницами антирусского крестового похода.

В связи с образованием Литовского государства и монгольским нашествием внешнеполитическое положение Руси изменилось. Наступление татар, делает вывод автор, «внесло существенные перемены в политические взаимоотношения Руси с Литвой» (стр. 264) и с другими странами. «Прежде всего оно ослабило Русь и породило желание у ее соседей использовать выгодный момент и разом покончить с ее независимостью» (стр. 289—290). В. Т. Пашуто отметил несостоятельность пресловутого тезиса буржуазной историографии, пытающейся утверждать, что «руководители западных держав, включая папу, в трогательном единодушии старались помочь странам, попавшим под удар монгольских полчищ» (стр. 290). На самом деле эти правители организовали ряд походов на Русь, закончившихся, однако, полным провалом. Невская битва, например, «предотвратила потерю берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси, не дала порвать ее торговый обмен с другими странами и тем самым облегчила дальнейшую борьбу русского народа за независимость, за свержение монгольского ига» (стр. 293—294).

Огромный привлеченный В. Т. Пашуто материал, широкие хронологические рамки исследования, большой комплекс вопросов, связанных с многообразными формами международных отношений, не могли не вызвать и спорных положений, на которых, думается, следовало бы остановиться.

Вызывает возражение высказанная В. Т. Пашуто мысль о славяно-скандинавском социальном и культурном синтезе (стр. 21). Автор ведет повествование так, как будто его соображения сами собой разумеются. В действительности же подавляющая часть советских историков исходит из представлений о полной ассимиляции варягов Русью. Неясно, откуда автор почерпнул сведения о совете правящей знати трех земель — Словенской, Кривичской и Чудской. Толкование им соответствующего места из летописи³ — не более, как весьма субъективное переложение,

оторванное от источника. Вызывает сомнение и общий взгляд на значение русско-скандинавских связей в судьбах Европы. Так, автор полагает, что «при Ярославе Мудром, сыне полоцкой скандинавки Рогнеды, русско-скандинавские связи, должно быть, окрепли. Точная датировка едва ли возможна, но факты свидетельствуют, что эти связи оказывали влияние на политические судьбы Европы» (стр. 27). К сожалению, в книге мы не находим фактов, указывающих, в чем состояло это влияние.

Неясно, где заимствовал В. Т. Пашуто сообщение о Ятвяге, участвовавшем в русском посольстве 945 г. в Константинополь. В «Повести временных лет» упомянут лишь какой-то Явтяг Гунарев⁴. Правда, некоторые дореволюционные историки пытались преобразовать Явтяга в Ятвяга, но не безоговорочно⁵. Кажется несколько странным заявление, будто Болеслав, возвращаясь в Польшу, «прихватил с собой бояр Ярослава (около тысячи человек)» (стр. 37). Если мы верно догадываемся, речь идет о тех пленниках, которых в 1043 г. Казимир вернул Ярославу «за вено»⁶. Тогда автор мог бы смело сказать: «не около тысячи», а 800, и не бояр, а людей. Странно видеть и то, как мелкий, незначительный, вольно понятый факт превращается в основу целой концепции. Это произошло, когда В. Т. Пашуто, анализируя киевские события 1068—1069 гг., пишет о каких-то «горожанах, связанных с Черниговом», «черниговской группировке князей», «прочерниговской партии» и т. п. (стр. 41). На чем же основаны такого рода определения? Оказывается, только на том, что киевляне обратились к Всеволоду и Святославу, которых В. Т. Пашуто почему-то называет черниговскими князьями, хотя в это время в Чернигове сидел один Святослав, а Всеволод княжил в Переяславле. Значит, никаких черниговских князей указанного толка не существовало, тем более не было прочерниговской партии.

Возникает недоумение при чтении следующих строк, посвященных политике северо-восточных князей во второй половине XI в.: «С этой поры можно наблюдать в общем недружественное отношение суздальских князей к Польше» (стр. 43). Не рано ли говорить на исходе XI в. о суз-

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава. 1885, стр. 39.

⁶ ПВЛ. Ч. I, стр. 104.

³ «Повесть временных лет» (ПВЛ). Ч. I, стр. 19.

дальских князьях, а тем паче о внешней политике Суздаля, начавшего играть активную политическую роль лишь с 30—40-х годов XII столетия?

В главе, рассматривающей русско-византийские связи до конца XI столетия, автор утверждает: «При Ярополке Святославиче (973—980) источники ничего не говорят о русско-византийских отношениях, хотя этот князь был женат на «грекине» — красавице монахине, которую «привел», видимо, в полоне еще Святослав» (стр. 73). Считаю это утверждение поспешным, так как в Никоновском своде о Ярополке сказано: «приидоша от Греческого царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его»⁷. Возможно, В. Т. Пашуто сознательно обошел это известие. Тогда нужно было бы объяснить, почему.

Есть основания сомневаться и в том, что «при Владимире Святославиче отношения с печенегами были стабилизированы» (стр. 108). Летопись рассказывает о рати великой «бес перестани»⁸. Да и сам В. Т. Пашуто чуть ниже повествует, как Владимир воевал с печенегами «до последних дней жизни» (стр. 108). Спрашивается, о какой стабильности можно тогда говорить?! С подробными противоречиями мы встречаемся и в описаниях взаимодействия Руси и половцев в XII веке. Так, на стр. 205 читаем: «По мере того как разгоралась междукняжеская борьба за Киев, половецкие ханы и их орды втягивались в нее в качестве вспомогательной наемной силы; причем и Половецкая степь оказалась расколотой на сферы влияния: приднепровские, заорельские и, может быть, поморские половецкие ханы тяготели к Киеву, лукоморские, видимо, были в союзе с Галичем, донские скорее всего тянули к Чернигову, а заволжские все сильнее связывались с суздальскими князьями». Страницей же ниже узнаем, что суздальский князь Юрий Долгорукий в борьбу за Киев «вовлек всю Половецкую землю «межи Волгою и Днестром». Согласно утверждению В. Т. Пашуто, еще при Владимире Мономахе половцы были

сломлены и половецкая проблема решена. Но весь материал, каким оперирует автор монографии, свидетельствует о возрастающих трудностях противостояния Руси Полю.

В конце XIII — начале XIV в. Русь стали все более беспокоить набеги литовских дружин. Литва по отношению к Руси переходит «из вассальной сферы во внешнеполитическую» (стр. 259). Однако со стороны русских ответные походы в глубь Литвы не предпринимаются. В. Т. Пашуто полагает, что это определялось политической раздробленностью (стр. 260). Но политическая раздробленность, как известно, не мешала (хотя и мешала) древнерусским князьям осуществлять совместные акции против половцев. Значит, причина сравнительно вялого сопротивления литовским набегам кроется не только в политической раздробленности.

Большее внимание следовало бы уделить в книге древнерусскому посольскому обряду. Очень интересен и важен вопрос о фиксации посольских речей, письменном оформлении договоров и вручении «верительных грамот». В нашей литературе уже было высказано мнение, что посол говорил свои речи, устно излагая соображения того, кем он был послан⁹. Но в историографии существует и другая гипотеза, согласно которой дипломатические связи осуществлялись главным образом не путем устных переговоров, а с помощью дипломатической переписки¹⁰. Видимо, практика переговоров включала в себя как беседы послов, так и письменное оформление договоров и верительных грамот.

Исследование В. Т. Пашуто снабжено обширным справочным аппаратом. Жаль только, что пользоваться им неудобно из-за сложной системы двойных ссылок.

Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин,
И. Я. Фроянов

⁷ «Полное собрание русских летописей». Тт. 9—10. Патриаршая, или Никоновская летопись. М. 1965, стр. 39.

⁸ ПВЛ. Ч. I, стр. 87.

⁹ Впервые об этом, основываясь на летописных данных, писал Д. С. Лихачев (Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.-Л. 1947, стр. 115—125).

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1948, № 11; его же. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М. 1963, стр. 311—363.

Д. Г. НАДЖАФОВ. *Народ США—против войны и фашизма. 1933—1939.*

М. Изд-во «Наука». 1969. 470 стр. Тираж 2 400. Цена 1 руб. 84 коп.

Советская историческая наука внесла существенный вклад в изучение внешней политики США накануне второй мировой войны¹. Этого пока еще нельзя было сказать об исследовании классовой и политической борьбы в самих США вокруг внешнеполитических проблем бурного предвоенного десятилетия. Монография Д. Г. Наджафова способствует уяснению сложнейших вопросов борьбы народа США в 30-е годы против войны и фашизма, за мир, демократию и прогресс.

Д. Г. Наджафовым проанализированы разнообразные источники: официальные публикации дипломатических документов, протоколы всевозможных политических, профсоюзных, общественных организаций; печать различных направлений; мемуарная литература и письма. Органическое сочетание в рецензируемом исследовании аспектов как внешней, так и внутренней политики открыло большие возможности для выявления степени влияния народных масс на внешнюю политику правительства США. Пристальное внимание автора к действиям американского народа, к массовой борьбе трудящихся США против войны и фашизма представляет собой, пожалуй, самую сильную сторону монографии.

На многочисленных фактах автор показывает, что американский народ в целом был антивоенно и антифашистски настроен.

Анализ фактов дает возможность исследователю доказательно критиковать концепции буржуазных авторов, пытающихся объяснить политику попустительства агрессорам со стороны правящих кругов США не

социально-экономическими и классово-политическими интересами монополистической буржуазии, а изоляционизмом масс, который якобы и был главной помехой для правительства Ф. Рузвельта в деле реализации идеи коллективной безопасности.

Антифашизм американского народа показан в книге во всем его многообразии — от осуждения фашизма и войны в форме проповеди изоляции как гарантии от «европейской заразы» до активной борьбы за идею коллективной безопасности и прямого участия в вооруженных схватках с фашистами в ряде стран Европы и Азии. Автор прослеживает сложную эволюцию антивоенно-антифашистского движения от пацифистско-изоляционистских настроений до активных выступлений в пользу коллективной безопасности. Д. Г. Наджафов выделяет три основных этапа в этом движении: 1) с начала 30-х годов до середины 1936 г. (начало войны в Испании); 2) с лета 1936 г. до расширения японской агрессии в Китае в июле 1937 г.; 3) с июля 1937 г. до начала второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что еще до сентября 1939 г. «антифашистски настроенное большинство американского народа определенно выступало за применение против фашистских государств экономических санкций и за сотрудничество Соединенных Штатов с другими странами в целях противодействия агрессии» (стр. 417—418).

Д. Г. Наджафов показывает, что особенно важное значение приобрели массовые антивоенные политические демонстрации, которые происходили под лозунгами, осуждавшими не только европейско-азиатских поджигателей войны, но и их американских пособников. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения еще и потому, что вокруг него идет острая идеологическая борьба. Буржуазно-реформистские идеологи в связи с тем, что в определенный период массовые политические демонстрации на какое-то время прекратились, пытались говорить об устарелости этого оружия масс. Однако начавшаяся в последние годы кампания против американской агрессии во Вьетнаме показала, что буржуазные идеологи поторопились списывать в архив истории массовые антивоенные демонстрации.

Антивоенное и антифашистское движение 30-х годов не было единым по своему социальному составу. На страницах книги в

¹ И. Бедняк. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939). М. 1957; Д. Р. Вобликов. Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. и политика США. «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. 3. М. 1957; А. В. Георгиев. Американский изоляционизм и его эволюция. М. 1945; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960; Б. И. Марушкин. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939 гг.). М. 1957; Ю. М. Мельников. США и гитлеровская Германия. 1933—1939 гг. М. 1959; Г. Н. Севостьянов. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке. 1931—1933 гг. М. 1953; его же. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М. 1961; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США, 1917—1960. М. 1961, и др.

числе борцов с военно-фашистской опасностью предстают рабочие, фермеры, представители интеллигенции, мелкой и даже крупной буржуазии. Весьма разнородны были и те силы, которые играли на руку фашистам. В монографии показано, что за правилами умиротворенчества были монополисты США, в то время как основу антивоенного движения составляли рабочие и трудящиеся массы, что само это движение было важнейшей в те годы частью антимонополистической борьбы.

Специфически американским проявлением антивоенно-антифашистского движения была массовая кампания за отмену или изменение законодательства о нейтралитете США. Д. Г. Наджафов при этом отмечает, что американские правящие круги понимали, куда ведет политика «нейтралитета», почему она непопулярна в массах. В книге говорится об участии правящих кругов США в мюнхенской политике.

Анализируя борьбу американского народа против войны и фашизма, автор не проходит и мимо существенных слабостей этого движения, прежде всего разрозненности усилий и отсутствия единства, что серьезно ограничило возможности прогрессивных сил. «Однако,— пишет он,— слабости антивоенно-антифашистского движения, как бы они ни были значительны, не умаляют его роли. Главным итогом антифашистской и антивоенной борьбы американских народных масс в 30-е годы было то, что, во-первых, она стала наиболее высокой преградой на пути зарождавшегося фашизма в самих Соединенных Штатах; во-вторых, эта борьба не позволила американской реакции оказать большую помощь и поддержку фашистским агрессорам; в-третьих, она подготовила условия для участия Соединенных Штатов в вооруженной борьбе против фашизма во второй мировой войне, послужив одной из предпосылок вхождения США в антигитлеровскую коалицию» (стр. 424—425).

Особое место Д. Г. Наджафов отводит роли Коммунистической партии США в борьбе против реакции, фашизма и войны. Увеличив свое членство с 14 тыс. в 1932 г. до 75 тыс. в 1938 г. (стр. 278), компартия усилила свое влияние в массах, и к ее голосу были вынуждены прислушиваться даже противники социализма. С большим интересом читаются страницы, посвященные анализу предложенной партией программы Народного фронта и провозглашенной на X съезде (в мае 1938 г.) установки на со-

здание Демократического фронта. Классовый состав Демократического фронта мыслился более широким по сравнению с Народным фронтом. Демократический фронт должен был охватить даже часть крупной буржуазии (стр. 298). В книге отмечено, что практика военных лет подтвердила правильность этого лозунга коммунистов.

На наш взгляд, при анализе сложных проблем антифашистской борьбы в США следует более четко и аргументированно проводить грань между неприязнью широких слоев американцев к войне и фашизму, находившей разнообразные формы для своего выражения, и политической готовностью масс к реальной борьбе с угрожавшей миру гитлеровской коалицией. Знакомство с книгой Д. Г. Наджафова показывает, что необходимо дальнейшее исследование как различий, так и связей между авангардными силами антифашизма и агитацией определенных антифашистски настроенных кругов в США, призывавших к изоляции от фашистской заразы. Нельзя не заметить, что отдельные слишком оптимистические выводы Д. Г. Наджафова относительно политической готовности большинства населения США к активному противодействию агрессорам сформулированы на основе различных печатных материалов тех антифашистских и антивоенных организаций, сфера деятельности которых ограничивалась городами северо-восточного побережья США. Не следует забывать и об ограниченности пределов активности и популярности этих организаций. События, имевшие место в США с 1 сентября 1939 г. до 7 декабря 1941 г., показали, насколько сложным еще был путь к превращению США в активного участника антифашистской коалиции.

Д. Г. Наджафов в целом избежал широко распространенного в литературе, особенно антирузвельтовского направления, противоречия, заключавшегося, с одной стороны, в критике правительства США за военно-дипломатическую пассивность, когда оно отказывалось от мер военной подготовки к предстоящей борьбе с агрессором, а с другой стороны, в обвинениях Ф. Рузвельта в милитаризме, когда он принимал акции, направленные на создание стратегических предпосылок для отражения агрессии перед самым началом войны. Поэтому неясно, почему к рубрике «милитаризм» в предметном указателе отнесены те действия правительства Ф. Рузвельта, которые в самом тексте монографии тако-

выми не выглядят. Наконец, нельзя не заметить, что интересно написанная монография местами явно отягощена перечислением фактов, однородных по своей сущности и маловыразительных по своей значимости.

В целом монография весьма актуальна, как и сама исследуемая в ней проблема. Книга Д. Г. Наджафова заслуживает внимания не только историков, но и широкого круга читателей.

Н. В. Сивачев

НОВЫЕ КНИГИ

Абрамов А. С. *Мавзолей Ленина*. 2-е, доп. изд. М. «Московский рабочий». 1969. 191 стр. с илл. 50 000 экз. 72 коп.

Антонян М. О. В. И. *Ленин и диалектика революции*. Некоторые вопросы диалектики объективного и субъективного факторов социалистической революции. Ереван. Изд-во Акад. наук Арм. ССР. 1969. 219 стр. 2 000 экз. 70 коп.— на армянском языке.

Бахметов С. А. и Никитин П. Е. *Домик в Ильичеве*. Путеводитель по музею. Л. Лениздат. 1969. 47 стр. с илл. 30 000 экз. 9 коп. (Мемориальные музеи В. И. Ленина в Ленинграде).

Волк С. С. К. *Маркс и русские общественные деятели*. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 216 стр. с илл.; 1 л. илл. 9 000 экз. 76 коп.

В. И. Ленин. *Краткий биографический очерк*. Авт.: Г. Д. Обичкин и др. Изд. 6-е. М. Политиздат. 1969. 255 стр.; 9 л. илл. 100 000 экз. 85 коп.

В. И. Ленин. *Краткий биографический очерк*. Тбилиси. «Собчота Сакартвело». 1969. 301 стр.; 4 л. илл. 30 000 экз. 45 коп.— на грузинском языке.

В. И. Ленин. *Задачи союзов молодежи*. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 1969. 138 стр. 3 000 экз. 28 коп.— на русском и молдавском языках.

Ленин и Тула. Сборник документов и материалов. Отв. ред. А. В. Федоров. Тула. Приокское книжное изд-во. 1969. 383 стр. с илл. 15 000 экз. 78 коп.

Ленин и библиотечное дело. Сост. К. И. Абрамов, Г. П. Фонов и Е. Д. Ягодина. Отв. ред. И. П. Кондаков. М. «Книга». 1969. 407 стр.; 9 л. илл. 20 000 экз. 1 руб. 07 коп. В сборник включено свыше 200 ленинских документов о библиотечном деле и библиографии, чтении и изучении читательских интересов рабочих, о научной информации.

Ленин и современное естествознание. Отв. ред. М. Э. Омеляновский. М. «Мысль». 1969. 374 стр. 16 000 экз. 2 руб. 30 коп. В коллективном труде советских и зарубежных ученых раскрывается огромное творческое значение философских, методологических идей В. И. Ленина для развития наук о природе, для борьбы материализма против идеализма в современном естествознании.

Ленин с нами. Тюменская (Тобольская) губерния, Тюменский, Тобольский, Ишимский округа в документах В. И. Ленина. Сост. М. М. Никифорова и Н. Д. Радченко. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1969. 204 стр.; 1 л. портр. 5 000 экз. 68 коп.

Ленинские места на Карельском перешейке. (Альбом). Авт.-сост. В. И. Кузин. Л. «Аврора». 1969. 75 стр. с илл. 50 000 экз. 60 коп.

Крупская Н. К. *Наш самый лучший друг*. Из воспоминаний о Ленине. Таллин. «Ээсти раамат». 1969. 141 стр. с илл.; 4 л. илл. 8 000 экз. 42 коп.— на эстонском языке.

Крупская Н. К. *Воспоминания о В. И. Ленине*. Магадан. Книжное изд-во. 1969. 160 стр. с илл.; 13 л. илл. 1 000 экз. 42 коп.— на чукотском языке.

К. Маркс и современность. Сборник статей. Под ред. В. М. Сикорского и Г. А. Левина. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1969. 215 стр. 2 000 экз. 1 руб. 09 коп.

Муштуров В. Е. *Комната в Смольном*. Путеводитель по музею. Изд. 3-е. Л. Лениздат. 1969. 63 стр. с илл. 10 000 экз. 12 коп.

Прошунин Н. Ф. *Сила ленинского слова*. Заметки о полемическом искусстве В. И. Ленина. М. Политиздат. 1969. 208 стр. 70 000 экз. 35 коп.

Письма трудящихся Вятской губернии Владимиру Ильичу Ленину. 1917—1924. Отв. ред. Е. И. Кирюхина. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1969. 152 стр.; 2 л. илл. 10 000 экз. 41 коп.

Революция, государство и право. Сборник статей, посвященных работе В. И. Ленина «Государство и революция». Под ред. В. А. Дорогина. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1969. 247 стр. 2 000 экз. 1 руб. 08 коп.

Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. В 2-х частях. Ч. 1. М. Политиздат. 1969. 730 стр. 80 000 экз. 1 руб. 61 коп.

Товарищу Ленину. Письма трудящихся В. И. Ленину. 1917—1924. Сост. В. В. Анисеев, Н. В. Бычкова и Н. С. Зелов. Предисл. Н. Грибачева. Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1969. 528 стр.; 4 л. илл. 60 000 экз. 98 коп.

Ульянова-Елизарова А. И. *Воспоминания об Ильиче*. Орджоникидзе. 1969. 78 стр. 1 000 экз. 13 коп.— на осетинском языке.

Цветов В. ...*Наш корреспондент сообщает из России...* М. «Молодая гвардия». 1969. 159 стр. с илл. 80 000 экз. 18 коп. Документальная повесть журналиста, долгое время находившегося в Японии, о том, как им была найдена в Токио неизвестная запись интервью с В. И. Лениным, как он разыскал и самого корреспондента, взявшего в 1920 г. это интервью.

Черных А. Г. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. Отв. ред. М. В. Нечкина. М. «Наука». 1969. 333 стр. 17 000 экз. 1 руб. 73 коп.

Школа, где учился В. И. Ленин. (Фотоальбом). Ред.-сост. В. И. Лебедев. Под общ. ред. Н. В. Семина. Ульяновск. Приволжское книжное изд-во. Ульяновское отделение. 1969. 32 стр. с илл. 100 000 экз. 20 коп.

История СССР

Алиев А. И. *Исторический опыт строительства социализма в Дагестане*. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1969. 223 стр. 2 000 экз. 35 коп.

Арутюнов С. А. и Сергеев Д. А. *Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник)*. М. «Наука». 1969. 206 стр. с илл.; 3 л. схем. 1 500 экз. 1 руб. 52 коп.

Базиянц А., Кузнецова Н. и Кулагина Л. *Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968*. М. «Наука». 1969. 149 стр. с илл. 1 300 экз. 35 коп.

Бабичев Д. С. *Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов*. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского ун-та. 1969. 211 стр. 5 500 экз. 80 коп.

Битва за Тулу. Сборник документов и материалов. Изд. 4-е, доп. и испр. Сост. В. Е. Ильин и Н. П. Тарасов. Тула. Приокское книжное изд-во. 1969. 407 стр. с илл. 25 000 экз. 98 коп.

Васильев Г. П. *Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане*. М. «Наука». 1969. 390 стр. 1 500 экз. 1 руб. 41 коп.

В осажденном Ленинграде. Воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов. Сост. Н. Р. Иванов, В. С. Лехнович и К. А. Никитин. Л. Лениздат. 1969. 147 стр. с илл. 4 000 экз. 20 коп.

Воронев Ю. Н. *Археологическая карта Абхазии*. Сухуми. «Алашара». 1969. 93 стр.; 25 л. илл. (Абхазский совет Грузинского общества охраны памятников культуры). 1 000 экз. 1 руб. 45 коп.

Восстание декабристов. Документы. Т. 12. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Под ред. М. В. Нечкиной. К печати подготовили Г. М. Лифшиц и И. Ф. Шостак. М. «Наука», 1969. 475 стр. 3 000 экз. 2 руб. 06 коп.

Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 2. Отв. ред. С. Н. Валк. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 310 стр. с илл.; 2 л. илл. 2 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Галкин И. Я. *На заре нашей юности*.

Куйбышев. Книжное изд-во. 1969. 223 стр. с илл. 8 000 экз. 49 коп. Воспоминание участника Великой Октябрьской социалистической революции, принимавшего участие в борьбе за Советскую власть в Самаре.

Груздев К. А. *Солдаты партизанского фронта*. Минск. «Беларусь». 1969. 271 стр. 7 л. илл. 50 000 экз. 63 коп. Бывший командир десантной группы «Стойкие» вспоминает о боевой и разведывательной деятельности партизан на оккупированной территории Брестской и Гродненской областей БССР и нынешнего Белостокского воеводства ПНР.

Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.). Под ред. С. И. Тюльпанова. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1969. 496 стр. 1 210 экз. 2 руб. 10 коп.

Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. Отв. ред. В. К. Гарданов. М. «Наука». 1969. 199 стр. с илл. 1 400 экз. 1 руб. 22 коп.

Кафенгауз Б. Б. *Древний Псков*. Очерки по истории феодальной республики. М. «Наука». 1969. 135 стр. 9 000 экз. 45 коп.

Капцугович И. С. *Прикамье в огне гражданской войны*. Пермь. Книжное изд-во. 1969. 130 стр. с илл. 7 000 экз. 41 коп.

Калво А. и Мейстер В. *Салют 25 августа 1944 года*. Таллин. «Ээсти раамат». 1969. 46 стр. с илл.; 12 л. илл. 2 000 экз. 24 коп. Очерк посвящен освобождению города Тарту от гитлеровских оккупантов войсками 3-го Прибалтийского фронта.

К берегам янтарного моря. Воспоминания. Ред.-сост. В. С. Локшин. М. Воениздат. 1969. 469 стр. 24 л. илл. 30 000 экз. 1 руб. 52 коп. Военачальники и политработники, командиры кораблей и партизанских отрядов, писатели рассказывают об освобождении осенью 1944 г. советскими войсками прибалтийских республик от ига гитлеризма.

Кисляков Н. А. *Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана*. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 240 стр. 3 600 экз. 1 руб. 12 коп.

Крушанов А. И. *Октябрь на Дальнем Востоке*. Ч. 2. Победа Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — апрель 1918 гг.). Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1969. 180 стр. 1 500 экз. 60 коп.

Кызласов Л. Р. *История Тувы в средние века*. М. Изд-во Московского ун-та. 1969. 211 стр. с илл. 1 800 экз. 1 руб. 75 коп.

Лукьянов Ю. *Памятник длиной 200 километров*. Л. Лениздат. 1969. 215 стр. с илл. 10 000 экз. 41 коп. В очерке рассказано об уникальных сооружениях на рубежах героической обороны города Ленина.

Манхарт Г. *Записки интернационалиста*. Благовещенск. Хабаровское книжное изд-во. Амурское отделение. 1969. 102 стр. с илл. 5 000 экз. 12 коп. Немецкий коммунист, участник Великого Октября, вспоминает о событиях революции и гражданской войны на Дальнем Востоке.

Моора Х. и Лиги Х. *Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века*. К вопросу о возникнове-

нии феодальных отношений. Таллин. «Ээсти раамат». 1969. 72 стр. 1 000 экз. 24 коп.

Мухтаров А. *Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX—начале XX вв.* Отв. ред. И. С. Брагинский. Душанбе. «Дониш». 1969. 372 стр. с илл. 4 500 экз. 2 руб. 02 коп.

Музей истории донского казачества. Путеводитель. Сост. П. И. Молчанов и др. Ростов-на-Дону. Книжное изд-во. 1969. 83 стр. с илл. 5 000 экз. 11 коп.

Наступил день... Воспоминания участников революционных событий 1940 г. в Эстонии. Сост. Х. Сооман и М. Тедер. Таллин. «Ээсти раамат». 1969. 360 стр.; 8 л. илл. 1 500 экз. 1 руб. 25 коп.

Октябрьская тетрадь. Сост. В. Г. Комаров и П. А. Космачев. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1969. 287 стр. с илл. 10 000 экз. 75 коп. Сборник воспоминаний и документальных очерков, публиковавшихся в газете «Забайкальский рабочий» накануне 50-летия Советской власти.

Полиевктов Б. и Недель Ю. *Люди твои, Россия.* Воронеж. Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1969. 160 стр. 18 000 экз. 19 коп. Документальные рассказы о людях, которые завоевывали и защищали Советскую власть.

Полтораки А. И. *Нюрнбергский эпизод.* М. Воениздат. 1969. 557 стр.; 11 л. илл. 200 000 экз. 1 руб. 38 коп.

Попов Ф. Г. *Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902—1917.* Под ред. К. Я. Наякшина. Куйбышев. Книжное изд-во. 1969. 623 стр. 3 000 экз. 1 руб. 08 коп.

Плотников В. М. *Роль тыла в победе на Курской дуге.* Харьков. Изд-во Харьковского ун-та. 1969. 235 стр.; 7 л. илл. 1 000 экз. 1 руб. 24 коп.

Пронштейн А. П. и Задера А. Г. *Практикум по истории СССР. Период феодализма.* Изд. 3-е, испр. и доп. М. «Высшая школа». 1969. 376 стр. 20 000 экз. 66 коп. — Для исторических факультетов.

Скрынников Р. Г. *Опричный террор.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1969. 340 стр. с илл.; 1 л. карт. 1 800 экз. 2 руб. 25 коп.

Фирсов Л. М. и Галашкин А. М. *Братство, скрепленное кровью.* Таллин.

«Ээсти раамат». 1969. 111 стр. 5 000 экз. 17 коп. Очерки о подвигах русских, эстонцев, украинцев, татар, латышей и представителей многих других национальностей, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны на земле Советской Эстонии за свободу и независимость Родины.

Цкитишвили К. В. *Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* Тбилиси. Изд-во ЦК КП Грузии. 1969. 490 стр. 3 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Всеобщая история

Алексеев В. П. *Происхождение народов Восточной Европы.* М. «Наука». 1969. 324 стр. 2 700 экз. 1 руб. 97 коп.

Бессмертный Ю. Л. *Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков.* По северофранцузским и западнонемецким материалам. М. «Наука». 1969. 371 стр. 1 л. схем. 1 550 экз. 1 руб. 49 коп.

Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Сборник статей. Т. 2. Под ред. А. С. Тверитиновой. М. «Наука». 1969. 339 стр. с илл. 1 200 экз. 2 руб. 13 коп.

Виноградов В. Н. *Румыния в годы первой мировой войны.* М. «Наука». 1969. 370 стр. 1 100 экз. 1 руб. 61 коп.

Ганелин Р. Ш. *Россия и США. 1914—1917.* Очерки истории русско-американских отношений. Л. «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 417 стр. 3 000 экз. 2 руб.

Гросул В. А. и Чертан Е. Е. *Россия и формирование румынского независимого государства.* М. «Наука». 1969. 267 стр. 1 300 экз. 1 руб. 06 коп.

Кабо В. Р. *Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии.* М. «Наука». 1969. 408 стр. с илл. 1 800 экз. 1 руб. 92 коп.

Сизоненко А. И. *В стране ацтекского орла.* Первые советские полпреды в Мексике. М. «Международные отношения». 1969. 95 стр. с илл. 25 000 экз. 29 коп.

Цыганов В. А. *Национально-революционные партии Индонезии (1927—1942).* М. «Наука». 1969. 168 стр. 2 000 экз. 66 коп.

Яковлев Н. Н. *Франклин Рузвельт — человек и политик.* Изд. 2-е. М. «Международные отношения». 1969. 504 стр. 50 000 экз. 1 руб. 76 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 10, 1969. Вальтер Ульбрихт. Ленинизм и политика союзов Социалистической единой партии Германии. И. Г. Кэбин. Компартия Эстонии в борьбе за подъем социалистического сельского хозяйства; Д. В. Ознобишин. К истории борьбы партии против «левых коммунистов» после VII съезда РКП(б); В. С. Семенов. В. И. Ленин о закономерностях развития нового общества; Б. П. Кузнецов. В. И. Ленин и борьба комму-

нистов стран развитого капитализма за союз рабочего класса и крестьянства; Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Советской Армии (Обзор документальных и мемуарных источников); А. Н. Мерцалов. Антифашистская борьба КПГ в годы войны и западногерманские фальсификаторы истории; А. А. Мирцхулава. О принципе историзма в партийном строительстве; П. А. Голуб. В. И. Ленин о международном значении опыта КПСС по осуществлению

социалистической революции; К. И. Суворов. Об истории названия нашей партии; В. Н. Седых. Марсель Кашен — патриот, интернационалист (К 100-летию со дня рождения).

«История СССР» № 5, 1969. З. К. Звездин. Ленинские принципы планирования в деятельности Госплана (1921—1925 гг.); А. А. Дризул. В. И. Ленин и борьба за сплочение революционных сил в Латвии (1910—1914 гг.); О. Д. Соколов. Борьба М. Н. Покровского против дворянско-буржуазной историографии; Н. С. Свиридов. Торгующие крестьяне конца крепостной эпохи (По материалам первой половины XIX столетия); В. А. Цыбульский. С. П. Восков; Воспоминания М. М. Ковалевского; А. П. Кладт. «Просьба не падать духом...» (К 50-летию обороны Уральска); Ю. Л. Дьяков. Строительство и эксплуатация Северо-Печорской железной дороги в годы Великой Отечественной войны; А. П. Ефременко. Аграрные преобразования в Литовской ССР в 1940—1941 гг.; Н. Я. Эйдельман. Смерть Михаила Лунина; Ю. Н. Александров. Планы Москвы 1814 г. как исторический источник.

«Военно-исторический журнал» № 10, 1969. Н. Варгин. Руководящая роль В. И. Ленина в обороне Петрограда в 1919 году; За ленинской строкой; Л. Сандалов. Освобождение Советской Прибалтики; С. Мальянчиков. Маневр и удар 50-й армии под Брянском; М. Бурцев. Участие германских антифашистов в идеологической борьбе Советской Армии против гитлеровских захватчиков; А. Басов. Видный советский флотоводец; С. Бунаков. Тулоксинский десант; А. Василевский. Белорусская стратегическая операция; Г. Семенов. Внезапный удар по врагу; А. Гастилович. Через Яблоновский и Татарский перевалы.

«Советские архивы» № 5, 1969. Документ о деятельности ЦК РСДРП(б) в 1917 году (Публикация подготовлена Центральным партийным архивом ИМЛ при ЦК КПСС); В. В. Аникеев. О работе и задачах партийных архивов; В. Н. Самошенко. Мемуары участников Великой Отечественной войны как исторический источник; И. П. Козлитин. Из истории делопроизводства; М. Т. Белявский, И. Д. Ковальченко. О некоторых вопросах профессиональной подготовки историков; Н. Г. Филиппов. О подготовке кадров для научно-технических архивов; Гейнц Хут. Состояние и задачи архивного дела в ГДР; Лаура Костадинова. Каталогизация документальных материалов в Центральном ведомственном архиве Болгарской Академии наук; Первый рейс «Красной Звезды» (Публикация подготовлена Н. С. Зеловым); Н. Б. Лебедева, И. Ф. Мартынов. Из практики работы над хрониками; Е. М. Тальман. К вопросу о передаче содержания документов в форме регист и таблиц; В. С. Коновалова, С. К. Кукреш. Смотр-конкурс на лучшие описи; Ш. Аталычев. О работе филиалов ЦГА Туркменской ССР.

«Советская археология» № 4, 1969. С. Н. Бибииков. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита; Г. Н. Матюшкин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита; Б. В. Техов. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии; М. И. Вязьмитина. Культура населения Нижнего Днестра после распада единой Скифии; П. Н. Третьяков. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки; В. И. Цалкин. Фауна из раскопок и датирование городского культурного слоя; К 70-летию В. Д. Блаватского; К 70-летию Б. Н. Гракова; К 70-летию А. П. Смирнова; К 60-летию П. Н. Третьякова; В. В. Сидоров. Стоянки каменного века в Центральной Туве; А. П. Деревянко, А. П. Окладников. Древние культуры восточных районов МНР (К итогам археологических исследований 1949—1967 гг.); Э. В. Ханзадян. Раннебронзовое поселение близ р. Аревик; В. И. Кюзенкова. Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт; Т. К. Иванов. Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае; Э. В. Яковенко. Клыки с зооморфными изображениями; В. А. Падин. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска; Р. С. Меписашвили. Рельефы рубежа X—XI вв. со сценами строительства в храме у селения Корого; Ю. А. Мочанов. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса; В. А. Пазухин. Медные слитки из Оренбургского музея; Н. В. Леонтьев. Кундусукские росписи; Г. А. Лордкипанидзе. Наконечник Тарана из Вани; К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове в 1968 г. О. А. Махнева. Находка гераклейских амфор в Крыму; А. А. Медынцева. Серебряники из Новгорода Малого; А. П. Рунич. Дольмен у с. Лазаревского Краснодарского края; Э. В. Ртвеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорска.

«Советская этнография» № 4, 1969. Ю. Б. Стракач. К методике изучения современных этно-лингвистических процессов (по материалам социолого-лингвистического обследования народов Обь-Енисейского Севера); Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения; С. И. Дмитриева. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX вв.); И. И. Саливон. Краниологическая характеристика населения Белоруссии XVIII—XIX вв. в связи с некоторыми вопросами происхождения белорусов; С. Н. Раковский. Внутренние миграции населения и сдвиги в этнической географии зарубежных социалистических стран Европы; А. Пранда. К некоторым вопросам теории изучения народной культуры; В. П. Курылев. Об общинных отношениях в деревнях современной Турции; В. И. Гуляев. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя; А. А. Формозов. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников?; В. Н. Чернецов. О приемах сопоставления наскальных изображений; О. В. Ов-

сянников. Заметки о северных косторезах; Н. Л. Жуковская. Отражение социальной структуры общества в монгольских этнонимах; К. П. Калиновская. К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии; Г. И. Анохин. Почему у исландцев нет фамилий?; И. Бутовски. Праздник «живого огня» в Азанае.

«Советская этнография» № 5, 1969. В. В. Покшишевский. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения; М. Н. Губогло. О влиянии расселения на языковые процессы; Р. Л. Немецовой. Сложение таджикского населения Варзоба; Г. А. Носова. Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX — начала XX века); Д. Е. Еремеев. Особенности образования турецкой нации; Р. Л. Карнейро. Переход от охоты к земледелию; Л. В. Хомич. О содержании понятия «этнические процессы»; Л. С. Соловей. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии; В. П. Пачулиа. Туризм и национальные традиции; М. А. Дэвлет. О брахикранном компоненте в составе населения тагорской культуры; В. А. Новикова. Современное изучение бенгальского фольклора в Индии и Пакистане; Я. Буриан, Б. Моухова. Взгляд в этрусский микромир.

«Преподавание истории в школе» № 6, 1969. Всеобщее среднее образование и работа в старших классах; В. Мюнцнер. Германская Демократическая Республика (К 20-летию ГДР); А. В. Корнилов. В. И. Ленин о диктатуре пролетариата и социалистическом государстве; Л. Н. Боголюбов. Раскрытие роли В. И. Ленина как вождя мирового пролетариата. Т. С. Пчельников. Сельская восьмилетняя школа к ленинскому юбилею; Школы — навстречу 100-летию В. И. Ленина; Н. М. Часовникова, В. И. Мазуренко. Изучение материалов международного Совещания коммунистических и рабочих партий в курсе «Обществоведение»; И. Я. Лернер. Познавательные задания и задачи к курсу истории средних веков.

«Украинский исторический журнал» № 9, 1969 (на укр. яз.). В. Ф. Панибудьласка. В. И. Ленин о классовом единстве и содружестве трудящихся Страны Советов в национальных отношениях; Ф. Е. Лось. Ленинская характеристика основных этапов формирования российского пролетариата и его идеологии; П. И. Павлюк. К истории создания и установления памятников В. И. Ленину на Украине; С. М. Чапуга. Коммунисты Западной Украины — руководящая сила революционной борьбы рабочего класса и трудящегося крестьянства (август 1938 — сентябрь 1939 гг.); Н. А. Иванцов. Из истории рабоче-крестьянских делегаций из Польши и Западной Украины в Советский Союз в 1927 — 1931 гг.; И. К. Васюта. Западноукраинское село под гнетом монополистического капитала в 20-х — 30-х годах XX ст.; Н. А. Гарматюк. Распространение ленинских идей на Волини в период революционного подъема (1921 — 1923 гг.); Е. М. Галушко. Из истории борьбы за воссоединение с Советской Украи-

ной (1918 — 1920 гг.); А. Д. Горбул. Использование революционных боевых и трудовых традиций в идеологической работе партийных организаций Украины среди работников Морского Флота (1959 — 1965 гг.); А. П. Кознов. Борьба большевиков против провокаторов в годы реакции (1907 — 1910 гг.); А. П. Удод. Начальное образование на Украине в конце XVIII — первой половине XIX ст.; Д. М. Наумов. Национальные проблемы Канадской конфедерации.

«Украинский исторический журнал» № 10, 1969 (на укр. яз.). Я. М. Серишев. В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал Молодежи (К 50-летию КИМ); Герхард Россман. Образование Германской Демократической Республики — поворотный пункт в истории немецкого народа (К 20-летию ГДР); В. Г. Куликов. Историческая победа; И. Я. Жученко. Освобождение Закарпатья (сентябрь — ноябрь 1944 г.); Л. И. Ткачева. Укрепление связей воинов Советской Армии с трудящимися УССР на заключительном этапе Великой Отечественной войны; Н. П. Тесленко. К истории партийного строительства в западных областях Украины; Л. М. Бахматов. Деятельность партийных организаций западных областей Украины по привлечению женщин-крестьянок к колхозному строительству (1945 — 1950 гг.); Я. М. Пушкарёв. Воплощение и отображение действительности в историческом источнике; А. Н. Гаевский. Роль активности самодеятельных общественных организаций трудящихся УССР в 1959 — 1969 гг.; А. М. Кирпичников. Битвы древней Руси (IX — XIII вв.).

«Известия» Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. № 11. Вып. 3. 1969. Р. Г. Яновский. О некоторых вопросах свободы личности в философском наследии В. И. Ленина; О. Н. Вилков. В. И. Ленин о проблеме формирования всероссийского рынка; Г. А. Докучаев. Об основных этапах развития рабочего класса Кузбасса; Е. И. Деревянко. Мохэское городище на р. Завитой; А. П. Окладников. Культурно-этнические связи Приморья в эпоху культуры Сибири; Е. М. Тоцакова. Современный семейный быт у алтайцев.

«Вестник» Ленинградского университета. Серия история, язык, литература. № 14. Вып. 3. 1969. И. В. Ткаченко. Ленинская концепция истории КПСС в историографии 1921 — 1925 гг.; Л. И. Савицкая. Некоторые вопросы историографического исследования советского рабочего класса; В. А. Исаев. Борьба партии за экономическую независимость Советского государства в области турбостроения; Л. Н. Дмитриев. Культурные связи между СССР и Югославией в период Великой Отечественной войны; Х. М. Наймарк. «Исключительный закон» против социалистов и позиция буржуазно-юнкерских партий в рейхстаге; Г. А. Кавтарадзе. К истории крестьянского самосознания периода реформы 1861 г.; Ш. Ахадов. Роль потребкооперации в осуществлении ленинского кооперативного пла-

на в республиках Средней Азии (на материалах Узбекской ССР); Н. П. Бабаева. Деятельность петербургских большевиков по преодолению мелкобуржуазного влияния на пролетариат в 1905—1907 гг.; Я. М. Стец-

кевич. Страницы из воспоминаний министра народного просвещения И. И. Толстого об участии студентов Петербургского университета в революционном движении 1905 года.

Хроникальные заметки

◆ В Хабаровске в октябре 1969 г. проходила VII Дальневосточная научная конференция историков, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в которой приняли участие ученые из многих городов страны. Более 100 докладов и сообщений было посвящено истории дальневосточного отряда рабочего класса, его борьбе за победу Советской власти на берегах Тихого океана и участию в создании материально-технической базы коммунизма. Важное место в работе конференции занимали вопросы деятельности партийных организаций Дальнего Востока. На конференции выступили в качестве докладчиков представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, объединенных в специальную секцию. Материал конференции предполагается опубликовать в двухтомнике «История Дальнего Востока».

◆ Научная конференция польских и советских историков, посвященная боевому содружеству советских и польских вооруженных сил в борьбе с гитлеровской Германией, проходила в июле в Минске. Заседание открыл академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР П. Глебко. С докладами «Генезис польско-советского союза 1945 года», «Роль ППР в формировании новых польско-советских отношений», «Политика Советского Союза по отношению к Польше в 1943—1945 годах» выступили польские ученые доктора В. Ковальский, М. Малиновский и советский ученый И. Костюшко. Было заслушано свыше 20 научных докладов и сообщений, с которыми выступили сотрудники Военно-исторического института Министерства обороны ПНР, Института польско-советских отношений Академии наук Польши, Лодзинского университета, Института истории партии при ЦК ПОРП, Института славяноведения и балканистики АН СССР, представители институтов истории Академий наук БССР и Украинской ССР, институтов истории партии при ЦК КП Белоруссии и ЦК КП Литвы, ряда вузов нашей страны.

◆ 25-летию победоносного восстания трудящихся Парижа против немецко-фашистских оккупантов было посвящено состоявшееся 18 августа заседание отдела партизанского движения Института военной истории МО СССР. В нем приняли участие советские партизаны — ветераны французского движения Сопротивления

Б. Стариков, А. Стамбулян, бывший военный атташе во Франции генерал-майор в отставке Я. Ищенко и другие. С сообщением о Парижском восстании выступили Н. Цырульников и В. Быстров. Об участии советских людей в национально-освободительной борьбе французского народа рассказали Б. Стариков и А. Стамбулян.

◆ 18 сентября в Москве состоялась научная конференция, посвященная 30-летию начала второй мировой войны, созванная по инициативе Института военной истории МО СССР и Института всеобщей истории АН СССР. В зале собрались прославленные советские военачальники, ветераны второй мировой войны, представители Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, видные советские историки, преподаватели военных академий и высших учебных заведений, представители общественности. Открыл конференцию начальник Института военной истории чл.-корр. АН СССР генерал-лейтенант П. А. Жилин. В докладе «Происхождение второй мировой войны» акад. В. М. Хвостов проанализировал действие мировых общественных сил накануне войны. Он убедительно показал, что КПСС неоднократно предупреждала об угрожающей опасности и что Советский Союз настойчиво боролся за создание системы коллективной безопасности. В докладе «Уроки второй мировой войны» начальник одного из управлений Института военной истории МО СССР П. М. Деревянко охарактеризовал политические и военные уроки второй мировой войны, связанные с вооруженной борьбой и военным искусством. С научными сообщениями выступили: М. С. Мошин — «Борьба Советского Союза за обеспечение коллективной безопасности в Европе и предотвращение второй мировой войны», О. А. Ржешевский — «Англо-франко-американская политика подталкивания фашистской агрессии против Советского Союза», Н. Д. Смирнова — «Подготовка второй мировой войны и агрессия фашистской Италии на Балканах», Н. И. Шеховцов — «Решающая роль Советских Вооруженных Сил в разгроме фашистской Германии и ее сателлитов», М. И. Семиряга — «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», Н. Г. Цырульников — «Антигитлеровская борьба и дви-

жение Сопротивления в оккупированных странах Европы», Л. Л. Круглов — «Народы колоний во второй мировой войне», А. А. Громыко — «Об опасном направлении международной политики США после второй мировой войны», Н. И. Салихов — «Фальсификация происхождения и характера второй мировой войны в современной буржуазной историографии», Б. Г. Сапожников — «Роль японского милитаризма в развязывании второй мировой войны», О. Н. Рубцов — «Возрождение милитаризма и фашизма в Западной Германии». Большое место в докладах и сообщениях было уделено разоблачению фальсификации второй мировой войны буржуазными авторами. Красной нитью через все выступления прошла идея о необходимости учитывать опыт прошедшей войны и объединить усилия всех миролюбивых народов для предотвращения нового мирового конфликта. С заключительным словом на конференции выступил П. А. Жилин.

◆ 2 сентября в Москве состоялась объединенная научная сессия АН СССР, ИМЛ и Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвященная 20-летию юбилею ГДР. В Большом зале Дома дружбы с народами зарубежных стран собрались специалисты по истории Германии научных учреждений столицы, преподаватели гражданских и военных учебных заведений, слушатели Академии общественных наук, сотрудники научных библиотек, активисты советского Общества дружбы с ГДР, члены посольства ГДР в Советском Союзе, представители советской печати, радио и телевидения, чтобы торжественно отметить это важное событие в жизни немецкого народа. Открыл сессию В. Н. Малин. От имени посольства ГДР в Советском Союзе собравшихся приветствовал временный поверенный в делах ГДР в Советском Союзе Рольф Лютицендорф, от Союза Обществ дружбы — И. Ф. Ивашин. Основные доклады на сессии сделали акад. В. М. Хвостов — «Международное значение ГДР» и акад. Л. Штерн — «Двадцать лет ГДР». С докладами также выступили А. И. Соболев — «СЕПГ — боевой авангард трудящихся ГДР», Э. Диль — «Боевое содружество КПСС с СЕПГ», В. Т. Фомин — «Вклад ГДР в обеспечение мира и безопасности в Европе», С. Дерберг — «ГДР — форпост мира в Европе», Паул Новатный — «Развитие культуры и науки лужицких сербов в ГДР», Х. Бартель — «Сотрудничество историков ГДР и СССР (итоги и задачи)».

◆ В Пскове 10 октября проходила научная конференция, посвященная 20-летию Германской Демократической Республики, организованная Псковским государственным педагогическим институтом имени С. М. Кирова и городским отделением советского Общества дружбы с ГДР. В ее работе приняли участие историки, экономисты, филологи, представители Псковского горкома КПСС, учителя, лекторы областной организации общества «Знание», а также представители посольства Германской Демократической Республики Вальтер

Хенце и Кристиан Леманн. Вступительное слово произнес председатель правления Псковского городского отделения советского Общества дружбы с ГДР И. Т. Гомонов. Проректор Псковского пединститута Н. И. Копычев сделал доклад — «20 лет Германской Демократической Республики». Выступления псковичей были посвящены следующим темам: М. Н. Середа — «Сотрудничество ГДР со странами Совета Экономической Взаимопомощи», А. М. Ковальчук — «Экономическая реформа в ГДР», А. В. Воронкова — «Система народного образования в ГДР на современном этапе», С. В. Дудорева — «Развитие библиотечного дела в ГДР», Е. П. Логочева — «Послевоенное творчество Т. Манна», Н. П. Фомина — «Об участии представителя Псковского пединститута в работе 2-й Европейской конференции лингвистогерманистов в Лейпциге в августе 1969 года», М. С. Могилев — «Воспитание западногерманской молодежи в духе национализма и реваншизма», А. П. Рыбак — «ГДР в системе Варшавского Договора». В. Хенце показал в своем докладе укрепление международных позиций ГДР на современном этапе. К. Леманн раскрыл значение празднования 20-летия первого в истории немецкого рабоче-крестьянского государства и подготовки к ленинскому юбилею для дальнейшего укрепления морально-политического единства народа ГДР.

◆ 2 октября в Москве состоялась научная сессия Института востоковедения АН СССР, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося деятеля индийского национально-освободительного движения Мохандаса Карамчанда Ганди (1869—1969 гг.). Вступительное слово произнес председатель советского Организационного комитета по проведению 100-летнего юбилея М. К. Ганди акад. Б. Г. Гафуров. С докладами на сессии выступили: ответственный секретарь Советского комитета по проведению 100-летнего юбилея М. К. Ганди А. Д. Литман — «М. К. Ганди — выдающийся деятель индийского национально-освободительного движения», заведующий сектором истории Индии ИВ АН СССР Э. Н. Комаров — «М. К. Ганди и русская революция», А. М. Дьяков — «М. К. Ганди и национальный вопрос в Индии», Т. Ф. Девяткина — «М. К. Ганди и Индийский национальный конгресс», заведующий сектором экономики Индии ИВ АН СССР Г. Г. Котовский — «Экономические воззрения М. К. Ганди».

◆ В сентябре в Самарканде проходил международный симпозиум по искусству эпохи тимуридов. На этом форуме востоковедов, созданном ЮНЕСКО, ученые 17 стран ознакомились с работами в области изучения цивилизаций Центральной Азии, выполненными в Советском Союзе, ГДР, Венгрии, Афганистане, Иране, Турции, Индии, Англии, США и других странах.

◆ Краеведческий музей Орехово-Зуева пополнился новыми документами, рассказывающими о революционных традициях орехово-зуевских рабочих. В архиве най-

дено дело о знаменитой Морозовской стачке, неизвестные ранее материалы об одном из руководителей стачки — рабочем Петре Моисеенко. В экспозицию включены копия приветствия В. И. Ленину от общего собрания членов РСДРП города в день возвращения вождя революции на родину 3 апреля 1917 года. Среди документов — ответ В. И. Ленина на телеграмму продкома, в которой рабочие сообщали о том, что задерживается доставка продовольствия.

◆ Вышла в свет книга В. Н. Котова «В. И. Ленин — основоположник исторической науки». На большом фактическом и документальном материале с привлечением новых ленинских работ, впервые опубликованных в пятом издании Сочинений В. И. Ленина, автор книги освещает роль вождя и учителя всего человечества в развитии теоретических основ и марксистской методологии исторической науки. Значительное внимание в книге уделено ленинским оценкам событий всемирной истории, концепции исторического развития России, ленинской характеристике советского периода истории нашей страны. Подробно освещена роль В. И. Ленина в создании новых центров советской исторической науки и формировании кадров советских историков.

◆ Издательством «Наука и техника» выпущена монография П. Козловского «Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв.». В ней исследуется история крестьян магнатских владений по трем зонам Белоруссии: центральной, западной и восточной. На основе изучения и анализа обширных архивных материалов — инвентарных описаний магнатских имений, книг учета барщинных дней, сводных бухгалтерских книг латифундий Радзивиллов, Сапег, Потоцких, Яблоновских, Поцеев и других, жалоб крестьян, произведений мемуарной и публицистической литературы — автору удалось нарисовать убедительную картину жизни, быта и борьбы крестьянских масс против феодально-крепостнического строя.

◆ Вышел в свет путеводитель Е. А. Давидович и А. М. Мухтарова «Страницы истории Гиссара». Авторы дают краткую историческую справку о древнейшем периоде Гиссарской долины, используя рассказы археологов и нумизматов по истории края, а также описание ее в XVII—начале XX века. Они приводят сведения о торговых связях края с восточными странами, правлении бухарских беков, административном устройстве, судопроизводстве, системе налогообложения и о других вопросах социально-экономической жизни края до победы Советской власти. Второй раздел путеводителя посвящен описанию памятников архитектуры.

◆ «Историография Советского Казахстана» — так называется книга Г. Ф. Дахшлейгера, изданная Академией наук Казахской ССР. Первая глава книги посвящена теме «В. И. Ленин и некоторые проблемы казахстанской историографии». В ней автор на конкретных примерах показывает, что ленинское теоретическое наследие было и остается образцом исторических ис-

следований для всей исторической науки, в частности и для казахстанской историографии. О трудностях становления исторической науки в Казахстане рассказывается во второй главе книги. Анализируя вышедшую в свет литературу, Г. Ф. Дахшлейгер приходит к выводу, что период с середины 30-х до середины 50-х годов явился знаменательным этапом в развитии исторической науки в Казахстане: в ней утвердилась марксистско-ленинская методология, марксистско-ленинское понимание исторического процесса. Четвертая глава посвящена развитию исторических знаний в Казахстане на современном этапе. В заключительной главе книги, «Дискуссии и малоизученные проблемы», автор привлекает внимание к спорным вопросам истории Казахстана.

◆ В Пинежский краеведческий музей поступили интересные материалы — крестьянский архив, состоящий из четырнадцати рукописей-тетрадей и тридцати шести документов XVIII и XIX вв.; его передал музею уроженец деревни Шеймогоры Никита Гурьевич Спиров. Другой памятник старины — рукописная книга с «Повестью об Азовском сидении казаков». Владелец ее был Степан Игнатьевич Кривополенов из деревни Веегоры. Это сборник поучений и повестей-сказаний, объемом около 800 страниц, исписанный «уставом», «полууставом», «скорописью». Книгу украшают яркие вставки, разрисованные заглавные буквы. Вероятно, когда-то рукопись пользовалась успехом у читателей, ибо по старинной традиции они оставили автографы: «Прокопей Васильев, сын Кузнецов, читал книгу в 1782 году в мореходном хождении», «Крестьянин деревни Юберской Василий Григорьев, сын Кобелев». Таких автографов много. Это свидетельствует о том, что в XVIII в. на Севере было много грамотных крестьян.

◆ Участники экспедиции Московского университета и Института археологии Академии наук СССР во время раскопок в Новгороде дополнили «берестяную» библиотеку, которую они собирают здесь. Обнаружена берестяная грамота, на которой удалось прочитать слова: «Женивоя ту» («Женился тут»). Одна из страниц «берестяной» библиотеки представляет собой самую древнюю русскую азбуку. Неизвестный новгородец XII в. начертал на полоске коры все буквы родного алфавита.

◆ Экспедиция отдела рукописной и редкой книги библиотеки АН СССР в Кировской области обнаружила пятьдесят древних рукописей и двадцать пять старопечатных книг. Среди них — рукопись известного иконописца Луки Гребнева, автограф выговского писателя первой половины XVIII в. Мануила Петрова. Интерес представляет стихотворение, которое написано почти пятьсот лет назад. Пожелтевший листок был обнаружен среди страниц старинного сборника церковных песнопений. По форме, языку и образности выражений стихотворение значительно отличается от обычных молитв. Над строчками расположены крюковые ноты. Примечательна подпись, сделанная на листке одним из древних читателей.

лей, который, судя по всему, не был духовным лицом.

◆ В фондах библиотеки Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева обнаружен уникальный экземпляр книги. Это так называемое Служебное Евангелие из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, остатки которой перешли в музей. Точную дату издания установить пока еще не удалось, так как анонимные типографии напечатали свои книги без выходных данных. Однако характер орнаментов, встречающихся в книге, позволяет сделать вывод, что напечатана она не позже середины XVI века. Евангелие украшено пятью заставками. Одна из них изображает евангелиста Матфея, на остальных — типичный для того времени растительный орнамент. Кроме них, в книгу уже в XVII в. было вплетено изображение Матфея на отдельном листе. Бумага, на которой напечатан текст, имеет водяной знак в виде кабана. Переплет был сделан из красного бархата в XIX веке.

◆ Как известно, в 1697 г. Петр I посетил судостроительные верфи в старинном нидерландском городе Зандаме, и с тех пор домик, в котором он жил, привлекал всеобщее внимание. Недавно исследователь творчества бельгийского писателя Шарля Де Костера доцент Азербайджанского педагогического института языков имени М. Ф. Ахундова П. В. Литвинов обнаружил во французском журнале «*Tout du monde*» (1880, т. XXXIX), хранящемся в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, до сих пор не переведенный на русский язык путевой очерк Де Костера «Зеландия». В очерке содержится следующее любопытное описание этого домика Петра I: Деревянный дом на каменном фундаменте. Во времена царя в нем была только одна комната. После его отъезда домик переходил из рук в руки, а потом о нем на некоторое время забыли. Только в 1782 г. домик посетил русский великий князь Павел (позднее царь) в сопровождении высокопоставленных лиц. Побывал в домике и граф Орлов, который в качестве дара оставил золотую медаль с изображением профиля Екатерины II. Но что стало с медалью и кубками, из которых «высокие гости» пили вино, неизвестно. В 1785 г. домик купил трактирщик Вергонер. Он заплатил за него 170 флоринов да, кроме того, 40 флоринов отдал за медаль и кубки. К 1800 году домик пришел в такое плачевное состояние, что Вергонер с разрешения властей собирался вообще его снести. Однако некий Будлинг якобы из уважения к памяти русского царя, а в действительности по соображениям выгоды купил домик за 100 флоринов. Два кубка и медаль достались ему бесплатно. Будлинг произвел в домике кое-какие переделки, но в целом сохранил его первоначальный вид. Следующий хозяин, Лоббер, хотя и взимал крупную плату с посетителей, плохо содержал домик. Вильгельм II, будучи еще принцем, приобрел домик за весьма низкую цену и распорядился перекрыть крышу, чтобы таким образом спасти его от оконча-

тельного разрушения. Де Костер побывал в домике Петра I в 1878 году. Домик тогда имел самый скромный вид: два маленьких окна, внутри — камин, большой квадратный стол, деревянный стул и треугольное кресло. На стенах — два портрета (царя и царицы) и картина, изображающая Петра I с топором в руке.

◆ Архитектурно-археологическая экспедиция во главе с М. К. Каргером завершила раскопки древнейшего храма Благовещения в Новгороде — памятника 1103 года. Установлено, что храм сооружен выдающимся русским зодчим мастером Петром. Его имя сохранилось только в одной из поздних новгородских летописей. В них Петр упомянут как строитель монументального каменного Георгиевского собора, возведенного в 1119 г. в Юрьевом монастыре под Новгородом. В дальнейшем были обнаружены общие черты между Георгиевским собором и храмом Николы «на дворыще», построенным в Новгороде на шесть лет раньше. Исследователи также увидели в нем «почерк» Петра. Открытый теперь храм Благовещения был сооружен зодчим в начале XII столетия для князя Мстислава — старшего сына Владимира Мономаха. Именно для этого храма князь заказал знаменитое «Мстиславово Евангелие» — одну из древнейших русских иллюстрированных рукописей. Впоследствии памятник был разрушен, и следы его затерялись. Археологам удалось не только найти этот шедевр русского зодчего, но и полностью восстановить первоначальный облик храма.

◆ Археологическая экспедиция Института истории АН АзССР, руководимая С. М. Казиевым, проводила раскопки древней Кабалы, бывшей столицы Кавказской Албании, расположенной на территории нынешнего Куткашенского района (примерно в 20 километрах от районного центра). Азербайджанским археологам удалось впервые выявить контуры общественного здания городища. Ученые предполагают, что существовал целый комплекс подобных сооружений. Обнаруженные колонны, остатки стен двухметровой толщины говорят о грандиозности былой постройки. Об этом же свидетельствует и найденная здесь высококачественная черепица, некоторые экземпляры ее достигают 15 килограммов веса. Подобный строительный материал выявлен впервые на территории Азербайджана. До сих пор его находили лишь в античных городах Причерноморья, в Грузии и Армении. Азербайджанские археологи нашли античный некрополь Кабалы. Обнаружены погребения двух типов: в яме (так называемое грунтовое) и кувшинное. В местах захоронений сохранилось множество предметов быта, стеклянные и металлические украшения, наконечники, ножи и др. В культурном слое эллинистического периода были найдены оттиски печати II и I вв. до н. э. Среди находок — редкие монеты, древние буллы (комки глины с оттиском печати, которыми метили все — от документов до тюков с товарами) и многое другое. Новые материалы свидетельствуют о довольно высоком уровне со-

циально-экономического развития Кавказской Албании и ее широких связях с соседними странами в античную эпоху. Кабала являлась ее крупным торгово-экономическим и административным центром.

◆ В русских летописях, скандинавских сагах, сказаниях древних арабских писателей упоминается Новогрудок — богатый древнерусский торговый и ремесленный город. В этом году в Новогрудке работала комплексная экспедиция белорусских и ленинградских археологов. Ф. Д. Гуревич открыла хозяйственные постройки — клетки XII—XIII вв. со следами пожаров. В них были найдены остатки обугленного зерна, глиняные горшки для вина, гири, короба и развалившиеся бочки. Неожиданное открытие сделано под стенами замка. Белорусский археолог М. А. Ткачев обнаружил неизвестные до этого остатки более древних деревянных оборонительных сооружений. Как предполагают ученые, они являются предшественниками каменного замка. Двойной частокол на раскопанном участке имеет ширину в два — два с половиной метра и длину свыше двух с половиной метров. Все его остатки сильно обуглены. Специальному изучению подвергся квартал ремесленников-ювелиров с богатыми постройками. Были обнаружены изделия этих мастеров и предметы торговли с заморскими странами. Проведенный анализ показал, что городская жизнь в Новогрудке шла по меньшей мере с X столетия, а не с XIII, как считали ранее.

◆ Никопольская археологическая экспедиция, руководимая В. П. Шиловым, совместно с Институтом археологии Академии наук УССР обследовала ряд курганов на правом берегу Днепра. Внимание привлек огромный курган семиметровой высоты. Внутри него обнаружено погребение в каменном ящике, покрытом сверху тесаными известняковыми плитами. На них красной охрой нанесены геометрические фигуры в виде шахматной доски, прямых и косых линий. Над усыпальницей оказалось каменное изваяние, выполненное руками первобытного скульптора: человек с грубо намеченной головой и деталями лица. Наход-

ка датируется первой половиной третьего тысячелетия до нашей эры. Подверглась изучению целая серия курганов скифского времени, богатых памятниками материальной культуры. Здесь встретились амфоры, наконечники копий и стрел, железный чешуйчатый панцирь, бронзовый котел, золотые бляшки, нашивавшиеся на одежду. Содержимое курганов и найденные в них кости лошадей и баранов подтверждают, что скифское население состояло из кочевников-скотоводов.

◆ Самобытная степная цивилизация существовала в начале первого тысячелетия до н. э. на территории нынешнего Центрального Казахстана. Археологи назвали ее бегазинской — по наименованию урочища севернее озера Балхаш, где сделаны наиболее значительные находки. Установлено, что бегазинские племена располагали искусными горняками, металлургами, строителями, ремесленниками. Однако основным видом их хозяйства было кочевое скотоводство. Обнаружены необычные архитектурные сооружения, напоминающие дольмены (погребальные сооружения). Поражает огромный вес отдельных каменных глыб — до трех тонн, которые использовались для этих сооружений. Акад. АН Казахстана А. Маргулан считает, что бегазинская цивилизация была своеобразным мостом между существовавшей до нее на территории Центрального Казахстана оседлой андроновской культурой и сменившей ее культурой скотоводов-кочевников.

◆ При раскопках к востоку от цитадели древнего Афрасиаба археологи Академии наук УзССР нашли в древнейших слоях вместе со скифским наконечником стрелы уникальную античную монету. На одной стороне монеты — тонкая вязь греческого письма, а на другой — изображение головы лошади. В надписи всего одно слово — «Антиохой». Монета вычеканена двадцать три столетия тому назад Антиохом I Сотером, вторым представителем громадной империи Селевкидов, образовавшейся на Востоке после смерти Александра Македонского. Это первая медная монета Селевкидов, найденная в Средней Азии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ФАШИЗМА В ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Возникновение итальянской историографии фашизма относится к середине 20-х годов, когда были опубликованы некоторые важные труды по истории Италии и возникли главные школы и направления. Мы имеем в виду прежде всего «экономико-юридическую» школу Г. Сальвемини, «этико-политическую» школу Б. Кроче, а также работы националиста Дж. Вольпе. Все эти крупные буржуазные историки в своих сочинениях ставили вопрос о преемственности между дофашистским и фашистским периодами, об отношении между либерализмом и фашизмом.

Активный общественный деятель, меридионалист (борец за возрождение Юга) Гаетано Сальвемини рассматривал фашизм как законного преемника либеральных правительств, как продолжение «эры Джолитти» (последнего он определял как «Иоанна Крестителя Муссолини»). Решающую роль в установлении фашистского режима он приписывал старым правящим группам господствующих классов — правым либералам, монархии, военщине и Ватикану — и при этом недооценивал роль новых групп, отражавших в первую очередь интересы монополистического капитала, роль которого ощущимо усилилась за годы мировой войны. В своих выводах Сальвемини исходил из характеристики итальянского либерального государства, возникшего в период Рисорджименто, как олигархического, основанного на компромиссе буржуазии Севера с полуфеодальными элементами Юга, а также из большой остроты социальных противоречий в период послевоенного кризиса, непосредственно предшествовавшего приходу фашизма к власти. В то же время, подобно другим буржуазно-либеральным деятелям и реформистам, Сальвемини отрицал, что в Италии в 1919—1920 гг. назревала революционная ситуация и складывались объективные предпосылки для социалистической революции. Он ссылаясь на экономическую отсталость Италии, слабое развитие крупной промышленности, малочисленность пролетариата и наличие феодальных пережитков. Полемизируя с утверждениями фашистской пропаганды о том, что Муссолини «спас» Италию от революционной «опасности», Сальвемини считал, что в действительности такой опасности не существовало, ибо большинство населения было настроено против революции. Послевоенный период, по его словам, характерен не революционными настроениями масс, а лишь некоторыми признаками, как он писал, послевоенной «неврастении» (то есть возбуждения или недовольства различных слоев населения). Этот период распадается на две фазы: во время первой (1919—1920), по словам Сальвемини, усиливалось влияние социалистической партии, во время второй (1920—1922) — фашистов. «Если революция, о которой все говорят и которой многие опасаются, не воплощается в действительность, ее начинают рассматривать как неудачу. Неудавшаяся революция ведет к реакции»¹. Возникновение фашизма, таким образом, по концепции Г. Сальвемини (как и прочих деятелей, близких к реформистам), было связано исключительно с отсталостью Италии. Как представитель «экономико-юридической» школы, Г. Сальвемини механически рассматривал соотношение объективных и субъективных факторов и приуменьшал глубину послевоенного кризиса итальянского общества, недовольство рабочих, беднейшего крестьянства, некоторых «средних слоев».

Концепцию Сальвемини развили два молодых либерала — Пьеро Гобетти и Гуидо Дорсо. Они рассматривали фашизм как результат «незрелости» Италии, обусловлен-

¹ G. Salvemini. The Fascist Dictatorship in Italy. Vol. I. N. Y. 1927, p. 46.

ной всем ходом ее исторического развития. Гобетти обращал внимание на тот факт, что в Италии не произошла религиозная реформация, и резко критиковал роль либералов в период Рисорджименто. Дорсо особенно подчеркивал значение «южного вопроса», и в частности тот факт, что в период объединения Италии народные массы Юга были оттеснены от участия в революции, вследствие чего стало возможным «королевское завоевание», то есть объединение Италии вокруг савойской династии. Дорсо писал о «незрелости последних поколений»² (он имел в виду различные группы либералов и монархию), не сумевших создать подлинно либеральное государство и позднее попытавшихся использовать в своих интересах фашистское движение, что и сделало возможным «поход на Рим».

В 1927 г. были опубликованы работы Б. Кроче «История Италии с 1871 по 1915 гг.» и Дж. Вольпе «Италия в пути»³, авторы которых придерживались во многом противоположных взглядов. Б. Кроче, отрицая преемственность между либеральным и фашистским периодами, защищал либеральное наследие Рисорджименто. Он утверждал, что до фашизма Италия непрерывно и быстро развивалась по пути демократии. По его словам, фашизм был неожиданной остановкой в истории развития Италии, результатом «неизвестной болезни» (*oscura malattia*), внезапно поразившей здоровый организм. В то же время подчеркивание значения либерализма в условиях господства фашизма, уничтожившего остатки буржуазно-демократических свобод, приобретало явную антифашистскую направленность⁴. Дж. Вольпе подверг взгляды Кроче резким нападкам с профашистских позиций. Вольпе использовал при этом недостатки работы Кроче, не сумевшего объяснить причины краха либерального государства. В противоположность Кроче Вольпе всячески подчеркивал противоречия и слабости дофашистского либерального государства, в частности в «южном вопросе», и все это делал для того, чтобы изобразить фашизм как законного наследника Рисорджименто.

С иных позиций подошли к проблеме кризиса итальянского либерализма другие историки, отвергшие попытку Вольпе и других профашистских историков представить фашизм продолжателем героических традиций Рисорджименто. В этом плане характерна концепция, выдвинутая основателем католической Народной партии священником доном Луиджи Стурцо, в ноябре 1924 г. вследствие давления Ватикана эмигрировавшим в Англию и опубликовавшим там в 1926 г. книгу «Италия и фашизм». Эта концепция впоследствии оказала определенное влияние на развитие католической историографии. По словам современного христианско-демократического историка Дж. Россини, «анализ Стурцо» остается для католиков единственно правильным при оценке фашизма⁵. Стурцо связывал приход фашизма к власти с кризисом итальянских правящих классов, обусловленным некоторыми особенностями Рисорджименто. Он, в частности, подчеркивал, что основным недостатком Рисорджименто был его антиклерикальный характер, конфликт либеральных групп буржуазии с Ватиканом, лишивший новое государство поддержки католических крестьянских масс. Стурцо резко критиковал бюрократический централизм буржуазного либерального государства, «эгоизм» крупной буржуазии, вдохновлявшей фашизм. Он, как и многие другие представители антифашистских буржуазных партий и реформисты, решительно отвергал наличие в период прихода фашизма к власти «революционной опасности». Итальянские господствующие классы в 1921—1922 гг., по словам Стурцо, не опасались революционного движения трудящихся. Их «страх» был мнимым, фальшивым. Они поддерживали фашизм не из страха перед рабочим классом, а для того, чтобы лишить трудящихся их завоеваний. В целом концепция Стурцо носила идеалистический характер. Как и другие буржуазные идеологи, он не придавал первостепенного значения классовым противоречиям, изображал послевоенный кризис преимущественно как «кризис верхов». Стурцо решительно отвергал наличие «экономических обстоятельств» победы фашизма (то есть кризисного состояния экономики). Аграрный вопрос, по его мнению, обострил-

² P. Gobetti. Scritti politici. Torino, 1960; G. Dorso. La rivoluzione meridionale. Torino, 1925, p. 64.

³ D. Croce. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1928; G. Volpe. Italia in cammino. Milano, 1927.

⁴ См. Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии (1919—1929 гг.). М. 1968, стр. 356—360.

⁵ G. Rossini. Il fascismo e la Resistenza. Roma, 1955, p. 28.

ся в Италии в 1918—1920 гг. якобы отнюдь не в результате бедственного положения подавляющей массы сельского населения, а вследствие всего лишь «психологического разочарования крестьян»⁶.

В 20-х годах начала зарождаться также марксистская историография фашизма. Важнейшим этапом в развитии марксистской мысли в Италии были написанные в 1927—1935 гг. «Тюремные тетради» А. Грамши. Хотя термин «фашизм» в этих работах встречается редко, но зато почти на каждой странице, по словам П. Тольятти, присутствует «несформулированный вопрос: как это стало возможным, как этого можно было бы избежать?»⁷.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, Грамши предпринял исследование важнейших периодов истории Италии. Он пришел к выводу, что в Италии в период Рисорджименто не была завершена буржуазно-демократическая революция, поскольку победили консервативные круги буржуазии, связанные с помещичьим землевладением и опасавшиеся народных масс. В отличие от других стран в Италии переход власти к буржуазии не сопровождался «аграрной революцией», в стране не были ликвидированы феодальные пережитки, социальная база буржуазного государства была очень узкой. В результате для объединенной Италии была характерна большая острота классовых противоречий: правящие круги неоднократно прибегали к кровавым методам подавления народных масс. Незавершенность итальянской революции и предопределила такую эволюцию социально-политической жизни Италии, которая в дальнейшем привела к победе фашизма. Специфика итальянских условий подвергается у Грамши анализу с классовых позиций. Грамши отмечает сложный и неоднородный социальный состав фашистской партии, противоречия внутри фашистского движения, в частности между вооруженными отрядами отдельных фашистских главарей, финансировавшимися и вдохновлявшимися аграриями и центральным руководством Муссолини, учитывавшего во все большей мере интересы и давление крупного промышленного капитала.

Марксисты доказывали, что приход фашизма к власти не был фатально неизбежным. А. Грамши обращал внимание, что в период Рисорджименто — в силу определенных условий — левая «партия действия» упустила возможность углубить революцию, не прибегла к помощи крестьянских масс и позволила «умеренным» возглавить движение за национальное освобождение. Позднее, в период революционного подъема 1919—1920 гг., социалистическая партия не выдвинула задачу создания союза рабочего класса и крестьянства, этого необходимейшего условия победы в революции. Грамши считал необходимым использовать внутренние противоречия фашизма и вдохновлявших его различных групп правящих классов Италии. Позиция социалистов в период революционного подъема подверглась критике с разных сторон. Коммунисты резко критиковали социалистов за то, что они не использовали в 1919—1920 гг. подъем революционных настроений масс. С другой стороны, либерально-буржуазные деятели и реформисты упрекали лидеров социалистической партии за то, что они напугали буржуазию и толкнули ее в сторону фашизма. Стремясь привлечь симпатии определенных групп буржуазии, они даже выдавали за свою заслугу поражение революционных сил. В опубликованной в 1924 г. книге «От социализма к фашизму» бывший премьер-министр Италии социалист-реформист И. Бономи доказывал, что рабочий класс потерпел решающее поражение в период захвата фабрик, то есть еще до начала подъема фашистского движения⁸, и что поэтому фашизм был не нужен для сохранения капиталистической системы.

Этот же тезис развил в своей большой работе, написанной в 1938 г. во Франции с социал-демократических позиций, А. Таска. Как и буржуазно-либеральные историки, он отрицал, что в первые послевоенные годы в Италии назревала социалистическая революция. Однако в отличие от них он утверждал, что итальянское общество пережило глубокий кризис и «стала необходимой буржуазно-демократическая революция» и демократические преобразования⁹. В то же время Таска не касался вопроса о том, какой класс должен был возглавить борьбу за эти преобразования и возможно ли было осу-

⁶ L. Sturzo. Italy and the Coming World. N. Y. 1945, p. 303.

⁷ «Vie Nuove», 27.IV.1952.

⁸ I. Bonomi. Dal socialismo al fascismo. Roma. 1946, p. 36.

⁹ A. Tasca. Nascita e avvento del fascismo. L'Italia dal 1918 al 1922. Firenze. 1950, p. 19.

ществить коренные демократические реформы в условиях глубокого экономического и политического кризиса без союза рабочего класса и крестьянства. Фактически в работе А. Таски был только поставлен, но отнюдь не разрешен вопрос о соотношении борьбы за демократию с борьбой за социализм. Рассматривая проблему прихода фашизма к власти, А. Таска подчеркивал необходимость борьбы за демократию, но в то же время не учитывал, что в условиях глубокого кризиса борьба за демократию могла быть успешной только в тесной связи с борьбой за социализм и переходом власти к трудящимся классам.

Окончание второй мировой войны и победа антифашистской революции в Италии положили начало новому этапу в развитии итальянской историографии. Этот этап (особенно его первые годы) характеризуется острыми столкновениями, спорами историков-марксистов и радикально-демократических историков с идеалистами, сторонниками школы Кроче. Центральное место в работах по новейшей истории Италии заняли проблемы происхождения фашизма, характер кризиса после первой мировой войны и причины прихода фашизма к власти.

Сторонники школы Кроче отрицали, что фашизм был органически связан с социально-экономической структурой итальянского общества, находившегося на стадии империализма. Возникновение фашизма они объясняли «моральным кризисом» итальянского общества и распространением «иррационалистических идей», связанных с первой мировой войной. Критикуя «экономический детерминизм» (который они ошибочно или предвзято смешивают с марксизмом), представители этой школы отрицали возможность «четкого логического объяснения» проблемы фашизма¹⁰.

Концепцию Кроче отстаивали консервативные партии и группы, стремившиеся свести обновление Италии к простому восстановлению дофашистских политических порядков (Кроче, как известно, защищал свои тезисы в Учредительном собрании в 1945 г.¹¹). Однако прогрессивные силы (коммунисты, социалисты, радикалы и др.) выступили за глубокое обновление итальянской политической и общественной жизни, за «новую демократию». Критика дофашистской «монархической демократии», исследование кризиса либерализма — все эти вопросы приобрели большую актуальность. Большинство итальянских историков отвергло концепцию Кроче о происхождении фашизма. Так, доцент Римского университета Дж. Пертиконе писал, что фашизм «не случайное явление», а результат глубокого политического кризиса, подготовленного предшествующим развитием Италии. Рисорджименто, борьба за независимость и мировая война 1914—1918 гг. не разрешили, по словам Пертиконе, проблему массовой базы политической демократии¹², создали предпосылки для кризиса либерального государства и для прихода фашизма к власти.

В 1945 г. вышла в свет небольшая работа ученого-меридионалиста, одного из основателей антифашистской мелкобуржуазной «партии действия», Г. Дорсо, «Муссолини в период захвата власти», в которой критиковались тезисы Кроче. Автор связывал итальянский фашизм с интересами определенных социальных слоев. В работе Дорсо в отличие от многочисленных апологетических биографий дуче деятельность Муссолини показана на широком фоне кризиса либерального государства. Промышленники, банкиры, руководители армии и буржуазных партий — таковы, по мнению Дорсо, подлинные вдохновители фашистского государственного переворота¹³.

В 1948—1956 гг. были опубликованы исследования историка-марксиста П. Алатри, позднее переизданные под общим заглавием «Происхождение фашизма». Алатри поставил задачу проследить происхождение фашизма в тесной связи с анализом структуры и позиций старых правящих групп, постепенно отказавшихся от наследия Рисорджименто. В одной из его работ дан детальный анализ того кризиса буржуазного либерального государства, в результате которого фашизм пришел к власти. Автор подчеркивает, что капиталистические, промышленные и финансовые круги Севера сы-

¹⁰ Об этом еще ранее писал профессор Миланского университета А. Борджезе, отказавшийся принять фашистскую присягу (о верности режиму) и эмигрировавший в США. G. A. Borgese. *The Goliath. The March of Fascism*. N. Y. 1938, p. 21.

¹¹ См. П. Алатри. *Происхождение фашизма*. М. 1961, стр. 8; В. Сросе. *Discorsi parlamentari*. Roma. 1966, p. 176.

¹² G. Perticone. *La politica italiana nell'ultimo trentennio*. Vol. I. *La crisi della democrazia e la lotta dei partiti (1915—1920)*. Roma. 1945, p. 8.

¹³ G. Dorsò. *Mussolini alla conquista del potere*. Milano. 1949, p. 277.

грали решающую роль в создании правительства Муссолини. «Этому факту,— пишет П. Алатри,— необходимо уделить самое пристальное внимание, ибо без этого нельзя понять дальнейшее развитие истории Италии»¹⁴. В то же время Алатри учитывает точку зрения радикально-демократических историков (начиная с Сальвемини, отчасти Дорсо) и подчеркивает то большое значение, которое имела поддержка, оказанная фашизму традиционными реакционными силами.

В 1959 г. вышла в свет также небольшая работа близкого к марксистам историка Джампьеро Кароччи, который рассматривает фашизм как попытку буржуазии преодолеть глубокий кризис капиталистической системы, начавшийся под влиянием первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Кароччи подчеркивает, что фашизму, несмотря на создание контролируемых правительством массовых организаций, не удалось значительно расширить социальную базу итальянского буржуазного государства: он привел лишь к обострению прежних противоречий¹⁵.

Концепция Кроче подвергалась определенной критике и со стороны различных сторонников «этико-политической» школы. Так, активные представители «партии действия» Л. Сальваторелли и Дж. Мира в работе «История фашизма»¹⁶, опубликованной в 1952 г. и позднее переиздававшейся под другим названием, относят возникновение фашизма к периоду до первой мировой войны. Они рассматривают дофашистскую Италию как страну, «не дозревшую» до буржуазной демократии западного типа. Возникновение фашизма, утверждали эти историки, было результатом действия различных факторов, из которых они тенденциозно подчеркивали один: слабость сопротивления пролетариата. Радикал-демократ Ф. Шабо, стремясь восполнить пробелы труда Кроче, показывает экономические и политические противоречия довоенной Италии, способствовавшие победе фашизма. В то же время большинство итальянских буржуазных историков различной партийной принадлежности (либералы, радикал-демократы, реформисты, католики) нарочито преуменьшает глубину послевоенного кризиса и роль крупного промышленного капитала в процессе установления фашистской диктатуры. Так, Л. Сальваторелли в упомянутой работе отстаивает выдвинутый им еще в 1923 г. тезис о фашизме как мелкобуржуазной «третьей силе», использовавшей противоречия между буржуазией и пролетариатом. Преувеличивая «автономность» фашистского движения в начальный период, Л. Сальваторелли дает ему крайне узкое определение, сводя его к движению боевых отрядов¹⁷. В то же время в работе Л. Сальваторелли и Дж. Мира дан тонкий анализ постепенной деградации итальянской политической жизни и эволюции фашизма, который показывает, как возросло влияние реакционных групп в результате слияния в 1923 г. фашистов с националистами. Член руководства партии радикалов известный антифашист Э. Росси писал, что в 1921 г. Италия преодолела «экономический и духовный кризис»¹⁸. Ф. Шабо, развивая точку зрения Кроче, решающую роль в установлении фашистского режима приписывал не интересам монополистического, промышленного и аграрного капитала, не классовым противоречиям, а «духовным и сентиментальным факторам» послевоенного кризиса. Возросшую после 1920 г. поддержку фашизма различными кругами буржуазии Шабо объяснял «ретроспективным страхом» перед революционным движением трудящихся.

Консервативный католик С. Ячини утверждал, что в период прихода фашизма к власти, несмотря на определенные трудности, положение не было безвыходным, ибо «экономика страны в основном была здоровой»¹⁹. Другой католический автор, Р. Орфеи, подчеркивая слабость социалистической партии, изображает послевоенный кризис как исключительно «кризис верхов»²⁰. Доцент Миланского университета Ф. Каталано, по своим взглядам близкий к социалистам, в отличие от многих авторов уделяющий большое внимание экономическим и социальным причинам прихода фашизма к власти, хотя и соглашается, что в первые послевоенные годы капиталистическая система в Италии пережила острый кризис, вместе с тем отрицает назревание в стране рево-

¹⁴ П. Алатри. Указ. соч., стр. 320.

¹⁵ G. Carocci. Storia del fascismo. Milano. 1959, p. 32.

¹⁶ L. Salvatorelli, J. Mira. Storia del fascismo. 1952.

¹⁷ L. Salvatorelli. L'opposizione democratica durante il fascismo. «Il secondo Risorgimento». Roma. 1955, p. 103.

¹⁸ E. Rossi. I padroni del vapore. Bari. 1953, p. 21.

¹⁹ S. Jacini. Il regime fascista. Milano. 1947, p. 15.

²⁰ R. Orfei. Antonio Gramsci. Conscienza critica del marxismo. Varese. 1965, p. 17.

люционной ситуации на том основании, что широкие массы якобы поддерживали реформистов²¹. В действительности настроения масс в первые послевоенные годы характеризовались революционным энтузиазмом, стремлением «сделать, как в России». Этот историк большое внимание уделил кризису либерализма и роли либеральных правительств в период прихода фашизма к власти, борьбе течений внутри социалистической партии.

Борьба за демократическое обновление итальянского общества, рост влияния левых партий в политической и общественной жизни Италии еще более усилили в начале 60-х годов интерес к истории антифашистского движения. В 1959—1964 гг. в различных городах Италии — Риме, Турине, Милане, Болонье, Генуе, Модене, Флоренции — крупнейшими историками и политическими деятелями — коммунистами, социалистами, радикалами и другими — был прочитан цикл публичных лекций по истории Италии в фашистский период. Как писала «Unità», эти лекции «приобрели значение большого гражданского национального события»²².

В настоящее время историки-антифашисты различных направлений часто обмениваются мнениями по проблемам фашизма. В одном и том же издании часто публикуются работы авторов, придерживающихся различных исторических взглядов. Откровенно апологетические работы об итальянском фашизме в данный момент отваживаются издавать только иностранные буржуазные авторы. Значительно расширилась документальная основа исследований. Еще в 1962 г. П. Алатри обратил внимание на то, что исследователи истории фашизма не могут ограничиваться общими трактатами о сущности фашизма и должны дать конкретный анализ различных сторон социально-политической действительности Италии как в дофашистский, так и в фашистский периоды. За последние годы появилось большое число таких конкретных работ, посвященных специальным (иногда очень узким) вопросам. Вышли многочисленные исследования о фашизме и антифашистском движении в отдельных районах страны. Это создало предпосылки для подготовки новой серии хорошо документированных обобщающих работ. К их числу относятся книги Франко Каталано «История Италии» и «Италия от диктатуры к демократии»²³, А. Репачи «Поход на Рим: миф и действительность»²⁴, Ренцо де Феличе «Муссолини», Энцо Сантарелли «История фашистского движения и режима».

Ф. Каталано уделяет большое внимание распространению в Италии накануне первой мировой войны националистических идей, недовольству различных мелкобуржуазных слоев в отношении условий Версальских договоров. Он показывает глубину социальных противоречий в период послевоенного кризиса, профашистскую позицию либеральных правительств, колебания реформистов. Как и другие авторы-социалисты (Г. Арфе, Л. Вальяни и др.), Ф. Каталано подчеркивает также значение раскола социалистической партии на съезде в Ливорно (январь 1921 г.), происшедшего как раз в тот период, когда реакция перешла в наступление. В отличие от буржуазных и реформистских авторов Каталано считает, что активизация реакционных сил произошла еще до начала движения за захват предприятий. Уже в этот период фашизм стал служить интересам крупной промышленной буржуазии и из этой опоры черпает свою главную силу. Несмотря на поражение Муссолини на парламентских выборах 1919 г., промышленники оказали ему финансовую поддержку. В то же время спад революционного движения и ослабление социалистической партии позволили фашизму вовлечь в свои ряды «многие искренне антикапиталистические элементы». Каталано рассматривает также объективные причины (экономический кризис 1921 г., возросшая эмиграция), в силу которых рабочий класс «не обнаружил признаков большой боеспособности»²⁵. В то же время в отличие от буржуазных авторов Ф. Каталано не игнорирует полностью

²¹ F. C a t a l a n o. Potere economico e fascismo. Milano. 1964, p. 122.

²² «Unità», 21.IV.1960.

²³ F. C a t a l a n o. Dalla crisi del primo dopoguerra alla fondazione della Repubblica. «Storia d'Italia». Vol. 5. Torino, 1960; e j u s d. Dalla dittatura alla democrazia. Torino. 1962, p. 43.

²⁴ A. R e p a c i. La Marcia su Roma. Mita e Realtà. Roma. 1963; R. de F e l i c e. Mussolini il rivoluzionario. Roma. 1965; e j u s d. Mussolini il fascista. Roma. 1966; E. S a n t a r e l l i. Storia del movimento e del regime fascista. Roma. 1967.

²⁵ F. C a t a l a n o. Problemi economici e sociali dell'Italia fra il 1919 e il 1921. Milano. 1963, p. 167.

антифашистское движение трудящихся, в течение длительного времени мешавшее фашистам укрепить свое влияние в крупных промышленных центрах страны.

Сторонник взглядов Сальвемини А. Репачи развивает тезис о непосредственной преемственности между либерализмом и фашизмом. Он резко критикует Джолитти за его профашистскую позицию. Восстанавливая во всех деталях историю «похода на Рим», Репачи опровергает концепцию Сальваторелли и его утверждение о том, что будто бы сила Муссолини состояла исключительно в его вооруженных отрядах. Репачи подчеркивает, что решающую роль в приходе Муссолини к власти сыграли не его вооруженные отряды, а буржуазия и либеральные правительства, не решившиеся подавить фашистский путч при помощи армии.

Резко критикует марксистскую концепцию прихода фашизма к власти доцент Римского университета Ренцо де Феличе, автор многотомной биографии Муссолини. По мнению де Феличе, марксисты недостаточно учитывают «спонтанность и автономность» фашистского движения, его специфику. Р. де Феличе возвращается к выдвинутому либералами и реформистами (особенно Л. Сальваторелли) еще в 1923 г. тезису о фашизме как движении «средних слоев» в условиях обострения противоречий между буржуазией и пролетариатом. По его словам, буржуазия стала лишь после 1920 г. поддерживать фашизм «отчасти по психологическим мотивам, отчасти потому, что она ошибочно видела наибольшую опасность в этот момент в рабочем движении». Даже после прихода к власти фашизм «сохранил свою двоякую характеристику антикапиталистического и антипролетарского движения». В то же время де Феличе вынужден признать, что эти черты фашизма не проявлялись в «конкретных политических действиях»²⁶. В работе де Феличе развивается неолиберальная крочеанская концепция, затушевывающая под предлогом критики схематизма классовую сущность фашизма.

Марксистский анализ итогов исторических исследований по проблеме фашизма дан в двухтомной работе историка-коммуниста Энцо Сантарелли «История фашистского движения и режима», опубликованной в конце 1967 года. Автор справедливо считает, что историки фашизма восходят к довоенной Италии, к «эре Джолитти». По его словам, соблюдение «демократических норм в Италии всегда и особенно в период Джолитти было относительным»²⁷. Автор показывает, что либеральные правительства объективно оказали фашизму поддержку, хотя далеко не все либералы питали к нему симпатии. Сантарелли отвергает точку зрения де Феличе с том, что фашистское движение в первые годы его существования носило революционный характер. Он показывает, что фашизм с первых своих шагов выступал как сила, враждебная демократии и социализму. Поворот Муссолини вправо произошел значительно раньше, чем это изображает де Феличе, и именно это обеспечило поддержку Муссолини и его движения со стороны буржуазии, что и сыграло решающую роль в приходе фашизма к власти²⁸. Развивая то направление в исследованиях генезиса фашизма, которое было намечено III съездом ИКП (январь 1926 г.), Сантарелли большое место уделяет также кризису рабочего движения в тот период.

В работе Э. Сантарелли много места отведено внешнеполитическим аспектам истории Италии в фашистский период. Не сумев разрешить глубокие противоречия в самом итальянском обществе, фашизм уже в первые годы своего существования вступил на путь агрессии и войн, что и привело его в конечном счете к краху.

В последний период в итальянской историографии все больше утверждается то направление, которое в состоянии разрешить принципиально важные проблемы новейшей истории Италии, неразрывно связанные с вопросом о генезисе фашизма.

М. А. Додолев

²⁶ Il fascismo e i partiti politici italiani. Testimonianze del 1921—1923. A cura de Renzo de Felice. Bologna. 1966, p. 13.

²⁷ E. Santarelli. Storia del movimento e del regime fascista. Vol. I. Roma. 1967, p. 229.

²⁸ Ibid.

Рецензии

«Geschichte der Aussenpolitik der Deutschen Demokratischen Republik. Abriss». Dietz Verlag. Berlin. 1968, 528 S.

«Очерк истории внешней политики Германской Демократической Республики».

Двадцать лет минуло с того дня, когда была образована Германская Демократическая Республика — первое в истории Германии рабоче-крестьянское государство. За этот исторически короткий срок в ГДР осуществлены социалистические преобразования во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Двадцатилетняя история ГДР — это история неутомимой борьбы трудящихся республики за мир и социализм. Ныне трудящиеся ГДР под руководством Социалистической единой партии Германии осуществляют программу развернутого строительства социализма.

Немалых успехов ГДР добилась и на международной арене. Своей миролюбивой политикой она снискала уважение всех народов. ГДР — неотделимая составная часть социалистического содружества. Она неуклонно укрепляет на основе социалистического интернационализма свои братские связи и тесное сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социализма, всемерно поддерживает национально-освободительное движение в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В настоящее время ГДР поддерживает деловые, торгово-экономические отношения с большинством стран мира на основе принципов мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами. «Социалистическая единая партия Германии, — говорится в Программе СЕПГ, — рассматривает социалистический интернационализм, прочную дружбу с Советским Союзом, постоянное укрепление содружества социалистических государств, солидарность с молодыми национальными государствами, мирное сосуществование государств с различными общественными системами, уважение и признание права народов на самоопределение, а также суверенитет и равноправие государств, дружбу народов и уважение культуры и достижений каждого другого народа в качестве незыблемых принципов внешней политики Германской Демократической Республики»¹.

Вышедший в 1968 г. в ГДР «Очерк истории внешней политики Германской Демократической Республики» повествует о международной роли ГДР и ее успехах во внешней политике за прошедшие два десятка лет. Это — первое историческое исследование на данную тему. Книга написана коллективом авторов — немецкими историками и международниками во главе с д-ром П. Клейном, проф. Г. Крёгером, И. Крюгером, К. Зайделем, И. Цельтом.

Достоинством книги является то, что авторы предпослали ей вводную часть, где рассмотрели теоретические основы внешней политики ГДР и проанализировали исторический опыт германского рабочего класса в борьбе за мир и против империалистических войн в прошлом. Специальная глава посвящена трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, выступившим еще в середине XIX в. за самостоятельную внешнюю политику германского рабочего класса. Именно К. Маркс и Ф. Энгельс впервые провозгласили принципы пролетарского интернационализма, цели борьбы за освобождение рабочего класса во всем мире, борьбы за самоопределение народов, против реакции и захватнических войн. Эти принципы стали незыблемыми принципами социалистической внешней политики ГДР. Марксизм-ленинизм явился прочной основой миролюбивой внешней политики ГДР. Эта политика формировалась, как справедливо отмечают авторы, еще задолго до образования ГДР. Огромным было влияние ленинских идей и ленинской внешней политики СССР на германское рабочее движение. На протяжении ряда десятилетий после Великой Октябрьской социалистической революции лучшие представители германского народа, Коммунистическая партия Германии выступали при активной поддержке трудящихся масс за мир и дружбу с Советским Союзом. Этот исторический опыт стал ныне достоянием первого в истории Германии государства рабочих и крестьян. «Особенность и сила исторической позиции Германской Демократической Республики, — говорил В. Ульбрихт на VII съезде СЕПГ, — заклю-

¹ «Programm der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». В. 1963, S. 63.

чается в ее дружественной связи с первым в мире рабоче-крестьянским государством, с крупнейшей и самой передовой страной Европы — СССР»².

В вводной части книги подробно рассматривается огромная роль Советского Союза в развитии внешней политики ГДР начиная с момента освобождения германского народа от фашизма. В книге показано, какую неоценимую помощь трудящимся Восточной Германии в восстановлении народного хозяйства после войны оказывал Советский Союз, как защищал завоевания трудящихся от посягательств империализма, отстаивал интересы ГДР на международной арене.

Двадцатилетнюю историю внешней политики ГДР авторы делят на два больших периода, заканчивая свое исследование 1965 годом. Границей между обоими периодами они избрали конец 1955 — начало 1956 года. Такая периодизация представляется научно обоснованной и исторически правильной. На рубеже 1955—1956 гг. ГДР уже стала мощным социалистическим государством и завоевала прочный авторитет на международной арене. С 1955 г. ГДР — союзница Советского Союза и других социалистических стран Европы по организации Варшавского Договора. 20 сентября 1955 г. был заключен договор об отношениях между СССР и ГДР, открывший новую страницу в истории отношений между братскими социалистическими странами. К 1956 г. трудящиеся ГДР завершили выполнение первого пятилетнего плана — плана социалистического строительства.

На протяжении первого периода (1949—1955 гг.) истории внешней политики ГДР республика вела на международной арене борьбу за создание максимально благоприятных условий для социалистического строительства. Она установила в этот период дипломатические отношения с СССР и другими социалистическими странами, ставшие основой тесного, братского сотрудничества с ними в области политики, экономики, культуры. Впервые в истории граница между германским государством и соседними социалистическими странами — Польшей (по Одру — Нейсе) и Чехословакией — стала границей мира и дружбы между народами. ГДР явилась неотъемлемым составным элементом международного социалистического разделения труда, войдя в состав Совета Экономиче-

ской Взаимопомощи и приступив к согласованию и координации своих народнохозяйственных планов с другими социалистическими странами. Вместе с ними ГДР выступила за организацию системы коллективной безопасности в Европе, против империалистических агрессивных блоков, против западногерманского реваншизма и милитаризма. Об этом подробно рассказывается в третьей части книги (в главе I) и в главе I четвертой части.

В течение второго периода (1956—1965 гг.) ГДР продолжала укреплять братские отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Авторы исследования специально рассматривают положение ГДР в мировой системе социализма на этапе победы социалистических производственных отношений в ГДР (1956—1961 гг.) и особо в 1962—1965 годах. В этот период ГДР — активное звено в системе международного социалистического разделения труда. 12 июня 1964 г. между СССР и ГДР был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве, ставший краеугольным камнем миролюбивой внешней политики ГДР. В 1967 г. подобные же договоры ГДР заключила с Польшей, Чехословакией, Венгрией и Болгарией. Об отношениях между ГДР и другими социалистическими странами в этот период рассказывается в главе II третьей части исследования и в главах II и III четвертой части. Таким образом, ГДР приняла активное участие в формировании и укреплении нового типа международных отношений, сложившихся между странами социализма.

Видное место во внешнеполитической деятельности ГДР в этот период занимают ее усилия, направленные на ослабление напряженности в отношениях между обоими германскими государствами. Борясь против агрессивного западногерманского империализма, ГДР выступила с многочисленными предложениями об установлении нормальных отношений с ФРГ на миролюбивых началах, внесла предложения о мерах по разоружению обоих германских государств, об их отказе от ядерного оружия и достижении договоренности между ними по важнейшим вопросам внешней политики и германского мирного урегулирования (главы II и III третьей части). Инициатива ГДР в этом отношении явилась важным фактором мира и безопасности в Европе.

В рецензируемой книге большое внима-

² «Neues Deutschland», 18.IV.1967.

ние уделено отношениям ГДР с молодыми, развивающимися государствами Азии и Африки, со странами Латинской Америки (шестая часть исследования). С большинством этих стран ГДР установила и успешно развивает торгово-экономические и культурные отношения, помогает индустриализации этих стран и подготовке научно-технических кадров. Росту международного авторитета ГДР содействовала ее неуклонная борьба против империализма и неоколониализма. Внешнеполитические акции ГДР привели к провалу западно-германской «доктрины Хальштейна», рассчитанной на международную изоляцию ГДР. В 1969 г. ряд стран Азии и Африки — Камбоджа, Иран, Судан, Народная Республика Южного Йемена, Сирия и ОАР — также официально признал ГДР и установил с ней дипломатические отношения. Таким образом, сейчас ГДР имеет дипломатические отношения с 19 странами.

В седьмой части книги рассматриваются деловые связи ГДР с капиталистическими странами Европы, а также показывается участие ГДР в работе почти двухсот международных организаций. В этой связи представляется совершенно законным обращение ГДР о ее принятии в ООН, поддержанное многими государствами, но, к сожалению, до сих пор не находящее поддержки в официальных кругах на Западе. ГДР развивает с рядом капиталистических стран, особенно со скандинавскими странами, торгово-экономические связи. Это

ярко проявляется в проведении в ГДР регулярных «Недель Балтийского моря» с участием парламентариев и других политических деятелей из скандинавских стран, Исландии и Дании.

Перед читателем предстает, таким образом, активная, инициативная внешняя политика ГДР — политика мира и международного сотрудничества.

Авторы исследования отмечают, что международный авторитет ГДР неизмеримо возрос также в результате вклада СЕПГ в дело укрепления единства мирового коммунистического и рабочего движения. Представители СЕПГ, как известно, плодотворно участвовали во всех международных совещаниях коммунистических и рабочих партий, в том числе в международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, состоявшемся в июне 1969 года.

В Конституции ГДР, принятой в 1969 г., говорится, что народ ГДР преисполнен решимости «неуклонно следовать по избранному пути мира, социальной справедливости, демократии, социализма и дружбы народов»³.

«Очерк истории внешней политики Германской Демократической Республики» — ценное научное исследование, которое, несомненно, займет видное место в литературе по международным отношениям.

В. Б. Ушаков

³ «Neues Deutschland», 2.II.1968.

Martin ROBIN. *Radical Politics and Canadian Labour. 1880—1930*. Industrial Relation Centre. Queen's University at Kingston. Ontario. 1968 321 pp.

Мартин РОБИН. *Радикальные политические движения и канадский труд. 1880—1930*.

В книге профессора Университета имени Саймона Фрейзера в Британской Колумбии Мартина Робина исследуется борьба канадского рабочего класса за независимое политическое действие — от первых попыток вырваться из тисков двухпартийного избирательного механизма в начале 1880-х годов и кончая образованием общенациональной социал-демократической партии, которая приняла при своем возникновении в

1932 г. название Федерация кооперативного содружества (ФКС), а с 1961 г. известна как новая демократическая партия (НДП). По существу, это тема борьбы за создание в Канаде третьей партии, независимой от политического механизма либеральной и консервативной партий, сменяющих друг друга у власти вот уже в течение более ста лет существования канадской конфедерации. Как и США, Канада —

страна относительно молодого капитализма, и для нее были характерны многие из тех трудностей на пути образования третьей партии, которые отмечал Ф. Энгельс в своих известных письмах Ф. А. Зорге, касаясь рабочего движения США¹. Многолетняя борьба рабочего класса Канады выдвинула на общенациональную политическую сцену сначала небольшую боевую коммунистическую партию, объединяющую с 1921 г. политически наиболее зрелую часть рабочего класса, а затем реформистскую социал-демократическую партию. Современная НДП пользуется поддержкой профсоюзов, имеет с начала 1930-х годов своих представителей в парламенте; в послевоенные годы за нее голосует около 20% избирателей, которые вышли из-под влияния двух традиционных партий, представляющих интересы монополистического капитала. Все это свидетельствует о том, что под воздействием рабочего движения в политическом сознании народных масс Канады в новейшее время происходят существенные сдвиги.

Естественно, что эти явления привлекают внимание канадских марксистов². Эта тема стала предметом исследования также историков социал-демократического направления, которые стремятся приписать социал-демократии заслугу «политизации» рабочего движения в стране. До последнего времени вне их внимания оставалась вся предшествующая образованию ФКС история движения рабочих за независимое политическое действие. Книга М. Робина ставит задачей восполнить этот пробел и обосновать социал-демократическую концепцию создания третьей партии на более широкой исторической базе.

Выход книги М. Робина отражает некоторые новые явления в канадской историографии последних лет. Среди этих явлений — обращение, главным образом молодых ученых, к изучению истории социалистического и рабочего движения, то есть к темам, которые традиционно игнорируются в буржуазной историографии либерального и консервативного направлений. Собранный в рецензируемой книге большой фактиче-

ский материал об идейно-политических течениях в рабочем движении, о непрекращающихся попытках рабочих и фермерских партий и организаций вырваться из-под влияния буржуазных партий уже сам по себе опровергает взгляды либеральной историографии, господствующей ныне в исторической мысли Канады, на историю страны как на некий идиллический процесс компромисса, единения и гармонии классовых интересов.

Автор исследует следующие основные линии исторической борьбы рабочего класса за независимое политическое действие. В 1880—1890-х годах политическое действие рабочих было связано главным образом с идеологией и практикой «независимого лейборизма». Позиция «чистых лейбористов» была проста: избрать как можно больше рабочих представителей в законодательные органы для содействия проведению законов в интересах трудящихся. Их мало беспокоило то обстоятельство, что эти рабочие представители действовали в рамках традиционных буржуазных партий.

С возникновением социалистических организаций и социалистической партии в Британской Колумбии на рубеже XX в. основной конфликт внутри рабочего движения по вопросам политического действия автор рисует как столкновение между лейборизмом и социализмом. В конечном итоге к началу первой мировой войны в главном профсоюзном объединении — Профессиональном и рабочем конгрессе Канады (ПРКК) победу одерживает «чистый лейборизм» и даже отказ от самостоятельного политического действия, а социалистическая партия впадает в сектантство. Лейборизм и социализм расходятся, таким образом, далеко друг от друга.

Только первая мировая война, как пишет М. Робин, «разбудила спящего гиганта». Она стронула и ПРКК со спасительного якоря либеральной и консервативной партий. Много места автор уделяет послевоенному подъему рабочего и фермерского движений и их повороту в сторону самостоятельного политического действия. Он отмечает большое влияние Великой Октябрьской социалистической революции в России и создания Коминтерна на подъем рабочего движения и на размежевание в рядах канадских социалистов. М. Робин избежал примитивной концепции буржуазной историографии о «руке Москвы» и охарактеризовал возникновение Коммунистической партии Канады как ступень в развитии канадского марксистского социализма.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38, стр. 213—216, 476—481.

² См., например, Тим Бак. Тридцать лет коммунистического движения в Канаде (1922—1952). М. 1954. Вопросы политической борьбы рассматриваются также в недавно вышедшей книге Ч. Липтона об истории профсоюзного движения: Ch. Lipton. The Trade Union Movement of Canada 1827—1959. Montreal. 1967.

В обстановке революционного подъема первых послевоенных лет складывается в 1922 г. общенациональная Канадская трудовая партия как организация единого демократического фронта. В 1922—1929 гг. в нее входили коммунисты, социалисты, профсоюзы, кооперативные и некоторые фермерские организации. В последней главе книги автор собрал большой материал об этой партии и показал, как правые профсоюзные деятели и «умеренные демократические социалисты» раскололи Канадскую трудовую партию, перегруппировались в местных партиях и в 1928—1929 гг. учредили новое объединение — Западную конференцию рабочих партий. Очередной съезд этой организации, созданной без коммунистов и против коммунистов, провозгласил в 1932 г. образование Федерации кооперативного сотрудничества. ФКС возникла в тот момент, когда компартия была запрещена и ее лидеры находились в тюрьме.

В отличие от историков-марксистов, рассматривающих историю рабочего движения с точки зрения борьбы двух тенденций — революционной и оппортунистической, М. Робин исходит из множественности тенденций, объединяя все движения и течения, стоящие вне двух традиционных партий, расплывчатым термином «радикализм». Поэтому собранный автором большой материал об идейно-политических течениях в рабочем движении Канады, о многочисленных местных рабочих партиях и их сложных и запутанных взаимоотношениях создает в ряде глав впечатление бессмысленного хаоса. Это впечатление усиливается благодаря избранному автором методу объективизма: дело, мол, в том, что в жизни была эта множественность течений и отбор оптимальных решений ведет сама жизнь. Действительно, ранние социалисты в Канаде оказались неспособными охватить все эти разнородные явления, соответственно их оценить и определить свою тактическую линию. Далеко не все видели, что за многообразием взглядов проступала линия разграничения между сторонниками классовой борьбы и сторонниками классового сотрудничества. Уровень такого размежевания отражает в то же время уровень классового самосознания пролетариата. Между этими двумя позициями всегда существуют промежуточные силы, которые, как подтверждает исторический опыт, в том числе и канадский, неизменно оказываются ближе к линии классового сотрудничества. Поэтому важна четкая оценка того, что назы-

вают правым, «умеренным» и левым течением в рабочем движении. В последней главе книги М. Робина, на материале 1920-х годов, уже более ощутимо проступают эти три течения. Каково же его отношение к ним?

Рассматривая историю Канадской трудовой партии, автор, например, пишет, что «изоляция крайне левых, распад и апатия умеренно-правых сделали демократических социалистов главными носителями традиции независимой левой партии» (стр. 269). Что касается развития идейной стороны процесса, то и здесь, как утверждает М. Робин, «социально отобранными» оказались к 1930 г. идеологии лейборизма и «демократического социализма»; «они стали ведущими идеологиями соответственно в профсоюзах и ФКС» (стр. 275—276). Таким образом, к 1930 г., заключает автор, «лейборизм и социализм пережили экспериментальную эру, но они были разделены» (стр. 238). После второй мировой войны положение резко изменилось: «Идеологическая умеренность партии оказалась более привлекательной для рабочих лидеров, чем строгий формализм раннего социализма» (стр. 294). Так в НДП соединяются спустя почти столетие два «умеренных» течения (из профсоюзов и из движения «политического радикализма»), и третья партия вписывается в современный парламентаризм. Ее идейные основы — лейборизм и «демократический социализм» — были в основном заимствованы, отмечает М. Робин, из британской интеллектуальной традиции и прежде всего из арсенала фабрианцев и христианского социализма, которые в Канаде отбирались и кристаллизовались в процессе длительной эволюции. Для полноты картины автор мог бы добавить к этому и идеи кейнсианства.

Автор избегает четкой постановки вопроса о том, что борьба рабочих за самостоятельное политическое действие была и есть проявление и форма классовой борьбы. Поэтому он отказывается и от четкого определения характера ФКС как партии реформистской и от ясной оценки тех сдвигов, которые произошли в классовом сознании рабочих масс за рассмотренный период. И это не случайно. Авторская концепция как раз и состоит в том, чтобы доказать, что левое крыло в рабочем движении Канады — и ранние социалисты и коммунисты — было случайным, не типичным явлением, так сказать, отклонением от того общего неуклонного стремления к умеренности и «демократическому социализму», ко-

торый у автора венчает процесс движения рабочих за самостоятельное политическое действие, начиная от его первых шагов, предпринятых в начале 1880-х годов. Таким образом, весь спектр идейно-политической борьбы в рабочем движении оказывается как бы сдвинутым в сторону движения «среднего класса».

М. Робин не увидел и того, что само возникновение реформистской ФКС было в конечном итоге следствием борьбы именно левых сил, в том числе и компартии, за то, чтобы вырвать рабочий класс из-под идеологического и политического влияния буржуазии. Тим Бак пишет по этому поводу: «Объективно появление Федерации кооперативного содружества было результатом деятельности коммунистической партии. Факт ее появления свидетельствовал об эффективности работы коммунистической партии. Диалектически это было неотъемлемой частью того эволюционного процесса, в котором рабочий класс на своем собственном опыте познает, что только его собственная партия, действующая в неизменном и полном соответствии с историческими задачами, стоящими перед рабочим классом, приведет его к победе»³. По-иному, чем М. Робин, Тим Бак определяет и идеологический аспект образования ФКС. Он пишет: «Согласно закону политического роста рабочего класса, создание ее было определенным этапом в постепенном приближении рабочего класса к признанию исторической необходимости коммунистической программы»⁴. Таким образом, то, что марксисты характеризуют как часть процесса политического и идеологического освобождения рабочего класса из-под влияния буржуазии, у М. Робина предстает как конечный результат. В этом проявилась тенденциозность авторского подхода и его близость к современным буржуазно-реформистским теориям о спаде «боевитости» в рабочем движении и приближении сознания рабочих к уровню «среднего класса».

При всем обилии фактического материала в книге не нашли отражения многие существенные стороны исследуемой проблемы. Одним из таких упущений является игнорирование положения различных отрядов рабочего класса и тех изменений, которые происходят в нем в связи с разви-

тием канадского капитализма. Содержащаяся в книге критика чисто экономического детерминизма (стр. 292) и утверждения о неприменимости теории рабочей аристократии для объяснения политического консерватизма рабочих организаций Канады (стр. 286—287) свидетельствуют о том, что этот отрыв политики от экономики составляет элемент авторского мировоззрения. Видимо, поэтому, изучая политическое движение рабочего класса, М. Робин отрывает его от экономической борьбы канадских рабочих.

В течение последних 30—40 лет канадская социал-демократия формируется в условиях перерастания канадского монополистического капитализма в фазу государственно-монополистического капитализма. На этом историческом пути она впитала в себя черты антимонаполистического фермерского радикализма и сочетает ныне тред-юнионизм с социал-демократическим реформизмом. В этом отношении М. Робин близко подходит к исторически правдивой оценке характера канадской социал-демократии. Однако, рисуя эту партию как некий законченный вариант «социалистического» политического движения, он упускает из виду тот факт, что в конечном итоге программа НДП не выходит за рамки мероприятий государственно-монополистического регулирования экономики, исправления «зол капитализма», его «улучшения».

Отмечая эти черты, мы также не должны оставлять без внимания и тот факт, что канадская социал-демократия в какой-то мере отражает требования антимонаполистического движения в стране, что в конечном итоге позволяет выделить на протяжении истории этой партии две тенденции. С одной стороны, этот антимонаполистический аспект позволяет объединить вокруг НДП, а в прошлом открывал такую возможность и перед ФКС, широкие антимонаполистические, демократические силы Канады для разрыва пут двухпартийной системы, выражающей господство монополистического капитала. С другой стороны, НДП, как и в прошлом ФКС, стоит перед угрозой перерождения в обычную либерально-буржуазную партию. Поэтому не случайно М. Робин заканчивает свою книгу вопросом о том, что ждет новую демократическую партию в будущем.

³ Тим Бак. Указ. соч., стр. 112.

⁴ Там же, стр. 113.

Dr. Ursula HERRMANN. *Der Kampf von Karl Marx um eine revolutionäre Gewerkschaftspolitik in der I. Internationale 1864 bis 1868*. Berlin. Verlag Tribüne. 1968. 320 S.

Урсула ГЕРМАН. *Борьба Карла Маркса в I Интернационале за революционную политику в профсоюзном движении. 1864—1868 гг.*

60-е годы нашего века можно назвать весьма плодотворными в изучении истории I Интернационала. Благодаря публикациям Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ряда зарубежных ученых широким кругам исследователей стали доступны ранее не издававшиеся или ставшие библиографической редкостью документы Генерального Совета и местных секций, а также отдельных деятелей Международного Товарищества Рабочих. Широкая документальная база стала основой для многих монографических исследований как по истории Интернационала в целом, так и по истории его секций в отдельных странах. Накопленный наукой фактический материал позволил перейти к более глубокому осмыслению основных проблем практической и теоретической деятельности Интернационала, к изучению «вертикальных» проблем, среди которых внимание ученых привлекает и место профессионального движения рабочего класса в истории I Интернационала. Изучение этой темы имеет существенное значение для разработки стратегии и тактики пролетариата, для решения вопроса о правильном сочетании борьбы за удовлетворение непосредственных требований рабочих с борьбой за конечную цель движения — полное освобождение пролетариата от капиталистической эксплуатации.

Данный аспект истории I Интернационала давно находился в поле зрения исследователей. Достаточно назвать работы В. Засулич, Д. Рязанова, а в последнее время — Ж. Брюа, З. Бюнгера, Л. Кашкаревой, Ф. Полянского и др. Однако эти авторы давали лишь общий обзор проблемы или касались отдельных ее сторон. Книга Урсулы Герман представляет собой первую попытку комплексного изучения данного вопроса, правда, лишь в начальные четыре года деятельности Товарищества. У книги солидная источниковедческая основа: произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, протоколы Генерального Совета, конгрессов Интернационала и его местных секций, документы и письма деятелей Товарищества, материалы рабочей и демократической печати («Bee-Hive», «Vorbote», «Rive Gauche»,

«Commonwealth» и др.). Урсула Герман опирается на предшествующие исследования — работы своих соотечественников и советских историков, в частности на трехтомную монографию по истории I Интернационала, подготовленную ИМЛ при ЦК КПСС¹.

Автор делает попытку, во многом удачную, определить значение профессиональной борьбы пролетариата в решении его всемирно-исторических задач. На основе анализа трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в книге показана разработка основоположниками научного коммунизма принципов профессионального движения до конца 40-х годов XIX века. Урсула Герман подчеркивает, что в 50-х годах XIX в. создаются важные предпосылки для дальнейшего развития марксовой теории экономической борьбы пролетариата. Автор справедливо исходит из того, что процесс этот имеет две стороны: дальнейшее развитие марксовой теории (продолжая экономические исследования, Маркс разработал в это время теорию прибавочной стоимости и показал особый характер товара «рабочая сила») и развитие самого рабочего движения. Эти два процесса рассматриваются в книге во взаимопроникновении.

Большое внимание уделяется в монографии рабочему движению, уровню классовой борьбы пролетариата в наиболее развитых к тому времени в промышленном отношении странах Европы — Англии, Франции и Германии. В связи с завершением промышленной революции во Франции и Германии происходили структурные изменения в составе пролетариата, утрата же буржуазией революционного потенциала ставила перед рабочим классом этих стран новые задачи. Однако рабочее движение еще только вступало на путь осознания своих классовых целей, а распространенные среди рабочих прудонистские и лассальянские догмы мешали развертыванию классовой борьбы пролетариата.

¹ «Первый Интернационал». Ч. 1 (1864—1870). М. 1964; ч. 2 (1870—1876). М. 1965; ч. 3. «Первый Интернационал в исторической науке». М. 1968.

Автор анализирует доктрину Прудона и взгляды его последователей, которые приняли участие в создании Интернационала и его первой парижской секции (Толен, Фрибур и др.). Прудон и его последователи выступали против стачек и борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, против профессиональных организаций пролетариата. В Интернационале они были главными противниками марксовой политики в области профессионального движения и на конгрессах ожесточенно боролись против включения научно обоснованных положений экономической борьбы пролетариата в программу Интернационала. Вместе с тем, как показывает автор, уже в то время среди французских рабочих росла оппозиция ортодоксальному прудонизму, что способствовало преодолению прудонистских догм в области экономической борьбы.

К моменту создания Международного Товарищества Рабочих Англия стала страной, где экономическая борьба пролетариата получила наибольшее развитие, а профессиональные организации не имели себе равных в мире ни по численности, ни по степени влияния на рабочих. Подробно рассматривая практику английского тред-юнионизма, автор вскрывает его сильные и слабые стороны, объясняет причины реформистской ориентации английского тред-юнионизма и усиления ее с конца 60-х годов XIX века. Деятельность Генерального Совета МТР, направленная на вовлечение английских тред-юнионов в Интернационал, способствовала воспитанию у английских рабочих чувства пролетарского интернационализма, сохранению и развитию революционных традиций. Эта деятельность, по мнению автора, осуществлялась в интересах не только английского, но и всего международного пролетариата; она сыграла важную роль в борьбе за единство международного рабочего движения на революционной основе, в развитии классового самосознания пролетариата, в соединении принципов научного коммунизма с рабочим движением, в подготовке профессионального движения в других странах, а затем в создании массовых пролетарских партий.

Принципы экономической борьбы пролетариата были изложены в первых программных документах Интернационала, написанных Марксом, в докладе «Заработная плата, цена и прибыль», прочитанном Марксом в Генеральном Совете, в «Инструкции делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам»; они нашли также во-

площение в решениях Женевского, Лозаннского и Брюссельского конгрессов. Все эти документы подробно рассматриваются в книге, определяется место каждого из них в общем развитии марксовой экономической теории. Доклад Маркса «Заработная плата, цена и прибыль» расценивается Урсулой Герман как один из важнейших документов марксизма об основных принципах и тактике профсоюзной борьбы. «Хотя этот доклад,— отмечает автор,— и посвящен главным образом роли профессиональных союзов внутри существующего капиталистического общества, Маркс не ограничивает ее этим, подчеркивая взаимную связь между экономической и политической борьбой, между повседневной борьбой и социалистической целью. Он обращает особое внимание на то, что ограничение рабочего дня возможно только путем законодательного регулирования, и обосновывает «необходимость общего политического действия» (стр. 79—80).

Автор пишет, что в «Инструкции», основные положения которой вошли в принятые Женевским конгрессом резолюции, нашло отражение выработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в 40-х годах учение о роли профессиональных союзов в подготовке рабочего класса к революционной борьбе; вместе с тем в ней заключено и всесторонне обоснованное К. Марксом в начале 60-х годов положение об экономической необходимости профессиональных союзов для рабочих. «Пока существует капиталистическое общество,— пишет Урсула Герман, резюмируя взгляд Маркса на роль профсоюзов при капитализме,— профсоюзы обязаны вести борьбу против увеличения прибыли за счет рабочих, за более высокую долю рабочего класса в созданной им стоимости» (стр. 241).

Специальный параграф книги посвящен анализу проблем профессионального движения в I томе «Капитала». В последние годы марксистские историки I Интернационала все настойчивее изучают конкретные пути проникновения идей Маркса в рабочее движение, и особенно идей «Капитала»². Эта тенденция представлена и в книге Урсулы

² См. «Очерки идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса». М. 1968; М. М. Михайлова. К истории распространения I тома «Капитала». «Из истории марксизма и международного рабочего движения». Сборник статей. М. 1963; R. Dlubek, H. Skambraks. «Das Kapital» von Karl Marx in der deutschen Arbeiterbewegung (1867 bis 1878). Abriss und Zeugnisse der Wirkungsgeschichte. B. 1967.

Герман. Автор подробно рассматривает, как все более широкие круги пролетариата знакомились с марксистскими положениями об экономической борьбе благодаря публикации отдельных работ К. Маркса, его выступлениям в Генеральном Совете, пропаганде идей «Капитала», выступлениям сторонников Маркса на конгрессах и т. д. В книге подробно анализируются статьи сторонников Маркса — П. Лафарга, Э. Дюпона, В. Либкнехта, И. Ф. Беккера — в немецкой, английской и французской печати. Так, отмечается, что в статьях Лафарга, помещенных в «Rive Gauche», выдвигалось положение о классовой борьбе как решающем моменте общественного развития и обосновывалась революционная роль пролетариата. Широко цитируя «Нищету философии», П. Лафарг знакомил французских рабочих с марксовой критикой утопических рецептов Прудона. Большое значение в пропаганде марксистских идей имели статьи немецкого рабочего, соратника Маркса по Генеральному Совету И. Г. Эккарнуса, публиковавшиеся в «Commonwealth» в 1866—1867 годах.

Один из важнейших вопросов, поставленных в исследовании, — это вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов, о том, как Маркс представлял себе в то время пути формирования самостоятельных рабочих партий. Об этом уже однажды говорилось на страницах журнала «Вопросы истории»³. В развитие данной проблемы вносит свой вклад и Урсула Герман. Она считает, что широта организационных принципов Международного Товарищества Рабочих способствовала развитию двух относительно самостоятельных линий классовой пролетарской борьбы в Интернационале — профессионального движения и формирования революционных пролетарских партий в отдельных странах. И то и другое движение опиралось на фундамент марксистской теории. Обе эти линии существовали не изолированно, а в тесной связи между собой, и именно это обстоятельство обеспечивало общественно-политическую силу рабочего класса.

Автор подчеркивает, что в изучаемый период, вплоть до Брюссельского конгресса 1868 г., проблема соотношения партии и профессиональных союзов не была и не могла быть разработана, так как еще не существовало самостоятельных рабочих партий. Урсула Герман считает, что и сама специфика

ка профсоюзного движения выработалась только в ходе развития Товарищества. Эти соображения представляются нам интересными, однако без привлечения более широкого фактического материала всей истории Товарищества (особенно после Парижской коммуны) и изучения взглядов Маркса и Энгельса на партию после революции 1848—1849 гг., по-видимому, решить этот вопрос нельзя.

Закономерен и убедителен вывод автора, что деятельность Международного Товарищества Рабочих способствовала профессиональной организации пролетариата во всех странах. Перед первым (Женевским) конгрессом 1866 г. к Интернационалу присоединилось в Англии от 5 до 10% всего организованного пролетариата, присоединение тред-юнионов, особенно провинциальных, продолжалось и после конгресса; во Франции создавались профессиональные (синдикальные) общества, внутри которых росло влияние членов Интернационала; в Германии первые марксистские профсоюзы исходили из решений Женевского конгресса и сыграли важную роль в образовании Эйзенахской партии. В ряде стран было осуществлено или подготовлено объединение профсоюзов в национальном масштабе. В книге убедительно показано, как К. Маркс и Ф. Энгельс оказывали поддержку организации профессионального движения в разных странах и его теоретическому обоснованию. Принципы экономической борьбы пролетариата и его профессиональных союзов, разработанные в программе Товарищества, были впоследствии повсеместно признаны в рабочем движении.

Урсула Герман выступает против право-оппортунистических идеологов, утверждавших, что К. Маркс считал важнейшей организацией рабочего класса не партию, а профсоюзы. Она рассматривает это как их попытку оправдать свой отход от позиций революционной классовой борьбы.

В конце книги помещен интересный справочный материал: список и краткое описание стачек и забастовок, поддержанных Генеральным Советом в 1864—1868 гг., с указанием источников; перечень английских тред-юнионов, заявивших о вступлении в Товарищество в те же годы.

Следует отметить отдельные недостатки книги. Ее положения не всегда бесспорны, не все вопросы изучены с достаточной глубиной. Ограничение хронологических рамок исследования 1864—1868 гг. не вызывает возражения, ибо именно в тот период были

³ И. А. Бах. К характеристике К. Маркса как руководителя международного пролетариата. «Вопросы истории», 1968, № 5.

сформулированы и включены в программу Интернационала основные требования экономической борьбы рабочего класса. Но это ограничение помешало автору всесторонне рассмотреть проблему профессионального движения в Товариществе, в частности причины зарождения определенных анархо-синдикалистских тенденций и борьбу Генерального Совета с ними. Правильно выделяя период после революции 1848—1849 гг. как решающий в формировании марксистской политической экономии, автор, однако, не уделяет внимания важнейшим экономическим рукописям К. Маркса того времени (рукописи 1857—1858 и 1861—1863 гг.). Между тем именно в них содержится богатый материал, помогающий проследить развитие взглядов Маркса на экономическую борьбу пролетариата и роль профессиональных сою-

зов. Здесь показано также разоблачение Марксом теоретической несостоятельности положений вульгарной буржуазной политической экономии и недостаточность критики Прудонем буржуазной собственности. В последние годы у нас появился ряд трудов, посвященных изучению этих рукописей⁴. Эти книги, конечно, могли бы помочь автору в его исследовании.

Высказанные замечания не умаляют, однако, значения серьезной книги Урсулы Герман, ее вклада в изучение истории I Интернационала.

В. А. Смирнова

⁴ В. С. Выгодский. История одного великого открытия Карла Маркса. М. 1965; А. И. Малыш. Формирование марксистской политической экономии. М. 1966; см. также «Карл Маркс. Биография». М. 1968.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1969, № 4.

Е. Георгиев. Деятельность Кирилла и Мефодия — вклад болгарского народа в общеславянское и общеевропейское историческое развитие; А. Леонидов. Внешние займы Болгарии в период после первой мировой войны; З. Маркова. Борьба болгарского народа против засилия греческого духовенства в национально-культурной жизни страны в середине XIX века; В. Тошкова. Присоединение Болгарии к державам фашистской «оси»; М. Андреев. Редакция так называемого Закона Юстиниана («Судац») и ее автор; П. Тивчев. Война между Византией и Болгарией в 977 году.

«Философска мисъл». София. 1969, № 8.

Обращение международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве по случаю 100-летия со дня рождения В. И. Ленина; Марксистская философия и социалистическая революция в Болгарии; Акад. В. Георгиев. К 100-летию Болгарской Академии наук; П. В. Копнин (СССР). Некоторые проблемы теории отражения и современная наука; Д. Митев. Коминтерн и некоторые проблемы современности; И. Марев. Сознательность и стихийность в социалистическом обществе;

В. Бурнев, В. Боев. Попытка теоретико-информационной интерпретации противоречия между накопленными знаниями и возникающими проблемами.

«Párttörténeti közlemények». Budapest. 1969, № 3.

И. Пинтер. Провал попыток создания единых фашистских рабочих организаций (19 марта 1944 г.—октябрь 1944 г.); Л. Варга. Некоторые вопросы программы Социал-демократической партии Венгрии 1903 года; К. Сакач. Первая попытка создания профессионального союза сельскохозяйственных рабочих (1896—1900 гг.).

«Deutsche Zeitschrift für Philosophie». Berlin. 1969, № 8.

А. Козинг. Марксистско-ленинское мировоззрение и основной вопрос философии; Ф. Фидлер. Научное познание и социалистические производственные отношения; Й. Диалло. Марксистская диалектика и ее значение для революционной практики развивающихся стран; Й. Цимутта. Диалектика случайности и необходимости в эволюционном процессе; Г. Винтер. О понятии религии в современной евангелической теологии; Э. Эшлер. Аристотель и учение о происхождении видов.

«*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Berlin. 1969, № 9.

20-я годовщина основания Германской Демократической Республики; Л. Штерн. ГДР — воплощение прогрессивных традиций истории Германии; М. Штейнмец. Наследие Томаса Мюнцера; Х. Шеель. Немецкие якобинцы; В. Руге. Ноябрьская революция и современная борьба между социализмом и империализмом; Э. Лабор. Традиции германо-советской пролетарской солидарности; Д. С. Давидович. Заветы Эрнста Тельмана и их осуществление в ГДР; Г. Я. Рудой. Зарождение демократической печати в послевоенной Германии; К. Виллих. Национальный комитет «Свободная Германия» и НДПГ; Г. Н. Горшкова. Развитие и значение Национального фронта демократической Германии; Г. Вирт. Традиции христианской борьбы за мир; Г. Хартман. Переход мелкобуржуазных слоев городского населения на позиции социализма; Г. Шнейдер. Процесс перехода буржуазных кругов населения от национализма к интернационализму; К. Й. Шиллер. Осуществление демократических традиций лужицкого национального движения в ГДР.

«*Kultura i społeczeństwo*» Warszawa. 1969, № 1.

Ю. Халасиньски. От нации шляхетской к нации народной; Д. Галай. Союзники и противники крестьянского политического движения в Польше; С. Новаковски. Локальные группы населения в послевоенной Польше; Я. Стшелецки. Жан Жорес; Б. Молиньски. Типы семьи и воспитательное значение труда; З. Коморовски. Фульбе и «хаальпулаарен» — легенды и действительность; М. Червиньски. Обычай и нравственный выбор; А. Зайончковски. К проблематике науки о человеке.

«*Kultura i społeczeństwo*». 1969, № 2.

С. Ольшовски. Важная роль литературы в деле формирования человеческого сознания; Ю. Тейхма. Формирование общественного сознания молодежи; Ю. О. Михальски. Культура — народное творчество — профессиональные писатели; Ю. Халасиньски. Шляхта и крестьяне. Деревня — город — нация; С. Новаковски. Силезский университет. Путь силезцев к польской нации; В. Соколович, С. Завадски. Система Рад Народовых и процессы индустриализации и урбанизации в стране; В. Щербя. Молодежь — участник строительства Народной Польши.

«*Nauka polska*». Warszawa. 1969, № 1.

Я. Щепаньски, Е. Вятр. Изменения в структуре польского общества под влия-

нием индустриализации и урбанизации и обороноспособность страны.

«*Nauka polska*». 1969, № 2.

Ч. Мадайчик. Возрождение Польши в 1918 г.; К. Сецомски. Перемены в хозяйственной структуре Польши в период 1918 — 1968 гг.

«*Przegląd zachodni*». Poznań. 1969, № 3.

Е. Красуски. Германская экспансия на фоне распада Версальской системы; Л. Мочульски. Военная подготовка фашистской Германии к войне с Польшей в 1939 г.; К. Скубишевски. Был ли Гданьск поводом к войне?; Х. Орловски. Сентябрь 1939 г. и писатели третьего рейха; Е. Сулек. Гитлеровская Германия в оценке НДП; Материалы. Т. Цесляк. Польско-скандинавские отношения в годы второй мировой войны; М. Косман. Избица Куявска в годы гитлеровской оккупации.

«*Zapiski historyczne*». Toruń. 1969, № 2.

М. Богуцка. Балтийская торговля Амстердама в первой половине XVII века (по фрахтовым контрактам); С. Валэнга. Из истории судебной практики XVII—XVIII веков: к вопросу о причинах спора города Торуня со шляхтичем Лукашом Конопкой (окончание).

«*Z pola walki*». Warszawa. 1969, № 2.

В. Гура. Внутренние и международные предпосылки образования народной власти в Польше; Х. Слабек. Социальные преобразования в Народной Польше; Р. Халляба. Вопросы политики Польской рабочей партии по отношению к лагерю реакции и Польской крестьянской партии (апрель 1944 — апрель 1945 г.); А. Пшигоньски. Научные исследования по истории Польской рабочей партии в годы гитлеровской оккупации; В. Гура, Н. Коломейчик. Проблемы разработки истории Польской рабочей партии в период Народной Польши; Документы и воспоминания. Политическая переписка Ю. Мархлевского. Часть II. 1908—1909; Выступления представителя Коммунистической рабочей партии Польши Ю. Уншлихта на I конгрессе Коминтерна; Я. С. Ханеман. На заре Народной Польши (Воспоминания); Сообщения. — М. Билевич. Два новых документа к биографии К. Маркса; Н. А. Субаев. Польские интернационалисты в Татари (1917—1921); М. Вжосек. Революционное движение в 1-м Польском корпусе ген. Ю. Довбур-Мусьницкого; Я. Яниак. Новое о взрыве в Варшавской цитадели (к делу Багиньского и Вечоркевича); В. Матушевска. К вопросу о политике Коммунистической партии Польши в деревне.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М. 1968. 300 стр. Рец.: г.п.—«Rev. dějin socialismu». Praha. 1969, № 3, s. 467—468.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.-Л. 1965. 231 стр. Рец.: Widnäs M.—«Zeitschr. für slavische Philologie». Heidelberg. 1967, H. 2, S. 446—449.

«Борьба за Советскую власть в Литве в 1918—1920 гг.». Сб. документов. Вильнюс. 1967. 475 стр. Рец.: Skrzypek A.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich». T. 4. Warszawa. 1969, s. 203—206.

Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917—1966. Л. 1968. 424 стр. Рец.: Demény L.—«Studii. Rev. de istorie». București. 1969, № 2, p. 387—389.

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л. 1965. 403 стр. Рец.: Kuczyński A.—«Lud». Wrocław. 1968, t. 52, s. 332—335.

«Высшие женские (Бестужевские) курсы». Библиогр. указатель. М. 1966. 192 стр. Рец.: Stope I.—«Canadian Slavic Studies». Montreal. 1969, № 1, p. 135—136.

«Документы внешней политики СССР». Т. 1—12. (7 нояб. 1917—31 дек. 1929). М. 1957—1967. 12 т. Рец.: Zabiello S.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich». T. 4. Warszawa. 1969, s. 211—226.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. 751 стр. Рец.: Nonn G.—«Pártélet». Budapest. 1969, № 7, 108—111 old.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1969. Пер. на англ. яз. L. 1969. Рец.: Petric Ch. Russian Steamroller. «Ill. London News». 1969, № 6786, p. 30.

«Историография нового времени стран Европы и Америки». М. 1967. 670 стр. Рец.: Dutkiewicz J.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich». T. 4. Warszawa. 1969, s. 194—196.

«Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в.». Документы и материалы в 3 т. Т. I: 1408—1632. М. 1965. 363 стр. Рец.: Dvoichenko-Markov D.—«Canadian Slavic Studies». Montreal. 1969, № 1, p. 139—141.

«История Коммунистической партии Советского Союза». Т. I. М. 1964. 633 стр. Пер. на польск. яз. Warszawa. 1968. Рец.: Wilk M.—«Nowe książki». Warszawa. 1969, № 16, s. 1096—1097.

«История халифов анонимного автора XI века». Факс. рукописи. М. 1967. 53, 645 стр. Рец.: Gabrieli F.—«Riv.

degli studi orient.». Roma. 1968, fasc. 2, p. 222—223.

Итенберг В. С. Движение революционного народничества. М. 1965. 443 стр. Рец.: Grant St.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 13—25.

Казакевич Р. А. и Мандель С. Е. Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX в. Л. 1967. 75 стр. Рец.: Sutyla J.—«Kwart. ped.». Warszawa. 1969, № 3, s. 201—204.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI века. М. 1967. 392 стр. Рец.: Fine J.V.A.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 2, p. 19—30.

Кись Я. П. Промисловість Львова у період феодалізму (XIII—XIX ст.). Львів. 1968. 223 стор. Рец.: Ногн М.—«Kwart. hist.». Warszawa. 1969, № 3, s. 736—739.

Ковалев С. И. История Рима. Л. 1948. Пер. на итал. яз. Roma. 1965. Рец.: Craveri M.—«Nuova riv. stor.». Milano—Roma—Napoli. 1968, fasc. 1—2, p. 183—189.

Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М. 1967. 400 стр. Рец.: Field D.—«Kritika», Cambridge (Mass.). 1969, № 2, p. 31—45.

Кон И. С. Позитивизм в социологии. Ист. очерк. Л. 1964. Пер. на нем. яз.: В. 1968. Рец.: Rudolph G.—«Deutsche Literaturzeitung». B. 1969, H. 2, Sp. 164—166.

Конрад Н. И. Запад и Восток. М. 1966. 519 стр. Рец.: Gleason A.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 1—6.

«Корпус боспорских надписей». М.-Л. 1965. 951 стр. Рец.: Папазоглу Ф.—«Ziva antika». Skoplje. 1968, № 2, s. 306—312.

«С. П. Крашенинников в Сибири». Неопубл. материалы. М.-Л. 1966. 241 стр. Рец.: Kuczyński A.—«Lud». Wrocław. 1968, t. 52, s. 331—332.

«Культура Древней Руси». М. 1966. 327 стр. Рец.: Szietyllo J.—«Kwart. historii kultury materialnej». Warszawa. 1969, № 3, s. 560—561.

Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М. 1968. 422 стр. Рец.: Wolf H.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1969, H. 4, S. 714.

Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М. 1968. 355 стр. Рец.: Clauson G.—«Bull. of the School of Orient. and Afr. Studies». L. 1969, pt. 2, p. 416—419.

Лапин Н. И. Молодой Маркс. М. 1968. 376 стр. Рец.: Baude I.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1969, H. 4, S. 712—713.

Маевская Т. П. Слово и подвиг. Жизнь и творчество С. М. Степняка-Кравчинского. Киев. 1968. 227 стр. Рец.: Senese D. L.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 26—33.

«Маркс—историк». М. 1968. 711 стр. Рец.:

* Перечень рецензий составлен сотрудниками Института научной информации и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР по журналам, поступившим в библиотеку в сентябре 1969 года.

Lissauer Z.—«Párttört. közlemények». Budapest. 1969, № 2, 207—211 old.

Николаев П. А. Политика Советского Союза в германском вопросе. 1945—1964. М. 1966. 395 стр. Рец.: Pasierb B.—«Sobótka». Wrocław. 1969, № 2, s. 292—294.

Овчаренко Н. Е. В борьбе за революционный марксизм. Проблемы теории, тактики и организации германской социал-демократии в конце XIX века. М. 1967. 442 стр. Рец.: Welter H.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1969, H. 4, S. 694—695.

«Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925)». Л. 1968. 419 стр. Рец.: г.п.—«Rev. dějin socialismu». Praha. 1969, № 3, s. 469.

Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 года. М. 1968. 214 стр. Рец.: Beecher J.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 7—12.

Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. 1941. М. 1967. 207 стр. Рец.: Valkama E.—V. Päämajan puolustuslinjalta. «Suomalainen Suomi valvoja». Helsinki. 1969, № 5, s. 311.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. 472 стр. Рец.: Pritsak O.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 2, p. 1—11.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М. 1959. Пер. на итал. яз. Roma. 1966. Рец.: Buccellati G.—«Journ. of the Amer. Orient. Soc.». Baltimore. 1969, № 1, p. 166—167.

Погребинський М. Станіслав Вікентійович Косіор. Київ. 1963. 173 стор.; 2-е изд. 1967. 301 стор. Рец.: Iwański G.—«Z pola walki». Warszawa. 1969, № 1, s. 219—220.

«Покажчик праць, опублікованих науковими співробітниками Інституту історії (1956—1967)». Київ. 1969. 295 стор. Рец.: Cieślak T.—«Biul. inform. studiów z dziejów stosunków pol.—radz.». Warszawa. 1969, № 14, s. 9—10.

Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада. М.-Л. 1965. 176 стр. Рец.: Kriza I.—«Ethnographia». Budapest. 1969, № 1, p. 154—155.

Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. (Март 1917—1918 гг.). М. 1968. 400 стр. Рец.: г.п.—«Rev. Dějin socialismu». Praha. 1969, № 3, 468—469.

«Русские». Ист.-этногр. атлас. М. 1967. 368 стр. Рец.: Kłodnicki Z.—«Lud». Wrocław. 1968, t. 52, s. 314—316.

«Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.)». Сб. статей. Л. 1965. 288 стр. Рец.: Stone I.—«Canadian Slavic Studies». Montreal. 1969, № 1, p. 135—136.

Степняк-Кравчинский С. М.

В Лондонской эмиграции. М. 1968. 447 стр. Рец.: Senese D. L.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 26—33.

Танчер В. К. Основы научного атеизма. Київ. 1968. 488 стор. Рец.: Czeglak E. Dobry podręcznik religioznawstwa. «Człowiek i światopogląd». Warszawa. 1969, № 6, s. 110—115.

Таратута Е. А. Подпольная Россия. Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М. 1967. 271 стр. Рец.: Senese D. L.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 26—33.

«Тюркологический сборник». К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М. 1966. 276 стр. Рец.: Ecsedy H.—«Acta linguistica». Budapest. 1969, fasc. 1—2, p. 257—260.

Филиппов Р. В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск. 1967. 318 стр. Рец.: Grant St.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 3, p. 13—25.

Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М. 1967. 387 стр. Рец.: Hodgson J. H.—«Slavic Rev.». Baltimore. 1968, № 4, p. 655—656.

«Церковь в истории России (IX в.—1917 г.)». Критич. очерки. М. 1967. 336 стр. Рец.: Shesko G. J.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 2, p. 12—18.

Черган Е. Е. Русско-румынские отношения в 1859—1863 годах. Кишинев. 1968. 228 стр. Рец.: 1. Lazea E.—«Studii. Rev. de istorie». București. 1969, № 2, p. 382—383. 2. Pinson M.—«Kritika». Cambridge (Mass.). 1969, № 2, p. 46—51.

Чубинский-Надеждин В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М. 1968. 213 стр. Рец.: Негтмапп U.—«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». B. 1969, H. 4, S. 692—694.

Чуйков В. И. Конец третьего рейха.—«Байкал». Улан-Удэ. 1963, №№ 5—6; 1964, №№ 1—3; «Октябрь». М. 1964, №№ 3—5. Пер. на англ. яз. New York — Chicago — San Francisco. 1968. Рец.: Király B. K.—«Slavic Rev.». Baltimore. 1968, № 4, p. 662—663.

Шапиро А. Л. Библиография истории СССР. М. 1968. 287 стр. Рец.: г.п.—«Rev. dějin socialismu». Praha. 1969, № 3, s. 470—471.

Bezzymski L. Hitlerin kuolema. Jyväskylä. 1968. 160 S. Рец.: Myllyniemi S.—«Hist. aikakauskirja». Helsinki. 1969, № 2, s. 179.

Vaitkevičius B. Socialistinė revoliucija Lietuvoje 1918—1919. Metais. Vilnius. 1967. 694 p. (Социалистическая революция в Литве в 1918—1919 годах. На литов. яз.). Рец.: Deruga A.—In: «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich». T. 4. Warszawa. 1969, s. 197—203.

Хроникальные заметки

◆ Общество польско-советской дружбы (Варшава) издало библиографию сочинений В. И. Ленина и книг, посвященных Владимиру Ильичу, вышедших в ПНР. За 25 лет в Народной Польше было выпущено 217 трудов тиражом в 9 млн. экземпляров. Издательство «Книга и знание» завершило выпуск 40-томного издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина, а в настоящее время готовит 3-томник, в который войдут не публиковавшиеся ранее ленинские произведения. Отдельные труды, посвященные теоретическому наследию, жизни и деятельности великого вождя, увидели свет и в других издательствах. Появились сборники воспоминаний поляков, встречавшихся с В. И. Лениным во время его пребывания в Кракове и Поронино, и мемуары поляков — участников Великой Октябрьской социалистической революции.

◆ К 100-летию со дня рождения Ильича приурочена новая выставка, открывшаяся в Музее Ленина в Поронино. На ней представлены материалы и документы о пребывании В. И. Ленина в Подгалье в 1913—1914 гг., ранее в польских музеях не экспонировавшиеся. Большой интерес представляют карты, на которых наглядно показано, сколь широкую переписку вел Владимир Ильич с революционерами всего мира, а также маршруты нелегальных переходов через границу, по которым посланцы Ленина отправлялись для осуществления связи с важнейшими рабочими центрами России.

◆ С 10 по 14 августа 1970 г. должен состояться V Международный конгресс экономической истории, проводимый Международной ассоциацией экономической истории. Работа конгресса будет проходить в девяти секциях по следующей программе: I. **История экономической мысли** (с докладами на темы: 1. Концепция экономического развития и экономическая политика XVII—XVIII вв. 2. Концепция экономического развития и экономическая политика XIX—XX вв.). II. **История планирования** (1. Генезис и этапы развития планирования. 2. Планирование как инструмент формирования экономического роста). III. **Проблемы трудовых ресурсов** (1. Проблемы разделения труда и внутренней миграции рабочей силы. 2. Проблемы международных миграционных процессов). IV. **Проблемы денежного обращения и кредита** (1. Банковский кредит и ростовщичество в период генезиса капитализма. 2. Роль банковского кредита в экономическом развитии. 3. Международные финансовые отношения в 1550—1850 гг. 4. Международные финансовые отношения в 1850—1970 гг.). V. **Историческая эволюция форм феодальной собственности** (1. Проблема генезиса феодальной собственности. 2. Образование крупного землевладения в Центральной и Восточной Европе. 3. Особенности разложения докапиталистических форм собственности в Азии). VI. **Сухопутные торговые сношения между Европой и Азией до возникновения**

железнодорожного сообщения (1. Внутриевропейские торговые отношения между Западной и Восточной Европой. 2. Торговые отношения между Европой и Азией. 3. Источники и методология исследования сухопутных торговых путей, включая исследование техники перевозок). VII. **Экономическая история древнего мира** (1. Деньги, торговля и кредит в странах Древнего Востока. 2. Городская экономика в странах Древнего Востока. 3. Денежное хозяйство в греко-римском мире. 4. Проблемы производительности рабского труда в Греции и Риме). VIII. **Проблемы модернизации экономической и социальной структуры в условиях многоукладной экономики** (1. Общая дискуссия по различным аспектам проблемы. 2. Индустриальное развитие России в XIX—XX веках). IX. **Методология и методика исследования историко-экономических явлений** (1. Концепционные проблемы всеобщей сравнительной экономической истории. 2. Координация сбора и обработки историко-экономических данных). Местом встречи историков-экономистов всего мира намерен Ленинград.

◆ В мае 1969 г. Комиссия историков СССР и ГДР провела конференцию, посвященную 20-й годовщине создания Германской Демократической Республики. На повестке дня стояли доклады В. М. Хвостова (СССР) «Международное значение ГДР» и Л. Штерна (ГДР) «ГДР — олицетворение прогрессивных традиций немецкой истории». На пленарном заседании в Окружной партийной школе СЕПГ в Миттвейде, с участием около 600 историков и пропагандистов, были заслушаны 4 доклада: П. А. Жилина (СССР), С. Дёрнберга (ГДР), М. С. Восленского (СССР) и Э. Лабора (ГДР). Далее работа проходила посекционно в Карл-Маркс-штадте. Обсуждались традиции борьбы за демократию и социализм в истории Германии и их значение для дела построения социалистического общества в ГДР; вклад ГДР в укрепление социалистической системы и сохранение мира в Европе. В разных исследовательских аспектах рассматривалась агрессивная «новая восточная политика» ФРГ. В дискуссии обсуждались также вопросы воспитания трудящихся в духе интернационализма; так называемый «ГДР-форшунг» в Западной Германии и его роль в рамках идеологической диверсионной деятельности западногерманского милитаризма; пути братского сотрудничества СССР и ГДР; проблемы развития исторической науки. Материалы конференции опубликованы на страницах журнала «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».

◆ В Варшаве открывается Музей статистики. В нем собраны экспонаты, рассказывающие об истории статистики. Среди материалов будут представлены документы, служившие источниками историко-статистической информации: инструкции по проведению первых статистических обследований

в период существования Варшавского герцогства и позднее; механизмы по переработке статистической информации, считавшиеся полвека назад последним словом техники; старинные атласы Польши; уникальный труд С. Сташица «О польской статистике»; материалы о зарождении статистической науки; фотокопия первой лекции В. Суровецкого по статистике (прочитана в 1818 г. в Варшавской школе права и администрации). В специальном зале музея будут собраны объявления, афиши, листовки, значки, медали и дипломы, связанные с историей статистической службы.

◆ В рукописном собрании Национального института имени Оссолинских (Вроцлав) найден дневник генерала Сикорского, охватывающий период с 1934 г. по 1939 год. Записи, сделанные в дневнике, свидетельствуют о противоречивых политических взглядах их автора, что нашло затем свое выражение в его деятельности в годы второй мировой войны, когда он был премьер-министром польского эмигрантского правительства в Лондоне, осуществлявшего реакционные мероприятия.

◆ Международная группа археологов провела раскопки в Новом Пафосе (о-в Кипр). Удалось обнаружить мозаику, изображающую известные сцены греческой мифологии; мраморные скульптуры; коллекцию серебряных монет времен Александра

Македонского. Та же экспедиция ведет раскопки в Александрии (ОАР), где были найдены развалины бани и театра времен Римской империи. А под более поздними, арабскими гробницами находились развалины древнеримских строений — открытая галерея и резервуар для воды.

◆ «Памятники истории Германии» — многосерийное издание средневековых источников, начатое еще в 1826 году. В настоящее время центральная дирекция специального института, ведающего этим изданием, помещается в Мюнхене, а его отделения имеются в Берлине (ГДР) и Вене. В подсерии «Источники по духовной истории средневековья», в качестве тома VI, в ГДР изданы «Беседы» автора XI—XII вв. Секста Амарция. Впервые они увидели свет 80 лет тому назад, когда были опубликованы Максом Маницием. Ныне его сын Карл Маниций предпринял новое издание, снабдил его комментариями, указателями и подробной вступительной статьей, в которой очерчены: биография Амарция, содержание и научное значение источника, характер имеющихся манускриптов, литература вопроса (Sextus Amarcus. Sermones. Hrsg. von K. Manitius. Weimar. «Hermann Böhlhaus Nachfolger». 1969. 233 S.). В приложении к книге помещено факсимиле текста из рукописи, хранящейся в Саксонской областной библиотеке (Дрезден).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

МИХАИЛ ВИЛОНОВ

А. М. Горький называл Михаила Вилонова «настоящим героем», «Человеком с большой буквы». Его связывала большая дружба с этим талантливым рабочим, революционером-ленинцем. Писатель хорошо знал партийную работу Вилонова в 1905—1906 гг. и его легендарное бесстрашие. В статье «Михаил Вилонов», опубликованной в день пятидесятилетия «Правды», Алексей Максимович писал: «Долго, как видите, берег я память о нем, все хотелось написать как-то особенно хорошо. Но очень трудно писать о людях такого типа, да и не привыкло перо русского литератора изображать настоящих героев. Но вот к пятидесятилетию работы «Правды» я счел за лучшее всяких поздравлений рассказать ее неутомимым работникам о 'Человеке, который, на мой взгляд, так хорошо понимал и чувствовал правду ненависти»¹. Весь жизненный путь Вилонова был заполнен этой «правдой ненависти», борьбой с царизмом и эксплуататорами, во имя торжества пролетарской революции.

Никифор Ефремович Вилонов (партийный его псевдоним—Михаил) родился в 1883 г. в семье железнодорожника. Окончив в 1901 г. техническое училище, он 18-летним юношей стал работать помощником машиниста в Калуге. В 1902 г. местная социал-демократическая организация направила его в Киев для переброски нелегальной литературы. Н. Е. Вилонов остается в этом городе и устраивается на работу в железнодорожные мастерские Юго-Западной дороги в должности помощника электромонтера. Он становится во главе местной социал-демократической организации и полностью отдает себя делу борьбы за торжество ленинской «Искры». По утрам Никифор Ефремович обходит ремонтируемые вагоны и оставляет в них листовки и другую нелегальную литературу. Однако вскоре по доносу провокатора Вилонов вместе со своим другом А. Романовским был арестован и заключен в Киевскую (Лукьяновскую) тюрьму за распространение написанной им прокламации «Письмо железнодорожного рабочего», в которой разоблачались царское правительство и администрация мастерских. При обыске на работе у Вилонова были обнаружены двенадцать таких же прокламаций, а на квартире — три номера «Искры», азбука для шифрованной переписки и записная книжка с разными адресами². В административном порядке Вилонов был приговорен к двум годам высылки по месту жительства его родных — в г. Калугу, где он состоял под надзором полиции³.

1 марта 1903 г. Никифор Ефремович был освобожден из тюрьмы. Но уже вскоре, в том же месяце, был схвачен полицией на нелегальной сходке представителей киевских рабочих кружков и вторично водворен в Лукьяновскую тюрьму⁴. Застенки тюрьмы явились для Никифора Вилонова большой политической школой. Здесь он подружился со многими искровцами, в частности с отдельными соратниками В. И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Вилонов был в числе 156 политических заключенных, организовавших знаменитую первомайскую демонстрацию в 1903 году. В тюрьме тогда слышалась «Марсельеза», провозглашались лозунги: «Да здравствует русская революция!», «Долой царское самодержавие!», — из тюремных окон выставлялись самодельные красные флаги. Н. Е. Вилонов участвовал и в повторной демонстрации 5 мая и в голодовке, явившейся протестом против наказания группы политических заключенных за участие в первомайских выступлениях⁵.

¹ «Правда», 5. V. 1927.

² ЦГАОР СССР, ф. МЮ, 1905, д. 69, л. 16.

³ Там же, л. 15.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. МЮ, 1905, д. 69, л. 90.

⁵ Там же, ф. ДП, 7-е д-во, д. 2, ч. 21, лл. 17—20, 30.

Летом того же года Никифор Ефремович был освобожден из тюремного заключения и выслан под особый надзор полиции в Екатеринослав⁶. Здесь Вилонов был кооптирован в состав местного искровского социал-демократического комитета и введен в стачечную комиссию. Однако царские власти узнали о готовящейся всеобщей забастовке и вновь арестовали Н. Е. Вилонова, а вместе с ним и других четырнадцать «неблагонадежных в политическом отношении» человек. Лишь отсутствие компрометирующих данных дало Вилонову свободу и возможность продолжать революционную работу. Поселившись в густонаселенном пролетарском районе, на Чечелевке, Н. Е. Вилонов, действуя под псевдонимом «Миша Заводский», организовал широкие связи с передовыми рабочими-металлистами и железнодорожниками. Будучи арестован, постановлением Особого совещания, утвержденным министром внутренних дел, Вилонов был приговорен к ссылке на три года под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь⁷. Тогда он скрылся и перешел на нелегальное положение, оставшись в Екатеринославе.

Вилонову принадлежала большая заслуга в отстаивании и защите решений II съезда партии. 20 ноября 1903 г. он обратился в Женеву с письмом к В. И. Ленину, в котором осуждал интриганство меньшевиков, их поход против решений съезда. «...Ваш рассказ о том, как отражаются в комитетах наши раздоры,— отвечал ему Владимир Ильич,— был для меня чрезвычайно интересен. Я, может быть, даже напечатаю при случае Ваше письмо. Ответить на Ваши вопросы в одном письме невозможно, потому что подробный рассказ о большинстве и меньшинстве занял бы целую книгу. Я напечатал теперь отдельным листком «Письмо в редакцию «Искры» (Почему я вышел из редакции?)» — там я рассказываю вкратце, из-за чего мы разошлись, и стараюсь показать, как неверно представлено дело в № 53 «Искры». ...Нечего и говорить, что я вполне разделяю Ваше мнение о том, как неприлично кричать против централизма и против съезда со стороны людей, которые раньше говорили другое и недовольны тем, что по одному частному вопросу съезд сделал не по их желанию. Вместо того, чтобы признать свою ошибку, эти люди теперь дезорганизуют партию! ...Крепко жму Вам руку и очень прошу сообщить мне, получили ли это письмо, прочли ли мое письмо в редакцию и №№ 52 и 53 «Искры» и как вообще теперь у вас дела стоят в комитете. С товарищеским приветом Ленин»⁸. Письмо Н. Е. Вилонова с некоторыми сокращениями было опубликовано В. И. Лениным в его послесловии к брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»⁹. Оно получило широкий отклик и стало достоянием всей партии.

В конце 1903 г. Вилонов был вновь арестован и после семимесячного тюремного заключения отправлен под гласный надзор полиции в деревню Бушуйскую, Енисейского уезда. Отсюда 15 июля 1904 г., переодевшись и вплавь преодолев Енисей, он бежит в Самару. Восточное бюро ЦК партии направляет Никифора Ефремовича в Казань, где он участвует в воссоздании местного комитета РСДРП¹⁰. «Это был в высшей степени выдающийся человек,— говорил о деятельности Вилонова в Казани В. В. Адоратский.— Он приехал летом 1904 г. от Центрального Комитета и первый побудил к деятельности всю организацию. Тогда в комитет входили он, я, Дамперов и Попов. Это был первый комитет в 1904 г. Михаил был настоящий революционер. Мы же, собственно говоря, новички в этом деле. Он нас научил всему. Как ни странно может быть, я кончил в это время университет, но я у него многому научился...»¹¹.

В декабре 1904 г. партия направляет Вилонова на Урал для налаживания работы местных большевистских организаций. В Екатеринбурге под именем Б. А. Чистякова он создает нелегальные типографии, ведет большую подпольную деятельность. Но однажды (это произошло 30 января 1905 г.) Вилонов попадает в полицейскую засаду. Со всей силой швыряет он на землю задержавшего его полицейского и вырывается, оставив у того в руках рукав своей рубашки. Погоня настигла его в то время, когда

⁶ Там же, д. 194, ч. 2, л. 7.

⁷ Там же, 1903, д. 194, ч. 2, л. 10.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 46, стр. 331—334.

⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 30—32.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. МЮ, 1905, д. 69, л. 22.

¹¹ Речь В. В. Адоратского на вечере воспоминаний 5 июня 1921 года. См. журнал «Пути революции», 1923, № 3, стр. 8.

он, поскользнувшись, упал¹². В мае 1905 г. «за беспокойный нрав» Никифора Ефремовича отправляют в Николаевские арестантские роты в Верхотурский уезд, Пермской губернии. Однако Вилонов разрабатывает план побега. Подкоп стены, связанный с большим риском и опасностью, потребовавший неимоверного напряжения физических сил и нервов, прошел успешно. 10 июля 1905 г. Никифор Ефремович вместе с тремя товарищами бежит из заключения. Но тюремщики снаряжают за ними погоню и задерживают. Их тащат за волосы, надзиратели и солдаты набрасываются на них, сбивают с ног и бьют тяжелыми коваными сапогами по голове, по спине, по бокам, бьют прикладами, револьверами по груди, проламывают головы. Вилонова и его товарищей, потерявших сознание, бросают в темный и грязный карцер, где они истекают кровью. «Тюремщики,— писал А. М. Горький,— где-то на Урале, избили его и, бросив в карцер, облили нагого, израненного, круто подсоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном холодном асфальте. Этим и было разрушено его могучее здоровье...»¹³.

В октябре 1905 г. Н. Е. Вилонов по амнистии был освобожден и вскоре приехал в Самару. Здесь двадцатидвухлетний профессиональный революционер с присущей ему энергией вновь приступает к агитации среди рабочих, пробуждая в них классовую ненависть к эксплуататорам. «Миша Заводский», «Михаил» — один из популярнейших ораторов-большевиков. Его блестящая агитация во многом содействовала росту большевистского авторитета среди местных пролетариев и падению влияния меньшевиков и эсеров. В период революции 1905 г. он стоял в центре событий. Под руководством Вилонова создается Совет рабочих депутатов, и он же становится его председателем. После подавления Декабрьского вооруженного восстания Никифору Ефремовичу угрожает в Самаре арест. В результате он вынужден был уйти в подполье¹⁴, а вскоре и вовсе покинуть Самару. С паспортом на имя Никифорова он уезжает в Уфу. Здесь Вилонов осмысливает опыт революции 1905 г., анализирует ее ход¹⁵.

В Уфе полиция вновь арестовывает Вилонова, на этот раз на квартире секретаря Уфимского комитета РСДРП Л. И. Байковой. Дождавшись освобождения, он возвращается в Екатеринбург и в январе 1906 г. организует для партийных нужд экспроприацию шрифта из частной типографии Колмацкого и К°. В марте 1906 г. во время партийной сходки, посвященной выборам на IV (Объединительный) съезд РСДРП, Вилонов опять был арестован и вместе с 16 другими политическими заключенными сослан в Николаевские арестантские роты¹⁶. Вторичное пребывание Вилонова в этой тюрьме чуть было не закончилось для него трагически. В конце мая 1906 г. он возглавил протест политических заключенных, потребовавших отмены тяжелых условий тюремного содержания. За это его отправляют в карцер и учиняют над ним жестокую расправу. В знак протеста против произвола тюремных властей Вилонов пытается сжечь себя, чтобы тем самым привлечь внимание всей России к положению в тюрьме. Помешавшие этому тюремщики вновь подвергают его зверскому избиению. Все это окончательно подрывает здоровье Вилонова. В легких у него открылся чахоточный процесс. По настоянию начальника местной тюрьмы Никифора Ефремовича переводят в Екатеринбургскую, затем Камышловскую уездную тюрьму, откуда он 12 июля 1906 г. снова бежит. Партия направляет его в Москву, где он становится руководителем Лефортовской районной организации. Он входит также в Московский комитет партии. Но в связи с обострением болезни Вилонов был вынужден уехать на партийную работу в Геленджик, а потом в Ялту с паспортом на имя Кронфельда. Здесь опять следует арест, а затем тюрьма и ссылка сроком на три года в Астраханскую губернию¹⁷. И опять Вилонов бежит, на этот раз в Казань, а оттуда в Уфимскую губернию. В Златоусте среди оружейников он успешно ведет партийную работу, и только болезнь вынуждает его легализоваться.

¹² «Социал-демократ», Париж, 1910, № 14.

¹³ «Правда», 5. V. 1927.

¹⁴ См. И. И. Б л ю м е н т а л ь, Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае. «1905 г. в Самарском крае». Сборник статей. Самара. 1925, стр. 262, 347—348, 353—367.

¹⁵ Н. Н. Б а р а н с к и й. В рядах Сибирского социал-демократического союза. 2-е изд. Томск. 1961, стр. 76.

¹⁶ См. С. Л и в ш и ц, Михаил Заводский. М. 1929.

¹⁷ Там же, стр. 99.

В июле 1908 г. царское правительство, считая, что Никифор Ефремович уже неизлечим, а потому и безопасен, разрешает ему выехать за границу. Вилонов уезжает в Италию и поселяется на острове Капри. Здесь он сближается с А. М. Горьким, А. В. Луначарским и является одним из инициаторов создания Каприйской партийной школы. Когда же ему стала ясна попытка «впередовцев» превратить эту школу в штаб особой фракции, он порывает с ними и уезжает в Париж, к Ленину. В ответ на демагогию А. А. Богданова, пытавшегося объяснить раскол в школе «несовершеннолетством» рабочих-ленинцев, покинувших Капри, Н. Е. Вилонов писал: «Прием нам знакомый. К нему прибегают черносотенцы каждый раз, когда на заводе выступают против социал-демократов. Вместо критики они говорят — вы мальчишки, и слушать вас не стоит. Несмотря на давность приема, он не укрепляет, как известно, позиции реакционеров. Все зависит от того, кто будет слушать его. Второй прием сводится к выкрикам: «Мы с вами, товарищи рабочие», и т. д. Тут уж да позволительно будет мне ответить как рабочему и, смею думать, от имени рабочих. Нам нужны идеи, а не крики, дело, а не слова, нам необходимы принципиальные споры»¹⁸.

По поводу занятой Н. Е. Вилоновым позиции относительно «впередовцев» А. М. Горький писал: «Вилонов на первых же выступлениях своих по организации преподавания в Каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе»¹⁹. Н. К. Крупская в «Воспоминаниях о Ленине» так описывает встречу с Вилоновым: «Помню первую встречу с Вилоновым. Начал он рассказывать о своей работе в Екатеринославе. Из Екатеринослава нам часто раньше писал корреспондент какой-то рабочий, подписывавшийся «Миша Заводский». Корреспондентки были очень хороши, касались самых животрепещущих вопросов партийной и заводской жизни. «Не знаете ли вы Мишу Заводского?» — спросила я Вилонова. «Да это я и есть», — ответил он. Это сразу настроило Ильича дружески к «Михаилу», и они долго проговорили в тот день. А вечером того же дня Ильич писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и т. «Михаил» — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах, и о Вас и увидел, что ошибался жестоко...» И какой страстной верой в силы рабочего класса дышит конец этого письма, где Ильич пишет о том, что рабочему классу приходится выковырывать партию из разнородных и разнокалиберных элементов. «Выкует, во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как «Михаил», тому порукой»²⁰.

В своей статье «Михаил Вилонов» А. М. Горький характеризует Вилонова как одного из лучших представителей нового, восходящего класса, как большевика, умеющего проявлять ненависть к классовому врагу. «Революционный пролетариат, — говорил Никифор Ефремович А. М. Горькому, — должен жить не злостью, а ненавистью... Когда тюремщики топтали меня ногами, я, конечно, чувствовал и боль и обиду, но, право же, гораздо больше страха, что если б на моем месте оказался другой товарищ... Ведь они всякого могут растоптать, попади им в злую минуту Ленин, они и его... Вот где ужас! Главное-то и непростительное преступление классового общества в том, что оно воспитало в людях страсть к мучительству, какое-то бешенство. С наслаждением мучают, сукины дети. Это я очень знаю»²¹.

После Пленума ЦК РСДРП (1910 г.) большевики наметили Н. Е. Вилонова кандидатом для кооптации в ЦК. Но подточенное здоровье все более и более ухудшалось. Начался процесс обострения туберкулеза. Это принудило Н. Е. Вилонова выехать на лечение в Швейцарию. И там он не теряет связей с партией. Ведет с ним переписку и В. И. Ленин. Он рассказывает ему о некоторых актуальных вопросах партий-

¹⁸ См. приложение к № 50 газеты «Пролетарий» за 1909 год.

¹⁹ «Правда», 5. V. 1927.

²⁰ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1968, стр. 174—175.

²¹ «Правда», 5. V. 1927.

ной жизни, проявляет большое внимание к больному. «Дорогой товарищ Михаил! — обращался в одном из своих писем к Вилонову В. И. Ленин. — Как-то Ваше здоровье? Поправляетесь ли? Напишите об этом, сообщите точно, прибываете ли в весе и насколько именно»²². Владимир Ильич посылает «Михаилу» оттиск одной из своих статей, опубликованной в «Социал-демократе», рассказывает о борьбе с голосовцами и «впередовцами», о планах большевистского центра²³. В письме от 7 апреля 1910 г. В. И. Ленин сообщает, что направляет ему резолюцию «здесьних плехановцев или, вернее, партийцев-меньшевиков», и излагает тактику большевиков в борьбе с меньшевиками²⁴. Владимир Ильич ищет пути оказания материальной помощи Н. Е. Вилонову. В письме к М. М. Золиной от 30 апреля 1910 г. он пишет: «Дорогой товарищ! Благодарю, что известили о положении Михаила. Я сейчас же предпринял шаги для проведения ему субсидии... Во всяком случае необходимо было бы добиться, чтобы Михаил продолжал лечение, оставался пока в Давосе до полного выздоровления»²⁵.

Между тем болезнь брала свое. 1 мая 1910 г. Н. Е. Вилонов на двадцать седьмом году жизни скончался. В некрологе, помещенном в газете «Социал-демократ», говорилось: «...Слугам насилия и бесправия, произвола удалось преждевременно сразить одного из самых выдающихся, самых ярких представителей передовых русских рабочих... Пусть же память об этом борце и мученике долго озаряет Великий путь к грядущим победам, путь к величайшему идеалу всех времен — социализму»²⁶. Так ушел из жизни один из видных профессиональных революционеров-ленинцев.

М. Б. Перельман

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 47, стр. 240.

²³ См. там же, стр. 241.

²⁴ См. там же, стр. 246.

²⁵ См. там же, стр. 252.

²⁶ «Социал-демократ», 1910, № 14.

К 100-летию КНИГИ БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

Сто лет назад, в 1869 г., в Петербурге была издана книга Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России». Ей принадлежит видное место в истории русской общественно-экономической мысли. Она является первым крупным отечественным трудом о положении рабочего класса и частично крестьянства пореформенной России. В ней рассматривается, как после отмены в 1861 г. крепостного права в России быстро стал развиваться капитализм и на исторической арене появился современный промышленный пролетариат. Книга имела большой успех как на родине, так и за границей. Это была, по оценке К. Маркса, самая значительная работа среди всех посвященных пролетариату и увидевших свет после классического произведения Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Н. Флеровский — псевдоним русского экономиста и социолога Василия Васильевича Берви. Он родился 28 апреля 1829 г. в Рязани, шестнадцатилетним юношей поступил в Казанский университет и окончил его в 1849 г. по курсу юридических наук, служил в министерстве юстиции. Однако бюрократическая служба, казенная обстановка департамента юстиции, призванного защищать самодержавие и крепостнический строй, не отвечали демократическим взглядам В. В. Берви. Он попытался применить свои способности и разносторонние знания в научной и литературной областях, но попал в число политически неблагонадежных лиц. Как писал министр юстиции гр. Панин в секретном донесении шефу жандармов кн. Долгорукову 7 марта 1862 г., он «возбудил сомнение в твердости его мыслей относительно служебного долга». На этом основании В. В. Берви было отказано в поездке за границу «для приготовления к получению ученой степени».

Что же вызвало сомнение у царских слуг? В 1861 г. Василий Васильевич стал свидетелем манифестации петербургских студентов, направленной против реакционной политики правительства в области просвещения. Группа участников манифестации была арестована. В связи с этим В. В. Берви по собственному почину составил петицию на имя Александра II с просьбой об освобождении студентов, а в 1862 г. он обратился к царю с протестом против ареста мировых посредников Тверской губернии, выразивших свое несогласие с «Положением» от 19 февраля 1861 года. Тогда власти объявили эти обращения результатом умопомешательства и упрятали Берви в дом умалишенных. Его неоднократно по указанию свыше «проверяли» и все же вынуждены были выпустить.

С этого времени для В. В. Берви началась тяжелая, длительная и сплошная полоса преследований со стороны правительства, продолжавшаяся в течение 30 лет (1862—1891 гг.). Вскоре гонения на В. В. Берви резко усилились из-за его знакомства с народниками — кружками чайковцев и долгушинцев, по предложению которых он написал несколько работ. Наиболее известные из них — «Азбука социальных наук» и «Как должно жить по законам природы и правды» — имели большой успех у революционной молодежи. Но для их автора непрерывной цепью потянулись аресты, тюрьмы и административные ссылки. Меняются лишь места отбывания приговоров: Астрахань и Казань, Кузнецк и Томск, Вологда и Тверь, Любань, Шенкурск и, наконец, Кострома.

Преследования не сломили Василия Васильевича. Он продолжал открыто выступать в защиту трудового народа. В 1893 г., отбыв последнюю административную ссылку, В. В. Берви сумел выехать в Женеву, а оттуда в Лондон, где был издан ряд его работ. Наиболее значительная из них — «Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III». В 1896 г. Берви вернулся в Россию, непродолжительное время служил в Костромском земстве, затем бухгалтером в Юзовке. Последние годы жизни он был тяжело болен, а скончался почти 90 лет от роду, 4 октября 1918 года.

По своим общественно-политическим воззрениям В. В. Берви был просветителем-демократом, утопическим социалистом, представителем кругов революционных народников. Он предстает перед нами, с одной стороны, как горячий патриот Родины, страстный борец за интересы народа, а с другой стороны, как мелкобуржуазный мыслитель, придерживавшийся идеалистических воззрений на ход общественного развития. Василий Васильевич ошибочно считал, что общественное развитие определяется влиянием идей, политических теорий, культурным уровнем нации. Противоречивость его взглядов объясняется переходным состоянием тогдашней России. Русский пролетариат еще не успел превратиться из класса «в себе» в класс «для себя». Сказалась и вынужденная оторванность Берви от зарубежных центров борьбы рабочего класса. Правда, на формирование его взглядов оказали влияние идеи современников — великих русских революционных демократов, особенно Н. Г. Чернышевского, которого он считал самой яркой личностью среди шестидесятников. Огромную роль в его политическом развитии сыграло ознакомление с трудами К. Маркса, причем В. В. Берви сам отмечал исключительное влияние «Капитала» на его миросозерцание. В. В. Берви являлся автором свыше 50 работ, печатавшихся в различных периодических изданиях под псевдонимами: Н. Флеровский, В. Васильев, Н. Навалихин, Земец и др. Главный труд его жизни — книга «Положение рабочего класса в России», над которой он работал 15 лет. Эта книга встретила восторженный прием у передовых слоев общества. Ее успех вынуждены были признать даже идейные противники революционеров-демократов. Заслуга автора — прежде всего в том, что он явился пионером глубокого исследования положения рабочего класса, а также крестьянства пореформенной России. Для этого он собрал огромный фактический и статистический материал, обобщил его, дал широкую картину экономического состояния России и наглядно показал тяжелое и несправное положение трудящихся. Флеровский проявил не только мужество ученого-исследователя, затратившего на сбор и обобщение материала многие годы упорного труда, но и гражданское мужество. В глухую пору неограниченного произвола самодержавия автор смело высказал свое отвращение к угнетателям трудового люда. К. Маркс по поводу выхода в свет книги Н. Флеровского писал Ф. Энгельсу 10 февраля 1870 г.: «Поистине удивительным и во всяком случае показателем какого-

то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге... Видно, что человек этот сам всюду побывал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам»¹.

Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» (494 страницы) состоит из краткого предисловия и трех частей, каждая из которых имеет пять глав, а также заключения. В ней дается широкое и яркое описание тяжелого, бесправного положения рабочих и крестьян России в 60-е годы XIX века. При этом к рабочему классу автор относит всех непосредственных участников материального производства — пролетариев, крестьян, ремесленников и кустарей. Это нашло свое отражение и в названии основных частей книги: ч. 1: «Работник Сибири, Северной и пустынной России»; ч. 2: «Работник земледельческой России»; ч. 3: «Работник промышленной России». Книга эта основана на богатом фактическом материале и массе статистических данных.

Флеровский дал также анализ социально-политических порядков пореформенной России, подчеркнув их антинародный характер. Он очертил бесправное положение рабочих и показал, что это положение при существовавшем строе невозможно улучшить: «Для капиталиста оценить справедливо труд рабочих точно так же невозможно, как это невозможно было для рабовладельца относительно труда раба». Он резко критиковал реакционную налоговую систему, всей своей тяжестью ложившуюся на плечи трудящихся, выступал против национального угнетения, был непримиримым врагом всех религий и прямо писал, что на совести высших классов лежит «вся кровь, которая проливается ради религиозной и национальной вражды». Флеровский отстаивал свободу слова и печати, ратовал за введение всеобщего и бесплатного образования, писал, что основой России будущего станет не частная, а общественная собственность; что исчезнет эксплуатация; появится изобилие продуктов, которые начнут распределять по потребности. Прямое влияние коммунистического учения на эти взгляды несомненно.

Вот типичные строки из его книги, встречающиеся там едва ли не на каждой странице: «Что это как вы плохоживаете?» — спросил я однажды одного добросовестного капиталиста. — «Около кого нажить, — отвечал он, — там, где все нищие, там наживать трудно»; «в пост вся их (крестьян) пища состоит из хлеба, квасу и редьки, а постятся они ровно половину года»; «в этой среде нередко встретишь мать, у которой было тринадцать и даже девятнадцать человек детей, и ни один не остался в живых»; «крестьянки почти всегда, а крестьяне очень часто, ходят босые; ребенок с кожаной обувью на ногах редкое исключение, — летом и зимою можно его встретить босого на улице. Нельзя без ужаса смотреть на этих детей, босых, полунагих, дрожащих в трескучий мороз от холода...». Резко критически относясь к крестьянской реформе 1861 г., Флеровский показывал, как крестьянство было ограблено помещиками и царской бюрократией и доведено до нищеты.

Книга Н. Флеровского содержала большой разоблачительный материал о самодержавии, помещиках и капиталистах и брала под защиту трудящихся. Вместе с тем в ней налицо и слабые, ошибочные моменты. Теоретические положения автора наивны, на них лежит печать утопического социализма. Флеровский еще не видел, что Россия идет к капитализму. Порядок, при котором фабрики и заводы принадлежат капиталистам, он считал негодным, но затем делал ошибочный вывод о необходимости введения товариществ, в которые войдут и капиталисты и рабочие. Он стоял, далее, как и все народники, за сохранение мелкой крестьянской собственности. Высказываясь за замену помещичьей собственности общинным землепользованием, он полагал, что землю следует выкупить у помещиков.

Флеровский, как и другие социалисты-утописты, осуждал эксплуататоров и мечтал о лучшей доле для трудящихся, но указать им действительный выход не мог. Он не в силах был разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, понять законы развития этого строя, постичь историческую роль рабочего класса.

С книгой Н. Флеровского К. Маркс ознакомился через посредство Н. Ф. Даниельсона, выславшего ее 30 сентября (12 октября) 1869 года. Даниельсон выражал надежду, что она даст Марксу необходимый материал для последующих частей «Капитала», а затем переслал ему письмо Флеровского, в котором тот рассказывал, как

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 357—358.

собирали материалы для книги. Чтобы прочесть эту работу, Маркс в возрасте 50 лет стал серьезно изучать русский язык. В письме Л. Кугельману от 29 ноября 1869 г. он сообщил: «...начал изучать *русский язык* ввиду того, что мне прислали из Петербурга книгу о положении рабочего класса (конечно, включая сюда и крестьян) в России»². Подлинник книги с многочисленными пометками К. Маркса на полях был в 1960 г. получен из ГДР Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изучение этих пометок, замечаний и выписок свидетельствует, с каким глубоким интересом и вниманием основоположник научного коммунизма ознакомился с новым исследованием³.

Работе Флеровского Маркс дает положительную оценку в ряде писем к Ф. Энгельсу (23/X — 1869 г., 10, 12 и 21/II, 24/III и 14/IV — 1870 г.), Л. Кугельману (29/XI — 1869 г.), Лауре и Полю Лафаргам (18/X — 1869 г. и 5/III — 1870 г.), Мейеру (21/I — 1871 г.). Вот некоторые из высказываний автора «Капитала»: «Из книги Флеровского я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первый труд, в котором сообщается правда об экономическом положении России. ...Во всяком случае, это — самая значительная книга среди всех, появившихся после твоего труда о «Положении рабочего класса». Там же Маркс процитировал фразу из Флеровского, написав ее по-русски: «У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария». Еще одно суждение Маркса: «Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не может дольше продолжаться, что отмена крепостного права в сущности лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция»⁴.

Маркс видел все недостатки работы Флеровского. Он указывал, что книга в некоторых местах неудовлетворительна с теоретической точки зрения, а кое-где имеется доля «благодушной чепухи». На полях этой книги по поводу высказываний автора о «товариществах между рабочими и капиталистами» Маркс сделал пометку: «Старая иллюзия»; на другой странице в этой же связи написал: «Это — квинтэссенция прудонизма», а против слов «Рабство уничтожено и уступило место найму — наем должен уступить место товаричеству» вставил: «бессмыслица». Наконец, относительно высказывания Флеровского о возможности запрещения наемного труда при господстве капиталистов Маркс заметил: «Чудесная фантазия! Запрещение наемного труда с сохранением капиталистов!»

В то же время Маркс подчеркивал и достоинства работы Флеровского. В письме от 24 марта 1870 г. членам Комитета русской секции Интернационала в Женеве он характеризовал эту книгу как «настоящее открытие для Европы»: «Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах...»⁵. В другом письме, Л. и П. Лафаргам от 5 марта 1870 г., Маркс высказался в том духе, что «книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» — выдающийся труд. Я очень рад, что в состоянии теперь довольно бегло читать ее с помощью словаря. Здесь впервые полностью обрисовано экономическое положение России. Это добросовестный труд. В течение 15 лет автор путешествовал от западных границ страны до Восточной Сибири, от Белого моря до Каспийского с единственной целью — изучить факты и разоблачить традиционную ложь. Конечно, он питает некоторые иллюзии относительно «la perfectibilité perfectible» * русской нации и о провиденциальном характере *общинной собственности* в ее русской форме. Но не в этом главное. После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии. Это — хорошие вести. Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия»⁶.

² Там же, стр. 530.

³ См. «Правда», 3.V.1968.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 357, 358, 364.

⁵ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М. 1947, стр. 29.

* Неограниченная способность к совершенствованию.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 549.

В 1872 г. Флеровский подготовил второе издание книги, внеся в него некоторые дополнения и изменения. Но оно не увидело света и было уничтожено в типографии по постановлению Комитета министров; случайно уцелело лишь несколько экземпляров. Запрет на труд В. В. Берви был снят только Великой Октябрьской социалистической революцией. В 1938 г. книгу «Положение рабочего класса в России» напечатал Соцэкгиз. В 1958—1959 гг. это же издательство выпустило избранные экономические произведения Н. Флеровского в двух томах, включая рассматриваемую монографию. Так труд Василия Васильевича Берви стал достоянием самых широких кругов советских читателей.

П. А. Ляхов

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ОРДЕНА

Эта боевая награда была учреждена в России ровно двести лет тому назад. В отличие от существовавших ранее орденов, рассчитанных на узкий круг генералитета и высших сановников, Георгиевский орден, установленный «единственно для воинского чина», мог явиться отличием любого офицера. В орденском статуте говорилось: «...дается оный тем, кои... отличили еще себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для нашей воинской службы полезные советы»¹.

Название ордена было выбрано не случайно. Христианская легенда приписывала римскому военачальнику Георгию, жившему в III в., победу над драконом, а затем мученическую смерть за веру. На Западе еще в эпоху крестовых походов Георгий Победоносец был объявлен покровителем рыцарей и изображался конным воином в доспехах, поражающим дракона копьем. В гербе Москвы со времен Дмитрия Донского помещалось изображение идентичного всадника, так называемого «ездца», который постепенно трансформировался тоже в фигуру Георгия Победоносца².

Новое отличие было наименовано «Военным святого великомученика и победоносца Георгия орденом» и имело целых четыре степени, или класса. Награжденные им делились на кавалеров большого (1-я и 2-я) и малого (3-я и 4-я степени) креста. Кавалеры большого креста награждались звездой, носимой на левой стороне груди, и самим крестом. Кавалеры 1-й степени носили этот крест на широкой ленте через правое плечо, а кавалеры 2-й степени — на шее. Кавалеры малого креста звезды не получали. Им вручали только крест, причем несколько меньшего размера. Георгия 3-й степени носили на шее, а 4-й — на груди. Статут предусматривал награждение крестом 4-й степени как за воинскую доблесть, так и за строевую службу в армии в течение 25 лет в офицерских чинах, а на флоте — за 18 кампаний. С 1816 г. на выдаваемых за выслугу лет крестах помещали надписи: «25 лет» — в армии, «18 кампаний» — на флоте. В 1855 г. награждение Георгием 4-й степени за выслугу лет было отменено, и орден стал исключительно боевой наградой³. Звезда ордена — золотая, ромбовидная. В центре ее помещен вензель из букв «СГ» (св. Георгий), окруженный девизом «За службу и храбрость». Крест — белый, эмалевый; на одной стороне его видна фигура Георгия на коне, поражающего дракона; на другой — вензель «СГ». Орденская лента была принята из чередующихся трех черных и двух оранжевых полос. Лента этой расцветки стала с тех пор называться «Георгиевской». С ней совпадают по цвету ленты советского военного ордена Славы и медали «За победу над Германией» в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

В 1782 г. в Петербурге была образована Георгиевская дума (Капитул), составленная из находившихся в столице георгиевских кавалеров⁴. Местом пребывания Ду-

¹ «Собрание законов Российской империи» (ПСЗ). Т. XVIII. 1769, 3.

² Чаев. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. 1899. Приложения, стр. 7—8.

³ «Собрание 2. Т. XXX. 1855, № 29312.

⁴ XI. 1782, № 15516.

мы назначили Чесменский дворец⁵. Здесь в екатерининские времена в круглом зале второго этажа собирались георгиевские кавалеры для рассмотрения народных реляций, присылавшихся из Сухопутной и Морской коллегий. Расположенная рядом церковь, построенная архитектором Фельтеном в 1780 г.⁶, была местом торжественных празднований дня георгиевских кавалеров (26 ноября по ст. стилю) и ввиду этого иногда называлась храмом ордена св. Георгия⁷.

Первым кавалером Георгиевского ордена 1-й степени стал генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев. Он получил его за победу под Кагулом в 1770 году. Генералиссимус А. В. Суворов был кавалером трех степеней ордена. Георгиевским орденом 1-й степени его наградили за победу при Рымнике в 1789 году⁸. В правление Павла I, несмотря на героизм русских войск, проявленный ими в Итальянском походе 1799 г., награждений Георгиевским орденом не было. Павел не любил всего связанного с именем его матери Екатерины II. Поэтому основанный ею орден был в немилости. В 1802 г. кавалерам ордена дали право при отставке носить военный мундир независимо от лет выслуги⁹. Местом собрания Думы ордена с 1811 г. стал Георгиевский зал Зимнего дворца в Петербурге¹⁰.

Для поощрения храбрости и мужества солдат и унтер-офицеров в 1807 г. учредили особый знак в виде серебряного на георгиевской ленте креста, в середине которого на лицевой стороне был изображен Георгий, а на обороте — инициалы «СГ». Он был назван Знаком отличия военного ордена и причислен к Георгиевскому ордену. В его статуте сказано: «Сей знак отличия приобретается только на поле сражения, при обороне крепостей и на водах». Статут впервые подробно перечислял примеры подвигов, достойных награждения: «Кто возьмет знамя..., или приведет в полон офицера неприятельского..., кто первые были на приступе», и т. д. Для артиллеристов предусматривались свои подвиги: «Кто цельным выстрелом испортит неприятельское орудие..., кто неприятельскую бомбу..., упавшую в свою батарею, с отважностью потушит или сбросит с батареи». Для матросов, наряду с прочими, перечислялись такие подвиги: «Кто первый влезет во время abordage на неприятельское судно..., кто захватит или спустит неприятельский флаг»¹¹.

Солдаты и матросы, награжденные Знаком отличия, освобождались от телесных наказаний, исключались из податного сословия, получали увеличенное на треть жалование. Награда давалась однократно. При последующих подвигах, достойных награждения, жалование каждый раз увеличивалось на одну треть до тех пор, пока не достигало двойного оклада. Прибавка эта сохранялась пожизненно. Знак отличия не являлся по статуту Георгиевским крестом, но в народе, по аналогии с офицерским крестом, его тоже называли Георгиевским («Егорьевским»). Официально же название Георгиевского креста было закреплено за ним только статутом 1913 года. Награждались этим Знаком отличия как отдельные солдаты и матросы, так и целые подразделения, части и корабли. В таком случае роте, эскадрону и батарее выдавалось от 2 до 5 знаков отличия. Корабль, в зависимости от числа пушек, приравнялся к нескольким ротам (от 3 до 12).

В Отечественную войну 1812 г. храбрость русских людей была отмечена 6783 награждениями Знаком отличия военного ордена¹². Интересно отметить, что среди них были и крестьяне, не состоявшие на военной службе, но награжденные за партизанские действия против неприятеля, например, крестьянин села Павлова, Богородского уезда, Герасим Курин¹³. Многие генералы и офицеры получили георгиевские ордена. Орденом Георгия 1-й степени тогда был награжден лишь генерал-фельдмаршал

⁵ Ныне институт авиаприборостроения.

⁶ Церковь реставрирована в 1965—1966 годах.

⁷ «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии». Вып. 8. СПб. 1884, стр. 223.

⁸ В. Судравский. Кавалеры ордена святого великомученика и победоносца Георгия за 140 лет. «Военный сборник», 1909. № 3, стр. 253—254.

⁹ ПСЗ. Т. XXVIII. 1802, № 20527.

¹⁰ ПСЗ. Т. XXXI. 1811, № 24856.

¹¹ ПСЗ. Т. XXIX, 1807, № 22455, ст. ст. 2, 11.

¹² В. С. Степанов, Н. И. Григорович. В память столетнего юбилея военного ордена Георгия. СПб. 1869, стр. 91.

¹³ Б. Б. Кафенгауз, Г. А. Новицкий. Герои Отечественной войны 1812 г. М. 1966, стр. 126.

М. И. Кутузов с предельно лаконичной формулировкой реляции: «За поражение и изгнание неприятеля из пределов России в 1812 году»¹⁴. За все время войн с Наполеоном I, с 1805 г. по 1814 г., орден Георгия 1-й степени был вручен также генералам Барклаю-де-Толли в 1813 г. и Беннигсену в 1814 году. За тот же период орден 2-й степени получили 27 военачальников, среди них генералы Багратион, Платов, Дохтуров, Милорадович, Раевский и Ермолов¹⁵.

В 1833 г. был издан новый статут ордена¹⁶, сводивший воедино все ранее вышедшие постановления. В нем, как и в статуте 1807 г., были перечислены примеры подвигов для офицеров и генералов, дававшие право на награждение. Наличие на ордене изображения Георгия придавало ему и религиозный характер, создавая затруднения при награждении лиц нехристианского вероисповедания, например, мусульман, которых имелось немало в русской армии. Начиная с 1844 г. на орденах, предназначавшихся для вручения таким лицам, изображение Георгия заменялось государственным гербом¹⁷. С 1849 г. имена георгиевских кавалеров, включая и ранее награжденных, стали заносить на мраморные доски на стенах Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве¹⁸.

Восточная война 1853—1856 гг., показавшая бездарность основной части николаевского генералитета, вместе с тем дала массу примеров мужества и героизма русских солдат и офицеров. Только в 1855 г. было награждено военным орденом 10 206 солдат и унтер-офицеров¹⁹. Для того, чтобы более дифференцированно отмечать доблесть и отвагу, в 1856 г. для Знака отличия тоже установили четыре степени²⁰. Получившие 1-ю и 2-ю степень отмечались золотыми крестами, 3-ю и 4-ю степень — серебряными. Награждение производилось в порядке постепенности, начиная с 4-й степени.

В 1913 г. статут ордена был вновь переработан. Знак отличия полностью причислили к Георгиевскому ордену под названием «Георгиевский крест». Учрежденную в 1878 г. медаль 4-х степеней с надписью «За храбрость» для награждения солдат и матросов пограничной и таможенной стражи теперь назвали Георгиевской, а награждение ею распространили на все рода войск. Коллективное награждение частей Георгиевским крестом отменялось и оставалось только для медалей²¹. В мирное же время из всех видов георгиевских отличий могла выдаваться лишь медаль.

В конце XVIII в. одной из наград за храбрость стало служить «Золотое оружие», под которым подразумевались шпаги, палаши, сабли, шашки, кортики (последние — для моряков) с позолоченными эфесами и надписью на них «За храбрость». Первое награждение Золотым оружием состоялось в 1774 году²². С 1807 г. лиц, награжденных Золотым оружием, стали относить к кавалерам российских орденов²³. За период Отечественной войны 1812 г. было пожаловано 62 золотые сабли и шпаги с алмазами²⁴. М. И. Кутузов имел золотую шпагу с лавровым изумрудным венком. Согласно статуту 1913 г., этот вид награды причислили к Георгиевскому ордену под названием «Георгиевское оружие», которое имело на эфесе, помимо надписи, белый эмалевый крестик и темляк из георгиевской ленты²⁵. Георгиевский крест и его лента составили также принадлежность ряда боевых отличий для награждения войсковых частей за подвиги, совершенные на полях сражений. Сюда относятся георгиевские знамена и штандарты, георгиевские серебряные трубы и рожки.

Георгиевское знамя имело на древке Георгиевский крест; знаменные кисти подвешивались на георгиевских лентах; надпись на знамени указывала, за какое сражение

¹⁴ В. Судравский. Указ. соч., стр. 255.

¹⁵ Там же. «Военный сборник», № 4, стр. 252—256.

¹⁶ ПСЗ. Собрание 2. Т. VIII. 1833, № 6611.

¹⁷ ПСЗ. Собрание 2. Т. XIX. 1844, № 18137.

¹⁸ «Исторический очерк Российских орденов». СПб. 1891, стр. 19.

¹⁹ В. С. Степанов, Н. И. Григорович. Указ. соч., стр. 91—92.

²⁰ ПСЗ. Собрание 2. Т. XXXI. 1856, № 30274.

²¹ «Статут императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия». СПб. 1913, стр. 89.

²² Николаев. Указ. соч., стр. 158.

²³ ПСЗ. Т. XXIX. 1807, № 22638.

²⁴ Николаев. Указ. соч. Приложения, стр. 25.

²⁵ Темляк — петля из тесьмы, носимая на эфесе, в которую в бою продевалась рука.

оно получено. Первым полком, получившим эту награду, был Киевский гренадерский полк, отличившийся в бою при Шенграбене в 1805 году²⁶. В 1829 г. бриг «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта Казарского был награжден Георгиевским кормовым флагом за то, что в неравном бою с намного превосходившей его силами турецкой эскадрой, искусно маневрируя, нанес неприятелю тяжелый урон и ушел от преследования. Серебряные георгиевские трубы имели изображение Георгиевского креста и серебряные кисти на георгиевских лентах. Первые такие трубы, также за отличие в сражении при Шенграбене, получил 6-й егерский полк²⁷.

За первые 147 лет существования ордена Георгия 1-й степени им было награждено 23 человека, из которых 8 — иностранцы (фельдмаршал Блюхер, верховный главнокомандующий прусской армии в 1813 г.; герцог Веллингтон, командующий английской армии в 1814 г., и др.). За это же время кавалерами ордена Георгия 2-й степени стал 121 человек, среди них, кроме перечисленных выше, адмиралы Крейг, Ушаков и Нахимов. В русско-японскую войну 1904—1905 гг. награждений орденами Георгия 1-й и 2-й степени не было. Георгиевских орденов 3-й степени было выдано всего 645²⁸. За оборону Севастополя ими были отмечены контр-адмирал Истомин и военный инженер Тотлебен. В 1904 г. эту награду получил генерал Кондратенко, герой обороны Порт-Артура. В первую мировую войну генерал Брусиллов был награжден Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, и Георгиевскими орденами 3-й и 4-й степени²⁹. Все четыре степени Георгия имели только генерал-фельдмаршалы Кутузов, Барклай-де-Толли, Дибич и Паскевич.

В первую мировую войну, вплоть до 23 ноября 1916 г., солдатским Георгиевским крестом было награждено 1 366 тыс. чел., Георгиевской медалью — 1 505 тыс. человек³⁰. Ряд видных советских военачальников в пору своей молодости участвовал в той войне и за храбрость на полях сражений был награжден Георгиевскими крестами и медалями. Среди них — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, генерал армии И. В. Тюленев, герой гражданской войны Ян Фабрициус и другие. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков имел два Георгиевских креста за боевую доблесть³¹. Герой гражданской войны В. И. Чапаев был кавалером Георгиевского креста всех четырех степеней³². Маршал Советского Союза С. М. Буденный имел к тому же еще и все четыре степени Георгиевской медали³³. В русской армии это считалось самой высокой боевой солдатской наградой.

Сейчас знаки Георгиевского ордена относятся к области прошлого и являются музейными реликвиями. Но в свое время они украшали грудь многих храбрецов, мужественно сражавшихся и честно выполнявших свой воинский долг. Помня о том, что тогдашняя армия служила прежде всего монархии и что эти ордена порою доставались прямым слугам самодержавия, мы одновременно не забываем ни о личной доблести, ни о патриотизме военнослужащих, отличившихся на полях сражений и тем самым в какой-то степени (кто больше, а кто меньше) влиявших на ход конкретных исторических событий. Поэтому-то история и не обходит их молчанием.

Г. В. Защук

²⁶ Струков. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. III. СПб. 1902, стр. 19.

²⁷ Там же, стр. 81.

²⁸ В. Судравский. Указ. соч. «Военный сборник», 1909, №№ 4—12; 1910, № 1; «Русский инвалид», 26.XI.1916: «Георгиевские кавалеры».

²⁹ «Русский инвалид», 26.XI.1916: «К 147-й годовщине ордена св. великомученика и победоносца Георгия».

³⁰ «Русский инвалид», 26.XI.1916: «Георгиевские кавалеры».

³¹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М. 1969, стр. 40.

³² Н. Никитин, В. Лебедев. Чапаев на германском фронте. Л. 1941, стр. 3.

³³ С. М. Буденный. Пройденный путь. М. 1958, стр. 25 и фотографии.

АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ НЕУСЫХИН

22 октября 1969 г. на 72-м году жизни скоропостижно скончался старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, доктор исторических наук, профессор Александр Иосифович Неусыхин — крупный исследователь социально-экономической истории средневековой Европы, видный ученый, оказавший глубокое и плодотворное влияние на развитие советской средневековедения. За 45 лет неустанной научной деятельности он опубликовал более ста научных трудов. Его две большие монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» (М. 1956; расширенное немецкое издание — Berlin. 1961) и «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв.» (М. 1964) дали сильный толчок исследованиям в сфере истории народных масс в периоды зарождения и становления феодализма. Труды А. И. Неусыхина по-новому осветили истоки социальной истории средневековья. Им была разработана специальная методика изучения источников по кардинальным проблемам аграрной истории и истории права и разработан круг вопросов, подлежащих первоочередному изучению. Они легли в основу целой серии написанных его учениками и последователями работ по социально-экономической истории многих стран Европы. Общий итог соответствующих исследований Александра Иосифовича состоит во всесторонней разработке марксистской концепции превращения свободных общинников в феодально-зависимых крестьян, в показе эволюции форм общинной собственности раннефеодального периода и вытеснения их феодальной собственностью, в глубокой характеристике переходных типов социально-экономических отношений эпохи раннего средневековья и уяснении их роли в складывании феодального общества, в установлении основной линии развития класса крестьян VI—XII вв. в Германии и на сопредельных территориях. Фундаментальные труды А. И. Неусыхина получили широкое признание и высокую оценку в советской и прогрессивной зарубежной печати.

Крупный вклад внес А. И. Неусыхин серией статей 1939—1945 гг. в борьбу с реакционной буржуазной историографией, с фашистскими фальсификаторами исторического

процесса. В 1960—1967 гг. он опубликовал новую серию особых статей, посвященных изучению и обобщению последних данных о происхождении и формировании «Салической Правды». Они существенно продвинули вперед советское источниковедение и служат ныне незаменимым ориентиром в этой сложной области изучения раннего средневековья. До последних дней жизни Александр Иосифович трудился над подготовкой трехтомного коллективного издания «История крестьянства в Западной Европе» в качестве члена главной редакции, ответственного редактора I тома и автора ряда глав, отдавая этой работе много времени, внимания и сил.

Неоценимы заслуги А. И. Неусыхина как блестящего педагога, воспитателя не одного поколения советских медиевистов и многих специалистов в других отраслях исторической науки. Он создал свою школу исследователей в области истории раннего средневековья. Более трех десятилетий посвятил Александр Иосифович педагогической работе и подготовке научных кадров в Московском университете, Московском институте истории, философии и литературы, различных педагогических институтах, в университетах Свердловска и Томска, в Институте истории и Институте всеобщей истории Академии наук СССР. Он подготовил сотни преподавателей средней и высшей школы, научных сотрудников академических учреждений, десятки ученых — профессоров и доцентов университетов и институтов страны. Все, кто прошел строгие уроки научной и педагогической подготовки в семинарах и на лекциях профессора А. И. Неусыхина, в каких бы областях исторической науки, просвещения, партийной и советской работы они ни трудились ныне, с гордостью называют себя его учениками. Связь маститого ученого со своими учениками не обрывалась никогда. Где бы они ни были, они всегда чувствовали его доброту, живой интерес учителя к их работе, постоянную готовность прийти на помощь. Александр Иосифович от души радовался творческим успехам учеников и коллег и всем, чем мог, содействовал им. Он был не только блестящим профессором, посвящавшим молодежь в тонкости средневековой истории, но и истинным наставником, учившим науке быть человеком, причем достигал он этого прежде всего не словами, а чистотой и высотой своего морального облика, редкой скромностью и непритязательностью, глубоким уважением к человеческой личности, непоколебимой верой в высокое значение науки и культуры, самоотверженным и бескорыстным трудом.

До самых последних дней жизни, преодолевая все физические тяготы и недуги, А. И. Неусыхин оставался пытливым исследователем и неустанным тружеником. Он не мог уйти на покой, пока дышал. Его кончина — горькая и большая утрата для науки, для всех, кто его знал, кто испытал хоть раз обаяние его тонкого и глубокого ума, доброту его щедрого сердца. Благодарная и светлая память об Александре Иосифовиче Неусыхине — выдающемся ученом, человеке яркой одаренности и редкого душевного благородства, навсегда останется в памяти его коллег, друзей и учеников.

ШНЕЕР МЕНДЕЛЕВИЧ ЛЕВИН

27 июля 1969 г. скоропостижно скончался доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР Шнеер Менделевич ЛЕВИН.

Ш. М. Левин родился в 1897 г. в местечке Дагда (под г. Двинском) в семье служащего. В 1914 г. в Риге окончил реальное училище, в 1915 — 1917 гг. прослушал курс общеобразовательного факультета университета при Психоневрологическом институте. После Великой Октябрьской социалистической революции Ш. М. Левин поступил на историческое отделение Педагогического института (которому потом было присвоено имя А. И. Герцена) в Ленинграде и окончил его в 1923 году. С 1920 г. начал служить в историко-революционном архиве, затем работал заместителем редактора журнала «Былое» (1925 — 1926 гг.), редактором исторического отдела Энциклопедического словаря в Госиздате (1927 — 1930 гг.), являлся консультантом и автором (1929 — 1935 гг.) по составлению биобиблиографического словаря деятелей революционного движения в России. С 1934 г. и до конца жизни Шнеер Менделевич работал в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР.

Ш. М. Левин был широко образованным и многогранным ученым. Его перу принадлежит около 100 печатных работ. Первоначально интересы ученого сосредоточились на истории революционного движения в России в начале XX века. В дальнейшем в центр внимания Шнеера Менделевича становятся проблемы общественно-полемического движения и культуры в России во второй половине XIX века. В 1958 г. вышла его обобщающая крупная работа «Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века», ставшая заметным событием в развитии советской историографии. Ш. М. Левин был одним из авторов учебника Истории СССР для высшей школы, выдержавшего три издания (1940, 1949, 1954 гг.), принимал активное участие в создании коллективных трудов «История Москвы» (1954 г.), «Очерки истории Ленинграда» (1957 г.), «История русской литературы» (1956 г.), «Краткая история СССР», т. I (1963 г.), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. V, 1968 г.) и др.

Смерть застала Шнеера Менделевича за корректурой юбилейного сборника «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.». Он являлся главным редактором этого издания и автором двух его глав: «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль 60-х годов» и «В. И. Ленин и проблемы революционного народничества 70-х годов». Ш. М. Левин был полон творческих замыслов. В его письменном столе остались планы двух задуманных монографий: «Очерки истории общественной мысли в период второй революционной ситуации в России» и «Разночинский период освободительного движения в освещении дореволюционной и советской историографии». Горько сознавать, что эти планы ученого остались неосуществленными. Ш. М. Левин был неутомимым тружеником, требовательным к себе, скромным, деликатным, чутким и внимательным человеком, всегда готовым поделиться своими обширными знаниями, дать нужный совет.

Память о Шнеере Менделевиче навсегда сохранится среди всех, кто знал его. Об ученом будут напоминать его многочисленные труды, посвященные исследованию актуальных проблем второй половины XIX — начала XX века.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 1969 году

В Центральном Комитете КПСС . . . № 4
Новые рубежи советских историков . . . № 8

СТАТЬИ

История СССР

Акопов Р. Я.—Ликвидация аграрного перенаселения в СССР (1917—1932 гг.) № 3
Алексеев Г. М.—Движение изобретателей и рационализаторов в СССР № 9
Басов А. В.—Роль Советского Военно-Морского Флота в срыве военных планов фашистской Германии (1941—1945 гг.) . . . № 7
Блинов А. М.—Центробалт . . . № 11
Брюсова В. Г.—Спорные вопросы биографии Андрея Рублева . . . № 1
Волобуев П. В., Пушкарева И. М.—Об основных научных итогах подготовки шеститомного академического труда по отечественной истории . . . № 12
Гапоненко Л. С., Сахаров А. Н., Соболев Г. Л.—Великий Октябрь и его современные буржуазные критики № 1
Гафурова К. А.—В. И. Ленин и некоторые особенности строительства социализма на Советском Востоке № 8
Горбунов В. В.—Ленин и проблема преемственности в процессе формирования социалистической культуры № 8
Городецкий Е. Н.—Ленинская лаборатория исследования истории советского общества № 12
Гросул В. Я.—О конституционалистской политике России на Балканах № 8
Гуревичов М. М.—Государственно-монополистические тенденции в России № 2
Дейч Г. М.—Вопросы конспиративной техники «Искры» в письмах В. И. Ленина 1900—1903 годов № 9
Евзеров Р. Я.—Из истории создания книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» № 2
Жюгда Ю. И., академик АН Литовской ССР, Шаджус

Г. А.—Литовская эмигрантская историография об установлении Советской власти в Литве в 1918—1919 годах . . . № 2
Исаев М. И., Гобети О. Б.—Проблемы развития национальных языков в СССР в освещении буржуазных авторов . . . № 10
Иоффе А. Е.—Международные научные и культурные связи Советского Союза (1917—1932 гг.) № 4
Кахк Ю.—Нужна ли новая историческая наука? № 3
Ким М. П., член-корр. АН СССР—Развитие В. И. Лениным марксистского учения о классах и партиях № 11
Клеванский А. Х.—Борьба Советского правительства за нормализацию советско-чехословацких отношений (конец 1918—начало 1920 г.) . . . № 2
Коронен М. М.—В. И. Ленин и финские революционеры . . . № 10
Краснов И. М.—Неизвестные ленинские документы о советско-американских отношениях . . . № 7
Кузьмин А. Г.—«Слово о полку Игореве» о начале русской земли № 5
Кучкин В. А.—Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности № 5
Любишева В. А.—Воссоздание архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина № 4
Молева Н. М.—Цеховая организация художников в Москве XVII—XVIII вв. № 11
Мочалов В. Д.—В. И. Ленин и возникновение марксизма в России № 4
Нежинский Л. Н.—У истоков советско-венгерской дружбы . . . № 3
Нечкина М. В., академик—Юные годы В. О. Ключевского . . . № 9
Осадчая А. И.—Вопрос о мире на III Всероссийском съезде Советов № 4
Приходько Ю. А.—Этапы восстановления промышленности в районах СССР, освобожденных от немецко-фашистской оккупации № 5

- Пронштейн А. П.—Истолкование исторических источников № 10
- Седов М. Г.—П. Л. Лавров в революционном движении России № 3
- Сенявский С. Л.—Рабочий класс СССР в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму № 2
- Синицин А. М.—Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны № 6
- Соколов О. Д.—М. Н. Покровский — выдающийся организатор научно-исследовательской работы в СССР № 6
- Трухановский В. Г., член-корр. АН СССР—Важный этап ленинской внешней политики мира № 7
- Черепнин Л. В.—Русская Правда и новгородские берестяные грамоты № 2
- Черменский Е. Д.—IV Государственная дума и свержение самодержавия в России № 6
- Шапиро А. Л.—О природе феодальной собственности на землю № 12
- Шинкарев И. И.—Чехословацкие войска в СССР в годы Великой Отечественной войны № 12
- Щапов Я. Н.—Церковь и становление древнерусской государственности № 11
- Всеобщая история*
- Алексин Э.—Искусство пропаганды в древнем мире № 12
- Безыменский Л. А.—Уроки истории (К тридцатилетию начала второй мировой войны) № 9
- Болховитинов Н. Н.—Война США за независимость и современная американская историография № 12
- Владимиров Ю. В.—К вопросу о советско-китайских экономических отношениях в 1950—1966 годах № 6
- Вощенко К. П.—К истории вопроса о демократическом решении дунайской проблемы № 7
- Гутнова Е. В.—Основные этапы развития советской медиевистики № 1
- Домнич М. Я.—Христианские профсоюзы и установление фашистской диктатуры в Германии № 2
- Дудинский И. В.—Мировая социалистическая система — воплощение идей ленинизма № 5
- Иванов Г. М.—К вопросу о понятии «факт» в исторической науке № 2
- Иванова З. П.—Некоторые проблемы современной научно-технической революции в капиталистических странах № 11
- Иванов М. С.—Пути социально-экономического развития современного Ирана № 8
- Каменецкий Б. А.—Формирование абсолютистской идеологии в Англии XVI века и ее особенности № 8
- Ковалев Е. В.—Христианские демократы и проблема аграрной реформы в Чили № 6
- Кожевников Ф. И., Мазов В. А.—ООН и проблемы сохранения мира № 7
- Комаров Э. Н.—Ганди и русская революция № 10
- Костиков П. К.—Боевой авангард польского народа № 1
- Кузнецова С. И.—Африканский рабочий класс в освещении советской историографии № 1
- Курочкина О. И.—Борьба Коминтерна под руководством В. И. Ленина за массы, за сплочение и единство трудящихся № 4
- Латышев А. Г.—В. И. Ленин и рабочее движение Швейцарии в 1914—1917 годах № 6
- Левицкий Я. А.—Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма № 9
- Лопатюк С.—Государственный переворот в Польше 1926 года и иностранные государства № 2
- Манфред А. З.—О природе якобинской власти № 5
- Мерцалов А. Н.—Западногерманские консервативные историки и мемуаристы о второй мировой войне № 11
- Павлович Ежи—У истоков народной Польши № 7
- Селезнев К. Л.—Новые документы Союза коммунистов № 10
- Смирнова Н. Д.—Захват Албании фашистской Италией в 1939 году № 4
- Соболев А. И.—Коминтерн и актуальные проблемы коммунистического движения № 3
- Тихвинский С. Л.—Политика «самоусиления» правящих кругов Китая (1860—1895 гг.) № 4
- Файнберг Э. Я.—Установление русско-японских дипломатических и торговых отношений № 3
- Фомин В. Т.—Внутриполитическое положение фашистской Германии накануне нападения на СССР № 1
- Цветко А. С.—Культурные связи между СССР и КНР и «особый» курс маоцзедуновского руководства КПК № 5
- Чистозвонov А. Н.—Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса № 5
- Чубарьян А. О.—Итоги международного Совещания ком-

- мунистических и рабочих партий и задачи исторической науки № 9
- Шевеленко А. Я.—Природный фактор и европейское общество V—X веков № 10

Дискуссии и обсуждения

- Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В.—Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии № 1
- Кизиллов Ю. А.—Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму № 3
- Коранашвили Г. В.—О причинах неразвитости рабства на Древнем Востоке № 9
- Милов Л. В.—О некоторых вопросах первоначального накопления и генезиса капитализма в России № 7
- Рутенбург В. И.—Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое» № 11
- Соколова М. Н.—Существовали ли дофеодалный период в Западной Европе № 8

Научная публицистика

- Интервью с академиком Н. М. Дружининым № 6

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

- Алин В. В.—Русь на богатырских заставах № 1
- Каргалов В. В.—Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига №№ 2, 3, 4
- Новосельцев А. П.—Освободительная борьба народов Закавказья в XVI—XVII веках №№ 9, 10
- Пашуто В. Т.—Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV веках №№ 6, 7
- Назаров В. Д.—Зауральская эпопея XVI века № 12

ВОСПОМИНАНИЯ

- Артемьев И. Н.—Радиосвязь в советском партизанском движении в годы Великой Отечественной войны № 5
- Баранченко В. Е.—IV Всероссийский съезд профсоюзов и выступление на его комфракции В. И. Ленина № 4
- Ванин Б. Л.—Оборонная промышленность СССР накануне войны (Из записок наркома) № 1

- Зверев А. Г.—О некоторых сторонах истории советской финансовой системы № 2
- Кормилицин М. И.—Армии нужно горячее № 12
- Кузнецов Н. Г.—День Военно-Морского Флота в СССР № 6
- Максаков В. В.—Накануне и в дни первой русской революции № 10
- Трибуц В. Ф., адмирал—Краснознаменный Балтийский флот летом 1941 года №№ 2, 3
- Федосов П. М.—Записки двинца № 6

ПУБЛИКАЦИИ

- Есаков В. Д., Ким М. П., член-корр. АН СССР—О тексте письма Н. П. Горбунова В. И. Ленину от 28 ноября 1918 года № 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Борисовский Б. Е.—Тайная война во времена Алой и Белой роз и первых Тюдоров № 9
- Виноградов К. Б.—Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала № 11
- Клевцов В. Г.—Подвиг двух дружественных армий на Халхин-Голе № 9
- Клеянкин А. В.—«Разинские работники» на Волге № 4
- Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.—Страницы прекрасной жизни (К 100-летию со дня рождения Н. К. Крупской) № 1
- Максимов С. С.—Первая поездка В. И. Ленина за границу № 8
- Мартынов А. Ф.—Последние годы жизни Н. Г. Чернышевского № 10
- Овчинников Р. В.—«Немецкий» указ Е. И. Пугачева № 12
- Пожарская С. П.—«Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941—1943 гг.) № 8
- Покровский Н. Н.—Сибирская находка (Новое о Максиме Греке) № 11
- Полонская Л. Р., Шаститко П. М.—Аджой Гхош № 6
- Соболь-Смолянинова Т. А.—Подвиг посла № 5
- Троицкий С. М.—Самозванцы в России XVII—XVIII веков № 3
- Федоров А. Г.—На воздушных подступах к Москве № 11
- Хавин А. Ф.**—Один из организаторов «большой металлургии», И. Ф. Тевосян № 7

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- Ганковский Ю. В.—60-летие академика Б. Г. Гафурова № 4

Новое пополнение Отделения истории АН СССР № 2

Историки к ленинскому юбилею

- Дейч Г. М.—Г. Д. Обичкин, М. Я. Панкратова. Письма Владимира Ильича Ленина. (По страницам Полного собрания сочинений) № 8
- Ильин Г. В.—«Наш Ильич». Москвичи о Ленине. Воспоминания, письма, приветствия № 12
- Кузько В. А.—«Письма В. И. Ленину из-за рубежа» № 10
- Лагуткина А. В.—«В. И. Ленин и историческая наука». Сборник статей № 12
- Рейхберг Г. Е.—«В. И. Ленин и борьба за власть Советов на Дальнем Востоке» № 10
- Савицкая Р. М.—А. Т. Тихун. В. И. Ленин — руководитель Совета Труда и Оборона в 1920 году. Деятельность ЦО по организации разгрома иностранных интервентов и внутренней контрреволюции на завершающем этапе гражданской войны № 9
- Черноморский М. Н.—«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Том I. Воспоминания родных № 7
- Черняк Е. Б.—Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия (1914—1917) № 4
- Научные сессии № 8

Обзоры

- Альтман В. В.—Издание трудов советских историков за рубежом № 3
- Батаева Т. В.—Историографические работы о советском рабочем классе № 4
- Болховитинов Н. Н., Дунаевский В. А.—«Историография нового времени стран Европы и Америки» № 7
- Букшпан П. Я.—Из истории труда в России (По страницам журнала начала 20-х годов) № 6
- Зайцев В. Я., Макаренко А. А., Тарбинская И. Я.—«Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» № 7
- Зильберман А. О.—Новые библиографические указатели по истории № 1
- Кадсон И. З.—Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков № 3
- Корсунский А. Р., Заборов М. А.—История Византии в марксистском освещении № 8
- Кузищин В. И.—Журнал «Вестник древней истории» № 11

- Лашук Л. П.—Журнал «Советская этнография» в 1967—1968 годах № 4
- Маринов В. А.—Русско-японская война 1904—1905 гг. в исторической литературе США и Англии № 5
- Найда С. Ф., Фрейлихер Д. Я.—Проблема роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР в советской историографии № 12
- Некрасова И. М.—Проблемы электрификации СССР в советской исторической науке № 8
- Никифоров В. Н.—Изучение истории Китая в СССР № 6
- Орлов А. С., Соколов А. А.—Межвузовская конференция по проблемам методологии и историографии № 5
- Орлов А. С.—Обсуждение книги Д. П. Маковского «Первая крестьянская война в России» № 9
- Перминова А. И.—Новейшая советская историография о Народном фронте во Франции № 3
- Пушкарев Л. Н.—Новое в украинском источниковедении № 5
- Спирин Л. М., Совокин А. М.—Капитальный труд по истории Великого Октября № 11
- Фимин Д. Н.—Освещение вопросов партийно-государственного контроля в литературе 1923—1966 годов № 10
- Хесин С. С.—Советская историография участия моряков в Октябрьской революции № 2
- Цыпкина Р. Г.—Литература и источники по истории крестьянской Красной гвардии № 2

Рецензии

- Абдуллаев Ш. Ш.—А. И. Зевелев. Историография Советского Туркестана. (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане) № 3
- Адо А. В.—М. И. Михайлов. История Союза коммунистов № 8
- Адрианова-Перетц В. П., член-корр. АН СССР—М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков № 4
- Алексеева Г. Д.—Ценное библиографическое издание № 12
- Алпатов М. А.—«Грановский Тимофей Николаевич. Библиография (1828—1967)» № 11
- Альтговзен М. Л.—Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939—1945 № 8
- Барг М. А.—С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века № 1

Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е.—«Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период»	№ 9	Ким С. Р.—Ю. М. Кобишанов. Аксум	№ 1
Бейлина Е. Э.—В. Е. Полетаев. Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма. 1945—1958 гг.	№ 3	Киселев В. И.—«Новейшая история арабских стран (1917—1966)»	№ 7
Борисов А. Ю.—Анатолий Громыко. 1036 дней президента Кеннеди	№ 6	Кожин П. М.—«Разложение родового строя и формирование классового общества»	№ 5
Боровой С. Я.—А. П. Погребинский. Государственные финансы царской России в эпоху империализма	№ 10	Ковальченко И. Д., Крикунов В. П.—«Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.»	№ 7
Барфоломеева Р. С.—А. З. Манфред. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей	№ 1	Ковальчук Н. А., Окунева Р. А.—Спутник архивиста	№ 4
Ветров М. С.—А. С. Кан. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны	№ 2	Колычева Е. И.—В. М. Панеях. Кабальное холопство на Руси в XVI в.	№ 8
Гармиза В. В.—Л. Г. Захарова. Земская контрреформа в 1890 г.	№ 9	Копычев Н. И.—«Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка». Т. I (1917—1945); т. II (1945—1966)	№ 10
Голиков Ф. И., Маршал Советского Союза—Новое исследование о Сталинградской битве	№ 5	Кремер И. С.—М. С. Восленский. «Восточная» политика ФРГ (1949—1966)	№ 3
Горовой Ф. С.—И. И. Минц. История Великого Октября. Т. I. Свержение самодержавия	№ 6	Кукин Д. М., член-корр. АН СССР—Актуальные проблемы	№ 2
Гольденберг Л. А.—А. Н. Копылов. Культура русского населения в Сибири в XVII—XVIII вв.	№ 5	Лебедев Е. А.—Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX—начало XX в.)	№ 6
Джунусов М. С., Сужиков М. М.—М. А. Биндер. Государственно-правовые проблемы взаимопомощи советских народов	№ 7	Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Фроянов И. Я.—В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси	№ 12
Дробижев В. З.—А. С. Московский. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма	№ 8	Литаврин Г. Г.—К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.)	№ 7
Дубинский А. М., Кадымов Г. Г.—Г. Ф. Ким, Ф. И. Шабина. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока	№ 10	Лопухов Б. Р.—К. Э. Кирова. Русская революция и Италия; К. В. Кобылянский. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917—1921)	№ 7
Дьяков В. А.—Н. Н. Новикова. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его Комитет в революционной борьбе 1861 года	№ 6	Месхиа Ш. А., член-корр. АН Груз. ССР, Н. Асатиани, В. Копалиани, З. Хоштария—Некоторые замечания ко второму тому «Истории Византии»	№ 9
Зайкин А. Н.—Н. Ф. Мочульский. Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны (1934—1939 гг.)	№ 5	Мусин Х. М., Усенбаев К.—Новый обобщающий труд по истории узбекского народа	№ 4
Застенкер Н. Е.—«Россия и Италия». Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений	№ 10	Ознобишин Д. В.—Г. Л. Никольников. Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва)	№ 8
Зелкин И. И., Куманев Г. А.—Г. А. Докучаев. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне	№ 10	Осипова В. Н.—А. И. Черепанов. В боях рожденная	№ 7
Иванов Р. Ф.—Н. Н. Софинский. Бонн и Вашингтон	№ 9	Протопопов А. С.—Г. И. Морозов. Международные организации. Некоторые вопросы теории	№ 11
Иллерицкий В. Е.—М. П. Ким. История и коммунизм	№ 9	Рейхберг Г. Е.—Г. Я. Тарле. Друзья Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920—1925 годы	№ 6
		Руденко Б. Т.—А. Ф. Шульговский. Мексика на крутом повороте своей истории. (Освободи-	

Рецензии

- тельная и антимпериалистическая борьба мексиканского народа в 30-е годы и проблема выбора Мексикой пути социального развития) № 3
- Рустамов С.—Н. Е. Овчаренко. В борьбе за революционный марксизм. Проблемы теории, тактики и организации германской социал-демократии в конце XIX века № 11
- Сахаров А. М.—Детская энциклопедия. Т. 8. Из истории человеческого общества № 1
- Сивачев Н. В.—Д. Г. Наджафов. Народ США—против войны и фашизма. 1933—1939 № 12
- Тадевосян Э. В.—История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1936 гг. № 11
- Филатов Г. С.—Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии (1919—1929 гг.) № 11
- Фомин В. Т.—«Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы № 4
- Фролов Б. А.—А. П. Окладников. Утро искусства № 6
- Хайцман В. М.—А. Н. Красильников. Внешняя политика Англии и лейбористская партия (1951—1964) № 4
- Шерстобитов В. П.—Ж. Татыбекова. Женщины Советского Киргизстана в борьбе за социализм и коммунизм. Исторический опыт раскрепощения женщин Востока в процессе строительства социализма и коммунизма № 8
- Новые книги №№ 1—12
- Статьи в советских периодических изданиях №№ 1—12
- Хроникальные заметки №№ 1—12

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

- Валев Л. Б., Гришина Р. П., Никитин С. А.—Обзор журнала «Исторически преглед» № 3
- Додолев М. А.—Проблема генезиса фашизма в итальянской историографии № 12
- Каждан А. П.—Новый французский византиноведческий ежегодник № 10
- Керов В. Л.—Католицизм на рубеже XIII—XIV вв. и буржуазная историография № 6
- Коломийцев В. Ф.—Буржуазные авторы о внешней политике современной Франции № 1
- Петросян Ю. А.—Изучение истории в современной Турции № 7
- Харьков Л. Н.—Международная конференция по кушановедению № 5

- Алексеев В. А.—П. Кварони. Проблемы политики нашего времени № 5
- Белокреницкий В. Я.—Г. Ф. Папанек. Развитие Пакистана. Социальные цели и частная инициатива № 10
- Володарский М. И.—М. Эдвардс. Запад в Азии. 1850—1914 № 8
- Восленский М. С.—Д. Н. Притт. Нераскаявшиеся агрессоры. Анализ западногерманской политики № 11
- Иванов А. Б.—Э. Шик. История Черной Африки. Тт. 1—2 № 4
- Козьменко И. В.—Д. Маккензи. Сербь и русский панславизм. 1875—1878 № 1
- Лавинов В. В.—«Французская коммунистическая партия в движении Сопротивления» № 4
- Лавровский В. М.—«Аграрная история Англии и Уэлса». Т. IV (1500—1640) № 3
- Пигулевская Н. В., член-корр. АН СССР—М. Роденсон. Ислам и капитализм № 6
- Пушкаш А. И.—Дюла Каллаи. Движение за независимость Венгрии. 1936—1945 гг. № 10
- Смирнова В. А.—Урсула Герман. Борьба Карла Маркса в I Интернационале за революционную политику в профсоюзном движении. 1864—1868 гг. № 12
- Соловьев О. Ф.—Р. Уллман. Англия и гражданская война в России. Англо-советские отношения. 1917—1921 № 9
- Сороко-Цюпа О. С.—М. Робин. Радикальные и политические движения и канадский труд. 1880—1930 № 12
- Томашевский Д. Г.—З. Залуский. Сорок четвертый № 7
- Устинов В. И.—Р. Эмерсон. Африка и политика Соединенных Штатов № 8
- Ушаков В. Б.—«Очерк истории внешней политики Германской Демократической Республики» № 12
- Яжборовская И. С.—«Октябрьская революция и Польша» № 7

По страницам зарубежных журналов

Заметки о статьях

- Басовская Н. И.—Англо-французские противоречия XIII—XIV вв. и Гасконь № 8
- Бенедиктов К.—Неизвестный памфлет Джерарда Уинстенли № 8
- Борозняк А. И.—Кто виновен в расколе Германии? № 8
- Против фальсификации истории рабочего движения в западных оккупационных зонах Германии № 11

Волков В. К.—Мюнхенское соглашение и боннские реваншисты	№ 2
Гельцер М. Л.—Древневосточные политические концепции в освещении итальянского ученого	№ 5
Дридзо А. Д.—Из истории симарронского движения на Кубе	№ 2
Ельницкий Л. А.—Был ли в древности известен Гольфстрим?	№ 2
Народное движение в Сиракузах в 356 г. до н. э. и идея социального равенства	№ 11
Заборов М. А.—О достоверности мемуаров Жоффруа Виллардуэна	№ 2
Иоффе Г. З.—Английские буржуазные историки о деятельности большевиков в 1914—марте 1917 гг.	№ 11
Исламов Т.—О политической деятельности Э. Сабо в годы первой мировой войны	№ 8
Кантор Р. Е.—Буржуазная фальсификация вопроса о предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции	№ 5
Козенко Б. Д.—Американские социалисты и профсоюзы	№ 5
Колпаков А. Д.—О социальной роли религии	№ 11
Косарев Б. М.—Рабство, негры и их борьба	№ 2
Лаптева Л. П.—Документы о Петре I и его эпохе в чехословацких архивах	№ 8
Львова Э. С.—Религия и общество	№ 5
Немировский Е. Л.—Неизвестное издание «Азбуки» Ивана Федорова	№ 5
Павленко Г. В.—150-летие со дня рождения К. Маркса и буржуазная печать ФРГ	№ 8
Панкевич Ф. И.—Буржуазная фальсификация исторического значения Октябрьской революции	№ 8
Новые документы о дипломатической миссии графа Мирбаха в Москве (март—июнь 1918 г.)	№ 11
Романов И. З.—Рабство: стимул или помеха?	№ 5
Рустамов С.—Германское рабочее движение и образование империи	№ 8
Сироткин В. Г.—Новые документы о разрыве М. А. Бакунина с С. Г. Нечаевым	№ 2
Филитов А. М.—Фальсификация значения Рапалльского договора	№ 5
Фрейденберг М. М.—Землевладение и торговля в раннем Дубровнике	№ 5
Хорошкевич А. Л.—Новый источник по внешней политике Бориса Годунова	№ 11

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	№№ 1—12
Рецензии на советские издания	№№ 1—12
Коротко о книгах	№№ 1, 9, 10
Хроникальные заметки	№№ 2—8, 11, 12

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Бадяева Т. А., Ильин М. А.—Спорные положения новой статьи об Андрее Рублеве	№ 12
Белобородько В. Л.—Архив русской церкви на Аляске в библиотеке конгресса США	№ 8
Недосекин В. И.—Полковник Булавинского войска Иван Лоскут	№ 8
Сафаралиев И. Т.—Еще раз о первом коллективном договоре в России	№ 7
Ткаченко П. С.—О некоторых программно-тактических вопросах революционного народничества 70-х годов	№ 1

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Абрамович Г. В.—Крепостной поэт Иван Сибиряков	№ 8
Авдошин И. С., Бирюков Ф. Г.—Малиновский погром	№ 3
Базиянц А. П.—Из истории Алмазного фонда	№ 7
Балязин В. Н.—Камчатский ссыльный — король Мадагаскара	№ 4
Белянчиков Н. Н.—Страничка прошлого Москвы (Из истории Пушкинской улицы)	№ 4
Борисов А. Б.—Посещение В. И. Лениным Каменного острова	№ 9
Гневущева Е. И.—В. П. Малыгин — «возмутитель спокойствия» в Нидерландской Индии	№ 11
Гроссман А. С.—Граница мира	№ 10
Дякин В. С.—Крах контрреволюционного похода генерала Иванова	№ 3
Ейне А.—Александрия Великая	№ 10
Зашук Г. В.—Из истории одного ордена	№ 12
Каждан А. П.—Византийская семья	№ 5
Канн П. Я.—Иван Газа — сын Нарвской заставы	№ 7
Клименко Р. А., Шестакова Л. Л.—Кабинет В. И. Ленина в Кремле	№ 8
Козлов О. Ф.—Дело царевича Алексея	№ 9
Кошелев Л. В.—Капитан Жак Картье	№ 2
Либан Н. Н.—Древняя Греция и Тезей	№ 2
Ляхов П. А.—К 100-летию книги Берви-Флеровского	№ 12
Михалутина Д. К.—Н. К. Крупская — секретарь ленин-	

ских газет «Вперед» и «Пролетарий»	№ 6
Нечасов Г. А.—Советские люди сражались в Дордони	№ 10
Парфенов В. Е.—Боец-интернационалист Г. Пелликан	№ 6
Перельман М. Б.—Михаил Вилонов	№ 12
Рабкина Н. А.—Дочь К. Ф. Рылеева	№ 7
Ревякина Н. В.—«Константинов дар»	№ 9
Розов Н. Н.—Кто, что и как писал в Древней Руси	№ 2
Романов Н. С.—Гуманный подвиг русских моряков	№ 1
Саулевиц Э. К.—История одного судебного процесса	№ 2
Сергеев В. И.—Город мастеров «огненного дела»	№ 8
Скворцов В. Д.—Письмо из Женева	№ 5
Спиридонов П. И.—Русский рабочий и революционер Егор Климанов	№ 8
Федосюк Ю. А.—Из истории Москвы XIX века	№ 5
Ясман З. Д.—Крепостные таланты и сельскохозяйственные машины	№ 4
Характерная страница истории российской экономики XIX века	№ 11

Загадки истории

Кобрин В. Б.—Легенда и быль о новгородце Петре Волынском	№ 3
Назаров В. Д.—Тайна челобитной Ивана Воротынского	№ 1
Натансон Э. А.—Было ли подменено тело Наполеона?	№ 8
Гуляев В. И.—Гибель городов мая	№ 5
Формозов А. А.—«Волшебные фигурки» первобытного человека	№ 4

У исторической карты народов мира

Владыкин В. Е.—Цыгане	№ 1
Удмурты	№ 11
Лашук Л. П.—Чудь историческая и чудь легендарная	№ 10

Некрологи

Гуковский Алексей Исаевич	№ 7
Зильберфарб Иогансон Исаакович	№ 1
Карлинер Михаил Моисеевич	№ 10
Кулаков Всеволод Михайлович	№ 10
Левин Шнеер Менделевич	№ 12
Неусыхин Александр Иосифович	№ 12

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

E. N. GORODETSKY. Lenin's Laboratory of Research into the History of Soviet Society

V. I. Lenin, the founder of the Soviet state, was at the same time the first historian of the new society created by the socialist revolution in Russia. Lenin wrote many generalizing works. He was the first scholar in the history of science to base his research upon sources reflecting the movement of the revolutionary masses, their struggle and creative endeavour. Analyzing the totality of facts relating to the processes of the rise and development of Soviet society, V. I. Lenin emphasized the principal, decisive fact corresponding to the central link in the structure of a given phenomenon or event. Attaching vast importance to statistical materials, to diverse mass sources of the revolutionary era, V. I. Lenin exerted immense influence on the process of their formation, on the organization of state statistics founded on scientific principles, on statistical records and accounts submitted by the central and local state bodies, on the comparative analysis and generalization of these materials. Lenin resorted to the method of conducting public opinion polls and sociological surveys, of studying the character and composition of the country's political, economic and military apparatus. The method of compiling charts and diagrams was used by Lenin as an instrument for cognition and graphic reflection of the past and the present. Much space in the Leninist methods of historical research is devoted to the elaboration of an exact artistic image as a form expressing complex scientific concepts and processes. A close study of Lenin's laboratory, of his systematization methods, the techniques of arranging materials enable one to gain a deeper understanding of Lenin's principles of class analysis and their concrete connection with the general methodology of research in the history of Soviet society.

P. V. VOLOBUYEV AND I. M. PUSHKAREVA. The Basic Scientific Results of Compiling a Six-Volume Academic Edition of Russian and Soviet History

The article sums up some of the general scientific and organizational results of work involved in the publication of the first series of a twelve-volume edition of the «History of the U.S.S.R. from Ancient Times to Our Days» (the first series covers a period from the primitive-communal system to the Russian bourgeois-democratic revolution of February 1917). Defining the place and significance of the six-volume edition in historiography, the authors of the article dwell on a number of still unsolved problems pertaining to Russia's social, economic and political history and cultural development.

The authors believe that the work of compiling the six-volume edition has brought together researchers specializing in the history of Russia and the Soviet Union, who demonstrated their growing creative possibilities. Their joint effort produced a clear picture of the long and tortuous path traversed by Soviet historians, and improved the general conception of the historical process of the peoples of the U.S.S.R.

I. I. SHINKAREV. The Formation of Czechoslovak Units in the U.S.S.R. in the Years of the Great Patriotic War

The article shows how in the most adverse conditions obtaining in the initial period of the Great Patriotic War, when the Soviet Union temporarily experienced an acute shortage of the latest weapons of war and material resources, there began the formation of Czechoslovak military units on the territory of the U.S.S.R. The author traces the main stages of their formation from the Separate Infantry Battalion to the Army Corps and highlights the participation of these troops in military operations on the Soviet-German Front against the Nazi invader. Citing concrete examples, the author discloses the work carried out by the Moscow Bureau of the Czechoslovak Communist Party's Central Committee (Klement Gottwald, J. Sverma, Antonin Zapotocky and others) in the newly-formed contingents, aimed at introducing democratic principles, overcoming the bourgeois world outlook and giving them adequate moral and ideological training for conducting active

military operations jointly with the Red Army. Much space is devoted in the article to examining the policies of the Czechoslovak government-in-exile in London, which envisaged the possibility of using the Czechoslovak units formed in the Soviet Union, after expelling the nazis from Czechoslovak territory, in the interests of maintaining capitalist and landlord rule in the country. The author cites new archive materials illustrating the fraternal and disinterested all-round assistance rendered by the Soviet Union in establishing Czechoslovak military units which subsequently formed the core of the Czechoslovak People's Army.

A. L. SHAPIRO. *The Nature of Feudal Landownership*

The author of the article substantiates his thesis that the first general indication of any system of feudal landownership—irrespective of whether the reference is to the early, developed or late period of feudalism, to a landed estate or patrimony, regardless of the owner's social-estate status, regardless of whether the owner appears in the shape of an individual feudal lord, a feudal corporation or a feudal state—is that this ownership guarantees the landlord adequate revenue in the form of labour, natural or money rent. The tenant's possession of a plot of land or the whole land from which its owner receives feudal rent should be regarded as another indication of feudal landownership. Feudal relations of production cannot exist unless the property of the recipient of rent is combined with the peasant's holding.

Typical of the period of feudal disunity was the hierarchic form of landownership. It was dictated by the need to protect the property and other rights of the feudal lords, and to force the peasants to perform feudal services. But the relations taking shape in the process of production between the class of producers and the class of exploiters were not determined by the hierarchic form of ownership. Apart from this, even in the period of feudal disunity the hierarchic form did not extend to the entire system of landownership. When the economic prerequisites began to emerge for the formation of a regular army of the feudal state, the hierarchic system of landownership gradually ceased to exist. In the author's opinion, a characteristic of the general obligatory and particular non-obligatory indications of feudal ownership of the land must be taken into account when examining a number of concrete questions relating to the history of feudal relationships in Russia and other countries.

N. N. BOLKHOVITINOV. *America's War of Independence and Contemporary U. S. Historiography*

The article examines the fundamental problems of the American 18th-century revolution with due account to the struggle between a number of new trends in U.S. historiography. Particular attention is devoted by the author to Lenin's appraisal of the War of Independence not only as a movement for national liberation but also as a social revolution. The article examines the chief social results of the War of Independence, primarily the solution of the agrarian problem (nationalization of western lands, elimination of the remnants of feudalism in agriculture, etc.). The author subjects to a critical analysis a number of works by the "new conservatives" (R. Brown, G. Burstin, L. Hartz, C. Rossiter and others), the theory of "harmonious interests" and "continuity" and several works produced by representatives of the New Left (S. Lind, D. Lemish). The article cites the assessments of the War of Independence by prominent Marxist historians in the United States (W. Z. Foster, Herbert Aptheker) and stresses the need for Soviet scholars to continue and extend their research in America's 18th-century revolution.

E. ALEXIN. *The Art of Propaganda in the Ancient World*

The methods and techniques of ideologico-psychological indoctrination of the whole of society in the interests of an individual group of people acquired a permanent character with the formation of the class society and the emergence of the state. Extensive use was made of monumental art, external attributes of the monarch's powers, religion, physical extermination of non-conformists, glorification of military victories, dissemination of intentional rumours, patriotic poetry, historical works, speeches by famous orators, philosophical treatises, theatrical performances, mass festivals and public entertainments, state laws and school instruction to achieve this purpose. The author traces the gradual extension in the scope of propaganda and the specific forms it assumed with the progressive advancement of human civilization. He examines the concrete methods of propaganda in ancient times in the countries of the Near and Middle East, India, China, Greece and Rome and puts forward certain propositions based on numerous examples from the activity of Egyptian pharaohs, Babylonian, Assyrian and Persian kings, Chinese emperors, as well as outstanding historical personalities like Cautilla, Tung Chung-shu, Sun Tzu, Homer, Aristophanes, Herodotus, Plato, Aristotle, Demosthenes, Pericles, Themistocles, Pisistratus, Alexander the Great, Diogenes, Hannibal, Cato the Elder, Scipio Africanus Minor, Caesar, Cicero, Gaius Sallustius Crispus, Augustus, and many others.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" № 12, 1969

Articles: E. N. Gorodetsky. Lenin's Laboratory of Research into the History of Soviet Society; P. V. Volobuyev and I. M. Pushkareva. The Basic Scientific Results of Compiling a Six-Volume Academic Edition of Russian and Soviet History; I. I. Shinkarev. The Formation of Czechoslovak Units in the U.S.S.R. in the Years of the Great Patriotic War; A. L. Shapiro. The Nature of Feudal Landownership; N. N. Bolkhovitinov. America's War of Independence and Contemporary U. S. Historiography; E. Alexin. The Art of Propaganda in the Ancient World. **Reminiscences:** M. I. Kormilitsyn. The Army Needs Fuel. **Historical Essays:** V. D. Nazarov. The Trans-Urals 16th-Century Epopee; R. V. Ovchinnikov. Emelyan Pugachov's "German Ukase." **Historical Science in the U. S. S. R. and Abroad. Surveys:** S. F. Naïda and D. J. Freilicher. The Rising Cultural and Technical Level of the Soviet Working Class as Reflected in Soviet Historiography; M. A. Dodolev. The Genesis of Fascism as Reflected in Italian Historiography. **Book Reviews:** "V. I. Lenin and Historical Science"; V. T. Pashuto. The Foreign Policy of Ancient Rus; D. G. Nadjafov. The American People vs. War and Fascism, 1933—1939; M. Robin. Radical Political Movements and Labour in Canada, 1880—1930; Ursula Herman. Marx's Struggle in the First International for a Revolutionary Policy in the Trade Union Movement, 1864—1868, etc. **Facts, Events, People.** Articles in Soviet and foreign historical journals, new books. Alphabetical index of materials published in the journal in 1969.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », 1969, № 12

Articles: E. N. Gorodetsky. Méthode léniniste de recherches de l'histoire de la société soviétique; P. V. Volobouev, I. M. Pouchkareva. Les bilans scientifiques essentiels de la préparation de l'ouvrage académique de l'histoire nationale en 6 volumes; I. I. Chinkarev. Troupes tchécoslovaques en U.R.S.S. pendant les années de la Grande Guerre Nationale; A. L. Chapiro. Sur le caractère de la propriété féodale foncière; N. N. Bolkhovitinov. La Guerre des U.S.A. pour l'indépendance et l'historiographie bourgeoise d'aujourd'hui; E. Alexine. L'art de propagande dans le monde ancien. **Mémoires:** M. I. Kormilitsine. L'armée a besoin de combustible; **Etudes d'histoire:** V. D. Nazarov. Epopée transouralienne du XVIe siècle; R. V. Ovtchinnikov. « Oukase allemand » d'Emélian Pougatchev. **Science historique en U. R. S. S. et à l'étranger. Revues:** S. F. Naïda, D. J. Freilikher. Questions de l'élévation du niveau technique et culturel de la classe ouvrière de l'U.R.S.S. dans l'historiographie soviétique; M. A. Dodolev. Problème de la genèse du fascisme vu par l'historiographie italienne. **Comptes rendus:** « V. I. Lénine et la science historique »; V. T. Pachouto. La politique extérieure de la Russie Ancienne; D. G. Nadjaffov. Le peuple des U.S.A. dans la lutte contre la guerre et le fascisme en 1933—1939; M. Robin. Les mouvements politiques radicaux et le travail canadien. 1880—1930 (Ontario). Ursula Herrmann. La lutte de Karl Marx dans la 1e Internationale pour une politique révolutionnaire au sein du mouvement syndical. 1864—1868. **Faits, événements, hommes.** Sommaire des revues historiques soviétiques et étrangères. **Nouveaux livres.**

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia», № 12. 1969.

Artículos: E. N. Gorodetskiy. Laboratorio leninista de la investigación de la historia de la sociedad soviética; P. V. Volobuev, I. M. Pushkareva. Sobre los resultados científicos de la preparación de la obra académica de seis tomos, dedicada a la historia de la URSS; I. I. Shinkarev. Tropas checoslovacas en la URSS en los años de la Gran Guerra Patria; A. L. Shapiro. Sobre la naturaleza de la propiedad feudal de la tierra; N. N. Boljovitinov. Guerra de los EE.UU. por la independencia y la moderna historiografía burguesa; E. Aleksin. Arte de propaganda en el mundo antiguo. **Memorias:** M. I. Kormilitsin. El ejército necesita combustibles. **Ensayos históricos.** V. D. Nazarov. Epopeya de Transurales del siglo XVI; R. V. Ovchinnikov. «Decreto alemán» de E. I. Pugachev. **La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero.** **Revistas:** S. F. Naida, D. Y. Freilijer. Problema del crecimiento del nivel cultural-técnico de la clase obrera de la URSS visto por la historiografía soviética; M. A. Dodolev. Problema de la génesis del fascismo en la historiografía italiana. **Reseñas de libros:** «V. I. Lenin y la ciencia histórica»; V. T. Pashuto. Política exterior de la antigua Rusia; D. G. Nadzhafov. El pueblo de los EE.UU. contra la guerra y el fascismo. 1933—1939; M. Robin. Movimientos políticos radicales y el trabajo canadiense. 1880—1930; Ursula Herman. Lucha de Carlos Marx en el seno de la I Internacional por la política revolucionaria en el movimiento sindical. 1864—1868, y otros. **Hechos, acontecimientos, personalidades.** Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras, nuevos libros. Índice de los materiales, publicados en la revista en el año 1969.

Редакционная коллегия: ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. (главный редактор), АХРАМОВИЧ Р. Т., ГАПОНЕНКО Л. С., ГОЛИКОВ Г. Н., ДУДИНСКИЙ И. В., ЖУКОВ Е. М., КИМ М. П., КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., СКАЗКИН С. Д., ФЕДОСОВ И. А., ХРЕНОВ И. А., ЧЕРНЯЕВ А. С., ЮДАЧЕВ С. А.

Адрес редакции: Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. 228-96-21.

Технический редактор З. Семенова.

А 00241.

Подписано к печати 3/XII 1969 г.

Формат бумаги 70×108^{1/16}.

Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 25 000 экз. Изд. № 2523. Заказ № 2991.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.